

III

**СИРОТЕНКОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

III
СИРОТЕНКОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Армавир
АГПУ
2015

УДК-94(4)“375/1492”
ББК-63.3(0)4
Т 66

Печатается в соответствии с приказом № 19
от 09 февраля 2015 г. «Об итогах конкурса
научных проектов фонда «Наука»

Редакционная коллегия:

С.Л. Дударев – доктор исторических наук, профессор
(ответственный редактор),

Д.А. Волошин – кандидат исторических наук, доцент
(зам. ответственного редактора),

С.В. Назаров – кандидат исторических наук, доцент (член редколлегии),

С.Н. Ктиторov – кандидат исторических наук, доцент (член редколлегии).

Т 66 **III Сиротенковские чтения:** материалы Международной научной
конференции. – Армавир: РИО АГПУ, 2015. – 248 с.

ISBN 978-5-89971-458-0

В сборнике материалов Международной научной конференции «Третьи Сиротенковские чтения», посвящённой памяти выдающегося отечественного историка, профессора В.Т. Сиротенко, помещены статьи преподавателей, аспирантов, магистрантов из ряда российских (гг. Армавир, Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодар, Феодосия, Ставрополь, Пятигорск, Георгиевск, Махачкала, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Белгород, Ярославль, Саратов, Архангельск, Нижневартовск) и зарубежных вузов (Франция, Армения, Белоруссия, Украина), отражающие тематику всеобщей, отечественной и региональной истории, т.е. тех научных дисциплин, которые входили в сферу научных и преподавательских интересов учёного. В них освещаются актуальные проблемы исторического исследования в широком территориальном и хронологическом диапазоне.

Сборник адресован научным работникам, преподавателям вузов, учителям, студентам и всем, кто интересуется всеобщей и отечественной историей.

Печатается в авторской редакции

УДК-94(4)“375/1492”
ББК-63.3(0)4

ISBN 978-5-89971-458-0

© Авторы статей, 2015

© Оформление. ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Страницы замечательной жизни (<i>вместо предисловия</i>).....	6
---	---

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

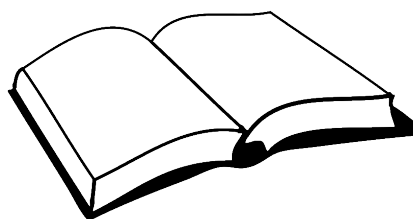
<i>Казаров С.С.</i> Святилище Асклепия в Буфроте.....	12
<i>Беликов А.П.</i> Сарказм Ганнибала.....	15
<i>Чередниченко А.Г.</i> Античная традиция о древнейшем Борисфене – Дарданеллах.....	19
<i>Сморчков А.М.</i> Объявление войны (<i>indictio belli</i>) в Римской республике: от жрецов к магистратам.....	25
<i>Абушаев И.И.</i> Архитектура периода принципата Августа в римской государственной пропаганде.....	29
<i>Парфенов В.Н.</i> Трагедия династии Флавиев: «дело» Флавия Клементы.....	32
<i>Телепень С.В.</i> К вопросу о полководческом статусе римского императора.....	39
<i>Абушаева О.В.</i> Кесария Палестинская в становлении культа императора.....	44
<i>Арутюнян А.Ж.</i> События 260 г. в комментариях Требеллия Поллиона (Иран, Рим, Армения).....	47
<i>Болгова А.М.</i> Школа Либания по его письмам.....	51
<i>Энзельдт О.С.</i> Термины, обозначающие струнные музыкальные инструменты, в произведениях древнегреческих поэтов и трагиков.....	56
<i>Pilet Christian.</i> Migrations de la integrations.....	58
<i>Болгов Н.Н.</i> Самаритяне в ранневизантийский период.....	61
<i>Лопатина М.Ю.</i> Проблемы историографии ранневизантийской Палестины.....	66
<i>Волошин Д.А.</i> Теория революции рабов как научный эрзац и порождение политического антиинтеллектуализма.....	67
<i>Гуроклян С.Ю.</i> О концепции этногенеза армянского народа И.М. Дьяконова.....	74
<i>Синица М.М.</i> Иоанн Лид: источниковедческие проблемы.....	81
<i>Денисова И.В.</i> Языковая и культурная ассимиляция славян в Греции и Малой Азии в VI-X вв.	83
<i>Дударев С.Л., Семенова Е.В.</i> Куда исчез халиф?.....	88
<i>Загреба А.А.</i> Гуго де Вермандуа – крестоносец.....	93
<i>Краснова И.А.</i> Флоренция – город башен: к вопросу об урбанизации знатных фамилий.....	97
<i>Тимченко В.В.</i> Военные функции подеста в городах Северной и Средней Италии XIII-XIV вв.	103
<i>Агеева П.В.</i> Заговор Пацци против дома Медичи.....	110

Грицких И.В. Транзитная торговля и предтечи демократии в доколумбовой Америке. Государство Тлашкала.....	112
Галкина Е.В. Историческое значение «Великого Пробуждения» 1720-1760-х гг. в Северной Америке.....	117
Геворкян А.Р. Дети, как особая категория жертв геноцида армян.....	123
Ерохин В.Н. Хосе Мария Эскрива де Балагер и деятельность организации «Opus dei».....	126
Назарова В.В. Влияние Второй мировой войны на гендерное положение японской женщины.....	134
Кравцова М.Ю. Бег на месте: итоги 40-летней войны с международным терроризмом под эгидой ООН.....	141
Назаров С.В. Проблемы домашнего насилия и формы предотвращения его в германском обществе.....	147
Назарова В.В., Сильченко Е.С. Особенности адаптации русскоязычных иммигрантов в современной Испании.....	154

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Соснина Е.Л. К вопросу об интерпретации следа в форме круга на территории Нижнеархызского городища.....	159
Гришюкина Н.Б. Рыболовство в хозяйственной деятельности линейных казаков.....	163
Крылова Е.В. О первых немецких поселениях на территории Северного Кавказа.....	166
Дударев С.Л., Захаров В.А., Королева И.А. Случай из жизни колонии Каррас в XIX веке.....	168
Степаненко Н.С. О некоторых особенностях куначества на Северо-Западном Кавказе в 40-50-е гг. XIX в. (по воспоминаниям А. Шпаковского).....	171
Емельянов О.Б. Защита левобережным казачеством Терека государственных интересов России на Кавказской Линии в 1841 году...	173
Емельянова Л.А., Емельянов Н.О. Краткий историографический обзор о графе Николае Николаевиче Муравьёве.....	178
Дударев Д.С. Российский автор о событиях начала 1860-х гг. на Северо-Западном Кавказе.....	181
Гарунова Н.Н. Культурно-образовательный уровень и меценатство кизлярского купечества (первая половина XIX в.).....	186
Дьякова Е.В. Экономическое и социальное положение рабочих Харьковского паровозостроительного завода в конце XIX – начале XX вв.	190
Анбиндер К.Н. Кубанская реклама начала XX века, как отражение торговых связей России и Европы.....	195
Захаров В.А. Как Армавир стал городом. Из воспоминаний старожилов. 1.	198

Лобачева Г.В. От «восторженного» монархизма к революционному нигилизму: динамика общественных настроений россиян в годы Первой мировой войны.....	201
Скорик А.П. Военно-революционная экспедиция Донской советской республики под командованием Ф.Г. Подтелкова в мае 1918 года как апогей социального раскола донского казачества.....	208
Захаров В.А. Армавирские денежные знаки 1918-1920 гг.	215
Панарин А.А. Процесс и результаты формирования системы потребительской кооперации на Кубани в начале 1920-х гг.	225
Панарина Е.В. Основные направления деятельности северокавказских профсоюзов в годы Великой Отечественной войны...	230
Боташ А.А. Великая Отечественная война в истории посёлка Мостовского.....	234
Поротова С.А. Гендерный анализ выживания в условиях военного времени (на примере советских женщин периода Великой Отечественной войны).....	238
Сведения об авторах	241

СТРАНИЦЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ

(вместо предисловия)

В 2015 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося отечественного ученого, доктора исторических наук, профессора В.Т. Сиротенко. Он родился 9 ноября 1915 года в селе Стрижевка под Любаром на Житомирщине, учился в сельской четырехлетней школе. После окончания начальной школы отец определил В.Т. Сиротенко в Любарскую «семилетку»; в этот период Василий Трофимович вступил в комсомол. Уже в ранние годы определилось его педагогическое призвание. Вследствие того, что в стране началась общегосударственная кампания по ликвидации безграмотности, Василий Трофимович по «комсомольской линии» стал обучать грамоте односельчан. Согласно сохранившимся документальным свидетельствам, за период с 1.09.29 по 30.06.31 гг. он ликвидировал неграмотность у 20 крестьян. За свою подвижническую деятельность в этот период Василий Трофимович получил лишь лампу «Летучая мышь» и обеспечение ее керосином за государственный счет. Также благодаря участию в курсах ликбеза он по комсомольской путевке попал на месячные учительские курсы в Бердичевский педагогический техникум. По окончании курсов Василия Трофимовича подписали на полные собрания сочинений В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, присвоили звание народного учителя и определили преподавать в соседнее село (к моменту окончания рабфака он изучил 24 тома В.И. Ленина и 4 тома К. Маркса). До 1939 г. В.Т. Сиротенко обучался на историческом факультете Киевского университета, где работали сильнейшие преподаватели, привившие студенту любовь к историческим наукам. Так, благодаря Л.Н. Беркуту (автору работ «Зачатки местной историографии по ранним варварским государствам», «Карл Великий, франкская образованность и литература его времени», «Борьба за инвестирующую во времена императора Генриха», «Возникновение и характер средневековой анналистики»), Василий Трофимович увлекся средневековой историей, которая впоследствии принесла ему широкую известность.

Именно к этому периоду относятся события, когда Василий Трофимович стал оппонентом известного на тот момент историка – «революциониста» К.Ф. Штеппы. Научные интересы К.Ф. Штеппы находились главным образом в сфере исследования социальных движений в Римской Африке. Повествуя об одном таком движении, Штеппа заявил, что оно было не просто крестьянским восстанием, но имело национальную окраску. Кроме того, К.Ф. Штеппа доказывал, что восстания рабов в древнем Риме до тех пор терпели поражения, пока им на помощь не пришли варвары-германцы и не помогли одержать победу.

В конце весны 1936 года было устроено широкое обсуждение на кафедрах истории украинских университетов и пединститутов только что вышедшей книги К.Ф. Штеппы, посвященное крестьянским движениям в Римской империи. В научных спорах Василия Трофимовича поддержал приехавший из Москвы на обсуждение профессор Е.А. Косминский [6]. После этих событий Василию Трофимовичу, студенту-второкурснику, поручили читать лек-

ции студентам-заочникам из Чернигова (как отмечают биографы, в отличие от прежней работы, новая уже достойно оплачивалась – свою первую зарплату студент отослал родителям, а на вторую купил часы).

Еще один немаловажный аспект биографии Василия Трофимовича в этот период, сыгравший впоследствии большую роль в его лингвистической подготовке, связан с его работой в качестве экскурсовода при гостинице «Интурист». Василий Трофимович демонстрировал иностранцам (в подавляющем большинстве своем – немцам) достопримечательности Киева, рассказывал его историю. Общение с немцами способствовало более глубокому овладению Василием Трофимовичем немецким языком. Кроме того, новая работа позволила в достаточно короткий срок собрать библиотеку старинных изданий, купленных на Подольском книжном развале.

После окончания в 1939 году Киевского университета Василий Трофимович работал старшим преподавателем Черниговского педагогического института. Е.А. Косминский посоветовал молодому специалисту поступать в аспирантуру Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ). Так как Василий Трофимович окончил университет с отличием, то после собеседования с заведующим кафедрой всеобщей историей Сергеем Даниловичем Скарниным он был зачислен в аспирантуру МИФЛИ на заочную форму обучения. Научным руководителем его исследования (имевшего на тот момент общую формулировку «Падение Римской империи») был утвержден Е.А. Косминский (автор множества работ по истории и историографии средних веков), посоветовавший заняться поисками источников, подтверждающих тезис о том, что рабы помогали нападавшим на Римскую империю варварам.

Однако многим научным планам Василия Трофимовича не суждено было осуществиться так быстро. 15 декабря 1939 года его вызвали в военкомат Чернигова, где он написал добровольное заявление о вступлении в ряды РККА. Его назначили в оперативный отдел полка 84 дивизии, приказав явиться в часть, располагавшуюся тогда в пригороде Чернигова.

Период войны является одной из самых замечательных страниц его биографии. С января 1940 г. В.Т. Сиротенко семь лет находился в рядах Советской армии. В тяжелую военную годину Василий Трофимович защищал страну от немецко-фашистских захватчиков, находясь на войне от первого до последнего ее дня. Он прошел на фронте и за его линией многочисленные и сложные испытания, выполняя сверхсекретные задания, которые достойны были бы описания в романах и повестях. Если бы о них можно было бы рассказать. Но тайна о многих из них ушла вместе с В.Т. Сиротенко. Работая ряд последних лет вместе с ним, трудно было представить себе, что этот уже очень немолодой человек смог в то тяжелое время продемонстрировать чудеса героизма, находчивости и высокое понимание гражданского и воинского долга. Понеся тяжелую личную потерю (от рук полицеев погибла его первая супруга), Василий Трофимович и сам был не раз на волосок от смерти, получив дважды тяжелые ранения и даже «похоронен» вместе со своими товари-

щами. Он был награжден орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, Красной звезды, медалью «За отвагу» и еще 24 медалями.

Но одновременно он никогда не переставал оставаться, прежде всего, человеком. Многим представителям старшего поколения памятен советский фильм 1967 г. «Майор Вихрь». Тот человек, который стал прототипом Майора Вихря – это не В.Т. Сиротенко, это другой, также реальный, человек. Но рядом с этим героем работали и менее известные, но не менее отважные. И среди них был и В.Т. Сиротенко, принявший большое участие в спасении от планировавшегося фашистскими варварами разрушения одного из красивейших городов мира – Кракова. Освобождение этого города ознаменовалось событием, ставшим знаковым в жизни В.Т. Сиротенко. Так было угодно судьбе, что в Кракове он участвовал в освобождении от немецкой неволи, но, что еще более примечательно, спас затем от ссылки в ГУЛАГ будущего папу Римского, а тогда молодого семинариста, Кароля Войтылу.

После войны Василий Трофимович вернулся в Черниговский педагогический институт, где работал старшим преподавателем и деканом исторического факультета, затем перевелся в Калужский педагогический институт. К этому времени его прежнего научного руководителя Е.А. Косминского уже не было в живых. В.Т. Сиротенко встретился с его учеником, заведующим кафедрой истории педагогического института им. Ленина В.Ф. Семеновым. В.Ф. Семенов посоветовал скорректировать тему диссертации – с «Падение Римской Империи» на «Роль славян в падении Римской Империи». Столь кардинальные изменения побудили Василия Трофимовича к еще более активному научному поиску – и прежде всего в Ленинской библиотеке г. Москвы. В течение двух лет Василий Трофимович изучал фонды этой библиотеки. Однако полученные результаты были неоднозначны. Василий Трофимович изучал книги И.Г. Штриттера о друзьях и врагах славян в древние времена; в диссертационном зале натолкнулся на докторскую диссертацию Якоба Рубана за 1789 год о насильственном поселении славян Византией на подвластных землях. Согласно этим исследователям, славяне никакого отношения к падению Римской Империи не имеют, а потому и играть никакой роли в ее падении не могут (тема диссертации Василия Трофимовича – именно «Роль славян в падении Римской империи»). Уже упоминавшийся Я. Рубан видел причиной «разорения Римской империи деспотизм, который подавил народную свободу, роскошь, происшедшую от того расслабления в телесных и духовных силах и неустройство в правлении».

Подобные обстоятельства вынудили Василия Трофимовича провести научные консультации с А.К. Бергером – известным советским историком античности, исследователем политических теорий Греции. Тот изучил все его выписки и добился на Ученом Совете повторного изменения темы диссертации.

Теперь она звучала следующим образом: «Взаимоотношения с Византией племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья в IV-VI веках нашей эры». Вновь открывшиеся горизонты изучения позволили Василию Трофимовичу задействовать научный потенциал фондов библиотеки

иностранной литературы в Москве. Конспектируя первоисточники, Василий Трофимович систематизировал их по различным критериальным показателям. Собрав воедино источники по гуннам, Василий Трофимович обнаружил, что господствующая тогда в СССР теория о привнесении гуннами в Европу культуры Китая, по меньшей мере, несостоятельна. Многочисленные древние источники свидетельствовали, что дикие гунны ничего, кроме разрушения, покоренным народам не несли. В некотором роде в развитие данной темы Василий Трофимович обнаружил, что рабы Римской империи не только не помогали готским племенам завоевать Рим, а наоборот сражались с ними.

С 1955 по 1976 гг. Василий Трофимович работал в Пермском педагогическом институте и защитил кандидатскую диссертацию по теме «Взаимоотношения племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья с Византией». Из-за партийных нагрузок Василий Трофимович достаточно длительное время не мог заняться написанием докторской диссертации. Лишь в 1968 году должность парторга, в которой пребывал Василий Трофимович, перешла к более молодому сотруднику, сам же В.Т. Сиротенко стал руководить трудовой практикой студентов (на 3 курсе, летом, в течение двух месяцев студенты отправлялись работать на завод). Василия Трофимовича трудовая практика привлекала потому, что проводили ее в Москве и Ленинграде. Сначала Василий Трофимович выезжал со студентами в Ленинград. После выполнения всех необходимых организационных действий и своих прямых обязанностей у Василия Трофимовича появлялось время для посещения публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Пробыв, таким образом, месяц в Ленинграде, Василий Трофимович сдавал группу напарнику, приехавшему из Москвы. Сам же ехал на его место и работал в библиотеках Москвы. Через месяц оформлял документы по практике и с группой возвращался в Пермь. За каждую двухмесячную практику В.Т. Сиротенко успевал исписать по 7 журнальных тетрадей, законспектировав до 300 источников. Переводы целого ряда авторов так и остались уникальными.

Фактически, на полноценную работу по написанию докторской диссертации у Василия Трофимовича были лишь 2 месяца производственной практики в году. После завершения написания трехтомной диссертации «Международные отношения в Европе второй половины IV – начала VI вв.» были напечатаны и разосланы ее экземпляры в Московский, Ленинградский и Киевский университеты (в то время только там возможно было защищать докторскую диссертацию по истории). Из Москвы пришел нелестный ответ от профессора А.Г. Бокщанина (известного специалиста, внесшего весомый вклад в разработку социально-политической истории Ранней Римской империи, в том числе и проблем классовой борьбы). Тот заявил, что диссертацию рассматривать нецелесообразно, так как она противоречит утверждению Ф. Энгельса о том, что «варвары омолодили Европу». Ответом на это послужило открытое письмо В.Т. Сиротенко в «Учительской газете», где Василий Трофимович написал, что Ф. Энгельса нужно читать в первоисточнике, а не в интерпретации. Также Василий Трофимович показал, что это выражение и у

Ф. Энгельса было приведено в кавычках, а сам Энгельс утверждал противоположное – что варвары отбросили Рим назад.

Еще одна сложность заключалась в технической стороне исполнения диссертационного исследования (наличие опечаток). Василию Трофимовичу дали 2 месяца на перепечатку материала и внесение дополнений. Данная работа была завершена досрочно – и вскоре пришло извещение о том, что диссертация рекомендована к защите кафедрой истории Ленинградского университета. Однако скорой защиты не получилось – после длительного периода ожидания из Ленинграда пришло письмо с извинением: очередь на защиту В.Т. Сиротенко уже прошла, а новая очередь расписана на 3 года вперед. В этой ситуации ректорат Пермского университета, заинтересованный в защите докторских диссертаций своих сотрудников, решает создать разовый Совет для защиты докторской диссертации Василия Трофимовича. 9 апреля 1969 года на разовом Совете Пермского университета была защищена докторская диссертация Василия Трофимовича Сиротенко «Международные отношения в Европе второй половины IV – начала VI вв.». Только осенью 1973 года Василию Трофимовичу пришел вызов из ВАК. Василий Трофимович подготовил свое выступление на 32 страницах, отпечатал его в типографии в 20 экземплярах и разослал всем 19 членам Ученого Совета Московского университета, которые одновременно были и членами экспертного совета ВАК. Через месяц В.Т. Сиротенко вызвали для выступления на Ученом совете, где было принято решение выдать ему одновременно диплом доктора исторических наук и аттестат профессора.

В 1974 г. В.Т. Сиротенко стал первым заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков Пермского университета. За время работы в Пермском университете В.Т. Сиротенко читал лекции по истории средних веков, спецкурсы по источниковедению и истории международных отношений в раннесредневековой Европе и Византии. В этот период вышли в свет его наиболее известные работы: «Борьба народных масс Римской империи против варваров в IV–V вв.», «Взаимоотношения гуннов и Римской империи», «К вопросу о значении римского и германского начала в развитии феодализма в Западной Европе», «К проблеме романо-германского синтеза», «Роль позднеантичных городов в борьбе народных масс Римской империи против варваров», «Введение в историю международных отношений в Европе IV–VI вв.», «История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв.».

В 1976 г. по семейным обстоятельствам Василий Трофимович переехал в Днепропетровск, где до 1988 года работал в должности профессора кафедры всеобщей истории Днепропетровского государственного университета. Одновременно читал лекции в Горном институте и выступал с лекциями в командировках от общества «Знание». В это время Василий Трофимович издает следующие работы: «Народные движения в Римской империи и образование варварских королевств», «Культура эпохи Возрождения» (в соавторстве).

В 1998 г. В.Т. Сиротенко переехал в г. Армавир. Причин переезда было несколько. Во-первых, началась украинизация образования, т.е. переход на преподавание только на украинском языке. Во-вторых, переезд сына из Перми в Мостовской район Краснодарского края также стал одной из причин «эмиграции» Василия Трофимовича из Украины. В-третьих, одной из главных причин явилась востребованность профессора В.Т. Сиротенко в Армавире.

Отец Сергей, ректор первого на Юге России Православного Института, кандидат богословия, узнал от своих друзей о большой подвижнической работе В.Т. Сиротенко и пригласил профессора в Армавир. В Православном Институте профессор читал лекции по истории христианства, патрологии. Василий Трофимович, придя на работу в АГПИ, подарил его библиотеке более 400 книг из своего собрания, благодаря чему студенты-историки получили возможность ознакомления с прежде недоступными (в силу провинциальности вуза) научными работами. Работая в АГПИ в должности профессора кафедры всеобщей истории, Василий Трофимович читал фундаментально разработанные курсы по выбору, осуществлял руководство выпускными квалификационными работами студентов, оказывал помощь в становлении научно-педагогического мастерства молодых специалистов.

В 2000 г. Василий Трофимович Сиротенко отметил свой 85-летний юбилей. В связи с приближением этой даты С.Л. Дударев, как заведующий кафедрой, обратились в Ватикан, на имя римского понтифика, с просьбой, если это возможно, поприветствовать юбиляра. И спустя некоторое время было получено письмо из Ватикана, в котором ныне покойный Папа Римский Иоанн Павел II сообщил, *что будет молиться за Василия Трофимовича Сиротенко по счастливому случаю его дня рождения, и взывать на него Божьи благословения милости и мира.* В письмо была вложена и фотография понтифика, которая помещается ниже. О переписке с Ватиканом узнало мировое сообщество и более 30 отечественных и зарубежных средств массовой информации откликнулись на это событие.

В 2005-м году в АГПУ торжественно отметили 90-летие со дня рождения В.Т. Сиротенко. В августе 2006 г. В.Т. Сиротенко ушел из жизни. С 2007 г. в АГПУ проводятся «Сиротенковские чтения» с изданием сборника материалов. Нынешняя конференция является 3-й по счету. В 2015 г. вышла в свет полная библиография трудов специалиста*. Память о замечательном ученом и человеке продолжает жить.

С.Л. Дударев, Д.А. Волошин

* См.: Библиография научных трудов Василия Трофимовича Сиротенко / сост. Д.А. Волошин; под ред. С.Л. Дударева. – Армавир: РИО АГПА, 2015. – 40 с.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

С.С. Казаров
(г. Ростов-на-Дону)

СВЯТИЛИЩЕ АСКЛЕПИЯ В БУФРОТЕ

Территория Эпира, горного и труднодоступного региона на северо-западе Греции, изобиловала разного рода святилищами и оракулами. Причем зачастую эти святилища и оракулы одновременно являлись полисными центрами со всеми соответствующими атрибутами городов-государств.

Интересным примером подобной модели может служить святилище бога-врачевателя Асклепия (Асклепейон) в городе Буфрот на побережье Ионического моря.

Самые первые сведения о нем в письменных источниках мы находим у Гекатея Милетского, который упоминает его в качестве полиса (FGrH Neka-teios 1. F.106), что позволяет нам датировать их VI в. до н.э. Упоминания о нем мы находим также и у Стефана Византийского (St. Byz. F. 106: *μετα δε Βουτροτος πολις...*).

Однако удивительно то, что упоминания о Буфроте отсутствуют в периплах Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна. По мнению английского исследователя Н. Хэммонда, причина этого кроется в том, что город в то время не был самостоятельным и принадлежал Керкире [1]. В зависимость от Керкиры город должен был попасть ещё до Пелопоннесской войны. Доказательством данного тезиса может служить свидетельство Фукидида о том, что V в. до н.э. керкирские изгнанники-олигархи, захватили земли керкирян, находившиеся на материке, на противоположном берегу (Thuc. V.85.3). Из этого пассажа можно заключить, что как до, так и после захвата побережья изгнанниками на материке эти земли принадлежали керкирянам.

В эллинистический период Буфрот утратил свою зависимость от Керкиры. Но стал ли он самостоятельным? Существует мнение, что полис стал членом *койнон* (союза) эпиротов и центром *койнон прасайбой*, по-видимому, союза местных ранее практически неизвестных нам племен [2]. Данное утверждение вплотную ставит вопрос об имеющихся в нашем распоряжении источниках.

Что касается археологических исследований, то ещё до второй мировой войны их проводила здесь итальянская экспедиция во главе с профессором Л. Уголини, результаты которых им были обобщены и опубликованы [3].

Имеющиеся здесь оборонительные сооружения были возведены керкирянами примерно в V в. до н.э. Что касается общего плана города, то на всем протяжении своей истории городские стены были лишены башен. Город за-

нимал очень важное стратегическое положение: обладание им позволяло контролировать вход из канала в озеро и давало возможность держать в поле зрения противоположную часть территории от Каливо. В целом же укрепленная территория Буфрота по своим размерам сравнительно невелика: в округности она занимала всего лишь 750 м. Относительная незначительность фортификационных сооружений объясняется, в первую очередь, наличием естественных природных укреплений. При этом нельзя не отметить, что город имел превосходную гавань, позволяющую Буфроту стать удобным портом на побережье.

Подобно ряду небольших городов Эпира, около Буфрота располагалось святилище бога врачевания Асклепия (т.н. Асклепейон). К сожалению, нарративные источники не содержат никаких сведений об этом святилище, и нашими главными свидетельствами являются данные археологии и эпиграфики, при этом важность последних особенно велика.

Важным свидетельством наличия святилища, во-первых, является остатки обнаруженного здесь раннеэллинистического *простиля*, небольшого четырехугольного храма, размерами 6, 04 м. на 4, 24 м. с *пронаосом*, у передней или проходной части храма, примерно тех же размеров – 6, 04 м. на 1,8 м., который располагались у юго-западного подножья Акрополя, прямо рядом с театром. Храм был раскопан и идентифицирован как храм Асклепия.

На территории храма было обнаружено значительное число надписей, которые могут являться важным источником для определения сферы влияния и значимости данного святилища. Всего в окрестностях храма Асклепия и театра обнаружено семь надписей. Точная датировка некоторых из них невозможна, но их примерный хронологический диапазон – период с конца III по I вв. до н.э. Непосредственно на территории *теменоса*, – священного участка Асклепия, – были обнаружены три надписи, представляющие из себя декреты о даровании *проксении* (SEG 38 (1988) 480, 489). Привилегии здесь предоставляются *булэ* и *эклессией* прасайбой области тех же прасайбой. Надпись наводит нас на мысль, что святилище Асклепия в Буфроте имело обязательство (исходящее, скорее всего, от койнон прасайбой) публиковать декреты о предоставлении проксении. Все это приводит нас к мысли о региональном значении святилища именно для союза племен прасайбой. Из текста надписей также следует, что жрец Асклепия фигурирует как чиновник-эпоним. Наряду с ним упоминаются простаты и один единственный раз – стратег.

Для разрешения вопроса о сфере влияния святилища Асклепия важно определить, откуда, точнее – какие этнические общности представляют жрецы святилища. Попытка разрешения данного вопроса возможна исключительно за счет анализа имеющегося в нашем распоряжении эпиграфического материала. При рассмотрении опубликованных ранее надписей встречаются семь различных комбинаций с упоминанием чиновников-эпонимов.

I. Упоминаются простаты с именами, но без указания их политической общности. Указан жрец святилища Асклепия, но не упомянут стратег (SEG 38 (1988) 490 Z.1-7).

II. Упоминаются простаты без указания политической общности – даются с именами и этниконами. Упомянут жрец святилища Асклепия, также без упоминания стратега (SEG 38 (1988) 471 Z.1-3).

III. Упоминаются простат хаонов и жрец Асклепия. Стратег снова не упоминается (SEG 38 (1988) 468 Z.1-6).

IV. Упоминаются стратег эпиротов, простат хаонов и жрец Асклепия [4].

V. Упоминается стратег прасайбой, простаты без упоминания политической общности и жрец Асклепия (SEG 38 (1988) 509).

VI. Упоминаются два стратега прасайбой без упоминания политической общности и жрец Асклепия. Простаты при этом не упоминаются [5].

VII. Упомянуты стратег прасайбой и жрец Асклепия. Простаты снова не упоминаются (SEG 38 (1988) 515).

На основании анализа эпиграфического материала можно прийти к следующим выводам. В надписях представлены новые ранее неизвестные этнические группы, которые, к сожалению, до сих пор не могут быть локализованы. Однако можно предположить, что жречество святилища Асклепия было представлено этносами, проживающими в различных частях региона. Они не обязательно были из Буфрота. Эти жрецы святилища, как и жрецы из самого Буфрота, имели те же самые функции. Жрецы Асклепия при этом в надписях фигурируют в таких объединениях, как койнон эпиротов, койнон хаонов, койнон прасайбой. Французский исследователь П. Кабанес при этом указывает, что Буфрот первоначально относился к койнон эпиротов, а затем, примерно со 170 г. до н.э. к новому объединению – койнон прасайбой [6]. С другой стороны, упоминание жрецов Асклепия наряду со стратегами эпиротов и простатами хаонов может свидетельствовать о значимости данной должности для этой политической общности. То, что жрецы Асклепия (а, по сути – чиновники) упоминаются в связи с поздними магистратурами Эпира не может свидетельствовать о значимости и влиянии этой должности. Поскольку в надписях из Буфрота, упоминающих койнон прасайбой, должности грамматевса (писца-секретаря) не фигурируют, Н. Мустакис предполагает, что именно жрецы Асклепия исполняли эти функции [7]. К сожалению, ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу мы не можем.

Важность должности жреца Асклепия может проистекать и из того, что авторитетные лица данного региона стремились занять эту должность. Можно также предположить, что наиболее авторитетные и известные лица могли поочередно занимать должности жрецов Асклепия, а затем – простатов, стратегов и т.д. Так, некий Адмат, Эгидерой, был жрецом Асклепия, но в другой надписи он или член его фамилии выступает в качестве простата хаонов. На основании текста другой надписи можно заключить, что жрец Асклепия одновременно мог являться высшим политическим магистратом койнон прасайбой. Так некий Никанор, обозначенный, как «жрец Асклепия», не был уроженцем Буфрота, имея этникон «Матореус» (Ματωρεος). Таким образом, избранные из различных племенных подразделений жрецы святилища Асклепия, фигурируют в качестве чиновников-эпонимов в декретах об освобождении

дении и даровании проксении наряду с простатами и стратегами. К сожалению, полное отсутствие нарративных источников не позволяет нам составить хоть какой-то связный рассказ об истории святилища, однако все вышесказанное позволяет предположить, что святилище Асклепия в Буфроте во II – I вв. до н.э. являлось не только религиозным центром Буфрота, но и политическим центром койнон прасайбой.

Примечания

1. Hammond N.G. L. Epirus. – Oxford, 1967. – P. 523.
2. Mustakis N. Heilegtumer als politischen Zentren. Untersuchungen zu dem multidimensionalen Wirkungsgebieten von polisübergreifenden Heiligtumern im antiken Epirus. – München, 2006. – S. 172.
3. Ugolini L.M. Albania Antica. – V. III. – Rome, 1942. – P. 91-146.
4. Cabanes P. Le Koinon des Prasaiboi: institutions et société d'après les inscriptions de Bouthrotos // Simposion 1982. Vorträge zur Griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln – Wien, 1989. – P.150.
5. Ibid.
6. Cabanes P. Op. cit. – P. 154.
7. Mustakis N. Op. cit. – S. 177.

А.П. Беликов
(г. Ставрополь)

САРКАЗМ ГАННИБАЛА

Ганнибал – один из немногих исторических персонажей, известный практически всем, но при этом о нём самом известно крайне мало. Подавляющее большинство исторических исследований концентрируются на его достижениях блестящего полководца, дают скрупулёзный анализ его битв и побед. Значительно меньше внимания уделяется другой очень важной грани его деятельности – попыткам Баркида после поражения Карфагена во 2 Пунической войне провести ряд реформ, направленных на восстановление могущества ослабленного государства. Совсем кратко и противоречиво освещается его жизнь после бегства из Карфагена.

И почти ничего – о его личности и характере, привычках, психологическом портрете. Понятно, что таково состояние исторических источников, дающих крайне скудную информацию по всему кругу таких вопросов.

Однако, при тщательном изучении источников, можно найти несколько случаев, показывающих великого полководца с несколько неожиданной стороны. И они характеризуют его как человека со своеобразным и тонким чувством юмора, склонного к едкому сарказму.

Сарказм – язвительная, жестокая ироническая насмешка, построенная на усиленном контрасте внешнего смысла и подтекста [1]. Часто он граничит с откровенной или закамуфлированной издёвкой, желчной насмешкой. Поэтому

считается, что умение тонко высмеять кого-то является проявлением сильного и гибкого характера, свидетельством наблюдательности и нестандартности мышления.

1. Интересный и весьма показательный случай приводит Цицерон. Когда Ганнибал был уже в изгнании, он посетил доклад известного греческого философа и теоретика по делам стратегии и тактики Формиона. Карфагенянин был высокообразованным человеком, интересовался наукой, свободно владел древнегреческим языком, и даже писал на нём, поэтому его интерес к эллинскому теоретизированию вполне понятен. После завершения доклада, возторженные слушатели спросили мнение Ганнибала об услышанном выступлении. На это Баркид с несвойственной ему жёсткостью едко ответил, что он «видел за свою жизнь много сумасшедших, но никогда не видел более безумного, чем Формион» (Cicero. De Oratore 2.18.74–6). К сожалению, Цицерон ничего не сообщает о реакции любопытствующих поклонников Формиона на столь жёсткий ответ знаменитого полководца.

Данный эпизод, конечно, в первую очередь показывает нам пренебрежительное отношение истинного практика – Ганнибала к отвлечённо философствующему теоретику Формиону. Но то, как Баркид без споров и дискуссий дал понять аудитории, да и самому Формиону, что рассуждения того не имеют никакой практической ценности, заставляет ещё раз восхититься остроумием Ганнибала. В этой реплике сквозит ирония опытного боевого командира над не подтвержденной практикой, чисто умозрительной теорией стратегии и тактики. И кому, как не карфагенскому полководцу, было понимать, что разрабатывать стратегические и тактические планы, сидя в уютном доме с пером в руках куда как проще, нежели находясь при этом на поле битвы и пытаясь реально воплотить в жизнь оперативный план сражения.

Одной этой короткой фразой карфагенский полководец просто «уничтожил» мудрствующего философа и все его «теоретические» построения, безусловно, весьма далёкие от реальной жизни.

2. Тит Ливий и Плутарх сохранили интереснейший рассказ о римском посольстве 193 г. до н.э. к селевкидскому царю Антиоху III, которое должно было еще раз попытаться выяснить с ним спорные вопросы, и, прежде всего, добиться его невмешательства в греческие дела. В этом посольстве, по словам античных авторов, участвовал и Сципион, победитель Ганнибала в битве при Заме (Liv. XXXV. 14; Plut. Flam. 21). В это время при дворе Антиоха III находился и удалившийся в изгнание Баркид. Однажды во время беседы Сципион спросил Ганнибала, кого тот считает величайшим полководцем всех времён и народов. Ганнибал ответил: Александра Македонского, который с небольшим войском разгромил огромные полчища врага и проник в отдаленнейшие страны; вторым – Пирра, который первым начал устраивать воинский лагерь, а третьим – себя. Явно уязвлённый таким ответом римлянин не удержался от язвительного вопроса, бестактно намекнув на свою победу над Ганнибалом. – «Что бы ты сказал, – продолжал Сципион, – если бы победил меня?» – «Тогда,

– отвечал карфагенянин, – я считал бы себя выше и Александра, и Пирра, и всех остальных полководцев» (Liv. XXXV. 14).

Современники увидели в этих словах только изощренную форму «восточной» лести. По мнению Тита Ливия, Ганнибал таким образом тонко дал понять Сципиону, что его он признает самым крупным полководцем, вне всякого сравнения с Александром Македонским, не говоря уже о других (Liv. XXXV. 14). Такой оттенок в высказываниях Ганнибала, возможно, действительно имелся. Однако важнее другое: характерное и для эпохи, и для самого Ганнибала преклонение перед более или менее удачливыми авантюристами, покорителями вселенной [2].

Но нельзя упускать из внимания и ещё один очень важный момент. Если внимательно проанализировать ответ Ганнибала, то кроме изысканной вежливости и чувства собственного достоинства карфагенского полководца можно заметить и другое – он явно посмеивается над Сципионом, да и над самим собой, в том числе, тоже! Только очень сильный человек способен шуточно говорить о своих неудачах, тем более таких, как проигранное генеральное сражение.

Здесь заметна явно «практическая» цель использования «двойственного ответа» великим пунийцем: он тактично и изящно вышел из щекотливого положения, сделал приятное своему собеседнику Сципиону, но при этом ненавязчиво подчеркнул, что римлянин победил при Заме *великого* полководца.

3. Об одном очень показательном случае, произошедшем непосредственно перед битвой при Каннах, достаточно подробно рассказывают Г. де Бир [3] и Г. Лэмб [4]. Ганнибал и группа приближенных военачальников следили за передвижением римских легионов. Один из командиров по имени Гискон произнес голосом, наполненным страхом – «Просто невероятно видеть сразу такое множество людей». Ганнибал, взглянув на него, ответил – «Я скажу вам еще более невероятную вещь. Среди всего этого множества людей нет ни одного человека по имени Гискон». После такого ответа Ганнибала напряжение в войске карфагенян спало. Ведь если Баркид в такой ситуации может шутить, то чего бояться простым войнам.

Ганнибал явно не был человеком, использующим юмор просто ради юмора. В данном случае в этом его коротком ответе можно увидеть очень многое. Это и применение психологического приёма «перенос внимания» с общего на частное, с великого на малое, со страшного на смешное. Чтобы таким образом снять страх своих военачальников перед многолюдством врагов. Шуткой разрядить ситуацию. Возможно – даже ненавязчиво дать понять: кто трусит, тот враг самому себе и нам всем, и место ему именно среди наших врагов. И в любом случае здесь видна едкая насмешка над незадачливым Гисконом, столь явно обнаружившим свой страх перед многочисленностью римлян.

4. В конце своего жизненного пути карфагенский полководец удивил всех ещё одной фразой. Когда царь Вифинии, в которой Ганнибал нашёл своё последнее прибежище от всюду преследующих его римлян, решил выдать его Риму, и не было уже никаких шансов спастись от этого, гордый Баркид

предпочёл покончить жизнь самоубийством. Но перед этим, как передавали, он сказал: «Избавим римлян от их давней заботы, раз уж им невтерпеж дожидаться смерти старика» (Nepot. Han. XII. 3-5).

В этой фразе содержится уже не просто ирония, а самый настоящий сарказм. Причём сарказм с большой буквы. Здесь и подчёркивание злопамятности римлян, и насмешка над их преувеличенным страхом перед человеком, который уже ничем не мог навредить им, и нежелание доставить удовольствие давним врагам, попав живым к ним в руки. И надо понимать, что этот сарказм с оттенком грусти исходит от человека, от всего уставшего, во всём разочаровавшегося и всё потерявшего – кроме, может быть, чувства собственного достоинства и самого чувства юмора. Какой же нужно обладать силой воли, чтобы пытаться так язвить даже перед тем, как выпить яд! Именно эта фраза ярче всех других говорит не только об остроумии Баркида, но и о том, *каким* человеком он был.

История сохранила всего несколько примеров его своеобразного остроумия. Не приходится сомневаться, что на самом деле их было намного больше.

Ценность их заключается в том, что они позволяют глубже понять личность этого великого полководца. Вносят важные дополнительные штрихи в его психологический портрет. Ведь *вот так* шутить, иронизировать, злословить – мог только неординарный человек с явно нестандартным складом ума. Поэтому понять связь между чувством юмора Ганнибала, его остроумием, с одной стороны, и его великими бессмертными победами в битвах на реке Таг, при Тицине, Требии, Тразименском озере, и под Каннами совсем не так уж сложно. Только человек, обладающий не стандартным мышлением, способен был победить в тех сражениях, почти всегда сражаясь с численно превосходящим противником.

В историографии присутствуют как безудержное восхваление Ганнибала [5], так и столь же преувеличенное подчёркивание его жестокости и властолюбия [6]. Однако личность Баркида была намного сложнее и многограннее сложившегося хрестоматийного образа самого известного врага Рима. При этом исследователи достаточно редко пытаются дать всеобъемлющую оценку всем без исключения личностным характеристикам этого выдающегося полководца.

Одно очевидно – интерес к нему не иссякнет никогда. Всегда историки будут спорить между собой о личностных качествах Ганнибала, его месте, роли и значении в римско-карфагенском противостоянии. И даже пытаться на основе исторического моделирования анализировать – а что было бы, сумей он победить Рим [7]. Заметим – ни об одном другом знаменитом противнике Рима ничего подобного не пишут. Ни одному историку не приходит в голову мысль, что Филипп V, Антиох III, Митридат Евпатор или Децебал могли бы одолеть римское государство. Такое допускают только применительно к Ганнибалу. Уже одно это говорит о многом.

Он навеки останется в исторической памяти как великий полководец, один из величайших в истории, который дерзнул бросить вызов великому Риму, хотя и не смог его победить. Таким его знают все.

Мало кто знает, что был ещё и *другой* Ганнибал. Который мог уместной, вовремя сказанной шуткой, поддержать боевой дух своих воинов. Одной язвительной фразой поставить на место возомнившего себя великим стратегом пустозвона. Добиться своей цели тонкой иронией. И даже в последние мгновения своей жизни найти в себе силы сказать красивый едкий сарказм в адрес победителей-римлян.

И тем самым уйти из этой жизни всё-таки – несломленным, а значит – и непобеждённым.

Примечания

1. Словарь иностранных слов. – М., 1989. – С. 453.
2. Кораблёв И.Ш. Ганнибал. – Ростов н/Д, 1997. – С. 499.
3. Де Бир Г. Ганнибал: Борьба за власть в Средиземноморье. – Смоленск, 2005. – С. 188.
4. Лэмб Г. Ганнибал. Один против Рима. – М., 2002. – С. 188-189.
5. Моммзен Т. История Рима. – Т. 2. – М., 1997.
6. Scullard Н.Н. Scipio Africanus in the Second Punic War. – London, 1970.
7. Кораблёв И.Ш. Указ. соч. – С. 562.

А.Г. Чередниченко

(п. Коктебель – г. Феодосия)

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ДРЕВНЕЙШЕМ БОРИСФЕНЕ – ДАРДАНЕЛЛАХ

Говоря об античной традиции, в первую очередь необходимо определиться со значением этого термина. Как известно, античность (от лат. **antīquitās**, -ātis f. ‘древность, старина’; лат. **antīquus**, -a, -um ‘прежний, бывший; древний, старинный; старый’) – совокупность проявлений греческой и римской древности [1; 2]. Иными словами, античность – это греко-римская древность, цивилизация Древней Греции и Древнего Рима во всём многообразии её исторических форм. Что касается латинского имени существительного **trādītio** (-ōnis, f.), оно имеет богатую семантику: ‘1) передача, вручение; 2) выдача; сдача; 3) преподавание, обучение; 4) предание, повествование; 5) установившееся издавна мнение или привычка’. Родственным ему существительным является **trādītus** (-ūs, m.) ‘предание, историческая традиция’. Этимология данных лексем связана с глаголом **trādo** (tradidī, traditum, tradēre) ‘1) передавать; вручать, отдавать; 2) отдавать в распоряжение, приставлять; 3) передавать по наследству, оставлять, завещать; 4) доверять, поручать, возла-

гать, верить; 5) поверять, рассказывать; 6) выдавать; 7) сообщать, учить, обучать, преподавать; 8) выдавать, предавать', который восходит к глаголу **dō** (dedī, datum, dare) '1) давать; раздавать; выдавать; даровать; разрешать, позволять; преподносить, дарить, приносить (в дар); передавать, вручать; выпускать в свет сочинения; 2) приносить в жертву; посвящать, воздвигать, строить; и т.п.' [3; 4].

Исходя из сказанного выше, значение термина «античная традиция» может быть определено как передача из поколения в поколение носителями греко-римской цивилизации её проявлений, культурного наследия, накопленных ими знаний, в т.ч. зафиксированных в литературных произведениях и трудах учёных Древней Эллады, эллинистического мира, Древнего Рима. Дожила античная традиция до византийской эпохи. Так, например, эллины, жившие в крепости Майна (Монемвасия) на полуострове Пелопоннес по соседству со славянскими племенами милингов и эзеритов, сохраняли обычаи и верования предков вплоть до крещения в царствование императора Василия I Македонянина (867 – 886 гг.) (Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio. 50) [5]. Празднование брумалий в Константинополе пытался запретить император Роман I Лакапин (920 – 944 гг.), но Константин VII Багрянородный (913 – 945 – 959 гг.) восстановил эти празднества (Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae. II, 53) [6]. Для ромейских энциклопедистов – грамматика Стефана Византийского (527 – 565 гг.), патриарха Константинопольского Фотия (ок. 820 – 896 гг.), архиепископа Фессалоникийского Евстафия (ок. 1115 – ок. 1195 гг.), составителей словаря «Суда» (вторая половина X в.) и др. – античность была ещё живым наследием предков, а не мёртвой абстракцией.

Истоки же античной традиции уходят в крито-микенскую эпоху. «Катастрофа бронзового века» не прервала полностью этнокультурный континуитет в Эгеиде и на Балканах [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. Так, слоговое письмо, восходящее к эгейским линейным силлабическим письменностям А и Б, использовалось выходцами с острова Крит и из материковой Эллады и их потомками на Кипре с конца XVI в. до н.э. вплоть до второй половины III в. до н.э. Весьма вероятно, что даже в гомеровское время и в архаическую эпоху в некоторых эллинских родах передавалось из поколения в поколение умение читать уцелевшие тексты линейного письма Б. Например, в византийском энциклопедическом словаре «Суда» (Σοῦδα) зафиксированы сведения о логографе Акусилае Аргосце, сыне Каба, родом из Керкабы (полиса близ Авлиды), жившем в VII в. до н.э. Акусилай «написал «Генеалогии», [переписав их] с медных табличек, которые, как говорят, нашел его отец, раскопав некое место своего дома» (Suidae Lexicon s.v. Ἀκουσίλαος Ἀργεῖος) [19]. Генеалогические предания, возникшие в крито-микенскую эпоху и не исчезнувшие в гомеровский период, стали фундаментом летописных и логографических традиций эллинских полисов архаического и классического периодов. Ярким примером памятника афинской хронографии является хроника Паросского мрамора (середина III в. до н.э.). Благополучно пе-

режила «тёмные века» рубежа II – I тыс. до н.э. мифо-эпическая традиция крито-микенской эпохи, передаваемая в изустной форме аэдами и рапсодами эллинов. Она легла в основу Гомеровского эпоса, киклических поэм, эллинской поэзии вообще [20; 21; 22; 23; 24; 25].

В крито-микенскую эпоху троянские предки римлян, предки этрусков (тирренов, тирсенов) и ещё ряда италийских этносов классического времени обитали в Эгеиде [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39]. Римская и эллинская традиции имеют общие корни, что обусловило их объединение в дальнейшем в пределах *Rex Romana*. Греко-римская письменная традиция является надёжным источником сведений о странах и народах древней ойкумены. Подвергая научной критике эти сведения, нет необходимости поправлять античных авторов, «подгоняя» их сообщения под зачастую «схоластические» гипотезы современных исследователей. «Тёмные места» в текстах античных учёных нужно объяснять, а не игнорировать или отвергать.

Так, например, грамматик Элий Геродиан (II в. н.э.), лексикограф Гесихий Александрийский (V в.), философ-неоплатоник, грамматик и географ Стефан Византийский (VI в.) сохранили в своих трудах указания на то, что название *Βορυσθένης* (-ους) первоначально относилось вовсе не к Данапрису-Днепру. Им обозначали пролив Дарданеллы до того, как он стал именоваться Геллеспонтом (*Aelii Herodiani De prosodia catholica*. III; *Hesychii Alexandrini Lexicon s.v. Βορυσθένης*; *Stephani Byzantii Ethnica s.v. Βορυσθένης*) [40]. Данный гидроним имеет греческое происхождение. Этимология его связана с др.-греч. *βρυχάομαι* ‘реветь, рычать’, др.-греч. поэт. *βρύχημα* (-τος) n. ‘рёв’, др.-греч. поэт. *βρύχιος* ‘глубокий’, др.-греч. эп. поэт. *σθένος* (-εος) n. ‘физическая сила, сила, крепость, могущество’, др.-греч. *σθενόω* ‘делать сильным, укреплять’, др.-греч. *σθένω* ‘быть сильным, иметь силу’, др.-греч. *σθενής* ‘сильный’ [41; 42]. В штормовую погоду воды Дарданелл действительно издают сильный шум, подобный рёву. По всей видимости, название ‘Борисфен’ было перенесено на Днепро-Бугский лиман и низовья Днепра ионийцами и обитавшими на берегах Геллеспонта эолийцами (возможно, выходцами из Кизика), участвовавшими в милетской колонизации Северо-Западного Причерноморья в VII – VI вв. до н.э. и основании Эмпория борисфенитов на острове Березань [43; 44; 45].

Если Борисфеном изначально назывался пролив Дарданеллы, то сюжет эллинского предания о происхождении предков-эпонимов агафирсов, гелонов и скифов от брака Геракла со змееногой богиней связан вовсе не с Северным Причерноморьем, а с востоком Балкан, на который в архаическую и классическую эпохи распространилось название *Θρ κη* (*Herodot. Hist. IV, 8 – 10; Pseudo-Apollod. Bibl. II, 5, 10*) [46]. Примечательно, что Стефан Византийский называет скифов фракийским племенем (*ἄθνος Θρ κιον*) (*Stephani Byzantii Ethnica s.v. Σκύθαι*). Малая Скифия (*Μικρὴ Σκυθία*, совр. Добруджа) была частью «фракийского мира» (*Strab. Geogr. VII, 4, 5; VII, 5, 12*). Существование Великой и Малой Скифий отражает известный ономастический принцип: «Великая» – вторично освоенная земля, а «Малая» – земля, откуда это освое-

ние исходило, ср. Великая Греция – Греция, Великая Армения – Малая Армения, Великая Моравия – Моравия и т.п. [47]. Тесное взаимодействие культур Фракии, Малой Скифии и Великой Скифии давно было отмечено исследователями [48]. Высказывалось мнение о присутствии фракийского населения в Великой Скифии и на Боспоре, так как об этом свидетельствует ещё и историческая ономастика Северного Причерноморья [49; 50; 51].

Таким образом, традиция о Борисфене-Дарданеллах, зафиксированная Элием Геродианом, Гесихием Александрийским и Стефаном Византийским, может внести существенные коррективы в устоявшиеся представления об этнической истории Фракии, Малой и Великой Скифий.

Примечания

1. Словарь античности / сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне; пер. с нем. В.И. Горбушина и др.; Отв. ред. В.И. Кузищин. – М., 1993. – С. 37.

2. Walde A. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. 3. Neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. – Bd. I: A – L. – Heidelberg, 1938. – S. 54–55.

3. Ibid. – S. 360 – 363.

4. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., Neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. – Band. II: M – Z. – Heidelberg, 1954. – S. 697.

5. Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – 2-е изд., испр. – М., 1991. – С. 220-225.

6. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. – СПб., 1992. – С. 189, 322.

7. Андреев Ю.В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.). – СПб., 2002. – С. 645-685.

8. Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI – VIII вв. до н.э. – СПб., 2004.

9. Бартошек А. Златообильные Микены / пер. с чеш. О.П. Цыбенко; Послесл. А.И. Немировского. – М., 1991. – С. 62-69, 260-277, 313-315.

10. Думас К. Кикладская цивилизация бронзового века в Эгеиде / пер. с англ. С.Г. Карпюка // Вестник древней истории. – 1992. – № 2. – С. 143-153.

11. Ильинская Л.С. Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. – М., 1988. – С. 47-59.

12. Кембриджская история древнего мира. – Т. III. – Ч. 3. Расширение греческого мира. VIII – VI века до н.э. / под ред. Дж. Бордмэна и Н.-Дж.-Л. Хэммонда; пер. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания А.В. Зайкова. – М., 2007. – С. 90-102.

13. Молчанов А.А. Ахейская Греция и Кипр: Непрерывность традиций // Среда, личность, общество: Доклады конференции / Институт всеобщей истории РАН. – М., 1992. – С. 115-119.

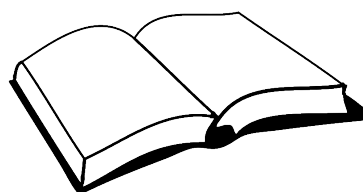
14. Молчанов А.А. Микенские истоки семейных традиций у древних греков: Генеалогический и сакральный аспекты // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Доклады конференции / Институт всеобщей истории РАН. – М., 1993. – С. 74-84.

15. Молчанов А.А. Вопросы источниковедения Ахейской Греции: Генеалогические источники // Методология и методика изучения античного мира: Доклады конференции (31 мая – 2 июня 1993 г.) / Институт всеобщей истории РАН. – М., 1994. – С. 151-156.

16. Немировский А.А. К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н.э. в греческой традиции // Античность: общество и идеи / отв. ред. О.Л. Габелко. – Казань, 2001. – С. 6-19.

17. Huxley G. L. Crete in Aristotle's Politics // Greek, Roman and Byzantine Studies (Duke University; Cambridge, Massachusetts, the USA). – Vol. 12. – 1971. – № 4. – P. 505–515.
18. Huxley G. L. Minoans in Greek Sources / The Queen's University of Belfast. – Belfast, 1972.
19. Фрагменты ранних греческих философов. – Ч. 1: От эпических космогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А.В. Лебедев. – М., 1989. – С. 90.
20. Казанскене В.П. С кем делил жертву микенский Посейдон (Микенское *o-wi-de-ta-i* РУ Un 718,2, [o-wi-de-ta] РУ Wa 731,2) // Балканские чтения – 3: Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тезисы и материалы симпозиума / Институт славяноведения и балканистики РАН; ред. коллегия: Н.П. Гринцер, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян. – М., 1994. – С. 16-17.
21. Казанский Н.Н. Реконструкция микенских стихов на основании гомеровских формул со словом *Ὀσμίνη* // Балканские чтения – 2: Симпозиум по структуре текста: Тезисы и материалы / Институт славяноведения и балканистики РАН; ред.-сост.: Н.П. Гринцер, Т.В. Цивьян. – М., 1992. – С. 9-12.
22. Казанский Н.Н. *Γερήνιος φλότα Νέστωρ*: и.-е. эпитет, микенский титул и греческий социальный термин // Балканские чтения – 3: Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тезисы и материалы симпозиума / Институт славяноведения и балканистики РАН; ред. коллегия: Н.П. Гринцер, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян. – М., 1994. – С. 7-15.
23. Казанский Н.Н. Греческая словесность второго тыс. до н.э. (к постановке вопроса) // Балканские чтения – 4: ЕЛЛΑΣ, Древняя, Средняя, Новая Греция: Тезисы и материалы симпозиума / Институт славяноведения и балканистики РАН; сост. И.А. Седакова. – М., 1997. – С. 5-8.
24. Казанский Н.Н. Использование эллинистической поэзии для микенской реконструкции эпоса микенского времени (миф о Европе) // Балканские чтения – 5: В поисках «балканского» на Балканах: Тезисы и материалы симпозиума / Институт славяноведения и балканистики РАН; редколлегия: А.А. Плотникова, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. – М., 1999. – С. 28-30.
25. Huxley G. L. Pindar's Vision of the Past / The Queen's University of Belfast. – Belfast, 1982.
26. Ильинская Л.С. Указ. соч.
27. Ильинская Л.С. Древнейшие островные цивилизации Центрального Средиземноморья в античной исторической традиции. – М., 1987.
28. Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). – М., 1958.
29. Кондратов А.М., Шеворошкин В.В. Когда молчат письмена. Загадки древней Эгеиды. – М., 1970.
30. Кречмер П. Тирренские надписи Лемносской стелы / пер. с нем. и коммент. А.И. Харсекина // Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки / пер. с англ., нем., фр. и ит. яз.; сост., ред., предисл. И.М. Дьяконова. – М., 1976. – С. 335-338.
31. Маяк И.Л. Рим первых царей (Генезис римского полиса). – М., 1983. – С. 5-89.
32. Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. – Воронеж, 1962. – С. 7-124.
33. Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. – М., 1983. – С. 7-61.
34. Откупщиков Ю.В. *Orege philologica minoga* (Античная литература. Языкознание). – СПб., 2001. – С. 150-272.
35. Шапошников А.К. Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // *Studia etymologica Brunensia*. 6 / Editorky: I. Janyšková, H. Karlíková. – Praha, 2009. – S. 303-311.
36. Яцемирский С.А. Опыт сравнительного описания минойского, этрусского и родственных им языков. – М., 2011.
37. Beekes R.S.P. The Origin of the Etruscans. – Amsterdam, 2003.

38. Kretschmer P. Pelasger und Etrusker // *Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache* / Herausgegeben von P. Kretschmer und W. Kroll. – Band. XI. – Göttingen, 1921. – S. 276-285.
39. Tusa V. La cultura degli elimi nella Sicilia occidentale // *Thracia Pontica. II* / Rédacteurs: M. Lazarov, V. Popov, Ch. Argelova. – Jambol, 1985. – P. 307-351.
40. *Grammatici Graeci. P. III. Vol. 1: Herodiani Technici Reliquiae* / Collegit, disposuit, emendavit, explicavit praefatus est Au. Lentz. – T. 1: Praefationem et Herodiani Prosodiam Catholicam continens. – Lipsiae, 1867. – P. 70.
41. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots.* – T. 1. – Paris, 1968. – P. 199-200.
42. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots.* – T. 4-1. P – Y. – Paris, 1977. – P. 1000.
43. Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. – М., 1984. – С. 8-12, 33-38.
44. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира: Историко-археологический очерк. – К., 1985. – С. 35-45.
45. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. – М., 1982. – С. 258-309.
46. Detschew D. *Die thrakischen Sprachreste* / Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. – Wien, 1957. – S. 203-211.
47. Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – 2-е изд., доп. – М., 1997. – С. 117-121.
48. Мелюкова А.И. Скифия и Фракийский мир. – М., 1979.
49. Блаватский В.Д. Вопрос о фракоязычном населении в Прикубанье и в Боспорском государстве // Блаватский В.Д. Античная археология и история / отв. ред. М.М. Кобылина. – М., 1985. – С. 237-242.
50. Тончева Г. О фракийцах нынешних Украины, Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в X-VI вв. до н.э. // *Studia Thracica. 1: Фрако-скифские культурные связи* / под ред. Ал. Фола и Л. Огненовой-Мариновой. – София, 1975. – С. 28-53.
51. Шапошников А.К. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // *Этимология, 2009 – 2011* / отв. ред. Ж.Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2012. – С. 252-308.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ (INDICTIO BELLI) В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОТ ЖРЕЦОВ К МАГИСТРАТАМ

Войны – вечное проклятие человечества, но в античности существовали особые требования к их поводам и побудительным причинам, что налагало некоторые ограничения на агрессию. В Риме, как утверждала традиция, с легендарных времен существовала специальная процедура, целью которой было сделать войну (со стороны римлян) *iustum* [1], т.е. «справедливой» (в морально-этическом отношении) или «законной» (с формально-правовой стороны), тем самым обеспечив римским действиям благосклонность богов. Впрочем, для римского мышления скорее характерно второе понимание: считалось важным, чтобы именно противник оказался нарушителем мира [2], но все же, главным образом, с формальной стороны [3].

Специфической особенностью римской теории и практики объявления войны являлось наличие особой жреческой коллегии – фециалов, в сферу полномочий которых входило совершение ритуалов, сопровождавших внешне-политические акты, а также консультации в этой области по религиозным вопросам, предоставляемые политической власти. Согласно фециальному праву, непосредственно объявлению войны (*bellum indicere*) предшествовала довольно длительная процедура предъявления претензий (*res repetere*), продолжавшаяся 30 (33) дней [4]. Ее целью было добиться удовлетворения требований мирным путем [5]. Отмеченная глубокой архаикой, она включала в себя различные этапы с соответствующими обрядами. Вполне объяснимо внимание, оказываемое данному моменту в религиозном отношении, поскольку он был чреват переходом от мирного состояния к военному, полному опасностей и с непредсказуемым результатом.

В случае отказа удовлетворить римские требования и после соответствующего решения сената (а в ряде случаев – и народа) жрецы совершали ритуал метания копья во вражескую землю, означавший объявление и начало войны (*bellum indicere*). О важности этого ритуала свидетельствует сохранение его в измененном виде даже тогда, когда с расширением римской державы его реальное осуществление столкнулось с серьезными трудностями. Как рассказывает продолжатель Сервия (Девтеро-Сервий), во времена Пирра римляне, не найдя место, где фециалы могли бы осуществить этот обряд по отношению к «заморскому» врагу, взяли пленника из войска Пирра и заставили его купить участок земли перед храмом богини войны Беллоны. Этот участок объявили вражеской землей для проведения необходимого ритуала объявления войны, причем не только в данном случае, но и впоследствии [6]. Но что обращает на себя внимание – о таких функциях фециалов, как участие в заключении договоров и выдаче нарушителей, мы знаем из конкретных событий в исторические времена, в то время как об их участии в объявлении

войны – практически только из антикварной традиции, хотя и очень подробной. Когда это направление деятельности фециалов сошло на нет – не известно, но, по всей видимости, именно оно пало первым под натиском изменившихся внешнеполитических условий [7]. История Средней и Поздней Республики известна довольно хорошо, но о каком-либо исполнении фециалами обрядов, предвещающих войну, для этого времени сведений нет, хотя мы имеем весьма подробные рассказы о дипломатии в начале ряда крупных войн в период борьбы Рима за гегемонию в Средиземноморье. Их нет ни для Второй и Третьей Пунических войн, ни для Второй и Третьей Македонских, ни для Сирийской. Процедуры, сходные с фециальными, в указанных событиях выполняли послы (*legati*) [8]. В двух случаях (Вторая Македонская и Сирийская войны) фециалы в связи с объявлением войны упоминаются, но исключительно как консультанты по сакральному праву в сфере своей компетенции (*Liv.* XXXI. 8. 3; XXXVI. 3. 7-12; XXXVIII. 46. 11).

Конечно, вполне вероятно, что фециалы продолжали осуществлять религиозные обряды в самом Риме, в частности, метали копье во «вражескую землю». Ничего удивительного в молчании источников о регулярных ритуалах нет: такая же ситуация наблюдается и касательно других жрецов и других ритуалов. Все же сложно представить, чтобы, например, обряд метания копья у храма Беллоны вышел из употребления: ведь проводиться он должен был регулярно ввиду постоянной военной активности Рима, к тому же имелись специально предназначенные для него лица, т.е. фециалы. Но в условиях международной политики в рамках всего средиземноморского бассейна полноценное осуществление архаичной длительной процедуры объявления войны стало объективно невозможным. Ведь фециальная процедура возникла тогда, когда Рим был маленькой общиной на Тибре, соответственно, внешние проблемы относились к ближайшей округе. Понятно, что его применение со временем, по мере расширения римской экспансии, стало затруднительным, хотя, как справедливо отмечают исследователи, не настолько, чтобы сделаться невозможным [9]. Скорее, должно было сказаться то обстоятельство, что ритуал фециалов требовал такого же или подобного института у других народов [10]. Несомненно, по мере изменения условий внешнеполитической деятельности нарастало несоответствие между жреческим характером фециалов с их ритуалами и новыми требованиями к дипломатическим миссиям [11].

Но главной причиной замещения фециалов сенатскими легатами, на мой взгляд, явилась характерная для Республики с самого ее основания общая тенденция, неблагоприятная для политических полномочий жрецов и сводившая их функции к религиозным актам и консультациям в этой области [12]. Подобное ограничение полномочий жрецов собственно религиозными задачами хорошо заметно и у фециалов. Хотя довольно редко (с учетом военной активности римлян), но для эпохи ранней Республики их участие в актах накануне войны (собственно, *res repetere*) все же указывается в источниках [13]. При этом складывается впечатление, что деятельность фециалов изначально тесно переплеталась с деятельностью послов (*legati*), назначенных сенатом [14], со-

ответственно, участие жрецов ограничивалось ритуальной стороной, а реальные действия (переговоры и решения) осуществляли сенатские послы. Конечно, необходимо учитывать, что, судя по всему, не только Ливий и Дионисий, наши основные авторы, но и их предшественники, ранние анналисты, не имели возможности воочию наблюдать фециальную процедуру объявления войны. Поэтому наши выводы могут носить лишь предположительный характер. Ведь не исключено, что, если в исторические времена сенатские легаты явно отличались от жрецов-фециалов, первоначально такого противостояния не было, а существовал единый термин *legatus fetialis*, где *fetialis* являлось определением к *legatus* [15]. Вполне вероятно, что содержание терминов *legatus* и *fetialis* менялось, равно как и соотношение их. Но обращает на себя внимание, что на первом этапе (*res peretere* и иные сопутствующие действия) совершаемые фециалами акты не несут специфически ритуального характера: воззвания к богам в подтверждении истинности своих слов вполне обычны и в устах не-жрецов. Лишь на втором этапе совершается чисто жреческий ритуал метания копья во «вражескую землю». Поэтому, как мне представляется, разделение непосредственно дипломатической и собственно жреческой деятельности было заложено уже в самой древней процедуре, а потому с ходом времени совершилось незаметно и безболезненно.

Отстранение от посольской деятельности фециалов отражает серьезные изменения в представлениях о сакральном обеспечении военного успеха. Но изменение процедуры и состава участников объявления войны не могло отменить главной цели – получить благоволение богов, которое могло иметь место только при «справедливом/законном» (в римском, конечно, понимании) характере объявляемой войны. Невозможно представить столь важный акт без соответствующих ритуалов, а потому, в силу особой значимости перехода от состояния мира к состоянию войны, на место фециальной обрядности должно было прийти иное религиозное оформление. Ведь помимо фециальных совершались и другие действия на разных этапах перехода от мира к войне, призванные обеспечить поддержку богов [16].

Особое значение имели те из них, которые осуществлялись публично, на глазах у граждан, поскольку именно такие мероприятия утверждали веру в помощь богов и, соответственно, в успешное завершение войны. Мне представляется, что важнейшим среди них являлся комплекс обрядов, сопровождавший выход полководца на войну. Он включал в себя облачение в военный плащ магистрата и его ликторов, принесение обетов богам на Капитолии и совершение т.н. «ауспиций выхода» перед пересечением померия [17]. По всей видимости, именно этот комплекс действий смог заместить в религиозном сознании римлян столь важные для признания войны справедливой обряды и деятельность фециалов.

Общим, по сути, у ритуала выхода на войну с ритуалом ее объявления являлось то, что их можно отнести к «ритуалам перехода» (в данном случае – от мира к войне), причем совершались они на «римской земле», но предполагали действия на чужой, вражеской, территории. Данное обстоятельство, на

мой взгляд, и сделало возможным некую подмену, перенос центра тяжести религиозных действий, что было обусловлено затруднительностью в новых условиях соблюдать архаичный ритуал. Тем более что этот архаичный ритуал был уделом одних жрецов, в то время как выход полководца на войну с соответствующими обрядами становился объектом массового внимания, как справедливо заметил Ливий, обобщая знакомую ему практику (Liv. XLII. 49. 1-3). И это было реальное начало войны, подлинный переход к ней от мирного состояния, когда возврат к последнему был уже невозможен.

Примечания

1. Историографию см. в примечаниях: Rüpke J. *Domi militiae. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom.* – Stuttgart, 1990. – S. 117-122; Сини Ф. *Varr. De ling. lat.* 5. 86 и римское «международное право» (размышления о *fides, bellum, hostis, pax*) // *Древнее право.* – 2003. – № 2 (12). – С. 57-65; Zuccotti F. «*Bellum iustum*» o del buon uso del diritto romano // *Rivista di diritto Romano.* IV. 2004. – P. 1, not.; Liebs D. *Bellum iustum in Theorie und Praxis* // *Ars iuris. Festschrift für Okko Behrends zum 70. Geburtstag.* Göttingen, 2009. – S. 305-318; Cursi M. F. «*Bellum iustum*» tra rito e «*iustae causae belli*» // *Index.* № 42. 2014. – P. 569-585; Calore A. *Apunti sul bellum iustum.* – Torino, 2014. – P. 9, not. 31 (современная проблематика); 10, not. 35–38 (античная проблематика); 13-18.

2. Dio Cass. XIII. Fr. 55. 8 (из речи Кв. Фабия перед началом войны с Ганнибалом): «Немаловажно и ввиду благоволения со стороны богов, и ввиду одобрения со стороны людей казаться не зачинщиком войны, а вынужденным защищаться от тех, кто начал». Ср. *Zon.* VIII. 22; *Liv.* IX. 1. 10.

3. *Varro. De vit. pop. Rom.* 75R (=Non. P. 850L, 529M); *Liv.* I. 22. 3-7; 23. 7; 30. 4-6; 32. 9-10; *Dionys. AR.* II. 37. 3; 72. 4-5; III. 2. 3-4; 3. 1-2.

4. Наиболее подробный рассказ см.: *Liv.* I. 32. 4-14; *Dionys. AR.* II. 72; *Serv. Ad Aen.* IX. 52; X. 14. Из недавно вышедших работ см.: Rich J. *The Fetiales and Roman International Relations // Priests and State in the Roman World / Ed. by J. H. Richardson and F. Santangelo.* – Stuttgart, 2011. – P. 199-204; Ravizza M. *Aspetti giuridico-sacrali del rituale feziale nell'antica Roma // Jura gentium.* – Vol. XI. – № 2. 2014. – P. 32-39; Calore A. *Op. cit.* – P. 32-46.

5. *Varro. De vit. pop. Rom.* 75R (=Non. P. 850L, 529M); *LL.* V. 86; *Plut. Numa.* 12; *Serv. Ad Aen.* X. 14. Ср. *Plaut. Amph.* 204-210.

6. *Serv. auct. Ad Aen.* IX. 52. Ср.: *Ovid. Fast.* VI. 205-208; *Fest. P.* 30L, s.v. *Bellona*; *Dio Cass. L.* 4. 5; *LXXII.* 33. 3; *Serv. Ad Aen.* IX. 52.

7. *Samter E. Fetiales // RE.* – Bd 6. – Stuttgart, 1909. – Sp. 2064.

8. В общем виде: «Совсем недавно были войны с Антиохом, Филиппом, Ганнибалом и пунийцами; по поводу всех их имелось решение сената и приказ народа, (причем) сначала отправляли послов для предъявления претензий (*per legatos ante res repetitas*), а затем тех, кто объявлял войну (*postremo, qui bellum indicerent*)» (*Liv. XXXVIII.* 45. 5-6).

9. *Wiedemann Th. The Fetiales: A Reconsideration // CQ.* Vol. 36. № 2. 1986. – P. 481-482; *Rich J. Op. cit.* – P. 224.

10. *McDonald A. H., Walbank F. W. The Origins of the Second Macedonian War // JRS.* Vol. 27. № 2. 1937. – P. 193; *Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1-5.* – Oxford, 1965. – P. 128.

11. *Rich J. Op. cit.* – P. 224.

12. *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht.* Bd. 2. Abt. 1. Aufl. 3. – Leipzig, 1887. – S. 689; *Сморчков А. М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы.* – М.: РГГУ, 2012. – С. 211-226.

13. Прямые упоминания фециалов (всего тринадцать случаев): *Liv.* IV. 30. 13; 14; 58. 1; VII. 6. 7; 9. 2; 16. 2; 32. 1; VIII. 22. 8; 39. 13; IX. 45. 6; X. 12. 2; 45. 7; *Dionys. AR.* IX. 60. 6;

X. 23. 1; XV. 7. 6; 9. 1-2. Легаты (послы) со схожими функциями: Liv. III. 2. 3; 6; 25. 6; 8; 9; IV. 17. 2; 3; 6; 58. 6-7; VIII. 23. 3; 8; Dionys. AR. V. 37. 3; 50. 3; 51. 2; 52. 1; VIII. 64. 1-2; 91. 1-2; XV. 5. 1; 6. 5; XVII/XVIII. 1. 4; 2. 1; 3.

14. Liv. IV. 58. 1; VII. 32. 1; Dionys. AR. IX. 60. 3-6 (фециалы: 6); X. 22. 5-23. 1 (фециалы: 23. 1); XV. 7; 9 (фециалы: 7. 6; 9. 1-2). Ср. точно такое же указание на соучастие фециалов и послов в известном рассказе о конфликте Рима и Альба Лонги при царе Тулле Гостилии, где фигурируют и послы, и фециалы: Liv. I. 22. 4; 6; 7; 10-12; Dionys. AR. III. 2. 4; 3. 1-6 Diod. VIII. 25. 1; 2; 4.

15. Rürke J. Op. cit. – S. 103.

16. Их перечисление и анализ см.: Rürke J. Op. cit. – S. 125-143.

17. Подробнее см.: Сморгчов А.М. Указ. соч. – С. 145-147.

И.И. Абушаев
(г. Саратов)

АРХИТЕКТУРА ПЕРИОДА ПРИНЦИПАТА АВГУСТА В РИМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ

Принципат, как система государственного устройства, оформляется в 27 г. до н.э., когда Октавиан, вступая в консульство в седьмой раз, сложил с себя чрезвычайные полномочия и восстановил Республику [1]. Получивший имя Август за возвращение провинций и установление мира, Октавиан, как средство укрепления своей власти, широко использует пропаганду, организуемую в различных формах: монументальное искусство, литература, строительство и т.д. [2,3]. Август остался в истории как один из величайших строителей античности. Император стремился придать Риму облик мировой столицы, вдохновляясь примером величайших эллинистических правителей. Светоний перечисляет наиболее важные общественные здания из возведенных Августом, а также сообщает о том, что император принуждал магистратов и богатейших граждан Рима отстраивать город новыми зданиями и восстанавливать старые, ремонтировать дороги, ведущие к Риму. Сам же Август подал им пример тем, что укрепил Фламиниеву дорогу от столицы до Аримина [4].

При Августе разрабатывается четкий градостроительный план благоустройства Рима. Примером создания единого городского образа является застройка и перепланировка Марсова поля, поражающего зрителя колоссальным масштабом и величественными очертаниями. Грандиозные общественные сооружения демонстрировали величие империи [5]. Поле являлось единой и стройной системой искусственного ландшафта и монументальных зданий. Оно должно было стать привлекательным для жителей Рима любой национальности и социальной группы [6]. Август, понимая важность визуального воздействия для пропаганды своего режима, полностью контролировал строительство.

Страбон, описывая Рим периода правления Августа, сообщает, что большинство замечательных сооружений, построенных императором, члена-

ми его семьи и друзьями расположено на марсовом Поле. Особенно он отмечает величественный мавзолей Августа с расположенным рядом с ним обширным парком [7]. В течение длительного правления Августа менялась направленность его пропаганды и, соответственно, это выражалось в его архитектурных проектах, декларирующих наступление новой эры мира и процветания, начавшейся с приходом его к власти. Условно можно выделить два направления строительной политики Августа, соответствующих хронологическим этапам его правления. Первый этап пропаганды Октавиана был направлен на легитимизацию его в качестве преемника Божественного Юлия. В 28 г. до н.э. Август завершает строительство храма Аполлона Палатинского, покровителя рода Юлиев. Цезарь посвящает храм победе над Антонием у мыса Акции. К подножию статуи Аполлона, ставшего одним из наиболее почитаемых богов Рима, переносят Сивиллины книги пророчеств из капитулийского храма Юпитера [8]. Рядом с храмом были установлены четыре роstralные колонны с бронзовыми носами от кораблей побежденного Антония [9]. При храме были выстроены греческая и латинская библиотеки с залами для чтения и бесед, украшенные изображениями прославленных поэтов и философов. Весь храмовый комплекс являлся демонстрацией мира, законности и безопасности, возвращенных Августом римскому народу [10]. В этом же году на Марсовом поле Августом был воздвигнут грандиозный мавзолей (*Mausoleum Augusti*), символизирующий верность цезаря Риму [11]. Строительство Мавзолея Августа можно рассматривать как часть пропагандистской кампании Августа в борьбе с Антонием [12]. Опубликовав это завещание, Октавиан окончательно лишил Антония поддержки в Риме [13,14,15]. Создавая огромную империю, Август прилагает усилия к превращению Рима в центр культуры и искусства. Он и один из его ближайших друзей и соратников Меценат, понимая важность искусства, как инструмента государственной пропаганды, оказывают поддержку поэтам, художникам, писателям. В течение около 20 лет после Актинской битвы, достигают гармонии сферы мусической и государственной жизни. В этот период Аполлон, покровитель Августа, как бог искусства и символ *аполлонического направления* в официальной идеологии принципата, постоянно изображался на скульптурных памятниках в Риме и провинциях [16].

Однако со временем направление политической пропаганды Августа начинает смещаться. На первое место выходят идеи восстановления древних римских добродетелей, божественного происхождения рода Юлиев, военные победы римлян. Итогом этого направления в августовской архитектуре становится создание грандиозного комплекса форума Августа и храма Марса Мстителя. Форум Августа, Освященный во 2 г. до н.э., он являлся административным центром и символом империи. Центральное место на форуме занимал храм Марса Мстителя, воздвигнутый в честь победы при Филиппах. Фронтон храма был украшен изображениями богов: Марса Мстителя, Венеры с сидящим на ее левом плече Амуром, Фортуны, Ромы, Ромула, Тибра. В целле храма располагались обращенные друг к другу скульптуры Марса и прародитель-

ницы рода Юлиев – Венеры с Амуром. Марс, осуществивший справедливое возмездие, вступал в союз с Венерой. Плодом их любви была, согласно римской мифологии, богиня согласия Конкордия. Скульптурные группы, стоявшие в южном и северном портиках, олицетворяли идею согласия, примирившего политических соперников периода гражданских войн. В экседрах северной колоннады располагались, окружая стоящую в центральной нише фигуру Энея, статуи троянских предков Юлиев. В южном портике стояла статуя Ромула, окруженная государственными деятелями и триумфаторами республиканской эпохи: Мария, Суллы, Катона, Сципиона Эмилиана и др. [17]. Торжественный ряд римских триумфаторов завершался Августом. Его победная квадрига была установлена при входе на форум. Композиция символизировала объединение в вечном союзе рода Юлиев, ведущего начало от Венеры и римлян – потомков Марса и Ромула. На фронтоне храма было выбито: *Caesar Augustus Divi Filius Pater Patriae* [18]. Династическая идея избранности рода Юлиев была представлена Августом освященной традициями *morum maiorum*. На форуме принимались важнейшие для государства решения. В то же самое время он задумывался как символический дом всех римлян, соединенных в огромную семью, главой которой являлся Август. Так Дион Кассий считает, что титул *Pater Patriae* дает императору власть по отношению к подданным подобную власти *pater familias* по отношению к детям [19]. Вся архитектура и произведения искусства, украшающие форум служили пропаганде идеалов союза и мира между гражданами Рима. Форум поражал современников Августа, считавших его одним из величайших памятников мирового искусства, демонстрирующего связь всей римской истории с современностью [20].

Архитектура века Августа отличалась выразительной мощью. Храмы и форумы служили местом проведения торжественных церемоний, приема иностранных послов, собраний сенаторов. Овидий, например, с восхищением описывает праздничное жертвоприношение в храме Януса [21]. Архитектура этого периода, таким образом, используя весь потенциал эстетического воздействия на зрителя, являлась эффективным инструментом политической пропаганды власти, утверждая идею примирения сословий, наступления золотого века мира и благополучия, величия Рима под властью Божественного Августа.

Примечания

1. RGDA. 34. Res Gestae Divi Augusti. Rex Wallace Bolchazy-Carducci Publishers, Inc. Wauconda, Illinois., 2000. – 80 с.
2. Liv.Per.134. Ливий Тит. История Рима от основания Города. В 3 т. / пер. В.М. Смирин. – М.: «Ладомир», 2002. – 702 с.
3. Ovid. Fasti. I. 589-590. Ovidius. Publius Ovidius Naso. Metamorphoses. Fasti. Tristia. /Овидий Назон П. Избранные стихотворения в двух частях. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1901. – 94+173 р.
4. Suet. Aug. 28;30. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М.Л. Гаспарова, под ред. С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1964. – 375с. – С. 29-30.
5. Vitruvius De Architectura, 1. praef. 2. Марк Витрувий Поллион. Десять книг об архитектуре. – Л.: Соцэкгиз. 1936г. – 344 с.

6. Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. – Michigan: University of Michigan Press, 1990. – 385 p. – P. 112.
7. Strabo. Geogr. 5.3.8. The geography of Strabo. by Strabo; Hamilton, Hans Claude, 1811-1895; Falconer, W. (William), 1801-1885. – 544p.
8. Colini A.M. Il Tempio di Apollo. – Roma, 1940. – P. 5–6.
9. Gadé J. Apollon romain. in BÉFAR 182. Paris, 1955. – P. 540.
10. Vell. Paterc. II. 89. Gaius Velleus Paterculus. HISTORIAE ROMANAE. Малые римские историки: Веллей Патеркул, Анней Флор, Луций Ампейлий. – М.; Ладомир, 1996. – 388 с.
11. Suet. Aug. 100. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М.Л. Гаспарова, под ред. С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1964. – 375 с.
12. Kraft K. Der Sinn des Mausoleums des Augustus // Eistoria. – 1967. – Bd.16. – S.189-206.
13. Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории / под ред. В.Г. Боруховича. – Саратов; СГУ, 1987. – 148 с. – С. 126.
14. Dio Cass., L,3,4. Dio Cassius. Dio's Roman History: in 9 vols. With an English trans. by E. Cary. – L.: William Heinemann; N.-Y.: The Macmillan Co., 1914-1927.
15. Plut., Ant., 58. Plutarch Plutarchi Libellus de superstitione et Demosthenis Oratio funebris : In laudem Athenlensium, qui fortiter pro patria pugnando caesi sunt ad Chaeroneam : Graece et latine cum integris natis Reiskii, Sallieri, Taylori, Wolfii et Xy landri / Denuo recensuit, Typis Caesareae Mosquensis universitatis, 1778. – 204 p.
16. Вулих Н.В., Неверов О.Я. Роль искусства в пропаганде официальной идеологии принципата Августа // Вестник древней истории. – 1988. – №1. – С. 166.
17. Там же. Вулих Н.В., Неверов О.Я. – С. 169.
18. Zanker Paul, Forum Augustum: Das Bildprogramm. Tübingen.; E. Wasmuth., 1969. – 36 s. – S. 1-19.
19. Dio Cass., 53. 18.3. Dio Cassius. Dio's Roman History: in 9 vols. With an English trans. By E. Cary. – L.: William Heinemann; N.-Y.: The Macmillan Co., 1914-1927.
20. Ovid. Fasti. V. 545-569. Ovidius. Publius Ovidius Naso. Metamorphoses. Fasti. Tristia / Овидий Назон П. Избранные стихотворения в двух частях. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1901. – 94 +173 p.
21. Там же. Ovid. Fasti. I. 75-87.

В.Н. Парфенов
(г. Саратов)

ТРАГЕДИЯ ДИНАСТИИ ФЛАВИЕВ: «ДЕЛО» ФЛАВИЯ КЛЕМЕНТА

Флавий Клемент, двоюродный брат Домициана, был самой высокопоставленной жертвой террора, характерного для последних лет правления этого императора. Вместе с тем, именно гибель Клемента оказалось роковой для самого Домициана и всего дома Флавиев, поскольку она предопределила падение второй императорской династии Рима. Несмотря на значимость этого события для истории Римской империи, информация о нем крайне скудна и причины уничтожения Домицианом своего самого близкого (к тому моменту) родственника продолжают оставаться загадкой, хотя недостатка в гипотезах по этому поводу нет [1].

Содержащаяся в источниках информация достаточно скудна. По словам Светония, младшего современника этих событий, Домициан «убил по самому ничтожному подозрению (*ex tenuissima suspicione*) своего двоюродного брата Флавия Клемента чуть ли не во время его консульства, хотя человек это был ничтожный и ленивый (*contemptissimae inertiae*) [2], и хотя его маленьких сыновей он сам открыто прочил в свои наследники, переименовав одного из них в Веспасиана, а другого в Домициана» (Suet. Domit. 15. Перев. М.Л. Гаспарова). Что являлось предметом подозрения, из-за которого погиб Клемент, остается загадкой.

Спустя примерно столетие после Светония Дион Кассий (LXVII.14.1-2) сообщает об этом так: «... В числе многих прочих Домициан умертвил и консула Флавия Клемента, хотя он приходился ему двоюродным братом и был женат на его родственнице Флавии Домицилле. Против них обоих было выдвинуто обвинение в безбожии, по которому были осуждены и многие другие, склонившиеся к иудейским обычаям. Одни из них были казнены, другие же лишены имущества. Домицилла же была только (*μόνοι*) сослана на Пандатерию» (перев. под ред. А.В. Махлаюка, с исправлениями) [3].

Наконец, в IV веке Евсевий Кесарийский указывает на то, что «...Флавия Домицилла, племянница Флавия Клемента, одного из тогдашних римских консулов, за исповедание Христа была вместе со многими другими наказана ссылкой на остров Понтию» (Euseb. HE. III.18.4). В этой лаконичной информации обращают на себя внимание сразу несколько деталей: во-первых, автор обходит молчанием участь Флавия Клемента, во-вторых, называет Домициллу его племянницей, а не женой, в-третьих, прямо относит ее к христианам, в-четвертых, в отличие от Диона Кассия, считает местом ее ссылки не Пандатерию, а Понтию.

В течение нескольких веков наука располагала только этой информацией в отношении как Флавия Клемента, так и его жены (все более поздние христианские авторы черпают информацию из Евсевия). Ситуация изменилась в 1865 году, когда знаменитый итальянский археолог Де Росси, много лет занимавшийся раскопками христианских кладбищ античного Рима, опубликовал найденный им текст на камне, аутентичность которого вне сомнения и который позднее вошел в наиболее известные своды латинских надписей:

Tatia Baucyl[is, nu] / trix septem lib[erorum, pronepotum] / divi Vespasian[i, filiorum Fl. Clementis et] / Flaviae Domitil[lae, uxoris eius, divi] / Vespasian[i] neptis, a[cc]epto loco ei] / us beneficio hoc sephulcru[m feci] / meis libertis libertabus po[sterisque eorum] (CIL VI 8942= ILS 1839. Конъектура Т. Моммзена).

Перевод: «Я, Татия Бавкилида, кормилица семерых детей, правнуков божественного Веспасиана, детей Флавия Клемента и Флавии Домициллы, его жены, внучки божественного Веспасиана, получив это место в качестве ее благодеяния, основала это кладбище для моих вольноотпущенников, вольноотпущенниц и их потомков».

В науке эта надпись считается бесспорным доказательством того, что Флавия Домицилла была христианкой. Однако обращает на себя внимание то

обстоятельство, что в самом тексте нет ни малейшего намека на вероисповедание как Татии Бавкиллиды, так и ее госпожи, отсутствует и понятная для посвященных раннехристианская символика.

Что же касается Флавия Клемента, то лишь у византийского автора конца VIII века Георгия Синкелла (I.650.19) вдруг появляется фраза, что кузен императора отдал жизнь за Христа. Однако в науке относятся к столь безапелляционному утверждению достаточно критически [4].

За прошедшие со времени открытия Де Росси полтора века новых сведений о Кlemente и Домицилле не появилось, поэтому исследователи вынуждены исходить из имеющихся данных. Нейтральным можно назвать мнение тех ученых, которые (как правило, в трудах общего характера) предпочитают просто излагать приведенные в источниках факты, предоставляя читателю право самому делать выводы [5]. Понятна и позиция скептиков. Один из них, Т.Д. Барнс не без иронии констатирует: «Искушение для более поздних христиан усматривать в Флавии Домицилле симпатию к христианству или принадлежность к нему было непреодолимо; даже казненный консул Флавий Клемент в конечном счете стал христианином» [6]. И. Кнудсен категоричен: «Нет никаких причин утверждать, что он был христианином» [7]. Б. Джоунс указывает, что, какую бы версию в отношении Клемента ни предпочтешь, убедительных доказательств ни одной из них не существует [8]. В этой связи К. Уотерс приходит к пессимистическому выводу: «Вероятно, никогда не будет установлено, был ли Т. Флавий Клемент действительно обращен в христианство» [9].

Но в данном случае конфессиональная принадлежность Флавия Клемента и его жены (вопрос, который при современном состоянии источников окончательно решить невозможно) интересна лишь постольку, поскольку она может пролить свет на их трагическую судьбу.

Даже если не доверять прямому указанию Евсевия (HE. III.18.4) на то, что Домицилла была сослана «из-за свидетельства о Христе» (τῆς εἰς Χριστὸν μαρτυρία ἔνεκεν), остаются христианское «кладбище Домициллы» в Риме и надпись кормилицы ее детей. Сложнее с Кlementом: Евсевий, упомянув его в связи с «племянницей» здесь же, о его участии умалчивает, и это молчание достаточно красноречиво – будь Клемент христианским мучеником, церковная традиция просто не могла бы проигнорировать его судьбу. Следовательно, приходится предполагать что-то иное.

И здесь приходится вновь обратить внимание на «презреннейшую лень» (contemptissima inertia), которая, по словам Светония, была присуща Флавию Кlementу, и на сообщение Диона Кассия о том, что он, как и жена, был обвинен в «безбожии» (ἀθεότη), «по которому были осуждены и многие другие, склонившиеся к иудейским обычаям» τὰ Ἰουδαίων πολλοὶ καταδικάσθησαν).

По этому поводу Дональд Мак-Фейден рассуждает: «Христианство в течение первого столетия по форме оставалось просто разновидностью иудейского мессианизма. Его центральным принципом было ожидание непосредственного возвращения Иисуса для создания своего мессианского царства.

Поэтому христиане имели мало интереса к мирским делам, которые они считали преходящими и мимолетными. Их гражданство было в царстве, которое скоро сойдет с небес. Если Клемент имел склонность к христианству, тогда легко объяснить то, что Светоний называет *contemptissima inertia*. Обвинение в атеизме и иудейском образе жизни, которое, как говорит нам Дион, было выдвинуто против него и его жены, тогда легко объяснимо. Язычники, и не всегда некорректно, рассматривали христианство как иудейскую секту, и с их точки зрения как иудеи, так и христиане могли быть легко приняты за атеистов. Обе религии отвергали существование богов, которых признавал весь остальной мир, а отсутствие в обоих культурах жертвоприношений и других привычных форм ритуала подтверждало случайному наблюдателю, что они отрицали богов вообще» [10].

Мнение, что эта супружеская чета исповедовала христианство, до настоящего времени является в науке преобладающим [11]. Но существует и альтернативная точка зрения, наиболее обстоятельно обоснованная П. Керестешем [12]. Как он полагает, Клемент и его жена были не христианами, а поклонниками иудейского учения о Боге, относящихся к группе так называемых «богобоязненных» (*οἱ σεβόμενοι*, или *metuentes*), которых привлекала «простота и чистота» иудаизма. «Однако большинство этих поклонников не становилось полностью обращенным, отчасти из-за боязни репрессивных законов, но особенно ввиду устрашающего эффекта усложненных ритуальных предписаний, пищевых и социальных ограничений, налагаемых иудейской религией на своих адептов. ... Неприятие политеизма и идолопоклонства могло казаться почти что принятием иудаизма и, когда это неприятие сопровождалось соблюдением субботы и определенным следованием иудейскому закону, ... всё это могло выглядеть в глазах уважаемых кругов обращением в иудаизм» [12].

С учетом вышеизложенного, приходится констатировать один бесспорный факт: расправа Домициана с этой супружеской четой должна объясняться не только и, в случае с Клементом, не столько их религиозными убеждениями, какими бы они ни были. Примечательно, что Домицилла, едва ли представлявшая для императора какую-либо политическую угрозу, была, как уточняет Дион Кассий, «только» (*μόνον*) сослана, тогда как ее супруг был казнен. В науке неоднократно высказывалось мнение, что казнь Флавия Клемента должна в первую очередь объясняться политическими причинами [13]. О том, какими именно, остается только догадываться. Так, П. Саузерн рассуждает: «Возможно, вся правда была неизвестна уже современникам; в 95 г., когда казнь имела место, Домициан уже считал, что он не обязан кому-либо что-то объяснять. Клемент представлял потенциальную опасность для императора, будучи единственным уцелевшим членом дома Флавиев. Тот факт, что Домициан усыновил двух маленьких сыновей Клемента, переименовав их в Т. Флавия Веспасиана и Т. Флавия Домициана и явно обозначив их как своих наследников, мог вызвать у Клемента и его жены Домициллы манию

величия, сделав их отношение к Домициану до известной степени нетерпимым» [14].

Если не считать гипотетической мании величия, которая крайне маловероятна, во всем остальном идея Пэт Саузерн представляется имеющей право на существование. Нельзя забывать о том, что Домициан крайне ревниво относился к реальным и воображаемым посягательствам на его власть. Ко времени, к которому относится возвышение Клемента, его родной брат Флавий Сабин, занимавший в 82 г. должность эпонимного консула вместе с самим Домицианом, своим кузеном, был давно уже мертв – Домициан приказал его казнить, будто бы за то, что в день консульских выборов глашатай по ошибке представил его народу не как будущего консула, а как будущего императора (*non consulem ad populum, sed imperatorem pronuntiasset*) (Suet. Dom. 10.4). Его участь, как справедливо указал Д. Мак-Фейден, естественно, не побуждала Клемента к общественной активности; напротив, «он нашел спасение в уединении» [15].

Однако Домициан, не имея прямых наследников и стремясь обеспечить преемственность власти, пошел по пути Августа, когда-то усыновившего двоих внуков, сыновей Агриппы и Юлии, своей единственной дочери. Домициан, за отсутствием внуков, усыновил и сделал своими наследниками внучатых племянников: сыновей двоюродного брата, Флавия Клемента, и родной племянницы, жены Клемента, Флавии Домициллы, которая была дочерью покойной сестры Тита и Домициана (Suet. Dom. 15.1). Таким образом, кровное родство императора с приемными сыновьями было обеспечено как по мужской, так и по женской линии [16].

Оба мальчика получили новые имена: старшего переименовали в Веспасиана, младшего – в Домициана [17]. Их наставником был назначен знаменитый Квинтилиан, выразивший за это свою благодарность императору [18]. Таким образом, приемных сыновей Домициан намеревался серьезно готовить к государственной деятельности. Особое значение их воспитания и образования было подчеркнуто тем фактом, что Квинтилиан вместе с назначением получил *ornamenta consularia* (Auson. Gratiar. actio (VIII) 7.31) – отличие, беспрецедентное для ритора. В далекой Смирне успели отчеканить бронзовую монету с портретом молодого человека и легендой *Ὀὐεσπασιανὸς νεώτερος* («Веспасиан-младший») аверса [19]. Отец обоих наследников принцепса стал эпонимным консулом 95 г., что было само по себе почетно и служило знаком особого расположения императора, причем коллегой Клемента по консулату был сам Домициан (а это было почетно вдвойне).

Но именно во время исполнения Флавием Клементом обязанностей консула (чисто репрезентативных, никакой реальной власти у консулов эпохи Империи, некогда высших магистратов Республики, не было) случилось что-то, навлекшее на него и его жену гнев Домициана. Психологическое состояние последнего в конце его правления выразительно обрисовано Д. Мак-Фейденом: «Домициан в течение своего правления из года в год становился все более опасным для своего окружения. В 93 г. он возвратился из своего

последнего похода. Далее он жил в своем роскошном дворце на Палатине, в жестоком одиночестве, окруженный только сикофантами и вероломной аристократией, поголовно ненавидевшей его. ... Его единственным, всепоглощающим интересом было обнаруживать и карать заговорщиков. ... Клемент уже из-за своего происхождения был неизбежным объектом подозрений Домициана..., который по натуре был нетерпим к любой оппозиции» [20].

Как следует из информации Светония, сразу же после сложения Клементом обязанностей консула он был привлечен к суду. Официальным обвинением в адрес его и его жены, приведенным Дионом Кассием, было «безбожие» (ἀθεΐότη). Однако Маргарет Уильямс права, указывая, что «часто реальные основания таких процессов не прослеживаются в источниках, ... и весьма вероятно, что их близость к трону – они были, прежде всего, родителями официальных наследников Домициана – навлекла на них подозрение в заговоре против императора» [21]. Клемент повторил трагическую участь своего брата, и это предопределило судьбу династии.

Символично, что из двенадцати цезарей Светония последний напоминает первого в том отношении, что Домициан находясь в столице, оказался, как и Юлий Цезарь, в полной политической изоляции, как и он, готовил новую военную кампанию, стремясь скорее оказаться в привычной обстановке военного лагеря, среди верных ему солдат и офицеров, как и он, пал жертвой заговора среди своего ближайшего окружения. Однако посмертная судьба последнего Флавия оказалась совсем иной: в отличие от обожествленного Цезаря, память его была официально предана забвению (*damnatio memoriae*) и в историю он, по сути, лично глубоко несчастный человек, но выдающийся государственный деятель, который буквально вытащил государство из тяжелого и затяжного внешнеполитического кризиса и обеспечил его грядущее процветание, вошел с клеймом «тирана».

Примечания

1. См.: Парфенов В.Н. Христиане рядом с императорским тронem? К вопросу о вероисповедании Флавия Клемента и Домициллы // Труды Саратовской православной духовной семинарии: Сборник.– Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2014.– Вып. VIII. – С. 144-156; его же: Последние из Флавиев. К вопросу о судьбе второй императорской династии Рима // Иресиона. Античный мир и его наследие: сборник научных трудов к 50-летию проф. Н.Н. Болгова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2015. – С. 126-133. Некоторые положения этих статей использованы в настоящей работе.

2. Буквально: «презреннейшей лени». В переводе Д.П. Кончаловского: «обесславившего себя постыдной бездеятельностью».

3. Эта часть «Римской истории» сохранилась только в сокращенном пересказе (эпито-ме) византийского времени. Однако содержащаяся там информация, очевидно, передана без искажений.

4. «Но, так как Синкелл полностью зависим от Евсевия, а у последнего об этом ничего нет, то мы вправе допустить, что Синкелл сделал это допущение под свою ответственность» (Stein. Flavius Clemens // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. – Stuttgart: Metzler, 1909. – Bd. 6. – Sp. 2536-2539. – Sp. 2538).

5. Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte: mit Quellenkunde; Republik und Kaiserzeit bis 284. n. Chr. – 3., durchges. u. erg. Aufl. – München: Beck, 1982. 478 S. – S. 339; Le Gall J., Le Glay M. L'Empire Romain. – T. 1. Le Haut-Empire de la bataille d'Actium (31 av. J.-C.) à l'assassinat de Sévère Alexandre (235 ap. J.-C.). – P.: Presses universitaires de France, 1987. – 673 p. – P. 386. Впрочем, К. Крист отметил, что в имеющихся источниках «преобладают косвенные данные самого общего характера», а репрессии против ряда представителей римского высшего света, в том числе Клементы и Домициллы, «не объясняются исключительно их принадлежностью к христианству» (Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Von Augustus bis zu Konstantin. 4., durchges. u. aktualis. Aufl. – München: Beck, 2002. – 1073 S. – S. 283).

6. Barnes T.D. Legislation against the Christians // Journal of Roman Studies. – 1968. – Vol. 58. Pts. 1–2. – P. 32–50. – P. 36.

7. Knudsen J. The Lady and the Emperor: A Study of the Domitian Persecution // Church History. – 1945. – Vol. 14. – № 1. – P. 17–32. – P. 28.

8. Jones B.W. The Emperor Domitian. – L.; N.Y.: Routledge, 1992. – 292 p. – P. 48.

9. Waters K.H. The Character of Domitian // Phoenix. – 1964. – Vol. 18. – № 1. – P. 49–77. – P. 74 f.

10. McFayden D. The Occasion of the Domitianic Persecution // American Journal of Theology. – 1920. – Vol. 24. – № 1. – P. 46–66. – P. 60. Аналогичной точки зрения придерживается автор статьи о Домициане в энциклопедии Паули-Виссова, отмечающий, что сообщения Светония и Диона Кассия «не содержат никакого намека на всеобщее преследование иудеев или даже христиан; однако они оставляют открытой возможность того, что ἀθεότης Флавия Клементы и его жены был связан со склонностью к иудаизму, под которым опять-таки следует понимать христианство как иудейскую секту, ἀθεότης означало не более чем impietas, оскорбление величия в отношении императора-бога» (Weynand. Flavius (Domitianus) // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. Stuttgart: Metzler, 1909. – Bd. 6. – Sp. 2541–2596. – Sp. 2578). С точки зрения Штайна, то, что под «атеизмом» и «иудейским образом жизни» Клементы и Домициллы подразумевается «не собственно иудаизм, но скорее христианская религия, кажется почти несомненным (scheint fast sicher). ... Предположение, что он был христианином, становится еще вероятнее в результате археологических раскопок, которые указывают на то, что, по крайней мере, Флавия Домицилла была христианкой. Наконец, и характеристика Ф. у Светония ... трактуется многими исследователями как указание на его христианскую веру, так как в инертности и равнодушии ко всем общественным делам христиан постоянно упрекали языческие авторы» (Stein. Flavius Clemens. – Sp. 2538 f.).

11. См., например: Ekeke E. C. Persecution and Martyrdom of Christians in the Roman Empire from AD 54 to 100: a lesson for the 21st century Church // European Scientific Journal. – 2012. – Vol. 8. – № 16. – P. 175–190. – P. 183 f.

12. Kereszes P. The Jews, the Christians, and Emperor Domitian // Vigiliae Christianae. – 1973. – Vol. 27. – № 1. – P. 1–28. – P. 4. См. также: Williams M.H. Domitian, the Jews and the «Judaizers»: A Simple Matter of Cupiditas and Maiestas? // Historia. – 1990. – Bd. 39. – H. 2. – P. 196–211; Warden D. Imperial Persecution and the Dating of 1 Peter and Revelation // Journal of the Evangelical Theological Society. – 1991. – Vol. 34. – № 2. – P. 203–212. – P. 206.

13. Knudsen J. The Lady and the Emperor... – P. 28; Williams M.H. Domitian, the Jews and the «Judaizers». – P. 208; Jones B.W. The Emperor Domitian. – P. 115.

14. Southern P. Domitian. Tragic Tyrant. – L.-N.Y.: Routledge, 1997. – VIII, 164 p. – P. 115 f.

15. McFayden D. The Occasion of the Domitianic Persecution // American Journal of Theology. – 1920. – Vol. 24. – № 1. – P. 46–66. – P. 59.

16. На то, что Домициан явно следовал здесь примеру Августа, обратил внимание С. Пфайффер (Pfeiffer S. Die Zeit der Flavien. Vespasian – Titus – Domitian. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009 – 134 s. – S. 76).

17. «... cuius (sc. Clementis) filios, etiam tum parvulos, successores palam destinaverat, et abolito priore nomine, alterum Vespasianum appellari iusserat, alterum Domitianum...» (Suet. Dom. 15.1).

18. «cum vero mihi Domitianus Augustus sororis suae nepotum delegaverit curam...» (Quintil. Inst. orat. IV. Prooem. 2).

19. Cohen. I. – P. 539. Отсутствие монет его брата Домициана Штайн объясняет «кратковременностью их положения как наследников трона» (Stein. (T. Flavius) Vespasianus) // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. – Stuttgart, 1909. – Bd. 6. – Sp. 2623).

20. McFayden D. The Occasion of the Domitianic Persecution. – P. 61.

21. Williams M.H. Domitian, the Jews and the “Judaizers”... – P. 208.

С.В. Телепень

(г. Мозырь, Белоруссия)

К ВОПРОСУ О ПОЛКОВОДЧЕСКОМ СТАТУСЕ РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА

Как убедительно показал Бриан Кэмпбелл, римские императоры осуществляли верховную политическую власть главным образом посредством своих полномочий верховного военного вождя [1]. Действительно, уже Август в своих *Res Gestae* постоянно подчеркивает, что победы его полководцев были одержаны «*meo auspicio*» (т.е. под его верховным командованием). И действительно, контекст «Деяний» таков, что создается впечатление об определяющем значении «монаршей воли» там, где решались вопросы войны и мира. В других источниках Август также предстает вершителем одновременно военных и административных дел (Strab. XVII. 3. 25; Ann. Flor. II. 30; Dio Cass. LIII. 17. 6, 22. 5).

Центральное положение императора было далее усилено декретом императора Клавдия. Как пишет Светоний, «солдатам он сенатским указом запретил входить в дома сенаторов для приветствия» (Suet. Claud. XXV. 1. – Пер. М.Л. Гаспарова). Солдаты, таким образом, лишались права быть клиентами кого бы то ни было, кроме самого императора [2].

Полководческий статус императора имел и визуальное выражение. Императорское изображение в военном лагере присутствовало повсюду. *Imago* императора была представлена на *donamilitaria* (военных наградах) и на *signa* (знаменах) [3]. В свою очередь, сакральное значение римских *signa* хорошо известно. Легионы и когорты праздновали дни рождения своих символов (ILS III. 9125–9127). Как пишет А.В. Махлаюк, «военные знамена были окружены особым почитанием, имеющим все признаки настоящего культа» [4].

Распространенным способом пропаганды императорской власти в войсках была также монетная чеканка: на монетах присутствует, прежде всего, сам император. В дискуссии о пропагандистском значении императорской чеканки наиболее аргументированной выглядит точка зрения Ф. Кеммерс,

которая проанализировала находки монет из легионных укреплений и *canabae legionis* (прилагерных поселков) в Неймегене (Нидерланды). Она показала, что, что бóльшая часть монет была здесь *quadrantes*, т.е. малого номинала, что исследовательница объясняет стремлением властей придать монетной чеканке качество массового средства пропаганды [5].

Повсеместное в войсках присутствие императорского изображения, и в еще большей степени – имени (многие легионы носили имена императоров, тем самым как бы усиливая свою связь с ним) было неизменным выражением роли главы государства как военного лидера [6], [7]. Это же отношение подтверждается примерно восьмьюстами военными дипломами, известными к настоящему времени (всего таких дипломов в римское время было выдано от 150 до 300 тыс.) [8]. Диплом начинался с имени и полной титулатуры императора, а завершался именем конкретного солдата. Важность собственных имен, указываемых в дипломе, подтверждается тенденцией III-го в. н.э. – писать имя получателя диплома на его внешней стороне, причем прописными буквами. Эту практику В. Эк связывает со стремлением императоров усилить свою связь с войском [9].

Чрезвычайно значимым выражением лояльности солдат императору была присяга [10]. В тех случаях, когда кто-то забывал об этой связи, императоры незамедлительно о ней напоминали. Так, по приказу Домициана, согласно Светонию, был казнен «Саллюстий Лукулл, легат в Британии – за то, что копья нового образца он позволил называть «лукуловыми»» (Suet. Domitianus X. 3. – Пер. М.Л. Гаспарова).

И наконец, самым главным подтверждением личной связи между императором и армией было физическое присутствие лидера в войсках [11]. «Первый гражданин» являл себя сражающимся за Рим так же, как и его солдаты. Военные, по сути, качества *virtus* и *providentia* составили большую часть прокламировавшихся добродетелей. В течение III в. частота упоминания *virtus* в монетной чеканке еще более возросла, причем указанное достоинство еще более привязывается к личности конкретного императора [12].

Монументальные памятники императорских побед – форумы и арки, – которые были повсюду в империи, поначалу, возможно, были рассчитаны на городскую, а не военную аудиторию, но и здесь целью такой визуализированной пропаганды было создание образа военного лидера, противостоящего варварам [13]. Триумф, опять-таки рассчитанный на городскую аудиторию, как замечает Б. Кэмпбелл, тоже «представлял императора и его солдат в наиболее благородном свете – воителей, сражающихся во имя Рима»; а специальные угощения для воинов, обращенная к ним речь императора, предоставленная солдатам возможность показаться в Риме во всем блеске – все это было средством пропаганды единства войска и его главы [14].

Подобным образом же солдаты играли важную роль в погребальной процессии на императорских похоронах. Фактически, последний путь императора был во многом измененной формой триумфа. Останки императора

были окружены символическими изображениями завоеванных провинций, а также солдатами, которые эти провинции покорили [15].

Император и солдаты сражались за славу Рима обок. Так было при нормальном течении дел. Однако основные качества политических и идеологических структур становятся все более очевидными в случае нарушения этого обычного порядка. Периоды гражданских войн или правления императоров, чья полководческая репутация была сомнительна, как раз и были ситуацией такого исключения. И, тем не менее, во время восстаний и узурпаций претенденты на императорскую власть старались избежать того, чтобы выглядеть сражающимися против римского государства. Б. Левик полагает, что Веспасиан сознательно отсутствовал в войсках, которые двинулись на Рим: личного участия в данном походе Веспасиан стремился избежать во всяком случае [16].

Пример Веспасиана показателен. Тацит же и Иосиф Флавий, подчеркивают, что провозглашение Веспасиана императором было выбором солдат, а не самого Веспасиана (Tac. Hist. II. 80; Jos. Bell. Jud. IV. 10. 4). Тацит, кроме того, особо подчеркивает, что будущий император не несет ответственности за кровавые события в Кремоне. Вина, по Тациту, лежит на Антонии Приме (Tac. Hist. III. 32–33, 49).

Подобно Веспасиану, Север распространял версию, что он пытался отклонить свое избрание (SHA Severus V. 1). Но, в отличие от Веспасиана, у него на момент начала активной борьбы за высшую власть еще не было славы победителя в большой войне. Уже позже, став императором, Север в войнах с варварами завоевал себе славу победоносного вождя. И вероятно, что причинами этой полководческой деятельности были как любовь императора к славе (Herod. III. 14. 2), так и стремление компенсировать не совсем благовидное начало своего императорского правления [17]. Ведь в ходе гражданской войны Север должен был пойти на Рим. Быстрый марш избавил его от необходимости осаждать Вечный город. Но негативный эффект это предприятие в глазах римлян все-таки имело. Возможно, это можно обнаружить в подробном описании Дионом Кассием безуспешных приготовлений Дидия Юлиана к защите города. Подчеркивая неспособность Дидия организовать оборону, Дион Кассий как бы побуждает читателя к одобрению смещения Дидия Севером (Dio Cass. LXXIV. 16. 3-4). Дидий Юлиан пал почти без сопротивления. Дионово описание последовавшего торжественного погребения Пертинакса выглядит как оправдание действий нового императора (Dio Cass. LXXV. 6. 7).

Император IV века Юлиан, пришедший к власти в результате военного мятежа, также не хотел выглядеть сражающимся против Рима. Напротив, в версии Аммиана Марцеллина римские солдаты избрали нового императора, чтобы тот защитил их и государство от сумасбродного правителя – Констанция. В этом эпизоде присутствуют признаки процедуры *recusatio imperii* (законного отстранения от власти) [18].

Гражданская война была лишь одной из проблем законности власти. Другой проблемой, по крайней мере, для некоторых из претендентов на высшую власть, была недостаточная вовлеченность в военные дела. Между тем, одной из главных функций римского государства было отражение внешних врагов. Следовательно, императоры должны были выглядеть достаточно воинственными. Иногда это оказывалось не слишком сложной задачей. Например, Клавдий, поначалу воспринимавшийся современниками как мало приспособленный к государственным и военным делам, повысил свой авторитет завоеванием Британии. Причем Клавдий мог не слишком беспокоиться о логистике, поскольку соответствующая подготовка была проведена еще его предшественником Калигулой. Тот, как известно, в итоге отказался от похода в Британию, заменив его собиранием ракушек на морском побережье, якобы в дар Океана Капитолию и Палатину (Suet. Calig. XLVI).

Клавдий воспользовался ситуацией. Но подобный вариант не мог быть использован императором Адрианом, который больше отступал, чем завоевывал, и позволил себе принять титул *imperator* (здесь – в смысле высшего воинского звания) лишь после колебаний [19]. Но Адриан все-таки нашел два способа компенсировать свой отказ от наступательной политики Траяна. Во-первых, он проводил празднества в честь войск и соединений, что нашло отражение в сериях монетной чеканки [20], а также делал смотры войскам во время своих бесконечных путешествий (ILS. II. 2487,2558). Во всем этом обнаруживается стремление Адриана продемонстрировать армии близость к ней и даже свою сущность настоящего воина, лишь на время отказавшегося от воинственной политики. Во-вторых, Адриан испытывал хорошо известную страсть к охоте, что нашло, кажется, отражение в названии города Адрианотеры («Охота Адриана») в Мизии (западная часть Малой Азии), основанного после успешной охоты Адриана, «потому что там он удачно охотился и как-то убил медведицу» (SHA Hadr. XX. 13. – Пер. С.Н. Кондратьева).

Охотничьи пристрастия Адриана стали символом императорской власти, что нашло отражение в охотничьих сценах триумфальной арки императора Константина Великого. Здесь эти сцены представлены на медальонах, созданных при Адриане, но затем использовавшихся при строительстве арки Константина [21]. Так, снижение военной активности компенсировалось в идеологическом обеспечении власти Адриана (и последующих императоров) демонстрацией личного мужества правителя, готовности истреблять опасных существ.

Схожая мотивация присутствует и в самопрезентации Коммода – последнего представителя все той же династии Антонинов. В поведении Коммода, бесславно закончившего большую войну с варварами, но решившегося на личное участие в гладиаторских боях, имитировавших борьбу с внешними врагами, присутствует стремление императора изобразить себя в глазах римлян защитником римского мира. Вероятно, именно это мотив подразумевается в SHA, где говорится о Коммодe: «Он выступал в гладиаторских боях и с

такой радостью принимал прозвания гладиаторов, словно получал прозвания за триумфы» (SHA Commodus XI. 10) (пер. С.Н. Кондратьева).

Возможно, таким же образом следует расценивать пропагандистские акции Нерона, еще одного, не отметившегося полководческими успехами «плохого» императора. В частности, это касается осмеянного современниками неронова псевдотриумфа. Вероятно, Нерон этими своими действиями попытался отразить свою пропагандистски оформленную готовность играть роль военного вождя в тех формах, которые были привычны этому императору-театралу. Однако, судя по последовавшей реакции современников, запечатленной собирателем анекдотов Светонием, опыт оказался неудачным (Suet. Nero XXV).

Вообще, можно заметить, что жупел ложного триумфа – это общее место у тех античных авторов, которые выступают с критикой полководческих способностей того или иного императора. О Нероне и Коммоде мы уже говорили. Незавершенное вторжение Калигулы на Британские острова также закончилось триумфом (Suet. Calig. XLVII). Калигула, таким образом, явил пример абсурдного смешения символического завоевания Океана и фальшивого триумфа. Однако желаемый эффект – демонстрация ритуализованного полководческого авторитета – обернулась своей противоположностью. Светоний показывает, насколько ударила по авторитету императорской власти разыгранная Калигулой комедия (Suet. Calig. XLVII).

Тема ложного триумфа вновь возникает, когда мы обращаемся к литературным источникам, отражающим эпоху Домициана. Здесь мы видим стремление императора презентовать себя в качестве военного лидера. То, как высмеиваются эти потуги Домициана, показывает, насколько данная роль – вождя и полководца – была важна для обеспечения власти императора. Тацит на примере отношения Домициана к победе Агриколы показывает, как важно было для императора восприниматься в качестве военного лидера (Tac. Agric. XXXIX. 1–2).

Таким образом, главным средством соединения политической и военной власти в Римской империи было военное лидерство главы государства, т. е. высокий полководческий статус соответствующего лица. Но для того, чтобы играть роль настоящего военного лидера, императоры должны были сохранять лояльность войска. Многие императоры добивались этого путем подчеркивания того, что их интересы и интересы Рима совпадают. Служение императору, таким образом, в глазах войска означало служение Риму, а военное лидерство императоров – представало атрибутом верховной политической власти, чем оно (по сути) и являлось.

Примечания

1. Campbell J.B. The Emperor and the Roman Army: 31 BC – AD. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – XIX, 468 p. – P. 148-156.

2. Thomas C. Claudius and the Roman Army reforms // Historia. – 2003. – № 4 (54). – P. 424-452. – P. 428.

3. Richter D. Das römische Heer auf der Trajanssäule. Propaganda und Realität. – Möhnesee: Bibliopolis, 2004. – 472 s. – S. 300-338.
4. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Акра, 2006. – 440 с. – С. 372.
5. Kemmers F. Not at random: Evidence for a regionalised coin supply? // Proceedings of the Fourteenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference / Ed. by J. Bruhn, B. Croxford and D. Grigoropoulos. – Oxford: Oxbow Books, 2005. – P. 39-49. – P. 40.
6. Ando A. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. – Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, 2000. – XXI, 494 p. – P. 314.
7. Lendon J. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. – Oxford: Clarendon Press 1997. – XII, 320 p. – P. 262-263.
8. Эк В. Император во главе войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ. – 2004. – № 3. – С. 28-57. – С. 29, 31.
9. Там же. – С. 55.
10. Токмаков В.Н. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // Вестник древней истории. – 1997. – № 2. – С. 43-59. – С. 58.
11. Hekster O.J. The Roman Army and propaganda // A Companion to the Roman Army / ed. by P. Erdkamp. – Malden – Oxford: Blackwell Publ., 2007. – P. 339-358. – P. 351.
12. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. – М.: Институт археологии РАН, 1995. – 656 с. – С. 121.
13. Hekster O. J. Op. cit. – P. 342-345.
14. Campbell J. B. Warfare and Society in Imperial Rome, 31 BC–AD 28. – L.–N.Y.: Routledge Publ., 2002 – XIV, 208 p. – P. 44.
15. Zanker P. Die Apotheose der römischen Kaiser. Ritual und städtische Bühne / P. Zanker. – München: Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung, 2004. – 80 s. – S. 25-28.
16. Levick B. Vespasian. – L.–N.Y.: Routledge Publ., 1999. – XXIII, 310 p. – P. 53.
17. Birley A. R. Septimius Severus. The African Emperor. – 2-nd ed. (1-st. ed. – 1971) – L.–N.Y.: B.T. Batsford Ltd, 1988. – XII, 292 p. – P. 170.
18. Wallace-Hadrill A. Civilis princeps: between citizen and king // Journal of Roman Studies. – 1982. – № 72. – P. 32-48. – P. 34.
19. Eck W. The Bar Kokhba Revolt: The Roman Point of View // Journal of Roman Studies. – 1999. – № 89. – P. 76-89. – P. 85-87.
20. Абрамзон М. Г. Указ. соч. – С. 152.
21. Поплавский В.С. Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. – М.: Наука; Слава, 2000. – 436 с. – См. приложение (вклейки) – илл. 51, 52, 53, 58.

О.В. Абушаева
(г. Саратов)

КЕСАРИЯ ПАЛЕСТИНСКАЯ В СТАНОВЛЕНИИ КУЛЬТА ИМПЕРАТОРА

На возникновение культа императора в Риме оказал свое влияние целый ряд факторов, таких, как историческая римская традиция, контакты с примитивными культурами, эллинистическая культура [1]. Важная роль, которую играл императорский культ в Древнем Риме, была обусловлена тем, что религия и культы для древних греков и римлян являлись фундаментальной

формой жизнедеятельности [2]. В эпоху античности они осуществляли задачи трансляции всех составляющих культуры от поколения к поколению. Благодаря обязательности регламентированной формы культа, такой механизм реализации и воспроизводства человеческих отношений, поступков, желаний, целей и т.д. являлся результативным [3].

Предпосылками установления культа императора в римской культуре послужили культ первых царей, культ ларов, культ героев. Власть магистратов и власть трибунов в период Республики также обладали элементами культа. С началом больших войн III-II вв. до н.э. и до окончания гражданских войн, объектами обожествления становятся выдающиеся политики и полководцы: Сципион Африканский, которого считали сыном Юпитера, Сулла, Помпей, принявший в честь Александра имя Великий, Цезарь, Антоний, заявлявший о родстве с Геркулесом [4,5,6]. Плебс, недовольный властью олигархов, желал в эти смутные времена пришествия спасителя *res publica*. Марий, Сулла, Помпей прилагали усилия к тому, чтобы сконцентрировать на своих персонах эти ожидания, подготавливая к принятию монархической идеи общественное сознание [7]. Установление культа императора в качестве государственной религии происходило в период правления Юлия Цезаря и Октавиана Августа. Цезарь, после его убийства, посмертно провозглашается *Divus Julius*. В это же время римляне наблюдают появление кометы, видя в этом знак того, что душа Цезаря, вознесшись на небо к бессмертным богам, была принята в их сонм [8,9]. Октавиан, как приемный сын Божественного Юлия, становится сыном государственного бога. Для всех подданных Рима культ императора становится обязательным.

Начинается становление культа Октавиана Августа. Быстрее всего он распространяется в восточных римских провинциях. Там возводятся храмы и алтари, посвященные Августу и РOME. В зависимости от сложившихся в каждой из покоренных областей традиций, культ императора принимает самобытную форму в различных провинциях [10, 11].

В формально независимых от Рима государствах и в провинциях в честь Августа дают названия городам. Одним из примеров этого может служить *Кесария Приморская (Caesarea Maritima)*, позже получившая название *Caesarea Palestine*. Этот город был построен Иродом Великим на месте поселения, основанного финикийцами в III в. до н.э. и названного ими Башней Стратона. Получив его от Августа в 31 г. до н.э. Ирод приступает к строительству города. В 22 г. до н.э. царем было принято решение о создании порта. Строительство заняло 12 лет и осуществлялось римскими и местными строителями. В 10 г. до н.э. он был построен и обладал самой большой искусственной гаванью в открытом море из всех, что были созданы к тому времени. Это грандиозное сооружение отличается масштабностью, быстротой строительства и сложностью даже по современным стандартам и признается одним из наиболее грандиозных технических достижений периода правления Августа благодаря проводимым с 1960-х гг. по настоящее время подводным археологическим исследованиям затопленного портового комплекса

Ирода [12]. Как символ Кесарии, военные суда и якорь изображались на монетах Ирода [13].

Стратонова Башня была отстроена величественными дворцами и общественными зданиями из белого мрамора, о чем сообщает Иосиф Флавий. Наиболее же значительным сооружением, по его мнению, является огромная гавань, имеющая двойной ряд пристаней. На высоком холме был воздвигнут храм, посвященный Цезарю и украшенный колоссальными статуями Августа и Ромы. Ирод строит театр в Кесарии и амфитеатр за городом. Каждые пять лет царь проводит общественные игры в честь Цезаря [14]. Ирод, дав городу имя Кесария у порта Августа, выражал, таким образом, свое мнение, что проводимая им политика сотрудничества с Римом является залогом благополучия Иудеи [15]. Обладая многочисленными талантами, Ирод сумел превратить Иудею в большое и процветающее царство, являющееся частью римского мира [16]. Под его властью Иудейское царство достигает вершины иудейско-еврейской государственности. Август, видя в Ироде верного помощника в создании империи и надежного союзника Рима, постоянно расширяет территорию его царства [17]. Император оказывал Ироду существенную финансовую поддержку. Так для проведения праздничных игр в Кесарии, Августом и его супругой Ироду были переданы дары общей стоимостью около 500 талантов, о чем сообщает Иосиф Флавий. Император также подарил Ироду половину доходов от Кипрских медных рудников и поручил ему заведовать второй половиной этих доходов [18].

Большинством исследователей Ирод Великий признается величайшим строителем в древней еврейской истории, осуществившим за время своего царствования целый ряд масштабных строительных проектов, таких, как гавань Кесарии, Храм в Иерусалиме, крепость Масада и т.д. Иродом были израсходованы на строительство колоссальные средства [19, 20].

Строительная деятельность Ирода в течение его длительного правления поражает своим масштабом. В числе других сооружений им возводятся храмы, посвященные Августу и Роме, что являлось существенным вкладом в становление культа императора. Кесария Палестинская, таким образом, демонстрировала величие Рима и его божественного императора. Город и порт, построенные Иродом, сопоставимы по грандиозности с сооружениями, возведенными Августом.

Примечания

1. Klauck H.-J. The Religious Context of Early Christian Ly: A Guide to Graeco-Roman Religions. – Edinburgh, 2000. – P. 395.

2. Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220-146 годах до н.э. – М.: Греко-латинский кабинет, 1993. – 374 с. – С. 17.

3. Мамардашвили М. К. Обязательность формы // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с. – С. 18.

4. Liv.,XXVI, 19.; Livius Titus. History: in 13 vols / Titus Livius. With an English trans. by D.O. Fister. – Cambridge (Mass.); L.: Harvard University Press, 1926-1943.

5. Dio 3.39. Dio Cassius. Dio's Roman History: in 9 vols. With an English trans. By E. Cary. – L.: William Heinemann; N.-Y.: The Macmillan Co., 1914-1927.
6. Plut. M. Ant. 4. 1-2. 60.3. Плутарх. Избранные жизнеописания в 2-х томах. Пер. с древнегреческого / сост., вст. ст. и примеч. М. Томашевской. – М.; Правда 1987. – 592+608 с.
7. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской Республики. – М.: Наука, 1965. – С. 59.
8. Plin. Hist.nat. II. 24. Pliny the Elder. The Natural History / Eds. J. Bostock, H.T. Riley. – L., 1855-1857.
9. Verg. Aen., VIII, 618. Vergilius. P. Virgilio Maronis Opera omnia. Ed. A. Forbiger. III partes. – Lipsiae: B.G. Teubner, 1873-1875.
10. Bleicken J. Augustus: Eine Biographie. – Berlin. 1998. – P. 111.
11. Егоров Ф.Б. Культ личности и культ государства в религиозном почитании императоров. I в. н.э. // Мнемон Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. проф. Э.Д. Фролова. – Выпуск 3. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 280.
12. CONSTRUCTING THE HARBOUR OF CAESAREA ON THE SEA: NEW EVIDENCE FROM THE ROMACONS FIELD CAMPAIGN OF OCTOBER 2005. The International Journal of Nautical Archaeology, 2007. 36.2: 409-15.
13. Richardson P. Herod. King of Jews and Friend of the Romans. – Edinburgh, 1999. – P. 264.
14. Flav. De bello Jud. XV; 8,9. Flavius Josephus The Works of Flavius Josephus. Halifax Milner and Sowerby 1856. – 710 с.
15. Грант М. Ирод Великий. Двумикий правитель Иудеи / пер. с англ. В.П. Михайлова. – М.: Центрполиграф. 2003. – С. 202.
16. Грант М. Указ. соч. – С.9–17.
17. Вихнович В. Л. Царь Ирод Великий. Воплощение невозможного (Рим, Иудея, эллины). – СПб.: Академия исследования культуры, 2010. – С. 11–12.
18. Flav. Ant. Iud. XVI; 4-5. Flavius Josephus The Works of Flavius Josephus. Halifax Milner and Sowerby 1856. – 710 с.
19. D. Langgut et al. Pollen analysis as evidence for Herod's Royal Garden at the Promontory Palace, Caesare. Israel Journal of Plant Sciences, 2015 [электронный ресурс]. – URL <http://dx.doi.org/10.1080/07929978.2014.975560> (дата обращения: 25.01.2015).
20. Gitler H. Roman Coinages of Palestine, in W.Metcalf ed. Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage. – Oxford, 2012 – P. 487.

А.Ж. Арутюнян
(г. Ереван, Армения)

СОБЫТИЯ 260 г. В КОММЕНТАРИЯХ ТРЕБЕЛЛИЯ ПОЛЛИОНА (ИРАН, РИМ, АРМЕНИЯ)

Исследованию и разъяснению многих исторических событий помогают не только основные исторические источники и лапидарные тексты, но и сообщения вспомогательных исторических дисциплин. В число таких дисциплин входят, в первую очередь, генеология, геральдика, нумизматики, историческая метрология, хронология, ономастика, картография (ландшатоведение, орография, гидрография), антропология, мифология, религиоведение и т.д. Ряд других смежных наук могут продолжить данный список [1].

Особое место для изучения и выяснения событий, происходящих на перипетии веков, имеют, несомненно, и эпистолярные документы. Основоположниками этого историко-художественного типа источников, а также литературного жанра, без всякого сомнения, считаются древние римляне, несмотря на то, что первые реальные письма (в то время они назывались посланиями) в современном понимании этого слова были написаны в эпоху эллинизма [2].

Римляне стали основателями классического типа письма (послания), имеющего свои строгие четкие правила обращения. Так, например, классическими являются письма Марка Туллия Цицерона (106-43гг.), посланные Гаю Юлию Цезарю и другим виднейшим персонам того времени. Культура письменного обращения имела свои устоявшиеся правила, соблюдение которых было обязательным. Вначале следовало указать, от кого данное письмо и кому оно адресовано [3]. После имен следовало выражение *salutem elicit* (привет, поклон, ласка, радость; у греков - χαίρειν - здравствуй), после чего излагалось содержание. Завершая послание, римляне писали *vale* или *cura ut valeas*, т.е. «будь здоров». Греки заканчивали письма многозначным словом *έρρωσο*, что, помимо «будь здоров», означало также «прощай».

Вышесказанное касается классической формы письма, которую первым нарушил Гай Юлий Цезарь, пославший в Рим после своей очередной победы над неприятелем (Фарнаком, сыном Митридата VI Евпатора, Понтийца) письмо, начинающееся словами *veni, vidi, vici*.

Эволюция эпистолярного жанра, равно как и нарушение классической формы, продолжались на протяжении последующих веков. Примером могут служить два очень коротких, однако содержательных в политическом и морально-психологическом плане письма, о которых пишет в своем сочинении историк III в. Требеллий Поллион (один из пяти историков этой эпохи, именуемых писателями истории Августа – *scriptores Historiae Augustae*). Он сообщает о событии, потрясшем мир в 260 г.: во время сражения римский император Валериан попал в плен к Сасанидскому царю Шапуху I (Шапуру или Сапору), что вызвало сильное негодование многих соседних и дальних правителей. Требеллий Поллион по этому поводу пишет: «Велен, царь кадузиев, написал так: «Отосланные тобой назад мои вспомогательные отряды, целые и невредимые, и с радостью принял. Но с тем, что ты взял в плен Валериана, Государя государей, я не очень тебя поздравляю; я поздравил бы тебя, если бы ты его вернул. Ведь римляне грознее тогда, когда они терпят поражение. Действуй так, как подобает благоразумному человеку, и пусть счастье, которое уже многих обмануло, не воспламеняет тебя ...» [4].

Это письмо можно назвать политическим памфлетом, жалобой придуманного автором царя, которого реально не существовало. Послание имеет скорее назидательное значение. Требеллий Поллион желает образумить и «перевоспитать» агрессивного сасанидского царя, чтобы тот проявил благоразумие и терпимость и отношения с другими правителями строил более мудрыми методами. От имени вымышленного героя автор пытается запугать Шапуха.

Текст данного послания, его композиция не имеют ничего общего с классическим письмом. О многочисленных нарушениях классической формы в ту эпоху свидетельствует также письмо армянского царя Артавазда V: Артабаза, царь армянский, послал Сапору такое письмо: «Я притязую на долю славы, но боюсь, что ты не столько одержал победу, сколько посеял новые войны. Валериана требуют обратно и сын его, и внук, и римские военачальники, вся Галлия, и вся Африка, и вся Испания, и вся Италия, и все племена, живущие в Иллирике на Востоке, и в Понте, которые сочувствуют римлянам или принадлежат им. Ты взял в плен одного старика, но сделал все племена всего круга земель злейшими врагами себе, а возможно и нам, в то время как мы посылали тебе вспомогательные отряды, являемся вашими соседями и всегда страдаем, когда вы воюете друг с другом» [5].

Приведенные цитаты красноречиво свидетельствуют, что оба письма не принадлежат классическому стилю изложения. Что касается их содержания, то второе определенным образом дополняет первое, явно указывая, кто именно требует вернуть обратно римского императора. Требуют, как говорили римляне, весь *orbis terrarum*, и в этом контексте автор (царь Артавазд V) определяет статус Армянского государства Аршакидов как одного из главных факторов международной политики. Об этом свидетельствует его выражение в самом начале изложения: «Я притязую на долю славы...».

Анализируя данное письмо, трудно установить взаимоотношения Армении с другими государствами (с Испанией, Галлией, странами Африки и т.д.), однако столь обширный кругозор и миропонимание Артавазда V явно свидетельствуют о связях (хоть и не тесных) армянского государства Аршакидов с другими народами. Часть территорий, о которых говорится в письме, находились в то время в составе Римской империи (Испания, вся М. Азия, в том числе и Понт) в статусе провинций, настроения населения которых говорит о том, что между Артаваздом и вышеупомянутыми провинциями и государствами всегда поддерживались определенные контакты, о чем свидетельствует переписка, основным содержанием которой являлись важнейшие события текущей эпохи. Это еще раз доказывает, что Аршакидская Армения являлась важнейшим фактором всемирной политики, и наравне с Римом и Ираном решала многие глобальные международные проблемы того времени.

На основе чего сделан вывод насчет статуса (роли) Аршакидов на мировой арене древнего мира? Для аргументации достаточно провести сопоставительный анализ писем армянского царя с перепиской других правителей. О письме Велена мы уже упомянули. Переводчик и составитель примечаний трудов Требеллия Поллиона М.Л. Гаспаров справедливо замечает: «...упоминается только в истории Августов; вне сомнения, вымышленное лицо...» [6]. Другие правители также обращались письмами к римским военачальникам [7], боясь гнева Шапуха. Таким образом, только Артавазд имел смелость так резко и критически осуждать персидского царя, смело дав отпор его деяниям.

Эту ситуацию можно с оговоркой сравнить с событиями 363 г., когда во время восточного (персидского) похода погиб император Юлиан Отступник. Тогда никто не протестовал против персов, что свидетельствовало об очевидном постепенном упадке римской империи.

Отметим, что послание, написанное Артаваздом, не соответствует требованиям классического письма, о которых говорилось выше. Однако это во все не означает, что «...классический стиль эпистолярный потерпел упадок в Армении. В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци приведено много писем, и первая глава первой книги начинается изложением своего письма. Глава названа «Ответ на письмо Сахака и обещание выполнить его просьбу»[8]. Здесь автор, согласно правилам вежливости, сообщает адресата. Единственным отступлением от общепринятых канонов является отсутствие датировки. В этом аспекте армянский историограф не следует примеру великого римского эпистоляра Плиния Младшего [9]. Особенно много писем у Хоренаци в третьей книге. Все они выдержаны в классическом стиле.

Факт преданности Хоренаци классическому стилю, по всей вероятности, можно объяснить тем, что он получил образование в египетской Александрии, в отличие от Фавстоса Бузанда, который следовал стилю Требеллия Поллиона. Фавстос, прозвище которого Византиец (Бузанд) (на армянском Византия-Бузандиа), не столь часто обращается к эпистолярному жанру, как Хоренаци, цитирующий, особенно в III книге, много писем, посвященных различным вопросам IV-V веков [10].

Таким образом, мы рассмотрели вопросы значимости и актуальности одного письма Требеллия Поллиона, связанного с историей Аршакидской Армении в контексте международных событий, доказав, как велика роль эпистолярный для изучения различных исторических периодов.

Классическая и обычная формы письма сохранились до наших дней. Ярким примером двух видов этого жанра являются письма выдающихся деятелей прошлого века: Франца Кафки Милене и Альбера Камю немецкому другу [11]. Первый остается верен классической форме, а второй – обычной.

Примечания

1. Гусарова Т.П., Дмитриева О.В. Филиппов И.С. Введение в специальные исторические дисциплины. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 280 с. – С. 6 и дал.

2. См. Welles C.B. Royal correspondence in the Hellenistic period. A study in Greek epigraphy. – New Haven. Ed. R.E. Paulys, 1939. – 385 p. – P. 57 и сл.

3. См. Марк Туллий Цицерон. Письма. К Аттику, близким, брату Квинту. – М.: Ладомир, 1994. – Т. I. Годы 68-51. – 534 с. – С. 8 и дал.; – Т. II. Годы 51-46. – 501 с. – С. 7 и сл.; – Т. III. Годы 46-43. – 534 с. – С. 10 и сл. Пер. и комментарии В.О. Горенштейна.

4. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. Требеллий Поллион. Двое Валерианов. – М.: Эксмо, 2006. – 1024 с. – С. 792-793 (II). Пер. М.Л. Гаспарова.

5. Там же. – С. 793 (III).

6. Там же. – С. 982.

7. Там же. – С. 793 (IV).

8. См. Мовсес Хоренаци. История Армении. – Ереван. Изд-во Айастан, 1990. – 291 с. – Кн. I, гл. 1. Пер. с древнеарм. Саркисяна Г.Х. Речь идет о Сахаке Багратуни, который был меценатом Хоренаци.

9. См. Письма Плиния Младшего. Кн. I-X. – М.: Изд-во Наука, 1982. – 405 с. – С. 4 и сл. Изд. 2-е. Под ред. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура.

10. См. Фавстос Бузанд. История Армении. – Ереван.: Изд-во АН Арм. ССР, 1953. 236 с. – Кн. IV, гл. XXI, пер. с древнеарм. Геворгяна М.А; см. также Хоренаци. кн. III, гл. 5,15,17,19,23,42,48,57.

11. См. Кафка Ф. Замок. – М.: Изд-во Политической литературы, 1991. – 576 с. – С. 460-544 (Письма Милене); Камю А. Бунтующий человек. – М.: Изд-во Политической литературы, 1990. – 415 с. – С. 102-118.

А.М. Болгова
(г. Белгород)

ШКОЛА ЛИБАНИЯ ПО ЕГО ПИСЬМАМ

Главной разновидностью высшего образования, унаследованного Поздней античностью от классического мира, была риторическая школа [1]. Звучащее слово, иногда обретавшее самостоятельную ценность (как, например, в период «Второй софистики»), всегда играло одну из важнейших ролей в античной культуре и ее внешней репрезентации.

Сам тип обучения в позднеантичных риторических школах следовал классической традиции – это была группа учеников вокруг схоларха - Учителя - харизматического лидера школы. При этом круг преподавателей пополнялся за счет заканчивавших обучение «студентов».

Особенно широко такие школы распространились на Римском Востоке, где они готовили молодежь со всех основных провинций региона. Считалось, что в IV столетии учителя риторики были далеко не в каждом городе империи, и слушатели ехали зачастую издалека, чтобы поучиться у великих софистов в Афинах, Антиохии, Константинополе и т.д.

Наиболее известна одна из последних собственно античных школ - школа Либания (314-393 гг.) [2], располагавшейся в крупнейшем городе Римского Востока – Антиохии. По выражению наиболее авторитетного ныне исследователя Либания – Раффаэлла Крибиоре, сочинения Либания открывают нам широкое окно в области высшего образования Поздней Античности – Ранней Византии [3].

Либаний сам по себе представляет весьма крупную фигуру в истории позднеантичной (ранневизантийской) культуры [4]. От Либания дошли «Автобиография», 64 речи, 1544 письма (еще 66 неподлинных), 51 декламация и 144 прогимназмы (начальные риторические упражнения). Однако, отдельного монографического исследования в отечественной науке о Либании нет. Его педагогическая деятельность в Антиохийской риторической школе была за-

тронута в лишь статьях С.П. Шестакова, сопровождающей перевод его речей [5], а также в главе книги Г.Л. Курбатова [6].

Между тем, письма Либания представляют собой важный исторический источник, а также занимают заметное место в классической эпистолографии. В издании Фёрстера [7] они занимают тома 10-11.

По сохранившимся письмам Либания [8] мы можем составить представление о составе учеников, их семьях и происхождении, о формировании контингента «студентов», о составе преподавателей. В более чем 200 письмах содержится информация о преподавательской деятельности самого Либания.

Когда Либаний достиг юношеского возраста, Ясон, его друг из Каппадокии, смущал его рассказами об афинских учителях, их риторическом мастерстве, и об их школах (Lib.Or. I, 11). Либанию пришлось долго слушать эти рассказы, пока он не смог сам отправиться в Афины на учебу. Впоследствии, оглядываясь назад, на это время своей жизни, Либаний писал: «Я думаю, что подобно Одиссею, я должен был вступить в прошлом брак с богиней, чтобы увидеть дым Афин» (Or.I, 12).

В 354 г., вернувшись в Антиохию из столицы, после неудачных попыток сделать карьеру, Либаний со временем был назначен официальным софистом города и состоял в этой должности около 40 лет, до конца своих дней. Будучи софистом, он учил в высшей риторической школе, которая постепенно сформировалась вокруг него и его ближайших учеников еще до получения должности официального софиста.

Антиохия того времен была большим городом с 300 тыс. населения и носила титул «столицы Востока». В течение IV в. Антиохия еще превосходила Константинополь по населению [9].

Состав учащихся был пестрым и ярко выраженным полиэтничным. В ней учились выходцы из многих провинций Римского Востока. Либаний в своих письмах часто пишет о «студентах», их количестве, уровне знаний, обучении. Количество одновременно обучающихся в годы расцвета школы составляло от 130 до 200 чел. [10].

Школа выросла и сформировалась по античной традиции вокруг личности ее основателя. Она довольно быстро обросла другими преподавателями, как правило, уже бывшими учениками самого ее руководителя. Либаний проявлял особую заботу о преподавательском составе своей школы. Он интересовался жизнью и проблемами своих бывших учеников, старался им помочь как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни. Из преподавательского состава по именам кроме Либания известны 5 педагогов: Юлий, Эвдемон, Гарпократион, Клеобул и Каллиокий (Ер. 454 от 355/356 г. упоминает первых трех).

Либаний был выразителем возрождения греческой литературы, которое началось со Второй софистики. В Orat., 55, он превозносит студентам преимущества карьеры в качестве учителя риторики: «Как это здорово - управлять благородными молодыми людьми и видеть их совершенствование в риторике и переход к различным путям жизни! А как насчет почета, который

получает каждый из них, и их отцы, от граждан и иностранцев? Преподаватели риторики уважаются всеми губернаторами, малыми и великими, и даже императорами (23)».

Риторическое образование, предоставляемое Либанием и другими учителями в Антиохии, было заключительным этапом обучения, которое для всех намерений и целей, было обязательно для мужчин из высших классов. Но равномерно ли риторика пронизывала культурную жизнь римского Востока, или она была ограничена несколькими отдельными островами пайдеи? Исследование в отношении других школ риторики на римском Востоке может помочь нам оценить значимость Антиохии среди других учебных центров, так что мы можем начать понимать природу конкуренции, с которой сталкивался Либаний. Это также проливает некоторый свет на отношения Либания с софистами, которые практиковали за пределами его непосредственной сферы деятельности. Эти контакты, поддерживавшиеся в основном по переписке, выявляют прошлые встречи, иногда начиная с риторов «совместных школьных дней в Афинах».

Это делает возможным реконструировать сложную сеть академических взаимодействий, на которой Либаний прочно основывался, и который был частью более широкой сети *Philia* («Дружбы») с бывшими учениками, и их семьями и знакомыми [11]. Однако необходимо признать, что значительно больше софистов, чем те, чьи имена мы можем восстановить, вели свою деятельность в те годы, так как переписка Либания не сообщает нам о софистах, с которыми он не хотел общаться, или не очень хорошо знал.

Информация о преподавании софистов в различных местах ранневизантийского Востока крайне неравномерна. Когда Либаний является основным источником, мы получаем некоторые детали, но часто не в состоянии проверить достоверность его информации. Его переписка, однако, настолько обширна и охватывает так много десятилетий, что можно надеяться на какую-то перспективу.

Обычно риторические выступления софиста ценились широко, но он считался профессионалом и авторитетом лишь в своей школе, и его имя часто исчезает из текстов после ухода из школы.

Местоположение школы Либания неоднократно изменялось, пока он не стал официальным софистом Антиохии. С этого времени он обозначал в городском совете помещения, которые он использовал, термином «школа» (*didaskaleion*) и, видимо, никогда не учил снова (даже когда он был болен) в своем собственном доме, который он нанял для этой цели, когда он имел только немногих студентов.

Городской совет Антиохии обладал «крытым лекционным залом (*Theatron*) в четыре колоннады, которые окружали двор, который был превращен в сад» с деревьями различных видов (Or. 22.31). Либаний использовал «театрон» для декламации его и его учеников, и для обычных классов. Окончание его гимна Артемиде происходило в этом зале, где он ожидал прибытия студентов (Or. 5.45-52). Это было монументальное помещение с вну-

шительным входом, и на противоположной стороне там были два места, одно из которых было его личным креслом (thronos).

Лекционные залы для преподавания права (аудитории) существовали в IV веке также в Берите (Бейруте) [12], как сообщает автор *Expositiototius Mundiet Gentium*, а в позднеантичной Александрии серия из пятнадцати известняковых аудиторий в последнее время раскопаны рядом с подобными сооружениями, которые были обнаружены ранее. Они показывают места для учителя или преподавателя, и ряды сидений для студентов и образуют мощный комплекс зданий для высшего образования, в основном грамматики, риторики и философии.

Отношения между горожанами и софистами по ряду параметров настолько накалялись, что последние воздерживались от декламаций в городе и использовали «частные аудитории» (*idiotikatheatra*) вдали от центра города. Дома были украшены статуями бывших учеников, имели небольшой мраморный лекционный зал, который был пригоден для классов и декламаций.

Софисты, должно быть, вообще часто использовали свои собственные помещения для обучения, особенно, когда они могли позволить себе просторные жилища.

Либаний жаловался на членов городского совета Антиохии, что их невеликодушное финансовое обеспечение учителей и неуважение к образованию заставляло некоторых бежать в Кесарию, «меньший город», который щедро компенсировал труды софистов (Or. 31.42). Сам Либаний, однако, не поддавался на уговоры более высокой оплаты в Кесарии [13].

Во времена Либания существовала весьма высокая «академическая мобильность» студентов. Они часто меняли школы, стремясь по разным причинам в новые образовательные центры. Либаний немало полемизировал по поводу карьерных устремлений тех, кто едет учиться в Бейрутскую школу права, и на фоне этой школы выгодно оттенял свою, не связанную с карьерными амбициями непосредственно.

Юношеское путешествие в свое время побудило самого Либания стать частью интеллектуальной жизни важнейших образовательных центров. Поездки в школы, кроме того, играли важную роль в сборе студентов в интеллектуальные центры и в сохранении их связей с этими центрами после того, как они их покидали. Понятно, что интеллектуальные центры обладали определенной привлекательностью. Однако, в античности, как и ныне, школы и образовательные центры были как модными, так и немодными. Обычно имел место длительный процесс их развития. Когда интеллектуальный центр становился целью студенческих путешествий, он располагался обычно в или около густонаселенных мест. Индивидуальные истории типа Либания показывают, что город уже хорошо установился в роли цели студенческих путешествий, и трудно сказать, кто был первым в установлении этой роли.

Таким образом, по письмам Либания перед нами открывается широкая и разносторонняя деятельность высшей риторической школы, сложная и многогранная личность ее схоларха, мир преподавателей и студентов [14], а так-

же огромная «социальная сеть» различных людей ранневизантийского Востока, связанных с Либанием [15].

Примечания

1. Kennedy G. A. Classical rhetoric and its Christian and secular tradition from ancient to modern times. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1999. – 288 p. – P. 183-190.
2. Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. – Л., 1991. – 400 с. – С. 52-98.
3. Cribiore R. The school of Libanius in Late Antique Antioch. – Princeton, 2007. – 375 p. – P. 1.
4. Перфилова Т.Б. «Странствующие» софисты в культурном пространстве провинции (на примере биографии Либания) // Известия Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – 2004. – № 4(7). – 190 с. – С. 7-15; Перфилова Т.Б. Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в восточных провинциях Римской империи // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 1, 2, 3 (в 3-х частях); Болгова А.М., Сбитнева Ю.Н. Риторическое образование на Римском Востоке в IV в. и школа Либания // Классическая и византийская традиция. 2009. – Белгород, 2009. – 192 с. – С. 134-136.
5. Шестаков С.П. Из переписки Либания // Либаний. Речи. – Т. 2. – СПб., 2014. – 768 с. – С. 708-749; Шестаков С.П. Письма-энкомии ритора Либания // Записки Императорского Общества истории и древностей. – Т. XXX: Сборник в честь Э. Р. фон Штерна. – 224 с. – С. 97-108.
6. Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. – Л.: ЛГУ, 1991.
7. Foerster R. Libanius, Opera. – 12 vols. – Leipzig, 1903-1927.
8. Письма Либания в русских переводах / Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. III / ред.-сост. А.М. Болгова, Н.Н. Болгов. – Белгород, 2015. – 66 с.
9. Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город Антиохия. – Л.: ЛГУ, 1962. – 392 с.; Downey G. A history of Antioch in Syria: from Seleucus to the Arab conquest. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 792 p.
10. Cribiore R. The school of Libanius in Late Antique Antioch. – P. 97.
11. Bradbury S. Libanius' Letters as Evidence for Travel and Epistolary Networks among Greek Elites in the Fourth Century // Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane / Eds. L. Ellis, F.L. Kidner. – Aldershot; Burlington: Ashgate, 2004. – 322 p. – P. 73-80.
12. Болгова А.М., Болгов Н.Н. Позднеантичный Берит в Финикии и его юридическая школа // Государство и общество: взаимодействие и противостояние. – Воронеж: Истоки, 2013. – 428 с. – С. 306-311.
13. Ващева И.Ю. Образование в Кесарии Палестинской в III – первой половине VII вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. – Н. Новгород, 2005. – 186 с. – С. 72-80.
14. Lieu, Samuel N. C. Libanius and Higher Education at Antioch // Sandwell, Isabella, Huskinson, Janet (eds.). Culture and Society in Later Roman Antioch. – Oxford. 2004. – 258 p. – P. 13-23; Norman A. F. Libanius: The Teacher in an Age of Violence // Fatouros G., Krischer T. Libanios, Briefe. – Munich, 1983. – 322 p. – P. 150-169.
15. Cabouret B. Libanios: Lettres aux hommes de son temps. – Paris, 2000. – 452 p.; Cribiore R. Libanius's Letters of Evaluation of Students // L'epistolographie et la poesie epigrammatique. Actes de la 16e table ronde du XXe Congre`s international des Etudes Byzantines. – Paris, 2003. – 122 p. – P. 11-20.

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СТРУННЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПОЭТОВ И ТРАГИКОВ

Классификация древнегреческого музыкального инструментария, содержащаяся в труде А.Ф. Лосева, включает в себя две группы инструментов – духовые и струнные [1]. Однако наш анализ письменных источников, в первую очередь художественной литературы – эпической и лирической поэзии, а также сочинений трагиков позволяет выделить три таких группы: струнные, духовые, и ударные. Первая и является объектом нашего исследования в данной статье.

Отметим, что струнный музыкальный инструментарий, упоминаемый в изученных нами источниках, достаточно разнообразен. Необходимым этапом его изучения является терминологический анализ; только вычленив в источниках понятийный пласт, относящийся к этой составной части древнегреческой музыкальной культуры, и проанализировав его, можно продвинуться в получении исторических знаний о струнных инструментах греческой Античности. Поэтому целью данного исследования является нахождение в нарративных источниках терминов, обозначающих струнные музыкальные инструменты, выяснение их значения (включая грамматические формы с оттенками значений), определение частоты их использования древними авторами.

1. **ἡ κίθῆρις** – «кифара, искусство игры на кифаре» [2]; другой термин, который имеет значение только музыкального инструмента, **ἡ κίθῆρα** – кифара, оба термина мы находим в произведениях всех трех групп источников. Джон Ланделс утверждает, что термин **ἡ κίθῆρις** более ранний, чем **ἡ κίθῆρα** [3]. Термин **ἡ κίθῆριστός** переводится как «искусство играть на кифаре» [2], он присутствует в «Илиаде» (Hom. II. II. 600) и у Фанокла (Phan. fr. 1. 21). Существительное, обозначающее кифариста (**ὁ κίθῆριστής**), т.е., человека, который играл на кифаре без пения, содержится в произведениях лирических поэтов (Alcm. fr. 38; Theocr. Id. XXII. 24). Глагол **κίθῆρίζω** обозначает игру (на струнном инструменте)[2], встречается особенно часто в гомеровых гимнах (см., н-р, Н.Н. Hymn. III. 515; Hymn. IV. 423 и др.), также мы находим его у Гесиода (Scut. 202), Гермесианакта (fr. 7. 7) и Еврипида (Alces. 447; I.T. 146; Hel. 185; Phoen. 1028). Данный глагол с приставкой **ἐγ-** присутствует в гомеровых гимнах к Апполону (Hymn. III. 201) и к Гермесу (Hymn. IV. 17), он обозначает «(тем временем) играть на кифаре» [2]. Во фрагментах произведений лирического поэта Иона Хиосского (fr. 53c) есть прилагательное **κίθαρῳδικός**, словарь Дворецкого дает его перевод как «касающийся пения под звуки кифары, кифарный»[2]). Единожды мы встречаем прилагательное **ἀκίθῆρις** – «безкифарный» [2] (Aesch. Suppl. 681).

2. **ἡ φόρμιγξ** – «форминга» [2], транскрибируется как форминкс, упоминается впервые у Гомера и встречается достаточно часто как в «Илиаде» (Π.Ι. 603; IX. 186, 194; XVIII. 495, 569 и др.), так и «Одиссее» (Od. VIII. 67, 99, 105, 254, 261, 266, 53; XVII. 262, 270 и др.), реже – в гомеровых гимнах (Hymn. III.183; Hymn. IV.184 и др.). Далее мы находим термин φόρμιγξ в произведениях Гесиода (Scut. 203, 280), Феогнида (Eleg. 761, 791; fr. dubia. 2 и др.), Аристоноя (Hymn. in Vestam. 7) и Еврипида (Phoen. 823; Hel. 172; Ion 164). Глагол, обозначающий игру на форминге – **φορμίζω**, образованное от него participium **φορμίζων** содержится в «Одиссее» (Od. I. 155; IV. 18) и «Гимне Аполлону» гомеровых гимнов (Hymn. III. 182), а также у Гермесианакта (Herm. fr. 7. 48). Во фрагментах гомеровых гимнов золотая форминга Аполлона названа одним словом – **χρυσοφόρμιγξ** (fr. 6. subfr. 1a. 5), данный термин встречается один раз, обычно слова золотая (χρύσεια) и форминга (φόρμιγξ) употребляют раздельно (см., напр., Ariston. Hymn. in Vestam. 7). Еврипид в произведении «Ифигения в Тавриде» использует φόρμιγξ с приставкой δυσ- (**δυσφόρμιγξ**) в значении «сопровождается не игрой на форминге (а душераздирающими воплями)» [2]. Прилагательное **φιλοφόρμιγξ**, упоминаемое у Эсхила в «Просительницах» (Suppl. 697), переводится как «сочетающийся с игрой на форминге, сопутствующий форминге» [2].

3. **ἡ λύρα** (ион. **λύρη**) – лира, лирическое искусство [2] встречается в произведениях лирических поэтов (Phan. fr. 1. 16; Ariston. Paeanin Apollinem. 15; Call. Work Aet. fr. 23. 5; Work lyr. fr. 3 и др.) и Еврипида (Phoen. 824; Alces. 430 и др.). Человека, искусно владеющего лирой, Сапфо во фрагменте 44 (fr. 44. 33) и Еврипид в «Алькесте» и фрагменте 477 называют **εὐλύρας** (Alces. 570; fr. 477), у Эсхила (Ag. 990) встречается противоположный термин **ἄνεύλύρας**. В произведениях Софокла (O.C. 1222) и Еврипида (Hel. 185) использован еще один однокоренной термин – **ἄλυρον**, он является прилагательным и обозначает «не сопровождаемый игрой на лире» [2]. Алкман употребляет достаточно интересное слово, которое не встречается больше ни у одного из авторов – **ἡ κερκόλυρα** (Alc. fr. 142. subfr. 1) (= **κρέκουσα λύρα**), что может быть переведено как тканая / плетеная / соединенная лира.

4. **ἡ χέλυς** – транскрибируется как хелюс, однако, также как и в случае с сириксом, в русском языке есть устоявшаяся форма хелис (буквально – «черепаха»; первоначально инструмент изготавливали из щита черепахи)[2]. Данный термин находит отражение в гомеровых гимнах (Hymn. 4. 24, 25, 33 и др.), в произведениях Каллимаха (Hymn. II. 16), Сапфо (fr. 118. 1), Тимофея (col 5. 222), Симонида (Book 7. Epigramm. 24. 6), Никандра (Ther. 700), Еврипида (Alces. 447; Her. 683; El. 837). Сапфо употребляет слово χελωνῶν (fr. 58. 12), образованное от χελωνήν, т.е. черепаха, лира. Такой же термин использует Никандр (Ther. 703; Alexiph. 555, 557), Эринна (fr. 1b. 5; 16) и Каллимах (iamb 196. 22).

5. **τό βάρβιτον** (**ὄ** и **ἡ βάρβιτος**) – «барбитон или барбитос» [2], заимствованный, по-видимому, у лидийцев. Он использовался лириками и поэтами острова Лесбос. Изобретение этого инструмента или, точнее, распростране-

ние его, приписывается Терландеру, Алкею, Анакреонту [4]. Упоминание о нем встречается у Сапфо (fr. 176), Симонида (Epigramm. 25. 10), Эсхила (fr. 61. 137), Еврипида (Cycl. 40; Alces. 345), Вакхилида (fr. 20 с. 1), Феокрита (Id. 16. 45).

6. **ἡ πηκτίς** – пектида [2] упоминается в произведениях Сапфо (fr. 156. 1), Анакреонта (fr. 28; fr. 41), Телеста (fr. 6. 4a), Софокла (fr. 241. 1; fr. 412. 2), Алкея (fr. 36. 5).

7. **ἡ μάγᾶδις** – магадида, данный термин имеет только одно значение – струнного инструмента и встречается пять раз (Alcm.fr. 101.subfr. 1; Anacr. fr. 29. 2; Tel. fr. 4. 2 и др.).

8. **τὸ τρίγωνον (ἦ)** – «тригон» [2], упоминание о тригоне присутствует в двух из сохранившихся фрагментов Софокла (fr. 412, fr. 239) и в произведениях Эсхила (Prom. 813), Каллимаха (fr. 191. 61), Сапфо (fr. 44. 25).

Рассмотренные термины относятся к инструментам, которые делятся на два семейства – лиры и арфы. К семейству лир относятся ἡ φόρμιγξ, ἡ κίθᾶρις, ἡ λύρα, ἡ χέλυς, τὸ βάρβιτον, к семейству арф – ἡ μάγᾶδις, τὸ τρίγωνον, ἡ πηκτίς. Подчеркнем, что форминга и кифара являются древнейшими и популярнейшими струнными музыкальными инструментами, затем появляются лира и хелис, более значима была, конечно, лира. Меньше внимания в источниках уделяется пектиде, барбитону, тригону и магадиде.

Примечания

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. – М., 1963. – С. 67.
2. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 1043 с.
3. Landels J.G. Music in ancient Greece and Rome. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – С. 47.
4. Барбитон // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. 3. – СПб., 1900. – С. 48.

Christian Pilet
(Caen, France)

MIGRATIONS DE LA INTEGRATIONS

Le recul de l'histoire permet d'évoquer des moments très troublés que furent la période des grandes migrations des IVe-Ve siècles. On peut dire que la naissance de l'Europe a commencé. Cette connaissance de l'Europe passe par les historiens, les archéologues, les paléanthropologues, les géographes...

Le cheminement est connu entre les points de départs à l'Est et les découvertes archéologiques les plus occidentales, en Normandie par exemple. Les traces des culturelles matérielles jalonnent d'abord le Bassin du Danube Moyen. On peut parler de la «mode» hunnique qu'il s'agisse des selles de cheval, des

boucles d'oreilles en forme de croissant, des fibules du type de Smolin, des fibules du type d'Airan ou d'Untersiebenbrun, des petits miroirs circulaires... ainsi que la dispersion des cas de déformations volontaires du crâne effectuées par l'application de bandages, tous ces artefacts indiquent bien le même axe de circulation qui va d'Est en Ouest.

A l'époque où l'empereur Julien l'Apostat est proclamé empereur (360-363), la guerre civile menace l'unité de l'empire, elle est évitée en 363 avec la mort de Julien. L'homogénéité de l'empire est soutenue par la langue, le latin, et le grec pour les intellectuels et sa frontière, le limes. Les barbares qui menacent, même si un certain nombre se sont romanisés restent dangereux pour l'équilibre de l'empire.

La langue peut être un critère permettant de distinguer les barbares des non barbares. Le concept est aussi lié à la géographie : on est barbare à l'extérieur de la frontière, non barbare à l'intérieur de celle-ci. Ce schéma cache une réalité beaucoup plus mouvante: des populations résidant pacifiquement dans l'Empire peuvent être barbares.

La notion de barbares est étroitement liée à la notion de frontière. Elle est au coeur de la principale composante de l'Empire qu'est l'armée romaine.

La création d'armées de campagne, capables de se déplacer rapidement aux ordres du Prince ou des Maîtres de la milice, n'a pas eu pour conséquence de dégarnir la défense du *litus saxonicum*, ni celles des *limes* du Rhin et du Danube. Ces changements de stratégie militaire sont élaborés pendant le IVe s., qu'il s'agisse pour l'Orient de l'armée de Dioclétien, ou pour l'Occident des armées de Constantin et de Julien. Mais le pouvoir hésite à dégarnir les défenses linéaires.

Au IVe siècle, l'armée est presque exclusivement composée de barbares, même dans le haut commandement.

Le processus qui a conduit à cet état de fait est ancien. On peut rappeler en effet que Septime Sévère (193-211) officialisa la présence de barbares dans l'armée romaine et autorisa en même temps les femmes de soldats à pouvoir suivre leurs compagnons. Peu de temps après, Caracalla décida que tous les hommes libres de l'Empire allaient devenir citoyens de Rome.

A l'ouest, dans la Lyonnaise Seconde (Normandie actuelle), les restes de barbares attirés par la défense du *litus saxonicum* (défense du littoral) ont été mis au jour dans plusieurs nécropoles (Frénouville, Saint-Martin-de-Fontenay). De même la présence militaire est attestée par des trésors monétaires d'or notamment des multiples de *solidi* à Helleville, autour de Coriallo, Cherbourg. C'est dans les années 320-330 que le camp romain de Coriallo a été construit pour arrêter le piratage des côtes.

La confrontation de ces découvertes à celles provenant des sites funéraires de la Ile Lyonnaise contribue à démontrer le déplacement de ces populations, avec leurs coutumes, leurs modes d'existence et leur intégration dans les terres de l'Ouest de la Gaule. Reste à préciser l'ampleur quantitative de ces migrations-intégrations.

Миграции – интеграции*

Ретроспективный взгляд на историю позволяет вспомнить наиболее важные периоды, которыми отмечена эпоха Великого переселения народов IV-V веков. Можно сказать, что в это время начинается рождение европейских государств. Это изучение Европы проходит через исследования историков, археологов, палеоантропологов, географов.... Направление этих исследований начинается с изучения Востока и наиболее западных археологических находок, сделанных, например, в Нормандии. Следы этой материальной культуры зафиксированы прежде всего в районе Среднего Дуная. Можно говорить о присутствии здесь так называемой гуннской «моды», которая прослеживается в форме лошадиных сёдел, ушных серёг в виде круассана, фибул по смолинскому типу, фибул по типу из Эйрана или Унтерзибенбруна, маленьких зеркал круглой формы. Также можно говорить о распространённых случаях искусственной деформации черепов посредством тугой повязки. Все эти артефакты указывают на существование культурной оси, связывающей Восток и Запад.

В эпоху императора Юстиниана Отступника, правившего в 360-363 гг., гражданская война, начавшаяся в 363 году после смерти Юстиниана, угрожала единству Империи. Гомогенность Империи поддерживалась за счёт языка: латинского и греческого для интеллектуальной элиты, а также за счёт её границ. Варвары при этом представляли собой опасность для равновесия Империи, даже при том, что часть их подверглась процессу романизации.

Язык может служить критерием разграничения населения на варваров и не варваров. Это понятие также связано с географическим аспектом: варвары жили за пределами границы, остальное население – во внутренней части страны. Однако эта схема достаточно неустойчива, так как народы, спокойно проживавшие на территории Империи, могли быть варварами.

Понятие о варварах тесно связано с понятием о границах. В сердце Империи основой населения была римская армия.

Создание полевых армейских формирований, способных быстро перемещаться по приказу военачальников, не должно было оголить защиту ни Литуса Саксоникума, ни границ Рейна и Дуная. Эти изменения в военной стратегии были выработаны в IV в. На Востоке это было характерно для армии Диоклетиана, на Западе – для армий Константина и Юстиниана. Но власть избегала оголять линейные защиты.

В IV в. армия почти целиком состояла из варваров, даже в высшем командном составе.

Процесс, положивший начало этому состоянию, уходит корнями в далёкое прошлое. Можно вспомнить, что Септимий Север (193-211) сделал официальным присутствие варваров в римской армии и в то же время разрешил жёнам солдат следовать за ними. Немного спустя, Каракалла принял решение о том, что все свободные мужчины Империи должны стать гражданами Рима.

*Перевод выполнен к.и.н. Е.Л. Сосниной.

На Западе, во Второй Лионезе (современная Нормандия) остальные варвары, защищавшие Литус Саксоникум (речь идёт о прибрежной защите), создали множество некрополей (Френувилль, Сен-Мартен-де-Фонтене). Здесь военное присутствие также подтверждается кладами золотых монет, как, например, множеством солидов в Эллевилле, возле Coriallo (Шербура). В Coriallo римский лагерь появился в 320-330-х годах для того, чтобы прекратить пиратские набеги.

Сопоставление этих находок с теми, что были найдены в погребениях Второй Лионезы показывает миграцию этих народов, их обычаи, образ жизни, и их интеграцию на земли Западной Галлии. Остаётся уточнить количественный объём этих миграций-интеграций.

Н.Н. Болгов
(г. Белгород)

САМАРИТЯНЕ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

Древняя этноконфессиональная группа Палестины – самаритяне - образовалась из разнообразного населения, переселенного сюда переднеазиатскими царями в период отсутствия здесь древних евреев. Со временем самаритяне восприняли некоторые идеи ветхозаветной религии и стали воспринимать себя как замену населения древнего Израильского царства, уничтоженного ассирийцами. В религиозном отношении они остались сектой, оппозиционной к иудеям. Их религиозный центр находился на горе Гаризим в Самарии.

Представляя собой уникальный исторический феномен, существующий не одно тысячелетие, самаритяне привлекали определенное внимание исследователей, в том числе, и в ранневизантийский период своей истории. Однако в России единственным историческим сочинением о них является монография В. Рыбинского [1]. В мировой науке первая крупная монография вышла в 1907 г. [2]. Схожий характер носила книга 1927 г. [3]. Через много лет, по мере накопления знаний, обобщающие работы выходили снова, как авторские [4], коллективные [5].

Масштабный исход самаритян из их традиционных мест (Самарии) в другие части Палестины имел место с середины II до середины III веков, после Иудейских войн, когда самаритяне в значительной мере потеснили еврейское население в Палестине.

Если по итогам Иудейских войн, ранее доминировавшая еврейская община почти исчезла в Иудее и на побережье Южного Леванта, оставаясь большинством только в Галилее и Васане (Голаны), то самаритяне и византийские христиане заполнили этот вакуум в центральных районах Южного

Леванта, в то время как набатейцы и христиане-арабы поселились на гассанидской периферии.

Этот период считается золотым веком для сообщества самаритян. Храм Гаризим был восстановлен после восстания Бар-Кохбы в Иудее, после 135 г. С выводом римских легионов Самария пользуется ограниченным видом независимости в течение III-IV вв.

Баба Рабба, тогдашний лидер самаритян, разделил самарянские территории на районы, в которые были поставлены местные правители из аристократических семей самаритян. Он также провел ряд реформ и установил государственные учреждения. Большая часть самаритянской литургии была установлена Баба Раббой в течение этого времени. Баба Рабба, в буквальном смысле «Великий Отец», был одним из величайших самаритянских первосвященников. Сын самаритянского первосвященника Нафанаила, Баба Рабба, вероятно, родился в Сихеме. Мало что известно о его жизни. Позже он стал религиозным реформатором и вместе с учеными смог кодифицировать Marqah - самаритянскую литургию и культ. Он, кажется, был связан с римскими властями, и, возможно, осуществлял некоторую временную власть над сообществом самаритян, которые, кажется, были относительно автономны в течение этого периода. Этот период полу-независимости был, однако, кратким, а византийские войска вторглись в Самарию и взяли в плен Баба Раббу, уведя его в Константинополь, где он и умер в тюрьме несколько лет спустя около 362 г., как отмечается в одной хронике. Царствование Баба Раббы предстает в традиции как золотой век самаритян и по сей день [6].

Самаритяне часто занимали важные посты в правительстве и военных канцеляриях Палестины, и по указу Максимиана (ок. 307 г.), предписывающему приносить жертвы богам, принадлежащие к оффицию губернатора самаритяне Кесарии так и сделали, хотя могли бы избежать этого. В свете актов мученичеств, происходивших в Кесарии тогда же среди христиан, это желание чиновников самаритян пойти на компромисс в основной религиозной заповеди является самым показательным.

С успехами христианизации самаритяне оказались снова в оппозиции по отношению к поддерживаемой государством религии. Со временем их отношение к империи претерпело эволюцию от компромиссного сотрудничества к полному отрицанию и вооруженным восстаниям [7].

Восстания самаритян были серией происходивших в течение V-VI вв. эпизодов открытого противостояния империи в провинции Палестине Прима [8]. Восстания произошли на фоне завершения процесса христианизации империи и региона и были отмечены большим насилием с обеих сторон, и их жестокое подавление руками византийцев и их союзников Гассанидов серьезно сократило самаритянское население. Эти события необратимо сместили демографию региона, что сделало христиан исключительно доминирующей группой в провинции Палестина Прима на протяжении многих десятилетий вперед. Некоторые историки проводят сравнения между последствиями вос-

станий для самаритян V-VI вв. и последствиями иудейских войн I-II вв. для евреев в регионе [9].

Во время правления императора Зенона напряженность в отношениях между христианской общиной и самаритянами в Неаполе-Сихеме резко выросла. По словам самаритянских источников, император Зенон (правивший в 474-491 гг.) преследовал самаритян без пощады. Император отправился в Сихем, собрал старейшин и потребовал от них преобразовать общину; когда они отказались, Зенон многих самаритян убил, и вновь преобразовал синагогу в церковь. Зенон затем взял гору Гаризим, где самаритяне поклонялись Богу, и построил несколько зданий, среди них могилу для его недавно умершего сына, на которой он поставил крест, так что самаритяне, поклоняясь Богу, падали ниц перед могилой.

Позже, в 484 г., самаритяне восстали, спровоцированные слухами о том, что христиане предназначили убрать останки сыновей и внуков Елеазара, Ифамара и Финееса Аарона. Самаритяне отреагировали путем нападения на собор Неаполя, убивая христиан внутри и отрезав пальцы епископу Теревинфу. Самаритяне избрали Юсту (или) Юстасу (Justasa, Justasus) своим царем и двинулись в Кесарию, где жила крупная община самаритян [10]. Там много христиан было убито, и была разрушена церковь Прокопия. Юста отпраздновал победу по античной традиции триумфом и играми в цирке. По словам Иоанна Малалы, дукс Палестины Асклепиад, чьи войска были усилены расквартированными в Кесарии «аркадианами» (Arcadiani) во главе с Регесом (Rheges), победил Юсту, убил его и послал его голову с надетой на нее царской диадемой Зенону (Chron. XVIII).

Теревинф тем временем бежал в Константинополь с просьбой о гарнизоне, чтобы предотвратить дальнейшие нападения. По свидетельству Прокопия, Теревинф пошел к Зенону попросить мести. Император лично отправился в Самарию, чтобы подавить восстание. В результате восстания, византийский император Зенон воздвиг храм, посвященный Марии, на горе Гаризим. Он также запретил самаритянам ездить в горы, чтобы справлять свои религиозные обряды, и конфисковал их синагоги. Эти действия императора разожгли гнев самаритян по отношению к другим христианам. Некоторые современные историки считают, что порядок фактов, сохранившихся в источниках о самаритянах, нужно перевернуть, а преследование Зенона было следствием восстания, а не его причиной, и должно было случиться после 484 г., около 489 г. Зенон перестроил церковь св. Прокопия в Неаполе (Сихем), и самаритянам было запрещено посещение горы Гаризим, на которых были построены сигнальные башни, чтобы предупредить в случае гражданских беспорядков.

Самаритяне снова восстали в 495 г. при власти императора Анастасия I, захватив гору Гаризим. Они сражались под командованием некой женщины-самаритянки, как говорят источники. Они заняли церковь Св. Марии и вырезали гарнизон. Восстание было подавлено впоследствии византийским губернатором Эдессы, Прокопием, а лидеры самаритян были убиты.

Под руководством харизматического, мессианского лидера по имени Юлиан бен Сабар (или бен Сахир), самаритяне начали войну, иногда считающейся в качестве последнего восстания самаритян, чтобы создать собственное независимое государство, в 529 г. [11]. Юлиан бен Сабар (также известный как Юлиан, или Юлиан бен Сахир, латинизированно - Iulianus Sabarides) возглавил восстание против Византийской империи в правление Юстиниана I, из-за законодательства, запрещающего религию самаритян, как сообщает Прокопий, хотя Кирилл Скифопольский утверждал, что это произошло из-за напряженности в отношениях с христианами. Юлиан объявил себя царем Израиля, принимая Иеровоама за образец, и повел армию самаритян опустошать города Скифополь, Кесарию, Неаполь, Вифлеем и Эммаус. К 530 г. ему удалось захватить практически всю Самарию. Восстание было отмечено масштабной бойней христиан и уничтожением церквей. Самарянское восстание бен Сабара было, пожалуй, самым жестоким по своему характеру среди прочих. Согласно византийским источникам, епископ Неаполя Аммон (также Саммон, или Аммон) был убит, а священники города были порублены на куски, а затем сожжены вместе с мощами святых. Юстиниан заручился поддержкой Гассанидов, и в 531 г. восстание было подавлено. Юлиан сам был обезглавлен, как сообщает Феофан Исповедник. Десятки тысяч самаритян были убиты и порабощены, и многие были проданы в рабство по всему Ближнему Востоку. С их погибшими сородичами, возможно, число жертв насчитывает от 20000 до 100000 чел. По свидетельству Прокопия Кесарийского, большинство самаритян-крестьян, наиболее дерзких в этом восстании, «были разрезаны на куски». Другие были проданы так далеко, как простиралась рубежи Сасанидской Персии, где некоторые их потомки будут включены в персидское вторжение в Левант 85 лет спустя. Восстание Юлиана было сравнимо по масштабам с восстанием Бар Кохбы, произошедшим за 400 лет до этого. Вера самаритян после этого была практически поставлена вне закона в христианской Византийской империи [12]. Кроме того, Самария, «наиболее плодородная земля в мире, осталась без людей».

Император Юстиниан столкнулся с еще одним важным восстанием в 556 г. По этому поводу евреи и самаритяне, кажется, делали общее дело, начав свой бунт в Кесарии, в начале июля месяца. Они напали на христиан в городе, убив многих из них, после чего они напали на церкви и разграбили их. Губернатор Стефан и его военный эскорт были сильно потрепаны, и в конце концов губернатор, искавший убежище в своем доме, был убит. Амантию, губернатору Востока, было приказано подавить восстание, после того как вдова Стефана добралась до Константинополя. Несмотря на еврейское участие в восстании, оно, кажется, собрало меньшую поддержку, чем восстание бен Сабара. Церковь Рождества Христова также сгорела в этих событиях, поэтому предполагается, что восстание распространилось на юг в Вифлеем. Либо 100000, либо 120000 самаритян было убито после восстания. Иные же были замучены, или отправлены в изгнание. Однако, вероятно, является пре-

увеличением, что в качестве наказания, самаритяне были ограничены в поселении в районах крупных городов, например, Кесарии.

Напряженность, однако, на этом не закончилась. Император Юстин II, который царствовал с 565 по 578 гг., жаловался на «бесчинства незамирных самаритян у подножия горы Кармель на христианские церкви и святые образа». Вероятно, в ответ на это событие Юстин II издал указ в мае 572 г. об отмене восстановления прав самаритян, данных Юстинианом. В ответ начался второй совместный самаритяно-еврейский бунт, состоявшийся летом 572 г. и снова в начале 573 г., или, по другой версии, в 578 г. Иоанн Эфесский и Иоанн Никиусский описали это восстание, которое также было подавлено.

После этих событий вера самаритян была объявлена вне закона, и из общины населением около миллиона человек сообщество самаритян сократилось до грани исчезновения [13]. Ситуация еще более ухудшилась для самаритян с поражением еврейского восстания против Ираклия и истребления еврейского населения в 629 г. [14]. После мусульманского завоевания Сирии в 636 г. самаритяне пострадали так же, как христиане и евреи, но арабы включили самаритян в исламское определение «людей Писания», и взяли их под некоторую защиту. Ранневизантийский период истории самаритян закончился, и без них невозможно адекватно оценить этноконфессиональную историю региона в рассматриваемое время [15].

Остается добавить, что Райнхард Пламмер составил замечательную комментированную хрестоматию упоминаний о самаритянах у христианских авторов Ранней Византии [16], что значительно облегчает работу с данной проблематикой.

Примечания

1. Рыбинский В.П. Самаряне. Обзор источников для изучения самарянства. История и религия самарян. – Киев, 1913. – 627 с. (о ранневизантийском периоде: с. 269-288).
2. Montgomery J. A. The Samaritans. The Earlier Jewish Sect. Their History, Theology and Literature. – Philadelphia: The John C. Winston Co, 1907. – 432 p. (о ранневизантийском времени: p. 90-124).
3. Gaster M. The Samaritans. Their history, doctrine and literature. – L., 1927. – 512 p.
4. Pummer R. The Samaritans. – Leiden: E.J. Brill, 1987. – 488 p.
5. The Samaritans / Ed. A.D. Crown. – Tübingen, 1989. – 882 p.
6. Cohen J. A Samaritan Chronicle: a Source-critical Analysis of the Life and Times of the Great Samaritan Reformer Baba Rabbah. – Leiden: E.J. Brill, 1981. – 312 p.; Anderson R.T., Giles T. The Keepers: An Introduction to the History and Culture of the Samaritans. – Peabody, Mass., 2002. – 514 p. – P. 58-60.
7. Crown Alan D. Samaritans in the Byzantine Orbit // Bulletin of John Rylands Library. 69. 1986. – P. 96-138; Di Segni L. The Samaritans in Roman-Byzantine Palestine // Religious and Ethnic Communities / Ed. H. Lapin. – Bethesda, 1998. – 411 p. – P. 51-66.
8. Avi-Yonah M. The Samaritan Revolts Against the Byzantine Empire // Eretz Israel. IV. 1956. – 180 p. – P. 127-132.
9. Avi-Yonah M. The Samaritans in Romano-Byzantine Times // Eretz Shomron / Ed. J. Abibam. – Jerusalem, 1973. – 366 p. – P. 34-47.
10. Levine L. Caesaria under Roman Rule. – Leiden: Brill, 1975. – 310 p. (о самаритянах в Кесарии – P. 107-112).

11. Di Segni L. Scythopolis (Beth Shean) during the Samaritan Rebellion of 529 CE // *Jews, Samaritans and Christians in Byzantine Palestine* / Eds. D. Jacoby, Y. Tsafir. – Jerusalem, 1988. – 478 p. – P. 217-227; *ibid. Samaritan Revolts in Byzantine Palestine The Samaritans* / Eds. E. Stern, H. Eshel. – Jerusalem, 2002. – 890 p. – P. 454-480.
12. Dexinger F. The Beliefs of the Samaritans in the Byzantine Period // *The Samaritans* / Eds. E. Stern, H. Eshel. – Jerusalem, 2002. – P. 496-518.
13. Di Segni L. Mutual Relations between Samaritans, Jews and Christians in Byzantine Palestine // *New Samaritan Studies*. 1995. – 326 p. – P. 185-194.
14. Crown Alan D. The Samaritan diaspora to the end of the byzantine era // *Australian Journal of Biblical Archaeology*. 1984. – 200 p. – P. 107-123.
15. Sivan H. *Palestine in Late Antiquity*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 450 p. – P. 107-142.
16. Pummer R. *Early Christian Authors on Samaritans and Samaritanism*. – Tübingen, 2002. – 288 p.

М.Ю. Лопатина
(г. Белгород)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

Историография истории Византии в отечественной науке удостоилась лишь одного специального исследования [1]. За последние 40 лет в изучении Византии, особенно Ранней, в мировой науке произошел настоящий бум, требующий осмысления. Наиболее важными и интересными из работ по регионам Ранней Византии, на наш взгляд, стали работы по Палестине. Прежде всего, следует выделить блок работ по исторической географии и топографии [2]. Еще одна важная тема – история отдельных конфессий, прежде всего, христиан, включая археологический контекст [3], а также иудеев и самаритян, история изживания классической античной традиции. Наиболее плодотворно развивалось исследование отдельных городов [4]: Газы, Кесарии, Скифополя, Иерусалима, Аскалона, Гиппоса, Сепфориса, Элевтерополя, Дора, Диосполя, Элузы, Никополя, Неаполя, Назарета, Капернаума, Табхи, Магдалы, Тивериады, Хеврона и др., а также городов Заиорданья и пустыни Негев (провинции Палестина III). Ранневизантийская Палестина в целом стала предметом монографии Х.Сиван [5]. Палестинские города занимают важное место в исследовании муниципальной знати ранневизантийских городов А. Ланиадо [6]. В истории культуры главное внимание уделяется феномену Газской школы и ее авторам (Прокопий, Эней, Хорикий, Иоанн и др.). Ряд работ посвящен исследованию христианской и иудейской мозаики, архитектуры, публикуются новые материалы интенсивных археологических раскопок. Среди наиболее активных авторов последних лет следует назвать Бруриу Биттон-Ашкелони, Хагит Сиван, Рину Тальгам, Кеннета Холума, Леа Ди Сеньи, Йижара Хиршфельда, Дорона Бара, Лоренцо Перроне, Якова Ашкенази,

Авшалома Ланиадо, Катрин Салю, Йорама Тсафира, Дугласа Бёртон-Кристи, Джона Элиотт-Биннса, Гая Струмзу, Зеева Рубинаи мн. др.

Примечания

1. Курбатов Г.Л. История Византии (историография). – Л.: ЛГУ, 1975. – 256 с.
2. Bar D. The Christianization of Rural Palestine during Late Antiquity // Journal of Ecclesiastical History. 54:3. 2003. – P. 401-421 etc.
3. Hirschfeld Y. The Judean Desert Monasteries in the Byzantine Period. – New Haven; London: Yale University Press, 1992. – 412 p. etc.
4. Christian Gaza in Late Antiquity. – Boston: Brill, 2004. – 257 p.; Gaza dans l'Antiquité Tardive. – Salerno: Helios, 2005. – 239 p.; Caesarea Maritima: A Retrospective after Two Millennia. – Leiden; New York; Köln: E.J. Brill, 1996. – 740 p.; Elliott-Binns J. Cyril of Scythopolis and Monasteries of Palestinian Desert. – L., 1989. – 290 p. etc.
5. Sivan Hagith S. Palestine in Late Antiquity. – New York: Oxford University Press, 2008. – 450 p.
6. Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire byzantin. – Paris: CNRS, 2002. – 296 p.

Д.А. Волошин
(г. Армавир)

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ КАК НАУЧНЫЙ ЭРЗАЦ И ПОРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНТИИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА

Идейно-политическая жизнь современной России полна недвусмысленных и тревожных симптомов; говоря о том, что нашу страну захлестнула антиинтеллектуальная волна, специалисты замечают – историческая наука из механизма консолидации общества превратилась в предмет устойчивого общественного раздора и конфронтации. Немалую роль во всем этом играет тенденция понижения уровня компетентности в управлении государством и валового нарастания доли фиктивности в работе системы. Антиинтеллектуализм как враждебность и недоверие к интеллектуалам и интеллектуальной работе, может выражаться в самых различных формах. В России существует запрос на антиинтеллектуализм, – и он удовлетворяется властями с избытком...

Да и в советскую эпоху интеллектуальная прослойка, что называется, пребывала в небрежении, довольствуясь сугубо потребительским к себе отношением. А потому стоит ли удивляться, что современная историческая наука воспринимается властью РФ лишь как излишне затратная сфера. В исторической науке никто не видит социальной технологии общественного развития; мир власти игнорирует мир исторической мысли, изредка и избирательно прибегая к услугам некоторых его представителей – для решения сугубо идеологических задач. «Если в советское время власть «интересовалась» словом, сказанным мыслителями, и особенно неуютными, и это слово

могло стоить им жизни, то сегодня все слова обесценены; равнодушные властей предрержащих к социальной мысли исторически беспрецедентно» [1].

Но следует помнить: антиинтеллектуализм – отнюдь не новое явление в мировой политической культуре. И хотя это слово вошло в отечественный политический лексикон недавно, у него длительная и богатая предыстория... Так, в советском менталитете презрение к интеллекту всегда играло важную (если не сказать, системообразующую) роль. Слово «интеллигент» было фактически оскорбительным в течение всего правления И.В. Сталина. Советские вожди и после него считали себя вправе навязывать свои далекие от компетентности мнения ученым-историкам. Конечно, отнюдь не всегда это делалось под прямым давлением, страхом репрессий, но тем не менее... России не впервой переживать прецеденты, когда ограниченные и слабокомпетентные люди получают поистине неограниченные возможности. Плоды «умствований» таких деятелей всегда оказывали девальвирующее влияние на отечественную науку, выставляя в невыгодном свете профессионалов (и это в лучшем случае).

Теория революции рабов (далее – ТРР) по праву может считаться классическим образцом политического антиинтеллектуализма, замешанного на практике научного непротивления административному ресурсу, соглашательства и готовности научно обрамлять антинаучное. Т.е., И.В. Сталин в случае с ТРР поступил в свойственной ему манере: совершил определенное (в нашем случае – речевое) действие – и стал просто наблюдать за развитием событий. Все остальное сделали люди, вернее их страхи, комплексы, желания, надежды... Одним словом – события разворачивались таким образом, каким их привык режиссировать вождь народов.

А потому точкой невозврата для отечественной исторической науки можно считать не сталинские опусы [которые и цитировать уже не имеет никакого смысла], а то, что было сделано историками в деле их развития и научного оформления. Речь идет об известной статье «Методологическое значение...» [2], – и в ней парадигма абсурда была задана в полной мере: «дополняя и развивая» основные положения К. Маркса и Ф. Энгельса о переходе от античности к средним векам, товарищ Сталин ввел в марксистскую науку понятие революции рабов как основной силы, сокрушившей рабовладельческий строй. В итоге сталинская концепция, став руководящим методологическим положением, изменила прежний взгляд:

а) на падение Римской империи, объясняя последнее рабской революцией, которая ликвидировала рабовладельцев. По задумке, отныне приоритетной темой становилось революционное движение среди рабов, слившееся в последние века существования Римской империи (III–V вв. н.э.) с движениями других угнетенных классов;

б) на варварские вторжения, связав их теснейшим образом с революцией рабов. Т.е., варвары являлись постоянным резервом несвободной рабочей силы; из их среды пополнялись и ряды колонов, убывавшие в результате бегства и восстаний. В результате связь между варварами, из среды которых империя черпает рабов и колонов, и варварами, уже превращенными в рабов

и колонов, не разрывается. Потому варвары являются естественными союзниками рабов и колонов в борьбе с общим врагом – рабовладельческой империей.

Появление этой теории было спровоцировано политической ситуацией в стране, поэтому, как замечает Д.В. Малашкин, на определенном этапе не только критическое отношение к данной теории ввиду ее явных недочетов и противоречий, но и ее обсуждение в научных кругах были невозможны [3]. Так или иначе, но отныне ситуация была способна развиваться только следующими путями:

1. «Принимать, оправдывать, научно обосновывать» ТРР формально, либо с пристрастием (это уже зависело от конкретного исследователя или предмета изучения). Этот путь был избран абсолютным большинством отечественных специалистов, в результате чего историческая наука по целым своим направлениям получила импульс для скачкообразного движения вспять. Это отбрасывание, безусловно, внесло свою лепту в общую ситуацию стадийного отставания методологии истории, которая была осознана много позже.

В действительности, историкам было трудно умолчать о том факте, что в документальных источниках того времени есть множество упоминаний о восстаниях – только не о восстаниях рабов в поддержку варварских нашествий, а, наоборот, против этих самых варваров. Специалисты не могли не обнаружить противоречие сталинского высказывания не только с исторической действительностью, но и с некоторыми высказываниями классиков марксизма-ленинизма (В.И. Ленин, например, прямо указывал, что рабы восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства). Но выход был найден: советские ученые робко предположили, что именно неразработанность документального античного наследия тогдашней исторической наукой не позволила Марксу и Энгельсу решить вопрос о роли революционного класса древности – рабов в крушении Римской империи. И этот пробел восполнил гений товарища Сталина! (ситуация, больше походящая на анекдотичную).

2. Всячески избегать скользкой темы ТРР, дабы не бросать тень на свою научную репутацию. Путь нелегкий и, надо признать, не особо популярный в эпоху, когда сомневающиеся да неопределившиеся вызывали подозрение... Существует мнение, что лучшие представители отечественной исторической науки в трудные годы моноидеологического господства умели в своих трудах доносить до читателя собственные концепции и выводы, прикрывая их обязательными тогда словесными формулами и ссылками на труды классиков марксизма-ленинизма... Но было ли так в случае с теорией революции рабов?

3. «Критиковать ТРР, находясь на безопасном расстоянии» – этот путь был апробирован еще десятилетием ранее, находившимся в эмиграции А. С. Коцеваловым. В небольшой по объему работе «Античное рабство и революция рабов в советской исторической литературе» (ориг. «Das Sklaventum der Antike und die Sklavenrevolutionen in der sowjetischen Geschichtsliteratur»),

увидевшей свет в Мюнхене, он говорит о советских историках античного мира, зашоренных учением Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, особо подчеркивая их покорное повиновение предписанию Сталина «прежде всего, изучать отношения раба к рабовладельцу» [4]. Первостепенный интерес в этой связи представляет 3 пункт (или глава) его работы «Восстания рабов и крестьян после Р.Х.» (s. 30-38). Здесь А.С. Коцевалов пишет о том, что советские ученые во всякого рода беспорядках, будь то религиозные движения, или волнения, вызванные вторжением варваров, или, наконец, просто грабежи разбойников, видят революции угнетаемых классов – рабов или крестьян. Автор вскрывает неточности и противоречия трудов некоторых советских историков, попутно критикуя их преданность устаревшим концепциям. В итоге А.С. Коцевалов приходит к вердикту: «...работы Рановича и особенно Дмитрева устарели, не успев выйти в свет» [5]. Кстати, в той же работе автор называет некоторые измышления А.Д. Дмитрева и вовсе «фантастическими» (в частности, когда речь заходит о толковании последнего слова «latro», заимствованного из греч. *λάτρις* – «наемный раб»). Касаясь сути известной дискуссии об агонистиках и циркумцеллионах, А.С. Коцевалов отстаивает тезис о чисто религиозном характере восстаний, заявляя о том, что считать все это социальной революцией рабов при участии колонов (Машкин) или колонов при участии рабов (Штаерман) у нас нет никаких оснований.

Доводы А.Д. Дмитрева [6] в пользу того, что восстание вестготов на Дунае в 376 г. сопровождалось движением туземного гетофракийского населения и революцией рабов, – А.С. Коцевалов считает неубедительными. Обращаясь в этой связи к свидетельствам Аммиана Марцеллина, он не находит (в отличие от Дмитрева) в них никакого основания говорить о сочувствии туземцев готам. Если автор и допускает возможность содействия готам со стороны туземцев, то делает это с оговоркой. Как полагает А.С. Коцевалов, то были туземцы, взятые готами в плен, – а потому их помощь (если таковая имела место) готам была не добровольной, а вынужденной [7].

Следующий тезис А.Д. Дмитрева – о том, что сведения Зосима также являются доказательством революции рабов, А.С. Коцевалов опровергает с тем же усердием. Напомним вкратце суть отрывка из Зосима: претендент на престол Прокопий и его соучастники вооружили рабов и без особого труда собрали большую толпу их, так как многие из рабов сами добровольно присоединились к ним. Казалось бы, достаточно очевидный смысл текста приводит А.С. Коцевалова к общему заключению: «переход рабов на сторону неприятеля – явление обычное в античном мире. Конечно, рабы в античном мире во все времена мечтали о свободе, и возможность избавиться от своих господ представлялась им во время войны. Однако переход рабов к неприятелю – результат внешних, случайных причин (войны, осады города и т. д.) и совсем не является признаком какого-то особенного состояния общества» [8].

Причиной неплодотворных дискуссий и расхождений советских историков, стоящих на одной методологической платформе, А.С. Коцевалов видит в стремлении во что бы то ни стало исходить из марксистских схем, которые к

тому же одни из них толкуют так, а другие иначе, и в нежелании основываться исключительно на объективном изучении соответствующих античных текстов [9].

4. «Критиковать ТРР, находясь в небезопасной близости» – как делал, например, Василий Трофимович Сиротенко. Основным моментом, который вызвал его резкое неприятие, заключался в якобы существовавшем союзе между местным населением и варварами [10]. Именно варваров он называет основной деструктивной силой, несущей только смерть и разорение, приводя многочисленные факты, свидетельствующие о том, что местное население, в том числе и беднота, оказывали варварам отчаянное сопротивление. Особенно яростно, по его мнению, местное население сопротивлялось готскому вторжению [11].

Впрочем, концептуальные положения и замечания Василия Трофимовича, сделанные на основе глубочайшего анализа письменных первоисточников и обстоятельно изложенные в многочисленных научных трудах [12] отнюдь не всегда находили отклик в научной среде. Но к этому времени сталинская концепция уже повсюду жила своей жизнью – без Сталина. Так, в расширенном тексте доклада от 1979 (!) года, прочитанного на международном симпозиуме по проблеме «Римляне и варвары в среднем Подунавье во II–III вв. н.э.» (Чехословакия, Новые Визоканы, 24–28 сентября 1979 г.) Ю.К. Колосовская отмечает: «именно совместные действия крестьян, закрепощаемых колонов, рабов, варваров насильственно положили конец существованию римского государства, расчистив путь для развития феодальной собственности». И далее: «В.Т. Сиротенко было высказано мнение и о негативной роли варваров в происходивших в период Поздней Римской империи исторических событиях, т.е., о том, что на борьбу с варварами поднялись широкие массы Римской империи, а господствующий класс предпочитал варварское вторжение социальной опасности... Это мнение не встретило одобрения у специалистов как надуманное и неаргументированное» [13].

В.Т. Сиротенко отверг господствовавшую в нашей науке теорию союза народных масс Римской империи и варваров как один из факторов перехода от рабовладения к феодализму», тем самым дав толчок к «переосмыслению этой теории, в основе которой лежала концепция классовых интересов» [14]. Так писали обо всем этом в самом начале 1990-х гг. Казалось бы, теперь говорить о революции рабов всерьез – значило бы отрицать очевидное; однако и об отказе от надуманной теории «революции рабов» мы говорить не можем. Сам Василий Трофимович во время бесед и научных консультаций с автором этих строк описывал сложившуюся интерпретационную коллизию следующим образом: его упрекали в том, что он извлек на поверхность редкие и единичные случаи борьбы рабов с варварами – и придал им форму общего для всей Империи процесса. Путем различного рода примеров Василия Трофимовича пытались подвести к осознанию своей ошибки, заключавшейся именно в обобщении единичных случаев. Вот суть одного из таких примеров: как известно, человек не склонен концентрировать внимание на очевид-

ных, само собой разумеющихся вещах. Именно поэтому девять из десяти человек после любого торжественного застолья будут совершать одну и ту же ошибку, если их вдруг попросят озвучить ассортимент поданных блюд. Все будут безошибочно перечислять блюда, их состав и даже последовательность их подачи на стол. Но – вряд ли кто упомянет в этом перечне хлеб – продукт слишком обыденный, что быть замеченным. «Аналогично и с Вашими источниками, – говорили Василию Трофимовичу, – в них античные авторы отразили только то, что было удивительно для них, нетипично – а это как раз факты сопротивления варварам... В то время как объединяться с варварами против Рима стремились все поголовно – таких было абсолютное большинство...» [15]. Т.е., речь шла об исключениях, которые только подтверждали правило «рабы переходили на сторону варваров». И это при том, что сам В. Т. Сиротенко много ранее отмечал, что в 30-е гг. XX в. факты сопротивления рабов, колонов, беднейших слоев горожан не были изучены в достаточной мере, а факты перехода отдельных групп местных жителей на сторону варваров оказались поднятыми на поверхность [16].

Итак, процесс отмирания пресловутой ТРР не просто затянулся, – и сегодня все еще не приходится говорить о ее полном преодолении. И тому много причин, помимо содержания самой теории, подкупающей «простотой на грани гениальности» в объяснении крупнейшей геополитической катастрофы в мировой истории. Но история в очередной раз «все расставила на свои места», структурировав историографическое пространство проблемы и определив меру научной правоты всех участников ее обсуждения.

Теория революции рабов была слишком тесно связана с проблемами классовой борьбы и борьбы угнетенных народов, – а это как раз те темы, на которых в советский период «наиболее отчетливо выявляются различные точки зрения и развертывается острая идеологическая борьба» [17]. Примечательно, но отказ от ТРР в исторической практике не означал автоматического признания заслуг В.Т. Сиротенко – по крайней мере, в должном объеме. И это факт. Причем, факт вполне объяснимый: признание правоты Василия Трофимовича, который (как любили говаривать «... один шел не в ногу с советской исторической наукой») находится в слишком жесткой корреляционной зависимости от оценки собственной научной репутации любого из его оппонентов. Эпопея с ТРР, начатая советскими историками исходя из соображения «как бы чего не вышло», нарастала бесконтрольно как снежный ком, – и теперь агонизирует с формулировкой «нужно оставить все как есть»...

* * *

Таким образом, антиинтеллектуализм и некомпетентность, полная или частичная дезориентация власти в прошлом всегда влияли на историческую науку, провоцируя кризисы общественного согласия вокруг последней, делая само это прошлое непредсказуемым, всякий раз заново открываемым. Сегодня никто не будет спорить с тем, что некоторые советские теоретические схемы обнаруживали вопиющую несовместимость с реалиями. Один из таких примеров – сталинская «теория революции рабов», осознаваемая научным

сообществом ущербной изначально, – но, тем не менее, надолго определившая парадигму исторического исследования в СССР. И дело здесь не в самой теории, а скорее, в «человеческом факторе», не в первопричине, а в последствиях (точнее – последователях). Вряд ли мы можем доподлинно постичь сталинскую логику, определить меру серьезности, коей он сам наделял свои пресловутые примеры из римской истории... Но зато мы можем видеть целую плеяду характеров, принципов, убеждений... И это не проблема одной лишь исторической памяти – до сих пор ключевые позиции в российской науке, в искусстве заняты (и занимаются) теми, кто сделал карьеру в большей степени политическими средствами. Современная эпоха торжества убеждений над интеллектом породила свою обойму историков, готовых жадно ловить сигналы и снисходительные полунамёки от власти – в каком направлении искать историческую правду. И, главное, – какой она должна быть, – если вдруг найдется...

Примечания

1. Малер А.М. Философия против нового варварства (Рец. на кн.: Мотрошилова Н.М. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М.: Канон+, 2010. – 480 с.) // Философские науки. – 2011. – № 6. – С. 152-157. – С. 157.

2. Методологическое значение высказываний И.В. Сталина о революции рабов для советского византиноведения // Византийский временник. – 1950. – Т. III. – С. 3-17.

3. Малашкин Д.В. Как «отмирала» теория «революции рабов» // Власть, политика, идеология в истории Европы: сб. науч. ст. / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 200 с. – С. 65-69. – С. 69.

4. Kotsevalov A. Prof. Das Sklaventum der Antike und die Sklavenrevolutionen in der sowjetischen Geschichtsliteratur // Institut zur Erforschung der UdSSR: Studien und Materialien. Serie 1. Ausgabe 30 / Verantwortlicher Red.: Prof. B. Iwanow. – München: Institut zur Erforschung der UdSSR, 1956. – 64 s. – S. 5.

5. Kotsevalov A. Prof. Das Sklaventum... – S. 31.

6. Дмитрев А.Д. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов // ВДИ. – 1950. – № 1. – С. 66–80.

7. Kotsevalov A. Prof. Das Sklaventum... – S. 35.

8. Kotsevalov A. Prof. Das Sklaventum... – S. 37.

9. Волошин Д.А. Взгляд со стороны: советские апологеты «теории революции рабов» в материалах Мюнхенского института по изучению СССР // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года) / отв. ред. А.В. Коричко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – Ч. I. – 473 с. – С. 295-298. – С. 297.

10. Казаров С.С., Дмитрев А.Д. Сиротенко В.Т. и тезис о революции рабов в отечественной историографии // II-е Сиротенковские чтения: сборник материалов международной научной конференции. – Армавир: РИО АГПА, 2011. – 304 с. – С. 5-10. – С. 7.

11. Сиротенко В.Т. Борьба народных масс Римской империи против варваров в IV–V вв. // УЗ Пермского государственного университета. – 1966. – № 143. – С. 3-64.

12. См.: Библиография научных трудов Василия Трофимовича Сиротенко / сост. Д.А. Волошин; под ред. С.Л. Дударева. – Армавир: РИО АГПА, 2015. – 40 с.

13. Колосовская Ю.К. Проблема «Рим и варвары» в советской историографии последних десятилетий // Вестник древней истории. – 1980. – №3. – С. 186-192.

14. Нюркаева А.З. Исследование проблем древности, средневековья и славяноведения в пермском университете (к 75-летию университета) // Античность Европы: Межвузовский

сборник научных статей / под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой. – Пермь: ПГУ, 1992. – С. 121-139. – С. 131.

15. Волошин Д.А. Об отрицании очевидного, обобщении отдельных случаев и прочих «соблазнах» источниковедческого анализа «теории революции рабов» // На необозримой ниве русской исторической науки...: Материалы международной конференции (К 100-летию проведения Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и обществ). – Тула: Тульский государственный университет, 2014. – 118 с. – С. 26-32. – С. 31.

16. Сиротенко В.Т. Международные отношения в Европе второй половины IV– начала VI вв. (в трех томах): Дисс... д.и.н. – Т. I.– Пермь, 1968. – С. 179.

17. Елизарова Н.М. Выступления рабов и угнетенных народов римских провинций (по данным Цицерона) // Античный мир и археология. – 1972. – Вып. 1. – Саратов, 1972. – С. 77-93. – С. 78.

С.Ю. Гуроклян
(г. Армавир)

О КОНЦЕПЦИИ ЭТНОГЕНЕЗА АРМЯНСКОГО НАРОДА И.М. ДЪЯКОНОВА

Известным исследователем этногенеза армянского народа по праву считается профессор И.М. Дьяконов, который посвятил этой теме ряд своих работ. Цель данной статьи – дать развернутый анализ его концептуальных построений относительно происхождения армян.

Обращаясь к проблеме армянского языка, И.М. Дьяконов по праву замечает, что этот вопрос представляет отдельную сложность, потому что армянский язык, будучи окруженным кавказскими или так называемыми иберокавказскими языками и существуя на территории, где раньше были распространены хурритский и урартский, сам принадлежит к ряду индоевропейских языков. Поэтому сложно предположить, что он возник именно в этом крае, вне зависимости от того, что армянский народ был сформирован здесь [1].

Критикуя мнение Г. Капанцяна о том, что армянский в своей основе не индоевропейский язык, И. Дьяконов совершенно точно замечает, что здесь важно не численное превосходство того или иного элемента, а то, что сравнительно малочисленные индоевропейские элементы армянского языка принадлежат к основному словарному фонду, в том числе термины, обозначающие родство, числительные, значительная часть местоимений, некоторые имена и глаголы, которые обозначают самые важные и древнейшие понятия.

Считая, что принадлежность армянского языка к индоевропейской языковой семье вне сомнения, И. Дьяконов находит, что в настоящее время для изучения происхождения армян нужно определить - к какой ветви индоевропейских языков принадлежит армянский: к древне-анатолийской или к фракийской-фригийской [2].

Замечая в армянском языке значительное присутствие древне-анатолийского (хеттского) слоя, И.М. Дьяконов высказывает мнение, что в

этом случае речь можно вести лишь о заимствованиях, что вполне естественно, поскольку армяне долгое время проживают на территории Малого Хайка, которую занимали хетты.

Проводя лексические, фонетические и морфологические параллели в армянском, хеттском и фригийском языках, И. Дьяконов находит, что возможность происхождения армянского языка из древне-анатолийской ветви исключена, но одновременно армянский язык независим от фригийского [3].

Обобщая языковедческие исследования на тему взаимоотношений армянского и хеттского, армянского, фракийского и фригийского, И. Дьяконов находит, что «...материал заставляет предположить, что армянский один из самостоятельных языков фракийско-фригийской ветви индоевропейской языковой семьи, хотя он сильно изменился в течение своего дальнейшего внутреннего развития (фракийский и фригийский еще очень близко к языку-основе» [4].

И.М. Дьяконов считает, что мушки, упомянутые в XII-VIII вв. до н.э. в ассирийских и урартских источниках, те же фригийцы, а страна Мушку - эта Фригия. Он пытается показать, что после падения хеттского государства, в XII в. до н.э., примерно в 1165 году племена мушков появились на западной части Великого Хайка (Мец Хайк), в долине реки Арацани (в Адзнике) и на левом берегу реки Тигр (в стране Кахмух или Кагмух), заранее завоевав Малый Хайк (Покр Хайк) [5].

Он предполагает, что армяноязычное население фракийско-фригийских мушков уже в XII в. до н.э. обосновалось на Малом Хайке и, не имея собственной письменности, пользовалась письменностью того населения, которая была здесь, (имеются в виду «иероглифические хетты»). В начале первого тысячелетия армяне из себя представляют смесь местных хеттских племен и фракийско-фригийских племен «мушкери».

Однако гипотеза И.М. Дьяконова полна необоснованных тезисов. Автор, считая армян смесью хеттских и фракийско-фригийских племен «мушкери», в одном месте пишет, что фракийско-фригийские племена были армяноязычными, в другом месте указывает, что у них не было собственной письменности и они пользовались языком местных «иероглифических хеттов». Если это так, то армянский народ, будучи смесью этих племен, на каком языке должен был бы говорить? Если пришлые племена усвоили хеттский язык, то армянский народ, сформированный из этой «смеси», должен был бы разговаривать именно на хеттском языке.

Таким образом, вопрос, поставленный И.М. Дьяконовым, нуждается в серьёзном научном исследовании, поскольку может привести к неправильным выводам.

Резюмируя итоги своих исследований, И.М. Дьяконов приходит к следующим выводам:

1. Армянский язык принадлежит к фракийско-фригийской ветви индоевропейской языковой семьи, но не был сформирован не из фригийского и не из фракийского языков, а представляет из себя самостоятельную ветвь.

2. Носители праармянского были первой волной фракийско-фригийских племен, которые из Балканского полуострова мигрировали в Малую Азию.

3. Фракийские-фригийские племена, в том числе и носители праармянского языка во втором тысячелетии были известны под именем «мушки».

4. Первые группы носителей праармянского языка проникли в нижнюю часть долины реки Арацани, где жили хурриты, вероятно также на территорию Сасун-Армен (Шуприа), по имени которого в дальнейшем соседними народами были названы «армен».

5. Хурриты и урартийцы совместно с «иероглифическими хеттами» освоили армянский язык и стали костяком армянского народа с физической и культурной точки зрения [6].

В 1968 году И.М. Дьяконов издает еще одну работу, где пытается решить сложный вопрос формирования армянского народа [7]. Эту работу И.М. Дьяконова можно поставить рядом с работами Ташяна, Хачатряна, Капанцяна, но Дьяконов пошел еще дальше, поскольку у него под рукой были такие данные языковедения, историографии и археологии, каких не было у его предшественников.

Как и некоторые из исследователей, И.М. Дьяконов считает, что если армянский язык не родственен языкам исконных жителей Армянского нагорья - языку племени хурритов и урартийскому языку (хотя эти языки составляют значительный слой армянского языка), то нужно принять, что язык был импортирован извне. И поскольку армянский не принадлежит к тем ветвям индоевропейской языковой семьи, которые в III тыс. и позже во II тыс. до н.э. проникли в Передовую Азию, то опять же приходится делать вывод, то армянский язык здесь появился или ранее, или, наоборот, позднее [8].

Однако известные факты свидетельствуют, что в Передней Азии раньше анатолийских и индоевропейских племен других индоевропейских племен не было. И.М. Дьяконов делает вывод, что носители праармянского языка проникли в Армянское нагорье в конце II тыс. до н.э. или в начале I тыс. до н.э. с фракийско-фригийскими племенами [9].

И.М. Дьяконов находит, что у нас нет оснований не доверять греческим авторам. То, что армяне произошли из страны Хайаса, нужно считать научно необоснованным, не доказанным и маловероятным, поскольку этимология имен Хайаса и хай говорят не в пользу теорий П. Кречмера, П. Рота и Г. Капанцяна [10].

Отвергая теорию о том, что жители Хайасы являются предками армян, И.М. Дьяконов обращается к проблеме мушков и пытается доказать, что они являлись племенем носителей праармянского языка [11]. Как известно, Тиглатпаласар I упоминает о племени мушков и вместе с ними об урумейцах и абешлайцах.

«Кто были урумейцы – трудно сказать, – пишет И. Дьяконов – вероятно это были из местных каскейских племен или из фракийских – фригийских племен». Он не принимает теорию С.Т. Еремяна о том, что урумейцы – это те

же аримы, упомянутые в «Илиаде». И.М. Дьяконов находит, что это попытка согласовать две гипотезы о происхождении армян – гипотезы о Хайаса и о племени мушков.

«Уже несколько раз отмечалось, что аримы, которые «претендуют» на роль предков армян, упоминаются только в «Илиаде», да еще и неопределенным образом, из за чего даже трудно сделать вывод, о чем идет речь: о племени арим или о городе Ариме. И местоположение этого города тоже под вопросом» [12].

И.М. Дьяконов исследует «Илиаду» и теорию Маркварта и делает вывод о том, что совершенно не факт, что аримы вообще жили в Малой Азии и даже античные авторы не едины во мнении о месте их проживания [13].

Он находит, что после поселения индоевропейских армян в Армянском нагорье еще долгое время был период билингвизма, когда местное население, приняв армянский язык, еще долгое время также использовало свой язык. То есть жители Армянского нагорья говорили на четырех языках – на праармянском, лувийском, хурритском и урартском, и только в условиях политического и экономического единства местное население окончательно перешло на единый язык.

«По нашему мнению древнеармянский народ изначально был сформирован в долине реки Евфрат, из трех компонентов – хурриты, лувийцы, праармяне (мушки и, возможно, урартийцы). В это время хурриты, как более многочисленное племя, составляли основную массу народа и предрешили основную черту его физической наследственности, а праармяне, благодаря ряду исторических обстоятельств, дали свой язык. Этот процесс начался в XII в. до н.э. и закончился в VI в. до н.э., и вероятно, что в состав армянского народа вошел новый элемент – скифы.

Однако в состав армянского народа вошел еще один элемент, сильный как своей многочисленностью, так и своей культурой – урарты, которые окончательно ассимилировались армянами в V-II вв. до н.э.

«История армянского народа – это история не только праармян, но и не в меньшей степени – история племени хурри, урартов и лувийцев. Основная масса армянского народа – это их поколения. В каком-то историческом периоде, если наследник говорил на армянском языке, то его отец, дед и прадед были двуязычны, а предок был чистым урартом или хурритом» [15] – писал он.

В 1981 году И.М. Дьяконов вновь обращает внимание на нововавилонские хронологии. Он издаёт ряд важных источников и выступает с историко-географическими комментариями, пытаясь восстановить историю Малой Азии и Армении конца VII в. и начала VI в. до н.э. [16].

Исследуя ассиро-вавилонские и еврейские источники о Малой Азии, он выделяет особое место «Дому Торгома», который упоминается в Библии и в армянских средневековых источниках, как один из самых древних армянских государственных образований.

Следуя за давно принятой гипотезой исследователей о том, что область Тегарама, которая упоминается в хеттских источниках, та же самая страна

Тилгаримму в ассирийских источниках и в дальнейшем «Дом Торгома», И. Дьяконов предполагает, что еще в XII в. до н.э. предки армян взяли ее и на ее месте создали свое царство [17].

И.М. Дьяконов вновь утверждает, что в 1165 году до н.э., как рассказывает хронология царя Ассирии Тиглатпаласара I, в лице племен мушков и уруменов, которые проникли в Алзи (Ахдзник), нужно принимать предков армян, которые после падения хеттского государства мигрировали и обосновались в Армянском нагорье. «Что это были за племена. Про «уруменов» мы ничего не знаем. Возможно, по их имени названа страна *Urmiu/o* или *Urmie*, упомянутая в урартских источниках. Точно не известно ее местоположение (к юго-западу от Ванского озера)».

И.М. Дьяконов связывает проникновение мушков и уруменов в бассейне Верхнего Евфрата с тем, что в Ближней Азии проявился праармянский язык. Он находит, что уверенно и обоснованно можно говорить об этой гипотезе, исходя из следующих соображений:

1. Бассейн Верхнего Евфрата всегда рассматривался как прародина армян.

2. Предки армян там были уже до эпохи Геродота, также до Дария I, то есть – до VI в. до н.э.

3. Они не могли быть здесь в IX-VI в. до н.э., так как, начиная с IX в. до н.э. история этого региона достаточно детально описывается в ассирийских и урартских источниках, которые не свидетельствуют о каких-либо этнических сдвигах.

4. Они не могли здесь быть во время Хеттского государства, поскольку об армянах нет упоминаний в хеттских источниках. На территории Малой Азии во времена Хеттского государства нет индоевропейских имен, а армянский язык, как известно, принадлежит именно к этой языковой семье.

5. В армянском языке есть лувийские и хуррито-урартские слои, а вот в лувийском и хуррито-урартском языках армянского слоя нет, отсюда вывод о том, что последние в бассейне Верхнего Евфрата существовали раньше, чем праармянский язык.

Все четыре племенные имена, которые даются армянам - *hay*, *somex*, *armen* – *aiē*, *Armina*, происходят из долины Верхнего Евфрата. Поскольку история этого региона достаточно хорошо исследована, то остается делать вывод, что армяне – это наследники хуррито-урартийцев и лувийцев, которые приняли пред-армянский язык [19].

В 1983 году И. Дьяконов пишет еще одну статью, где он снова и снова остается верным основным выводам своих 30-летних исследований [20]. Как И.М. Дьяконов представляет происхождение армян, можно понять из следующих пунктов его тезисов:

1. Происхождение и формирование любого народа, в том числе и армян, зависит из трех независимых друг от друга факторов.

- происхождение современного языка народа;
- происхождение антропологического и этнического типа народа;

- происхождение культуры народа.

2. Армянский язык принадлежит другой группе индоевропейских языков, нежели хетто-лувийская группа, которая была известна в Малой Азии с начала III тыс. до н.э.

3. Во время всего существования Хеттского государства неизвестно об этнических сдвигах. То есть, армянский язык в этих местах появился после падения Хеттского царства.

4. Поскольку в армянском языке есть значительный слой хуррито-урартского языков, то можно сделать вывод, что армянский язык появился на нагорье еще в то время, когда здесь были жители, говорящие на языке хурритов и на урартском.

5. Конец XIII в. до н.э. нужно считать последней границей, когда в регионе еще не было носителей армянского языка.

6. Нельзя принимать мнение, согласно которому армяне в Армянском нагорье появились позже, примерно в VI в. до н.э. Скорее всего, это произошло в начале XII и до X в. до н.э. Об этом свидетельствует и хронология Тиглатпаласара I.

7. В X-IX вв. до н.э. носители праармянского языка – мушки и урумни, занимались животноводством, в новых местах вели оседлый образ жизни, ассимилировались с местными племенами и создали предпосылки для формирования единого народа и языка. Этим языком стал пра-армянский язык.

8. Эти мушки, которых так же называют «восточные мушки», не могут считаться теми же фригийцами, поскольку, когда в XII в. до н.э. «восточные мушки» перешли Евфрат, в то же самое время фригийцы участвовали в троянской войне, перешли Дарданеллы.

9. Племенное имя Мус, Муш в древние времена было распространено от Фракии до Малой Азии. Потом это имя дали и фригийцам. Ассирийцы, урарты и древние евреи фригийцев называли Muski, Msk, Mosak, и по ошибке - Masak.

Получается, что одинаковое имя носили и фригийцы, и мушки в ассирийских источниках. Факт того, что соседи одинаково называли все эти армянские племена, указывает на то, что между этими племенами было нечто общее - или в быту, или в языке, или в культуре. Об общей территории проживания говорит хронология распространения имени Муш (κ).

Вполне чётко прослеживается движение с запада на восток – с Балкан до Армянского нагорья. Греческие авторы пишут о миграции мисийцев и фригийцев из Балкан к Малой Азии. О «восточных мушках» они молчат, видимо, потому, что миграции этих племен происходили гораздо раньше.

10. Во время существования хеттского государства в Малой Азии мушков не было, однако в 1165 году до н.э. они из страны хеттов перешли в долину Верхнего Евфрата. Можно сделать вывод, что они участвовали в уничтожении хеттского государства, а, как принято считать, падение этого государства связано с миграцией «народов моря».

11. Вполне обоснованно мнение, согласно которому армянский язык имеет особую близость с фригийским и фракийским языками. Это в первую очередь выражается в фонетической системе.

12. Праармянский язык добровольно приняли все местные племена, как язык межплеменного общения, и, впоследствии, армянский язык вывел из оборота остальные племенные языки, и стал единым языком формирующегося народа.

Резюмируя итоги своих исследований, И.М. Дьяконов пишет: «Я утверждал, что биологические и культурные предки армян, которые создали хурритские и урартские цивилизации, еще не говорили на армянском языке. От объединения хурритского, урартского, восточно-лувийского праармянских народов был создан армянский народ, который принял общий армянский не смешанный индоевропейский язык и унаследовал культуру хурритов, урартийцев и других и их социальный уровень...» [22].

Таким образом, будучи не согласными с рядом заключений И.М. Дьяконова, мы полагаем, что его работы заметно повлияли на развитие анализируемой проблемы.

Примечания

1. Дьяконов И.М. Хетты, фригийцы и армяне // Вестник АН Армянской ССР (Общественные науки). – 1956. – № 11. – С. 57.
2. Там же. – С. 60.
3. Там же. – С. 69.
4. Там же. – С. 70.
5. Там же. – С. 72.
6. Там же. – С. 79-80.
7. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. – Ереван, 1968.
8. Там же. – С. 203.
9. Там же. – С. 204-205.
10. Там же. – С. 209-214.
11. Там же. – С. 214-224.
12. Там же. – С. 225-226.
13. Там же.
14. Там же. – С. 237.
15. Там же. – С. 241-242.
16. Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (АВИИ) // ВДИ, 1951, № 2-4; Дьяконов И. М. История Мидии. – М.-Л., 1956. – С. 298-306; Дьяконов И.М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н.э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. – 1981. – № 2. – С. 34-63; Gadd G.J. The Fall of Nineveh. – London, 1923.
17. Дьяконов И.М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н.э. – С. 50-51.
18. Там же. – С. 52.
19. Там же. – С. 53-60.
20. Дьяконов И.М. К праистории армянского языка (о фактах, свидетельствах и логике) // ИФЖ. – 1983. – № 4.
21. Там же. – С. 168-175.
22. Там же. – С. 177.

ИОАНН ЛИД: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Тема данной работы посвящена исследованию творчества ранневизантийского писателя-антиквара Иоанна Лидийца (490-565?) [1], творчество которого приходится на эпоху императора Юстиниана. Из всех написанных им произведений до нас дошли только три: «О месяцах», «О знамениях» и «О магистратах» [2]. Творчество Лида носит ярко выраженный антикварный характер, исследуя преимущественно языческое прошлое [3], что особенно интересно в контексте политики религиозной унификации Юстиниана на основе никейского христианства и гонений на язычество, в том числе на языческую науку и культуру [4].

Наиболее ранним считается произведение «О месяцах» – оно написано в начале 540-х годов [5] и посвящено рассмотрению древнеримской календарной системы, отражая пифагорейско-неоплатоническую картину мира и космоса. По структуре трактат состоит из 4 книг и включает 197 глав, большая часть из которых приходится на четвертую книгу [6]. Трактат сохранился не полностью, многие части работы утеряны [7]. 1 книга описывает появление календарной системы Рима в древнейшие времена и реформы Нумы Помпилия, рассказывая о происхождении различных элементов древнеримской культуры (алфавит, ипподром, государственные должности); 2 книга посвящена истории недельного деления и дням недели, рассматриваемым через призму пифагорейской нумерологии; 3 книга имеет дело с общим понятием древнеримского месяца и его структурой (календы, ноны, иды); 4 книга построена по типу фаст, она последовательно рассматривает все древнеримские месяцы, начиная с января, описывает их происхождение, мифологические и нумерологические основы, аллегорическое толкование мифов в неоплатоническом духе, главные языческие праздники и обряды в эти дни, исторические события [8].

«О знамениях» написано также в 540-х годах, это историко-астрологическое сочинение, рассматривающее различные природные явления как предзнаменования исторических событий [9]. Оно состоит из Введения и 132 глав, несколько листов потеряно, в 1 главу были внесены изменения [10]. Произведение написано под впечатлением от захвата и разрушения Антиохии персами в 540 г. н.э. и призвано показать, как божественные законы действуют в человеческом опыте. Большая часть этого произведения является простой компиляцией астрологических сочинений, написанных в античности [11]. Оно представляет исторический обзор происхождения и развития искусства прорицания, авгурских учений как этрусков, так и римлян, знамений, выводимых из солнечных и лунных затмений, появлений комет, примет от луны, грома, землетрясений и других метеорологических явлений параллельно их источникам [12].

«О магистратах» – важнейшее сочинение Лида, наследующее «антикварной» традиции Варрона на греческом языке – написано в 550-х годах после выхода автора в отставку [13]. Данное сочинение состоит из 3 книг, содержащих 157 глав, в которых описывается история государственных учреждений и должностей римского государства [14]. Несколько листов из 1 и конец 3 книги утеряны [15]. 1 книга описывает происхождение и развитие государственных должностей в республиканский период, 2 книга – посвящена имперскому периоду до кончины императора Анастасия, а 3 книга – является центральной она описывает современное состояние ключевого административного учреждения империи – Восточной префектуры претория, подробно характеризуется ее развитие, функционирование, структура и проблемы [16], главной из которых является кризис и упадок этого института, а также империи, в целом, в современное ему время [17].

Таким образом, творчество Иоанна Лидийского сосредотачивается на уходящей в его время античной истории и культуре, вскрывая особенности традиционного направления идейно-религиозной жизни ранневизантийского государства эпохи Юстиниана: сильный интерес к прошлому на фоне негативного отношения к современности, стремление сохранить уходящую культурную традицию [18].

Примечания

1. John Lydos // The Oxford Dictionary of Byzantium / prep. at Dumbarton Oaks, ed. by A. P. Kazhdan. – Vol. 2. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 2232 p. – P. 1061-1062.
2. The Prosopography of the Later Roman Empire / by J. R. Martindale. – Vol. II. A.D. 395-527. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – 1342 p. – P. 612-615.
3. Maas M. John Lydus and the Roman Past. – London; New York, 1992. – 201 p. – P. 45.
4. Constantelos D.J. Paganism and the State in the Age of Justinian // The Catholic Historical Review. – Vol. 50. – №. 3. – Oct., 1964. – P. 372-380.
5. Maas M. John Lydus... – P. 8.
6. Ioannes Lydus. De Mensibus // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. – Bonnae: impensis ed. Weberi, 1837. – 434 p. – P. 1-118.
7. Bandy A.C. Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Ed. A. Bandy. – Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013. – 319 p. – P. 20-21.
8. Ioannes Lydus. De Mensibus...
9. Maas M. John Lydus... – P. 8.
10. Bandy A.C. Introduction... – P. 22.
11. Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca Omnia / ed. C. Wachsmuth. – Lipsiae in Aedibus B.G. Teunnery, 1897. – 366 p. – P. 1-160.
12. Bandy A.C. Introduction... – P. 21.
13. Maas M. John Lydus... – P. 8.
14. Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Ed. A. Bandy... – P. 48-319.
15. Bandy A.C. Introduction... – P. 23-25.
16. Ioannes Lydus. On the Powers or the Magistracies of the Roman State...
17. Maas M. John Lydus... – P. 4-5.
18. Иоанн Лид / Мир поздней античности. Документы и материалы. – Вып. IV / сост. М.М. Сеница. – Белгород, 2014. – 142 с.

И.В. Денисова
(г. Белгород)

ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ СЛАВЯН В ГРЕЦИИ И МАЛОЙ АЗИИ В VI-X вв.

Славяне, сохраняя свой язык, оставаясь язычниками и не имея прочной политической организации, в целом сильно уступали грекам в общем культурном уровне. Этот фактор можно назвать еще одной причиной ассимиляции славян в Греции.

Полвека назад появился ряд полемических статьи по истории Коринфа в VII в. Это были дебаты о малоизвестном эпизоде предполагаемого завоевания Коринфа группой кочевников, известных византийским источникам, как оногуры (часть гунно-болгар). В одной из этих статей К. Сеттон [1] полемизировал с ранними работами П. Хараниса, в которых тот считал Хронику Монемасии, один из самых противоречивых источников для раннесредневековой истории Греции, как «абсолютно достоверную» [2].

По Сеттону «Хроника» – не более чем «попурри из некоторых фактов и нескольких более развернутых отступлений для чтения» [1]. Соответственно историки должны использовать ее с осторожностью и критично относиться к утверждению Сеттона о том, что Пелопоннес оставался под аваро-славянским господством в течение 218 лет. По его словам, многое из славянизации Балкан и Греции было результатом мирного переселения: «неизвестное число славян пришли в неведомые времена и при неизвестных обстоятельствах». Славянского завоевания Греции просто не было: «Славяне пришли, но они не завоевали» [1].

В ответ, Харанис писал, что славянское господство и великое множество поселенцев наполняют Грецию в течение всего периода от времени «как раз перед началом царствования Маврикия (582-602) и в первые годы царствования Ираклия (610-641)». Он обрушился на «официальную версию» славянского присутствия в Греции: «Ни один греческий ученый, работающий в Греции, никогда не признается, что славяне массово поселились в Греции в VI веке» [3].

На первый взгляд, в дискуссии Сеттона и Хараниса не было ничего нового. Многие из аргументов с обеих сторон существовали уже почти сто лет. Хроника Монемасии впервые была использована в качестве основного источника для истории славян в Греции Якобом Филиппом Фалльмерайером [4], немецким журналистом, который утверждал, что современные греки были потомками не столько древних греков, сколько славян и албанцев, чьи предки поселились в Греции в средние века и перешедшие на греческий язык под влиянием византийских властей.

Дионисий А. Закинфос рисует «Темные века» как период, отделяющий Античность от Средневековья, эпоху упадка и гибели, что принесли варвар-

ские нашествия [5]. Главным из таких коренных изменений, конечно, явилось славянское нашествие [6].

Плотность населения в Южной Македонии на протяжении VII–VIII вв. оставалась невелика, и славяне явно не заняли всей ее территории. Впрочем, отметим, что причиной тому явились и ромейские карательные экспедиции с последующими массовыми депортациями славян. Таких было две за VII в., причем только Юстиниан переселил не менее 30000 боеспособных мужчин-славян с семьями. Естественно, что Македония – край войны между славянами, ромеями, а теперь еще и болгарами, и влахами, – обживалась медленно. Славяне постоянно жили в основном на Охридском озере.

Вместе с тем на уровне местного населения вражда постепенно изживалась. Славяне, греки, иллирийцы становились ближе друг к другу. Немногочисленное иллирийское население Македонии год за годом растворялось в славянской среде. Славянизация греков-селян вплоть до конца VIII в. местами происходила и на юге, в Греции. Продолжалось смешение славян и иллирийцев и в Эпире. Славяне, перенимая местные хозяйственные навыки, хранили верность своему языку и религии, греческому же языку оставались «совершенно непричастны».

Хозяйственная и социальная жизнь славян не претерпела значительных изменений [7]. В Греции они переняли многие обычаи и быт местных жителей, оставшись земледельцами.

Таким образом, консервируя свою языческую бесписьменную идентичность, славяне перенимали у греков лишь необходимые им навыки хозяйственной деятельности. Это предопределило изоляцию славян в виде локусов среди массивов греческого населения. Рано или поздно славяне должны были проиграть соревнование с греками, поддавшись их культуре, письменности, религии, государству и, в конечном счете, языку.

Ко времени, когда свв. Кирилл и Мефодий положили свою азбуку в основу славянской православной культуры среди славян, население империи в значительной мере имело долю славянской крови. Эта добавка, как и в случае с армянами, не может быть точно подсчитана, но она возымела свое действие на протяжении всей византийской истории.

Но, прежде всего, успех в восстановлении византийского владычества практически совпал с успехами в эллинизации. Те регионы, которые были потеряны для греческого (или латинского) слова бесповоротно, также и политически не вернулись в империю в конце IX в. – Болгария, Сербия и большая часть Македонии.

Последующие исторические изменения не сильно изменили карту языковой ситуации: вплоть до сегодняшнего дня тогда установился новый рубеж между греческой и славянской речью. Полуостровная Греция была одной из немногих областей, где проживало большое число славянских переселенцев, которым не удалось сохранить себя и навязать свою речь автохтонам [8].

Исторических известий, свидетельствующих об интенсивности распространения славянских языков в Греции, немного. О размерах этого явления

лучше всего можно судить по топографической номенклатуре края и влиянию славянского языка на греческий [9].

Топонимика свидетельствует, что славянское расселение было весьма широким и массовым: на Пелопоннесском полуострове обнаруживается около 400 географических названий славянского происхождения, в районе Фессалоники и Халкиды – около 150, в Фессалии – свыше 100 [10]. Славянские названия городов, рек, гор – густым слоем покрывают всю историю средневековой Греции: Волгаста, Горицы, Границы, Кривицы, Глоховы, Подагоры, Морья. И только начиная с XIII-XV вв. постепенно появляются греко-эллинические названия, объявленные затем «древними».

Лингвистический анализ новогреческого языка выявляет заметное воздействие славянской речи. Славянская лексика отражает, прежде всего, сельскохозяйственную деятельность, а также заметно касается флоры и фауны. Совершенно очевидно, что греческое население контактировало исключительно со славянами-земледельцами [11].

Географическое распределение ранних славянских топонимов показывает, что первоначально славянами наиболее плотно была освоена Македония со смежными землями, в том числе с округой Фессалоники [12]. Здесь славянские географические названия обильны и в равнинных, и в гористых местностях. Довольно густо славянские поселения располагались и в Греции.

Картину славянского расселения на Балканах и в Греции дополняют топонимы, образованные от славянских этнонимов. Так, от племенного названия сербов происходит, по-видимому, средневековый город Серблия или Сербия у реки Быстрицы в Фессалии. Об участии выходцев из среды сербов в колонизации Греции и Эпира говорит ряд топонимов, образованных от племенного имени и разбросанных по этим землям. К сербскому племени, очевидно, принадлежит и группа славянского населения, зафиксированная источниками под именем гордосербов в Вифинии. В Македонии, Греции и на Крите известны топонимы хорватов, определенно указывающие на участие этого племени в заселении этих земель.

Среди наиболее важных славянских топонимов в Греции выделяются Малево (горы Парнон в Лаконике), Загора (горы Геликон в Беотии), Тополье (Копайдское озеро), Кохла (Платей), Хравати (Микены), Мирака (Олимпия), пелопоннесские поселения Волгаста, Горицы, Границы, Кривицы, Глогоры, Подагоры, Варсовы, Склабицы, Каменицы, Краковы, Хлемицы, Незеро, Раховы, Лукавицы, Хломо и др. [13].

Анализ топонимии и лексики современного греческого языка демонстрирует развитость славянского земледелия; это касается и Пелопоннеса, и Эпира, и Западной Греции. В топонимии этих областей зафиксирован весь спектр славянской земледельческой лексики начиная от обработки пашенных участков (корчевать, выжигать, поле, борона, ярмо, мотыга и др.) и кончая уборкой урожая и молотью зерна (серп, коса, ток, гумно, молотья и др.). К этому добавляются такие лексемы, как жито, пшено, ветряная и водяная мельницы, сад, слива и т.п.

По пути к Святой Земле в 732 г. монах Виллибальд (700-787) «достиг города Монемвасии, в земле Slavīnia» [14]. Это место из Виллибальда интерпретируется как признак славянского присутствия в отдаленных краях Пелопоннеса. Тем не менее, текст и его значение в качестве свидетельства значительно уменьшилось из-за его использования «Slavīnia», термина, который выдает уже существующий Константинопольский (а не Пелопоннесский) источник.

В связи с чумой 744-747 гг. Константин Багрянородный писал в X в., что «вся страна [от Пелопоннеса] была славянизирована» [15], а жители города Фессалоники говорили «чисто по славянски». Важно отметить, что многие летописцы в прошлом склонны преувеличивать реальные события для усиления эффекта.

Макс Фасмер, выдающийся лингвист и индоевропеист, дополняет исторические источники средневековья путем перечисления 429 славянских топонимов из Пелопоннеса [16]. Однако топонимы не могут служить надежным индикатором славянских поселений, поскольку они иногда относятся как к другим этническим группам, так и к арендаторам земель, расположенных на монашеских наделах или поместьях.

Хотя Феофан Исповедник и Константин Багрянородный свидетельствуют о славянских массах, занимающих византийские территории, археологические свидетельства дают контрастные точки зрения. По мнению Флорина Курты, нынешние археологические данные (т.е. погребения, поселения и т.д.) не поддерживает идею «Византийской Склавинии» в Греции ранее конца VI в. В самом деле, имеется очень мало археологических доказательств, найденных на Балканах, соответствует поселениям к северу от Дуная [17]. Причины этого в настоящее время не ясны, несмотря на попытки ряда археологов повсеместно классифицировать славянскую материальную культуру. Фибулы все же не были индикатором славянского присутствия или предметом, используемым для описания формирования отдельных этнических групп. Женский костюм, аксессуары обладали символом престижности, социального статуса местных элит.

Отношения между славянами и греками, были, вероятно, мирными, кроме первоначального поселения и отдельных восстаний. Будучи земледельцами, славяне, вероятно, торговали с греками внутри городов. Кроме того, некоторые греческие деревни продолжали существовать в окружении, вероятно, управляющих ими, славян. Отдельные поселения были, вероятно, смешанными, и, несомненно, в них в какой-то степени уже начал происходить двунаправленный процесс ассимиляции, прежде чем новая эллинизация была завершена императорской властью.

Сам факт массового характера заселения славянами в конце VI и в VII столетиях Македонии и Фракии, а также и других, более отдаленных областей Византийской империи – Фессалии, Эпира, Пелопоннеса, в настоящее время не вызывает сколько-нибудь серьезных возражений [18]. Многочисленные и неоспоримые свидетельства письменных источников, а также топонимические и археологические данные не оставляют здесь сомнений. Лин-

гвистические исследования показывают, что даже на самом юге Балканского полуострова – в Пелопоннесе – насчитывалось несколько сотен наименований местностей славянского происхождения.

Автор большой работы о византийском Пелопоннесе А. Бон [19] отмечает, что данные топонимики свидетельствуют о преобладании в отдельных частях Пелопоннеса славянского населения.

П. Лемерль, который является автором важного труда о Восточной Македонии, констатирует, что «Македония в VII-VIII вв. была более славянской, чем греческой» [20]. Отвергая попытки вновь подвергнуть изучению слово σκλαβος и трактовать εσκλαβωδη в знаменитой фразе Константина Багрянородного: εσκλαβωδη δε πασα η χωραι γεγυνε βαρβαρος («ославянилась вся страна и сделалась варварской») как εσκλαβωδη, т. е. «была обращена в рабство», П. Лемерль остроумно спрашивает, кто же, если не славяне, были, в таком случае, господами этих рабов? Термин σκλαβος мог быть в это время только этником [20].

Но, несмотря на все вышесказанное, обратный процесс – эллинизация славянского населения – был исторически неизбежен в силу как военного завоевания славян империей и установлением администрации на их землях, а также в силу христианизации, принесшей греческий язык в важнейшую область жизни славян – сакральную. Хозяйственные связи с местными греками также вели, если не к собственно эллинизации, то к реальному двуязычию в повседневной жизни.

Постепенно, с ликвидацией изоляции славянских племен в Греции, эллинизация приняла необратимый характер. Но шла она все же весьма медленно. Полная эллинизация славян Пелопоннеса еще не была завершена и в XIII веке. Этот факт доказывает, что славяне Греции жили изолированно сплоченными массами, а также само культурное влияние греков было не таким мощным, как римско-католическое в Западной Европе. Но Южная Македония и Греция в исторической перспективе ассимилировали свое славянское меньшинство, впрочем, сохранившее многочисленные следы своего присутствия даже еще и на современной географической карте в виде топонимов.

Примечания

1. Setton K.M. The Bulgars in the Balkans and the occupation of Corinth in the 7th century // *Speculum*. – 25. – 1950. – P. 502-543. – P. 510; 522.

2. Huxley G.L. *Monemvasia and the Slavs: a lecture on some works of historical geography in the Gennadius Library of the American School of Classical Studies at Athena*. – Athena, 1988. – 280 p.

3. Charanis P. On the capture of Corinth by the Onogurs and its recapture by the Byzantines // *Speculum*. – 1952. – 27. – P. 343-344.

4. Lauer R. Gräkoslaven und Germanoslaven bei Jakob Philipp Fallmerayer // *Die Kultur Griechenlands in Mittelalter und Neuzeit. Bericht über das Kolloquium der Südosteuropa-Kommission 28-31 Oktober 1992*. – Göttingen, 1996. – S. 31-38; Lauer R. Jakob Philipp Fallmerayer und die Slaven // Jakob Philipp Fallmerayer. *Wissenschaftler, Politiker, Schriftsteller*. – Innsbruck, 1993. – S. 125-157; Leeb Th. Jakob Philipp Fallmerayer. *Publizist und Politiker zwis-*

chen Revolution und Reaktion, 1835-1861. – München, 1996. – 276 s.

5. Zakythinou D.A. Hoi Slaboi en Helladi. Symbolai eis ten historian tou mesaionikou Hellenismou. – Athena, 1945. – 488 p.

6. Curta F. Byzantium in Dark-Age Greece (the numismatic evidence in its Balkan context) // Byzantine and Modern Greek Studies. – Vol. 29. – №. 2. – 2005. – P. 113-146.

7. Maricq A. Notes sur les Slaves dans le Péloponnèse et en Bithynie et sur l'emploi de Slave comme appélatif // Byzantion. – 1952. – 22. – P. 337-356.

8. Fallmerayer J.P. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Ein historischer Versuch. – Stuttgart/Tübingen, 1836. – 128 p.

9. Malingoudis P. Studien zu den slawischen Ortsnamen Griechenlands. 1. Slawische Flurnamen aus der messenischen Mani. – Wiesbaden, 1981. – 288 s.

10. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. – М., 1995. – С. 165.

11. Гоголев Д.А. К вопросу о городском характере поселений Византии в VII - первой половине IX вв. // Вестник Тюмен. гос. ун-та. – Тюмень, 1996. – История. – Вып. 1. – С. 89-92; Гоголев Д.А. Урбанистическая терминология и ее эволюция в византийских источниках VII-X веков // Международный альманах «Европа». – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2001. – С. 24-32.

12. Malingoudis P. Slaboi ste mesaionike Hellada. – Thessaloniki, 1988. – 322 p.

13. Грегоровиус Ф. История города Афин в средние века. – М., 2009. – С. 99-100.

14. Цит. по: <http://www.fordham.edu/halsall/basis/willibald.asp>; см. подробнее: Kalligas H. Byzantine Monemvasia. The Sources. – Monemvasia, 1990. – 276 p. (дата обращения: 12.03.2015).

15. Константин Багрянородный. О фемах: Const. Porph. De themat. II, 53-54.

16. Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. – Berlin, 1941. – 456 s.

17. Ljubinković M. Nalazi u Korintu i slovenska arheologija X-XII veka // 1 miedzynarodowy kongres archeologii slowianskiej (Warszawa 1965). – Vol. 5. – Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1970. – S. 454-467.

18. Charanis P. On the question of the Slavonic settlements in Greece during the Middle Ages // Byzantinoslavica. – 1949. – 10. – P. 254-258.

19. Bon A. Le problème slave dans le Péloponnèse à la lumière de l'archéologie // Byzantion. – 20. – 1950. – P. 13-20.

20. Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. II: Commentaire. – Paris, 1981. – P. 123; 221.

С.А. Дударев, Е.В. Семенова
(г. Армавир)

КУДА ИСЧЕЗ ХАЛИФ?

В ряде зарубежных и отечественных монографических работ по медиевистике, увидевших свет в XIX – начале XXI в., посвященных тематике крестовых походов, при анализе обстановки, предшествовавшей этой масштабной интеграционной экспансии европейцев [1], и причин, приведших к ней, в качестве едва ли не общего места фигурирует факт разрушения Храма Гроба Господня фатимидским халифом аль-Хакимом II* 18 октября 1009 г. При этом, как правило, это событие рассматривается в контексте развернутых

*Полное имя аль-Хакима – Абу Али Мансур ибн аль-Азиз аль-Хаким Биамриллах (ru.m.wikipedia.org).

этим правителем гонений на христиан (и евреев), сопровождавшихся едва ли не тотальным уничтожением тысяч церквей и монастырей Палестины и Сирии (либо превращением их в конюшни) и т.п. [2-8]. Лишь в одном случае называется конкретная причина разрушения Храма гроба Господня: халиф аль-Хаким объяснял чудо схождения Благодатного огня в Страстную субботу перед Пасхой безбожным обманом [9]. В целом, действия аль-Хакима, личности экзотической по своим внешним данным (он родился от русской пленницы и поражал арабов своими голубыми глазами) характеризующиеся чаще всего, как безумства или чудачества, являются следствием его неуравновешенного поведения, которое выражалось не только в издевательствах над иноверцами, но и в экстравагантных выходках (езда переодетым по улицам Каира, ночные бдения в пустыне и беседы со звездами и т.п.) [10], и даже откровенном садомазохизме (в одной из работ ему вменяется то, что аль-Хаким любил смотреть, как рубят саблями обнаженных женщин). Впрочем, все эти отрицательные характеристики мы видим преимущественно в западной и российской литературе. Важным обстоятельством является то, что в приведенных работах, затрагивающих как отдельное событие (разрушение Храма Гроба Господня), так и иные деяния названного халифа, далеко не всегда делаются ссылки на работы средневековых исламских авторов. Так, Р. Перну ссылается на некоего арабского хрониста, который, сообщив точную дату начала разрушений, уточнил, что халиф приказал «уничтожить всякое упоминание о Святом Гробе» [11]. Есть одно указание и у К. Хилленбранд, которая приводит ссылку на египетского историка и географа XIV-XV вв. Таки ад-дина Аль-Макризи [Khitat, vol.II, p.285-289], который писал о действиях аль-Хакима, основываясь на более ранних источниках. У Хилленбранд не говорится, о чем именно сообщал этот автор, но из контекста можно понять, что имеется в виду информация негативного свойства [12]. В доступной нам Интернет-версии отрывков из сочинения Аль-Макризи «Книга истории Фатимидов» о правлении аль-Хакима не упоминается [13]. Адам Мец указывал, что история правления аль-Хакима подробнее всего изложена у de Sacy (*Religion des druzes*, p.CCLXXVIII и сл.). Он указывал на то, что этот автор, судя по всему, был весьма осведомлен и опирался на восточные источники, и не использовал только хроники Евтихия, изложенной у Йахьи ибн Саида, современника аль-Хакима, «который повествует трезво и надежно» [14]. Подчеркнем стремление А. Меца к использованию достоверных источников, так как ниже он пишет, что описания другого современника интересующего нас халифа – епископа Севера – «скорее благочестивая легенда» [15].

У некоторых турецких авторов конца XX в. (Б. Учок) также встречается нелестная характеристика правления аль-Хакима, подобная приведенной выше [16]. При этом снова подчеркнем, что специалист ссылается на работы персидского историка и государственного деятеля XIII в. Джувейни, арабского историка и литератора XV в. Ибн-Тагриберди, и только в последнюю очередь на работу американского ученого XX в., профессора Принстонского

университета Ф. Хитти (Hitti Ph. History of the Arabs, p. 621) [17], кстати, человека восточного происхождения, из семьи христиан-маронитов [18].

Совершенно иначе освещается деятельность халифа аль-Хакима в некоторых современных российских Интернет-источниках [19]. Это и реформатор, который устранял рабовладение, запретил многоженство, уравнил суннитское и шиитское правоприменение, и любитель изящных искусств, который покровительствовал поэтам, художникам, астрономам... В общем, совершенная противоположность тому, что было сказано выше. Что же касается политики аль-Хакима в отношении иноверцев, особенно христиан, то современные почитатели этого халифа приписывают сведения о гонениях на них недоброжелательным источникам, хотя отмечают, что согласно традиции он был эксцентричным и даже психически нездоровым человеком. Сведения о разрушении Гроба Господня опровергаются ссылкой на неназванные иерусалимские документы, согласно которым произошла простая передача управления храмом от традиционных христианских конфессий к несторианам и яковитам (иначе говоря, для подрыва позиций официального духовенства изоощренно использовались оппозиционные, еретические, или приравняемые к ним движения). Впрочем, независимо от того, был ли реализован в истории жесткий или относительно мягкий сценарий гонений на христиан, полагаем, что они не были одним лишь выражением неадекватного поведения халифа аль-Хакима, но отражая и те настроения, которые проявились в Египте до его правления. Согласно А. Мецу, в 996 г. вспыхнуло антихристианское восстание, поводом для которого послужили подозрения народа в провизантийских действиях греческих купцов, подвергшихся, как и все местные христиане, погромам и убийствам. Но еще ранее народ выражал свое недовольство могуществом при дворе фатимидского халифа, говоря современным языком, представителей христианского и иудейского «лобби» [20]. О том, что во времена арабского Халифата «засилье» христиан, первоначально более образованных, чем мусульмане, в госаппарате, вызывало протесты мусульман, иногда приводившие к погромам, писал и акад. В.В. Бартольд [21]. К сказанному добавим, что в освещении вопроса о действиях аль-Хакима ощущается недостаток источников восточнохристианского происхождения.

Тем не менее, все известные нам работы указывают на внезапное исчезновение халифа аль-Хакима (пропавшего во время одной из своих ночных поездок на холмы аль-Мукаттам неподалеку от Каира), вместо которого стал править его молодой сын Али аз-Захир под регенством сестры халифа Ситт аль-Мулук (Мюльк). Об этой женщине в современной историографии упоминают только российские Интернет-источники [22], а также Б. Учок. Однако только в работе последней присутствует конкретное повествование о том, что же случилось с халифом аль-Хакимом, увидевшее свет в нашей стране еще в начале 1980-х гг.

Выходки этого правителя вынудили его сестру, пользовавшуюся авторитетом среди знати и понимавшую, к чему могут привести притеснения брата, принять неотложные меры. Сначала она заявила брату, что все его

действия неоправданны и, если так будет продолжаться, он станет виновником падения династии. Ситт ал-Мулук решила, что аль-Хаким должен быть убит, а вместо него на престол следует возвести его сына. За исполнение данного проекта Ситт аль-Мулук обещала Ибн Даввасу земли, деньги, почести и богатые подарки. Затем они подобрали двух верных черных рабов и посадили их в засаду. На следующий день (13 февраля 1021 г.) рабы внезапно набросились на аль-Хакима, убили его и тело доставили в имение Ситт ал-Мулук, где оно и было зарыто [23]. Сама же Ситт ал-Мулук в течение четырех лет была фактическим и единственным главой государства Фатимидов. В период ее регентства жизнь в государстве была улучшена и налажена, казна систематически пополнялась деньгами, а люди спокойно занимались своими делами. Затем ее постигла неизлечимая болезнь, и она умерла. Весьма вероятно, что это была холера, эпидемия которой вспыхнула в 1024 г., но точная причина смерти была не установлена.

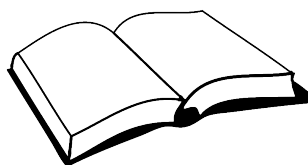
По А.М. Иванову, после исчезновения аль-Хакима два проповедника персидского происхождения – Дарази (Дерза) и Хамза стали возносить его культ, на основе которого в *конце* X в. возникла секта друзей – особая синкретическая религия, которая, как отмечает указанный автор, одинаково враждебна и к мусульманам и к христианам [24]. Она существует до сих пор. Друзы убеждены, что аль-Хаким не погиб в ту роковую ночь, а удалился в пустыню Амона, где и создал новое учение, которое позднее поведал его ученик Хамза [25] (секта, тем не менее, называется по имени Мухаммада ад-Дарази) [26]. Некоторые другие современные авторы указывают однако, что этноконфессиональная группа друзей возникла в *начале* X в. [27]. Примечательно, что по А. Мецу, «фимиами новой религии, проповедуемой друзьями (что указывает на ее существование уже при жизни аль-Хакима. – Авт.), вскружил халифу голову, он стал стремиться провести эту религию на место старого ислама» [28]. В самом деле, в 1017 г. аль-Хаким объявил себя земным воплощением Бога, что не соответствует канонам ислама [29]. Он утратил интерес к своим антихристианским действиям и даже начал «реабилитацию» христиан, начав возврат конфискованных средств и восстановление разрушенных святынь (монастырь аль-Кусайр) [30]. Не исключаем, что новые религиозные симпатии халифа могли и послужить истинной причиной его смерти.

Таким образом, версия о гибели имама аль-Хакима в результате заговора, организованного его сестрой, известна в современной историографии уже давно, однако до сих пор практически не используется специалистами по периоду, предшествовавшему крестоносной эпопее. Историки, вероятно, не столь часто обращаются к средневековым авторам (Аль-Макризи, Джувейни, Ибн-Тагриберди и др.) и, кстати, не всегда следят за литературой по женской потестарности, которая, как видим, в чем-то оказалась более чуткой к судьбам правящих верхов стран ислама в средние века. Нашей задачей было обратить на историю аль-Хакима и его сестры внимание заинтересованных лиц, в том числе и тех, кто занимается исследованием роли женщин в истории исламского мира средневековья, как пример того, что те или иные выводы ис-

ториков порой чересчур стереотипизируются, рискуя превратиться в расхожий штамп, и требуют проверки как историческими источниками, так и знакомства с более широким кругом современной исторической литературы.

Примечания

1. Основные этапы всемирной истории: учебное пособие / под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева, 2009. – С. 133 сл.
2. Перну Р. Крестоносцы. – СПб.: Евразия, 2001. – С. 19.
3. Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов. Запад в крестоносном движении. Общий очерк. Изд. 3-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – С. 9.
4. Морисон С. Крестоносцы. – М., 2003. – С. 12.
5. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. – СПб.: Диля, 2008. – С. 33.
6. Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: ВИМ, 1996. – С. 65-67.
7. Мишо Г. История крестовых походов. Репринтное издание. – Киев, 1995. – С. 4.
8. Грановский А.В. Крестовые походы: в 2 т. – Т.1. Книга первая. Первый крестовый поход и государства крестоносцев до 1143 г. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – С. 32.
9. Там же.
10. Иванов А.М. Катары. Тамплиеры. Масоны. – М.: Профит-стайл, 2009. – С. 129.
11. Перну Р. Указ. соч. – С.19, прим.1.
12. Хилленбранд К. Указ. соч. – С.33, прим.1.
13. «Восточная литература»: Библиотека текстов [электронный ресурс]. – URL: vos-tlit.info.
14. Мец А. Указ. соч. – С.65–66, прим.181.
15. Там же.
16. Учок Б. Женщины - правительницы в мусульманских государствах. – М.: Редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. – С. 72-73.
17. Учок Б. Указ. соч. – С. 73.
18. Wikipedia – the free encyclopedia [электронный ресурс]. – URL: en.m.wikipedia.org
19. Википедия – свободная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: ru.m.wikipedia.org.
20. Мец А. Указ. соч. – С. 65.
21. Бартольд В.В. Культура мусульманства. – М.: Ленком, 1998. – С. 25.
22. Википедия – свободная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: ru.m.wikipedia.org.
23. Учок Б. Указ. соч. – С. 73.
24. Иванов А.М. Указ. соч. – С. 129.
25. Википедия – свободная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: ru.m.wikipedia.org.
26. Иванов А.М. Там же.
27. Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 320.
28. Мец А. Указ. соч. – С. 67.
29. Религиоведение. – С. 320.
30. Мец А. Указ. соч. – С. 67.

ГУГО ДЕ ВЕРМАНДУА – КРЕСТОНОСЕЦ

Гуго де Вермандуа является одной из ключевых фигур в истории графского рода Валуа-Крепи-Вермандуа. Тем не менее, до сих пор о его жизни известно немного, и часто это косвенные данные, полученные из сторонних персоналий, а также из хроник событий, которые имели большой мировой резонанс. Впрочем, скудость источников XI-XII веков не является новостью для исследователей истории Франции этого времени, о чем мы неоднократно упоминали в наших работах [12, 13, 11]. Одними из источников были труды Гвиберта Ножанского [17, 19], историографа первого Крестового похода, который отличался наиболее рационалистической оценкой событий, и который представил один из первых образцов средневековой автобиографии («Деяния Бога через франков», «О своей жизни»). В его работах можно почерпнуть немало сведений не только из истории Крестового похода и непосредственно Пикардии, но также и о жизни и деяниях графов этой провинции X-XI веков, и в частности — о Гуго де Вермандуа. О работе Клода Карлиера [1, 2, 3] мы упоминали в отдельной работе [14], но стоит еще раз отметить уникальность этого труда в качестве источника для изучения истории графства Валуа и графов, которым принадлежали эти земли. Нельзя не упомянуть в этом же ключе и о Gallia Crisitiana [7]. Также о графе де Вермандуа часто упоминают в работах, посвященных истории Крестовых походов. Например, в таких как «Завоевание Константинополя» Р. Клари [16], «Тайны крестовых походов» Е. М. Сбитневой [18] и многих других. Насколько нам известно, отдельных исследований, посвященных личности Гуго де Вермандуа, не существует.

Гуго родился в 1057 году и был младшим из четверых детей короля Франции Генриха I Капета и королевы Анны Ярославны (называемой также Киевской). Резонным может показаться вопрос, почему принц, рожденный в семье Капетов, носил совершенно иной титул. Остановимся чуть подробнее на истории получения графом де Вермандуа его титула.

В 70-е годы XI века рост графства Валуа и Крепи достиг своего апогея. Хозяином его был Рауль III «Великий», один из самых могущественных феодалов своего времени. Рауль III владел графствами «Амьен, Вексен, Тарденуа, Мондидье, Витри, Бар-сюр-Об, Перонна. Также он владел пятью крупными патронажами (avoüé): такими как Сен-Дени, Жюмьеж, Вандриль, Сен-Пер де Шартр, Сент-Арнуль в Крепи. Он контролировал навигацию по Сене между Бонньером и Конфланом, благодаря его замкам, находящимся в ля Рош Гийон, Манте и Мёлане. Человек, владевший в начале своего правления только графством Валуа, получил оммаж графа де Труа – достижение достаточно впечатляющее» [6]. Практически сразу после смерти Рауля III (1074) начался конфликт между наследником графа Симоном де Валуа де Крепи и Филиппом I, королём Франции, «который хотел извлечь выгоду из неопыт-

ности молодого графа, чтобы завладеть его огромными владениями. Война между ними была ужасной, разрушительной и опустошительной, длилась три года и закончилась в 1077 году. В итоге граф де Крепи вернул все унаследованные им земли и победил короля» [15]. В том же 1077 году Симон де Валуа решил оставить мирскую жизнь и принять постриг. Он передал графство в управление своей сестре – Хильдебранде Аделе де Крепи, которая была замужем за Гербертом IV де Вермандуа, и, таким образом, прямая ветвь рода графов де Валуа де Крепи по мужской линии пресеклась. К сожалению, земли не были унаследованы полностью: Адель унаследовала лишь Валуа. Земли Витри и Бар-сюр-Об перешли к графам де Труа, французской частью графства Вексен завладел король Филипп I.

У Герберта IV де Вермандуа и Адели Хильдебранды де Крепи в 1065 году родилась дочь – Аделаида де Вермандуа де Крепи. Граф Герберт лишил права наследования своего старшего сына Эда по причине слабоумия последнего и сделал наследницей Аделаиду, которая в результате получила одновременно наследство графов де Крепи и наследство графов де Вермандуа. Для капетингской монархии возник риск опасного соседства, и можно было желать только одного – брака Аделаиды с Гуго, младшим братом короля Филиппа I. «Довольно трудно установить дату этого брака, тем более, что в документах тогда довольно часто брак записывался досрочно, даже для «ante nuptiales annos» («до достижения брачного возраста»). Различные хартии, выдержки из которых приводит Карлиер, от 1067, 1069 и 1079 годов [4], содержат имя Гуго, но он упоминается только в качестве брата короля; напротив, в хартии, датированной 1095 годом [8], он именуется графом де Крепи. Карлиер предполагает этот брак между 1082 и 1090 годом. Однако отец Ансельм в «Истории королевского дома Франции» называет дату брака – 1077 год. «Искусство верификации дат» [5] указывает нам, что Адель унаследовала после смерти Герберта де Вермандуа графства Валуа и Вермандуа: «она была замужем с тех пор за Гуго Великим, который получил во владение замок Крепи после смерти своего тестя, и поселился в нём» [9]. Таким образом, мы видим, что с 1080 года (год смерти Герберта IV) младший из Капетингов титулуется как граф Гуго I де Валуа де Вермандуа. Также можно сказать, что вышеназванные территории уже находятся под контролем короны.

26 ноября 1095 года на Клермонском соборе папа Урбан II «собрал под открытым небом весь народ и в своей речи призывал всех христиан Запада идти против неверных, в руках которых находится Гроб Господень. Он закончил словами: «Каждый пусть отвергнет себя и возьмет на себя крест Христов». Все воскликнули: «Бог того хочет! Deus lo volt!» Адемар, епископ Пюисский, тут же преклонил колена и просил папу благословить его на поход. Тысячи народа последовали его примеру. Знаком вступления в «святое воинство» был объявлен красный крест, нашивавшийся на правое плечо» [22]. Первый Крестовый поход (1095–1099 годы) имел важное политическое значение, и этому способствовала обстановка на Востоке. Турки-сельджуки, го-

сударство которых распалось на ряд отдельных враждовавших княжеств, в середине XI века сосредоточили в своих руках большую часть Малой Азии.

В походе участвовали граф Раймонд Тулузский, епископ Адемар, граф Роберт Фландрский, сын герцога Нормандского Вильгельма – Роберт. Также к походу присоединился граф Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, Болдуин (будущий король Иерусалимского государства) и Евстафий, рыцарь (оба последних были родными братьями Готфрида). Граф Боэмунд Тарентский представлял Южную Италию. Дворянство Франции (Центр и Север) представлял Гуго де Вермандуа по причине того, что король Филипп I был несколькими днями ранее отлучен от Церкви тем же Клермонским собором и не мог идти в поход в Святую землю.

Гуго с тремя ополчениями в августе 1096 года направился в путь через Италию, где папа Урбан II благословил их предприятие, причем Гуго де Вермандуа получил из его рук священную хоругвь. М. А. Заборов, крупнейший из отечественных исследователей истории Крестовых походов, так говорит о Гуго де Вермандуа: «Примерно в то же время сели на коней и рыцари Северной и Средней Франции. Раньше других собрался в дорогу Гуго Вермандуа, младший брат французского короля Филиппа I, тщеславный рыцарь, владевший лишь крохотным графством, приданым жены, а потому упорно домогавшийся власти и богатства. Он сколотил небольшой отряд из своих и королевских вассалов и еще в августе 1096 года направился в Италию... Этому незадачливому авантюристу не повезло с первых же шагов...» [10]. Вполне вероятно, исследователь опирался в своих выводах на свидетельство Анны Комниной, со слов которой «Это был еще молодой человек, гордый своим происхождением и рыцарской славой, тщеславный и пустой» [20]. Мы позволим себе не согласиться с данной характеристикой. Земля, как и громкий титул, у графа были. Особенно стоит вспомнить отношение к идее Крестовых походов в то время: само участие в данном предприятии было весьма почетным, к тому же Гуго представлял в походе королевскую фамилию. Можно ли называть «незадачливым авантюристом» одного из вождей правящего дома?

Путь графа де Вермандуа из Рима в Святую землю лежал через Константинополь. О своем намерении прибыть в византийский Дураццо он двумя письмами уведомил императора Алексея Комнина. Иоанн Комнин, правитель Дураццо и родной племянник императора, должен был немедленно доложить Алексею Комнину о прибытии графа. Однако при переправе через Адриатическое море Гуго попал в бурю, его корабль потерпел крушение, а сам он был выброшен на берег, сохранив из имущества только одежду. «В Константинополе Графа Вермандуа ждала почетная встреча. Случилось это приблизительно в декабре 1096 года. Алексей Комнин был к нему весьма любезен, оказывал ему почет и внимание и без особой борьбы убедил его дать вассальную присягу. Мгновенно на Западе распространилась молва, что Гуго находится в плену, и император вынудил его дать ленную клятву» [21].

В конце концов, Гуго де Вермандуа прибыл в Святую землю. Граф участвовал во многих крупных сражениях: например, его имя упоминается в

рассказах об осаде Антиохии в 1097-98 годах. Также он участвовал во взятии Никеи. После взятия Антиохии религиозный энтузиазм предводителей крестоносцев заметно ослаб. Весь последующий год они провели во взаимных спорах, распрях, бездействии. Главная цель предприятия – освобождение Гроба Господня – была забыта. Раймонд Тулузский настаивал на том, чтобы Антиохия, в силу обязательства перед императором Византии, была передана во власть византийского правительства. В это время Гуго де Вермандуа объявил о своем желании вернуться во Францию. Возможно, предводители похода попытались воспользоваться этим намерением, так как именно Гуго доверили миссию к Алексею Комнину, чтобы просить его о помощи. Поскольку в первый раз граф хорошо был принят Алексеем, и тот проявил лояльность по отношению к Гуго, все думали, что и в этот раз его примут так же хорошо. Увы, император Византии отказался отправить помощь немедленно и предпочел дожидаться весны, а значит, необходимо было ждать 6 месяцев. Гуго, разумеется, был очень разочарован и в 1098 году вернулся во Францию, не выполнив обета, который дал, отправляясь в Иерусалим. Год спустя, в 1101 году, терзаемый угрызениями совести под влиянием упреков родни и своих приближенных, он вернулся в Святую землю с небольшой армией. В экспедиции 1101-1103 годов Гуго Вермандуа принимал участие с армией Гильома де Пуатье, герцога Баварского Вельфа и маркграфини Иды Австрийской. В 1102 году они добрались до Станконы, разорили два города во Фригии, дошли до Ираклии, где на них напали турки. Граф де Вермандуа был ранен стрелой, его перевезли в Тарс, в Киликию, где он и умер 18 октября 1102 года в возрасте 45 лет.

Можно предположить, что прозвищем «Великий» (*le Grand*) он был обязан именно этому периоду своей жизни, но исследователь истории Крестовых походов Стивен Рансиман пишет следующее: «его прозвище... могло быть ошибкой перевода «*le Maisné*», что означало «второй», «младший сын» (младший брат Филиппа), а также неверным переводом этого же слова на латынь как «*Magnus*». Когда мы читаем о его подвигах при осаде Антиохии, то видим, что он вел себя достойно, как смелый рыцарь, но не более, чем какой-либо другой...» [9]. Таким образом, вопрос об истинном происхождении прозвища остается открытым.

В браке Гуго де Вермандуа и Аделаиды де Вермандуа де Крепи родилось 12 детей. Графство Вермандуа унаследовал один из их сыновей – Рауль I Отважный, которого также звали Одноглазым (1085-1152).

Можно смело утверждать, что Гуго I де Вермандуа был одним из выдающихся представителей своего времени, и хочется надеяться, что когда-нибудь, благодаря трудам историков, мы узнаем о его жизни много больше.

Примечания

1. Carlier C. Histoire du duché de Valois. – Toulouse, 1999. – Т. I.
2. Carlier C. Histoire du duché de Valois. – Toulouse, 1999. – Т. II.
3. Carlier C. Histoire du duché de Valois. – Toulouse, 1999. – Т. III.

4. Там же. – С. 379.
5. Clément F. L'Art de vérifier les dates. – Paris, 1819. – Т. II. – С. 700.
6. Fossier R. La terre et les hommes en Picardie. – Amiens, 1983. – С. 477.
7. Gallia christiana. – Farnborough, 1970. – ТТ. I-XVI.
8. Gallia Criistiana Tome X inst. – С. 207.
8. Le comte de Vermandois Raoul IV de Crépy et Péronelle d'Aquitaine soeur de la Reine Aliénor // Société historique régionale de Villers-Cottrêts. – Villers-Cottrêts, 1972. – С. 85.
9. Runciman S. Histoire des croisades. – Paris, 2006. Т. I. – Р. 205.
10. Заборов М. Крестоносцы на Востоке // Библиотека Якова Кротова [электронный ресурс]. – URL: <http://krotov.info> (дата обращения 31.05.2015).
11. Загреба А.А. К вопросу об историографии графства Валуа (исследования по средневековой истории Пикардии) // Проблемы всеобщей истории. – Вып. 11. – Армавир, 2013. – С. 49-52.
12. Загреба А.А. К вопросу об источниках по истории Севера Франции (Пикардия) X-XII вв. // I Сиротенковские чтения по всеобщей истории: сборник материалов международной научной конференции. – Армавир, 2007. – С. 73.
13. Загреба А.А. К вопросу об источниках по истории Севера Франции (Пикардия) в X-XIII вв. Карлиер К. История герцогства Валуа // Актуальные проблемы методологии Отечественной истории: материалы конференции. – М., 2012. – С. 224-227.
14. Там же. – С. 224.
15. Загреба А.А. Святой Симон, граф де Крепи де Валуа // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXI всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Курбатовские чтения». – СПб, 2012. – С. 243.
16. Клари Р. де. Завоевание Константинополя. – М., 1986.
17. Памятники средневековой латинской литературы X-XII веков. – М., 1972.
18. Сбитнева Е. М. Тайны крестовых походов и рыцарские ордена. – М.: Рипол Классик, 2003. – С. 432.
19. Средневековая латинская литература IV-IX вв. – М., 1970.
20. Успенский Ф. И. История крестовых походов // Литература и жизнь [электронный ресурс]. – URL: <http://dugward.ru> (дата обращения 31.05.2015).
21. Там же.
22. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрон. – СПб, 1890-1907. – Т. XV. – С. 368.

И.А. Краснова
(г. Ставрополь)

ФЛОРЕНЦИЯ – ГОРОД БАШЕН: К ВОПРОСУ ОБ УРБАНИЗАЦИИ ЗНАТНЫХ ФАМИЛИЙ

Если исходить из текстов ранних исторических нарративов, может сложиться впечатление, что в XII-XIII вв. во Флоренции обитали только представители знати, поскольку их авторы использовали термины «флорентийцы» (fiorentini), «народ» (popolo) и «знать» (nobili, gentiliuomini, magnati), если следовало выделить главных действующих лиц флорентийской истории. В «Новой хронике» Джованни Виллани, в рубриках, посвященных XII-первой половине XIII в., народ упоминался, но его представители до 1250 г. выглядели скорее безликими статистами, следующими за знатью. Напротив, такие

яркие фигуры воинственных нобилей, как Буондельмонте деи Буондельмонти и Фарината дельи Уберти, поражали воображение читателей.

Истоки формирования особой социальной страты – урбанизированной знати – восходят ко второй половине XI в., но проследить их до второй половины XIII в. сложно в силу крайней скудости дошедших до нас источников. Современному итальянскому исследователю Энрико Фаини удалось, тем не менее, воспроизвести этапы процесса урбанизации феодальных фамилий контадо и выявить основные признаки знати, стабильно обосновавшейся в городе: самоидентификация с *societas militum*, привилегии, дающие доступ к некоторым источникам дохода – во Флоренции к дорожным пошлинам с чужеземцев, синьориальные права на земельную собственность за пределами города, участие в структуре высшей власти – коллегии консулов, управляющей коммуной с конца XI до начала XIII в., куда избиралась только представители знати, а также владение оснащенными для ведения войны башнями внутри городских стен [1,2,3]. Хронист Рикордано Малиспини в большей степени, нежели иные авторы исторических нарративов, в частности, Джованни Виллани, акцентировал внимание на таком атрибуте фамилий знати, как владение башнями в городе. Запись датируется серединой XIII в., когда возникло Первое народное правление (*Primo popolo*): «В городе... имелось великое множество башен, многие из них в длину превышали 120 локтей...» [4]. Э. Фаини указывал, что «их высота должна была выражать масштаб консортерии (большой семьи, включавшей вассалов, клиентов слуг и лиц, находящихся в разной степени зависимости от главы семьи и ее членов – И. К.), ее экономическое могущество и влияние» [1]. Рикордано связывал владение башнями с определенным социальным слоем: «Указанные башни почти все или большая их часть принадлежали нобилям Флоренции, и лишь немногие им не принадлежали» [4]. Далее Малиспини давал вполне конкретные указания: «... дом нобилей Уберти имел много башен, ...ими владели Орманни вокруг церкви Сан Пьеро Скераджо»; «вокруг Сан Ромоло и церкви Санта Чечилия ...имели башни Малиспини, Инфангати, Тебальдуччи..., у Ворот Санта Мария владели башнями Каппьярди, Фифанти, Гвиди, Галли, Джироллами, Амидеи, Сколари»..., «близ борго (предместье Флоренции – И. К.) Санто Апостола – Палермини, Скали, Филиппи». В одном из пригородов «их имели Гречи..., Буондельмонти. В Сан Ромео их имели Баньези и да Квона... У ворот Сан Пьеро ими владели Донати, Тедальдини, Джуокки, Виздомини, Альбериги... В Сан Мартино они принадлежали Рацценти, Джуоньи и делла Белла. Вокруг Старого Рынка находились башни Тозинги, Убальдини, Арригуччи, Капонсакки, Нерли, Веккьетти. Вокруг Санта Мария Маджоре имели башни Барруччи и Амиери... Уги принадлежала башня у Санта Мария дельи Уги, а у Красных Ворот – Форези, Мональди, Солданьери. Около Нового Рынка стояли башни Джандонати, Бостики и Дель Арка. Вокруг Ор Сан Микеле – Абати, Галигаи, Бонагвизи... Саккетти владели более низкими башнями по улице, что вела к Сан Аполлинарию. У ворот Дуомо имели башни Фильиджованни, Фиридольфи, Фильигвинельди..., а Торнаквинчи имели

башни возле Старого Рынка... как и Альи...» [4].

Следует обратить внимание на то, что хронист использовал топографический принцип расположения башен, концентрируя их по приходам, видимо, вокруг патрональных церквей: «Все означенные башни имели высоту в 120 локтей.. и много башен именовались «башнями соседств, ибо из-за гражданских войн их строили поблизости друг от друга» [4]. Исследования Э. Фаини подтверждали заявление хрониста. Он относил появление сообществ городских башен к концу XII в. Сам термин «сообщество» (*societas*) в документах впервые появился в 1165 г. для обозначения как раз альянса владельцев башен (*societas turreis*). Но более всего источников, в которых упоминаются башни и создаваемые на их основе объединения относится к этапу 1179-1180 гг., что дало основания исследователю считать его решающим в процессе создания таких альянсов [1].

Фаини утверждал, что создание сообществ башен обуславливалось более политическими мотивами, нежели имущественными интересами, в частности, правами сонаследства, как у сельских синьоров. Владельцы башен подписывали своего рода пакты о военной взаимопомощи: в частности, во второй половине XII в. такой договор заключили Инфангати вместе с Капонсакки, Нерли, Абати, Тедалдини и другими менее могущественными фамилиями. Все они принадлежали к древней знати и впоследствии придерживались гибеллинской ориентации [5]. Сообщества башен попали в поле зрения другого историка Жана-Клода Мэр Вигера, который выявлял их военное значение: они становились центрами сосредоточения городских *milites*, играющих первостепенную роль до распространения института кондотты [6]. Э. Фаини видел цель таких объединений в том, чтобы защищать наиболее значительные части городского имущества членов сообщества, чем определялась территориальная близость им принадлежащих башен [1].

Сведения о башнях содержатся в «Хроникетте» представителя знатного рода Нери Стринати, начатой в 1312 г. в Падуе, где Нери вместе с семьей, как гибеллин, пребывал в изгнании уже 10 лет [7]. Он упоминал, что его предок Чаберонто, будучи старшим в роду, «построил нашу башню, которая звалась Чаберонто по его имени» (видимо, в первой половине XII в.), Башня до конца XIII в. являлась неразделенной собственностью, причем, автор указывал, что ему и его прямым потомкам принадлежит в ней 1/6 часть [7]. Таким образом, права сонаследства также играли значительную роль и в городе. Возможно, в «Хроникетте» есть намек на когда-то существовавшее сообщество башен Стринати-Маработтини. Из хроники известно, что «Даванцато ди Виллануццо, предок автора хроники, взял в жены женщину, которая была в близком родстве с мессером Убальдино Маработтини» [7]. Предки автора хроники около 1266 г. «купили 1/6 части башни этой башни ... у Арригуччи вместе с совместными домами...» [7]. Отдельные доли владений башни со временем продавались различным лицам.

Первой гражданской войной башен, попавшей в поле зрения авторов исторических нарративов, следует считать войну Уберти (1178-1179) против

правлящих тогда консулов, имена которых неизвестны: «И в этом году (1177) началось во Флоренции великое несогласие и война между консулами Флоренции и домом Уберти, которая длилась 27 месяцев, ибо Уберти не подчинились консулату, желая управлять сами. И в этом несогласии произошло городское сражение и великая гибель людей от грабежей и пожаров в городе Флоренции» [8]. Другой хронист Паолино Пьери подтверждал эти сведения очень краткой записью, датированной тем же годом: «...Начались распри во Флоренции между Уберти и Консулами, которые управляли городом, и длились более 2 лет» [9]. Джованни Виллани добавлял, что Уберти «вели войну вместе со своими сторонниками из числа грандов и пополанов... Все граждане, «разделившиеся на партии и засевшие в башнях...», на собранные ими деньги заново укрепляли башни, и они назывались башнями компаний...» [10].

Таким образом, Виллани прямо указывал на сообщества башен. Ведущее стратегическое значение в этом случае имела башня Капо ди Понте у входа на мост Понте Веккьо, поскольку она давала возможность перекрыть единственный проход, ведущий к югу и гарантирующий контакты с наиболее плодотворными и лучше контролируруемыми флорентийскими территориями [1]. Самые ранние анналы (Анналы II) отмечали, что в этой войне был разрушен мост Понте Веккьо, единственный тогда в городе («Anno 1178 г.: Cecidit pons») [1,9]. Его реконструкции, желаемой консулами, имена которых неизвестны, жестоко противились Уберти, поэтому приходилось принуждать рабочих отправляться к восстановлению моста, «словно бы идти в сражение». Фаини высказал догадку, что с этой целью Уберти, вероятно, купили находящейся неподалеку от моста замок Альтафронте. Приведенный этим автором акт, который клал конец гражданской войне (6 июля 1180) представлял формально договор о продаже: Скьятта, глава фамилии Уберти продавал ¼ часть замка Альтафронте главе рода Джандонати, с которым он соперничал. Э. Фаини предположил, что, возможно, Джандонати и его союзники представляли «институциональную» партию конфликта, то есть «консулов, которые были правителями и вождями коммуны», врагами Уберти. В договоре 1180 г. упоминались еще 2 башни неподалеку от Понте Веккьо, по улице, называемой Калимала [10,1]. В том же 1180 г. Джандонати заключили еще один договор о сообществе с фамилиями Фифанти – Капонсакки, имеющий преимущественно военное значение [1].

Социальная подоплека этой вспышки гражданской войны остается не до конца ясной. Р. Давидсон истолковывал ее как войну Уберти против всех, что наводит на мысль о стремлении к установлению единоличной власти [11]. А. Дзорци утверждал, что конфликт втянул множество выходцев из разных социальных слоев, и в таком случае возникает мысль о некоей глубинной перестройке, назревающей внутри городского общества [12]. Э. Фаини в целом солидарен в оценке А. Дзорци, указывая, что примирение Уберти и Джандонати, а также Джандонати и Фифанти, до этого соперничающих и враждующих, было вызвано необходимостью стабилизации положения знатных родов перед быстрыми изменениями, которые флорентийский историк назвал

«урбанистическим поворотом конца XII в.». Тогда встал вопрос о расширении городских стен в связи с быстро растущим населением предместий, произошло новое разделение города на 6 частей (сестьеры) вместо прежних 4-х (квартал по названиям городских ворот), включив в себя и наполнившееся населением Ольтарно (часть города за рекой Арно) [1]. Дав убедительное объяснение примирению враждующих группировок знати и созданию новых сообществ башен в 1180 г., Фаини все же не интерпретирует суть конфликта 1177-1180 гг. и цели Уберти. В целом, пока единственным приемлемым толкованием может быть только борьба сообществ башен за влияние в обществе и контроль над властными структурами. Тем больше внимания заслуживает вывод Э. Фаини о том, что с новым территориальным делением города на сестьеры, произошел раздел сфер влияния между сообществом, возглавляемым Джандонати, которые главенствовали в Борго Санти Апостоли, и альянсом Уберти-Фифанти, наиболее влиятельным в Сан Пьеро Скераджо [1].

Анонимный хронист оценивал итоги рассматриваемого гражданского противостояния [13, 1]: «Затем в 1180 г. Уберти захватили власть, консулами и правителями города Флоренции стали мессер Уберто дельи Уберти и мессер Ламберто Ламберти со своими со своими компаньонами. И с них начался первый консулат города. Они достигли этого силой; но вышло так, что потом они начали управлять городом разумно и справедливо, сохраняя каждому его состояние, и именно городскими консулами было потом решено призвать подеста из знатных и могущественных чужеземных лиц, о чем, читая далее, вы найдете запись» [8]. Отчасти эти сведения подтверждаются исследованиями Э. Фаини, который полагал, что в период 1180-1192 гг. в группе консульской знати... «отмечены более благоприятным положением Уберти-Фифанти, и менее благоприятным Джандонати», хотя они продолжали удерживать важное значение... Кроме того, победу Уберти Фаини видел в ослаблении политических позиций Гвиди, соперничающих с Уберти, которые в эти годы не участвовали ни в одном консулате, возможно, потому, что их резиденция находилась в той же сестьере, где утверждали свою гегемонию Джандонати [1]. Автор анонимной хроники в период 1180-1192 гг. упоминал 32 консула, из которых 4 являлись представителями фамилии Уберти (Уберто дельи Уберти в 1180 и затем в 1194, Джанни дельи Уберти в 1183, Тиньозино дельи Уберти в 1189, Скьятта дельи Уберти в 1191 [8]). Только две фамилии – Фифанти и Капонсакки [8] удалось дать по 2 консула в тот же промежуток времени. Таким образом можно утверждать, что сообщество башен являлось социальной группой, стремившейся продвинуться на более высокий уровень городской политики, а фактически, главенствовать в ней.

Башни в любом случае представляли проблему для общественного порядка еще до 1250 г., поэтому официальные властные структуры пытались ограничить их высоту, масштабы и количество приспособлений для ведения войны. Фаини указывал на документ от 1209 г., в котором сообщалось о коммунальном постановлении, устанавливающим максимум количества «военных машин», и запрещающим дальнейшее возведение башен [1].

С середины XIII в. сначала в борьбе гвельфов и гибеллинов, затем пополанского сообществе против грандов, стали производиться массовые разрушения башен и палаццо изгнанных и вынужденных уйти из Флоренции представителей потерпевшей поражение фракции, прежде всего, из нобильских фамилий. Аноним указывал: «И тогда гибеллины разрушили башни и палаццо гвельфов, и совершили другие дела, достаточно низкие и гадкие, насилуя женщин и девушек к великому позору» [8]. Малиспини и Виллани подробно описывали картину разрушения гибеллинами «высоких и красивых» (до 130 локтей) башен и укрепленных палаццо гвельфов. Акцентируя вмешательство воли божественного провидения на стороне гвельфов, Виллани отмечал, что Погостовая башня (120 локтей), которую гибеллины хотели обрушить на собор Сан Джованни, особенно почитаемый гвельфами, «по милости Божьей и чудесному заступничеству блаженного Иоанна... совершенно явственно отклонилась при падении и миновала святой храм...» [10, 4]. Но если подобные чудеса и совершались, то, скорее, по чистой случайности. Хроникетта Нери Стринати, повествовала о репрессивных мерах, которые обрушились на их гибеллинский род в 1268 г., после того как в 1267 г. в город вернулись победившие гвельфы. Согласно постановлению коммуны, «была разрушена наша башня (вероятно, «Чаберонта»)). И это прискорбное событие стоило семье Стринати немалых расходов: «И мы согласились разрушить ее на наши издержки, потому что хотели ее обрушить прямо над нашими домами на Старом Рынке. И это разрушение так, чтобы башня упала в нужную нам сторону, стоило 140 ливров» [7].

Окончательный удар по башням, знаменующим господство грандов в коммунальном обществе, был нанесен после принятия в 1293 г. Установлений Справедливости – антимагнатского законодательства, ограничивающий нобиллям доступ к власти. Озабоченный точным учетом всего имущества, Нери Стринати в начале XIV в. указывал на то, что споры шли уже из-за полуразрушенных башен или их фундаментов. В частности, из-за башни, принадлежавшей семье Торнаквинчи, к которой вплотную примыкало древнее палаццо Стринати на Старом Рынке, разрушившееся от ветхости, вероятно, в начале 70-х гг. XIII в. Позже возникла тяжба Стринати с могущественным тогда гвельфским родом Торнаквинчи. Они оспаривали друг у друга, по сути, только участок земли, на котором когда-то располагалось строение «из бревен» Стринати, «стоящее на камне, каковой несколько выступал наружу от стены башни Торнаквинчи». Тяжба осложнялась тем, что Торнаквинчи «тогда были синьорами, а мы почти все находились в изгнании» В итоге, как следует из текста хроники, Стринати все же удалось доказать, что этим местом они владеют уже 120 лет [7]. Дележ долей башни, которой Стринати владели совместно с Маработтини, также касался уже только ее фундамента [7].

После победы народа в 1393 г. были приняты Установления Справедливости, ограничивающие политические права магнатов. Тогда знати город башен, знаменующих господство урбанизированной консульской знати, окончательно стал превращаться в город общественных дворцов-резиденций для

республиканских коллегий и избранных должностных лиц, осуществляющих управление коммуной Флоренцией.

Примечания

1. Faini E. Firenze nell'età romanica (1000–1211). L' espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. – Firenze, 2010. – P. 198, 201, 193, 195-199, 339-341.
2. Cammarosano P. Il ricambio e l' evoluzione dei ceti dirigenti nel corso del XIII secolo // Magnati e popolani. Atti del quindicesimo convegno di studi del Centro italiano di studi di storia e d'arte. – Pistoia, 1997. – P. 17-40.
3. Artifoni E. L' estinzione dei quadri consolari e l' emergere dell' regime podesteriale // Storia di Torino. I. Dalla preistoria al comunale medievale. A cura di G, Sergi. – Torino, 1997.
4. Malispini R., Malispini G. Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini. Pref. di F. Costèro. – Milano, 1880. CXXXVII. – P. 132-133; CXXXII. – P. 127.
5. Faini E. Il convito fiorentino del 1216. La vendetta all'origine del fazionalismo fiorentino // Annali di storia Firenze. – I. – 2006. – P. 23.
6. Maire Vigueur J.-C. Cavalieri e cittadini. Guerra, conflitti e società nell' Italia comunale. – Bologna, 2004. – P. 297-309.
7. Strinati N. Cronicchetta di Neri di Alfieri di Strinato di Ramingo degli Strinati // Storia della Guerra di Semifonte scritta da mess. Pace da Certaldo e cronicchetta di Neri degli Strinati. – Firenze, 1753. – P. 97, 99, 103, 106, 109, 111, 112.
8. Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII // Testi fiorentini del Duecento e dei primi del Trecento. Ed. A. Schiaffini. Firenze, 1954. – P. 104, 105, 108, 109, 110, 111, 129
9. Pieri P. Cronaca di Paolino Pieri fiorentino delle cose d'Italia dall'anno 1080 fino all'anno 1305. A cura di A.F. Adami. – Roma, 1755. – P. 8.
10. Виллани Джованни. Новая хроника или история Флоренции. Пер., статья и примечания М.А. Юсима. – М., 1997. V. 9. – С. 115; VI. 33. – С. 154
11. Davidson R. Storia di Firenze. 8 voll. – Firenze, 1956-1968. – I. – P. 821-829.
12. Zorzi Andrea. I Rettori di Firenze. Reclutamento, flussi, scambi (1193-1313) // I podestà dell' Italia comunale. Parte I. – Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – meta XIV sec.). A cura di J.-C. Maire Vigueur. – Vol. I. – Roma, 2000. – P. 486.
13. Santini P. Quesiti e ricerche di storiografia fiorentina. – Firenze, 1903. – P. 54-58.

В.В. Тимченко
(г. Ставрополь)

ВОЕННЫЕ ФУНКЦИИ ПОДЕСТА В ГОРОДАХ СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ XIII–XIV ВВ.

Применительно к концу XII в., мы можем утверждать, что коллегия консулов отжила. Рост, имущественная и социальная дифференциация населения ключевых городов Апеннинского полуострова, появление у них обширных округ – дистретто (ит. – distretto) и контадо (ит. – contado), участвовавшие военные столкновения требовали централизации исполнительной власти. Не случайно в Кремоне, Сиене, Вероне и других урбанистических центрах Северной и Средней Италии выделилась должность, так сказать, первого кон-

сула (ит. – *rettore*). Одним из существенных факторов, повлиявших на ликвидацию консульской власти, было изменение соотношения социальных сил. Представителей знати теснили богатеющие пополаны (ит. – *popolani* от *popolo* – народ – горожане незнатного происхождения [1]).

Благодаря этим обстоятельствам, с 1207 г. во Флоренции вводится должность иноземного правителя – Подеста (лат. – *Rettor, rectorcivitatis, Podesta, Potestas*, ит. – *Podestà*) [2] как арбитра и гаранта политического равновесия в борьбе между грандами и пополанами, гвельфами и гибеллинами, фракциями и кланами, осуществлявшими кровавые вендетты по нормам родового права [3]. Сначала данный институт возникал спорадически. Рядом с ним некоторое время продолжали свою деятельность органы консульского управления. Однако вскоре они исчезли. Например, во Флоренции первое упоминание о подестате относится к 1193 г., а его окончательное утверждение – к 1207 г. Подеста приглашали на год. Чтобы быть избранным на этот пост, требовались рыцарское звание, хорошая репутация и не менее 30 лет от роду. Данное должностное лицо располагалось в специальном укрепленном палаццо со своими лошадьми и другим имуществом, в сопровождении вооруженной охраны, нескольких судей и нотариуса [4].

Большую часть своего штата он привозил с собой из родного города, сам содержал и оплачивал. С другой стороны, часть свиты этого должностного лица могла назначаться и содержаться тем городом, в котором оно исполняло свои обязанности [5]. Обязанности Подеста были строго регламентированы и обозначены в статутах, впервые появившихся к началу XIII в. Он считался председателем советов коммун и повиновался их коллективной воле, мог быть переизбран только по истечении определенного перерыва (ит. – *divieto*) и, прежде чем сдать полномочия, подвергался дотошной публичной ревизии (ит. – *sindicato*). Короче говоря, он, в отличие от консулов, являлся оплачиваемым должностным лицом на службе у коммуны [6]. Введение этого института свидетельствовало о расширении её социальной базы [7]. Таким образом, к 1250 г. пополаны победили во Флоренции (т.н. период «Первого народовластия» (ит. – *primoropolo*)), Лукке, Орвьето; в 1253 г. – в Сиене и Вольтерре; в 1257 г. – в Генуе [8].

Касательно военных функций этого должностного лица стоит сказать, что с 1207 г. Подеста являлся вершиной служебной иерархии в коммунальной милиции [9]. Так, первый из флорентийских документов 1259-1260 гг., касающихся различных моментов функционирования ополчения, собранного для войны с Сиеной, собранных и изданных в 1889 г. итальянским исследователем Чезаре Паоли в виде единой «Книги», начинается с того, что мессер Якопо Рангони, занимавший этот пост, титулуется как «Капитан (в данном случае этот термин следует понимать как «полководец» – В.Т.), снискавший воинскую славу, который должен быть сделан флорентийским триумфатором» [10]. Подобная формулировка говорит нам, что именно Подеста являлся главнокомандующим в коммунальной милиции этого города. Ниже мы можем видеть, что это был не просто почётный титул, но «Подеста должен решать вопросы,

касающиеся вышеупомянутого войска» [11]. Зачастую в этих документах также встречаются фразы: «Следуя указаниям Подеста» [12], «Было постановлено и утверждено синьором Якопо Рангони – флорентийским Подеста» [13], «в присутствии и с согласия Подеста» [14], «награда за службу от Подеста Флоренции» [15], говорящие о наличии у него права решающего голоса в подобных вопросах. Согласно нормам коммунального права, он мог также делегировать задачи другим должностным лицам, в большинстве случаев, Капитанам войны (лат. – *Capitaneie exercitus*) – урбанизированным представителям знати, стоявшим во главе коммунальной милиции [16].

Так, в уже упоминавшемся флорентийском войске, собранном в 1259 г. для похода против Сиены, решающее слово во многих вопросах оставалось за Капитаном. Например, рыцари и пехота, охранявшие карроччо (ит. – *carroccio* – от *carro* – телега – повозка со знаменем, выдвигавшаяся в поход с ополчениями некоторых итальянских городов [17]) «назначались Капитаном войны» [18]. Этим же должностным лицом утверждались знаменосцы различных родов войск, входивших, в ополчение [19]. Далее, он ведал также распределением обязанностей среди различных должностных лиц войска: «Следуя указаниям... Капитана войны... Торингелло Вентуре и Драгонетто Бонелле, Камерарии (лат. – *Cameraarii* – казначеи – В. Т.) Коммуны будут отвечать за подвоз продовольствия» [20]. Кроме того, капитан участвовал в принятии решений по вопросам поощрения и наказания участников войска: «Постановили мессер Якопино, милостью Божьей Подеста Флоренции и Капитан войны... что каждый павезьер (щитоносец – В. Т.) и воин с тяжёлым арбалетом, который служил в указанном войске до настоящего времени или служит теперь, выберет, каким образом ему должны быть выплачены деньги за каждый день службы, тридцать денариев за день на службе Коммуны Флоренции с большим арбалетом или павезой» [21]. Сходным образом обстояло дело и со штрафами, налагаемыми на воинов: «Капитан могучего и победоносного войска, Подеста и Анцианы Народа Флоренции... решили и постановили, что все рыцари и пехотинцы в настоящем флорентийском войске: граждане, жители контадо и дистретто, как и все остальные, находящиеся в городе, контадо и дистретто Флоренции, откуда бы они ни происходили, должны быть моложе семидесяти и старше пятнадцати лет... И тот, кто принадлежит к названным выше рыцарям, пехотинцам и прочим, и не будет представлен в указанном войске... обязан заплатить Коммуне Флоренции, если он рыцарь, пятьдесят малых флорентийских либбров; если же он пехотинец, то двадцать малых флорентийских либбров» [22].

Как видим, Капитаны войны имели в милиции города на Арно достаточно широкие полномочия, и в этой связи представляет особый интерес разграничение их функций с компетенциями Подеста. В первую очередь, как мы имели возможность убедиться в этом при анализе документов, входящих в «Книгу Монтаперти», в своей деятельности на военном поприще они могли принимать ключевые решения коллегиально. Так, о размерах вознаграждения для воинов «Постановили мессер Якопино, милостью Божьей Подеста Фло-

ренции и Капитан войны» [23]. О возрасте призыва в ополчение также «Капитан могучего и победоносного войска, Подеста и Анцианы Народа Флоренции... решили и постановили» [24].

В иных случаях указанные должностные лица могли дублировать друг друга. В частности, это касалось назначения штрафов за различные проступки. Например, 17 мая 1260 г. Подеста города на Арно постановил «оштрафовать Труфу сына Дифирензи, гражданина Флоренции из прихода Санта Феличита; потому что, как было сказано Подеста Лукки, он, обязанный служить со своими мулами в указанном войске, согласно предписаниям Подеста и коммуны Лукки, транспортируя и доставляя продовольствие для Коммуны Лукки и её лагерей, не оказал никакой поддержки настоящей армии коммуны Флоренции в прошлом и, возможно, в будущем, следовательно, не участвовал в этом войске, промедлил и не исполнил положенную службу» [25]. А 15 июня 1260 г. Капитан войны постановил, что «если любой из указанных выше латников имеет лошадь, используемую для нужд Коммуны, или 45 либбров, он должен привести вьючную лошадь для перевозки экипировки, а лошади для повозок содержатся и принадлежат Коммуне Флоренции, по два малых флорентийских сольдо за каждый день. Тот, кто, действительно, не имеет коня, должен каждый день расходовать на содержание, своё и вьючной лошади, пять сольдо. И если кто-либо из вышеперечисленных не исполнил (своих обязанностей) в любом из вышеприведённых случаев, он штрафует на 100 сольдо при любых обстоятельствах» [26].

Кроме того, Подеста, как должностное лицо более высокого ранга, мог утверждать решения, принимаемые Капитаном войны. 19 июня 1260 г. «Капитан войны решил, а затем объявил в присутствии и с согласия Подеста и Анцианов, о представлении (к награде – В. Т.) этих павезьеров и арбалетчиков (ратников флорентийского ополчения, принимавших активное участие во взятии замка Мензано – В. Т.), и о хорошей службе вышеназванных арбалетчиков и павезьеров, а также о рассмотрении и учёте времени, в течение которого они служили и будут служить» [27]. Как видим, здесь рассматриваемое должностное лицо, являющееся верховным главнокомандующим, лишь «соглашается» с решением Капитана, непосредственно руководившего войсками в бою и на марше.

В «Книге Монтаперти» содержится также упоминание сходных полномочий у Подеста других городов региона. Так, вопрос о наказании упоминавшегося ранее Труфы сына Дифирензи был решён не единолично Подеста города на Арно, но в этом процессе принимал участие «мессер Гвидо де Кориджиа (возможно Гвидо да Коредже – знатный выходец из Пармы – В. Т.) Подеста Лукки» [28]. По всей видимости, уклонение Труфы от службы нанесло ущерб не только флорентийцам, но и их союзникам-лукканцам. Тот же факт, что в определении его участи принял участие именно Подеста этого города, говорит о том, что он обладал теми же военными функциями, что и флорентийский.

Стоит также отметить, что термином «Подеста» в письменных источниках, относящихся к XIII–XIV вв., обозначается не только иноземный правитель, помимо прочих функций исполнявший также обязанности главнокомандующего. В некоторых случаях так называлось должностное лицо, поставленное во главе небольшого, но хорошо укрепленного пункта – замка или крепости, имевшего в этот период чрезвычайно высокое значение в ходе перманентных междоусобных и мелких войн итальянского полицентризма. Например, по словам флорентийского купца и хрониста Маттео Виллани (ум. 1363), «В этом же году (1348 – В. Т.) вассалы графа Галеотто из графов Гвиди (враждебного по отношению к Флоренции феодального клана контадо – В. Т.) возмутились против него, потому что долгое время он имел дурные соглашения из-за своей жестокости и распущенной жизни: и в начале месяца марта этого года они отняли у него сильную крепость Сан Николо... и в настоящее время отдались коммуне Флоренции. Каковая... приняла крепость и людей под свою юрисдикцию и свободную (добровольную – В. Т.) синьорию, с теми почетными условиями, чтобы указанные люди могли стать, и чтобы сделать их пополанами и селянами (contadini), дав им на некоторое время некоторый иммунитет. И организовав охрану крепости в руках горожан, предоставили народу Подеста, который бы ими правил» [29]. В приведённом отрывке мы имеем дело с иноземным по отношению к жителям Сан Николо правителем, так же, как, например, и флорентийский Подеста, служащим гарантом соблюдения законности в нестабильной внутри и внешнеполитической обстановке. О том, что это должностное лицо имело определённые полномочия и в военном деле, говорит то значение, которое замки и крепости имели при обороне подступов к ключевым городам Севера и Центра Апеннинского полуострова.

Сходные меры по организации обороны такого рода сооружений предпринимались и, например, властями Сиены. Так, в 1353 г. «Сыновья мессера Раньери да Казоле, надолго изгнанные их врагами из замка, как люди молодые и храбрые, тайно собрались с маснадьери (ит. – *masnadieri* – вооружённые люди, бывшие клиентами, либо консортиями какой-либо влиятельной фамилии [30] – В. Т.) и друзьями, и 15 июля этого года вступили в землю Казоле, каковая вверила себя коммуне Сиене, и тотчас же побежали в дом своих врагов, и поскольку те растерялись, порубили их клинками, разграбили их дома и сразу же подожгли, а другие, которые не были убиты, бежали за пределы земли, и от подеста, который был там от сиенцев, они предохранились» [31]. Из приведённого отрывка можно заключить, что функции сиенских Подеста, ответственных за оборону небольших крепостей, в сущности, мало чем отличались от полномочий флорентийских.

Таким образом, на основе вышеизложенного, мы можем заключить, что в городах Северной и Средней Италии Подеста обладали широкими полномочиями в области военного дела. Формально и фактически являясь верховными главнокомандующими коммунальных милиций, они были компетент-

ны в вопросах снабжения этого рода войск, наказания и поощрения его участников, назначения различных должностных лиц в войске.

Непосредственно боевыми действиями, а также передвижениями армии на марше руководил Капитан войны, однако, и в данной области его решения утверждались Подеста. Кроме того, в вопросах снабжения ополчения и различных выплат его участникам решения могли коллегиально приниматься обоими этими должностными лицами. При обсуждении проблем комплектования войска и наказаний для различных его участников они дублировали друг друга.

Не смотря на то, что большая часть источников по данной проблеме имеют флорентийское происхождение, в них также говорится о том, что подестериальный институт имел схожие функции и в других урбанистических центрах региона.

Кроме того, принимая во внимание важность крепостей и замков в условиях постоянных войн, власти итальянских городов-государств (например, Флоренции или Сиены) в ряде случаев назначали в них управляющих, имевших в границах этих сооружений схожие полномочия, и такое же наименование. Данное обстоятельство также является свидетельством той немалой роли, которую эти должностные лица играли в войнах на Севере и в Центре Апеннинского полуострова.

Последующая редукция их значения в этой области связана, во-первых, с широким распространением в XIV в. кондотьерских компаний Удачи, взаимообусловленным окончательным упадком милиционной организации вооружённых сил итальянских городов [32]. Во-вторых, переход в ряде государств Севера и Центра полуострова к единоличным формам правления – синьории и тирании также способствовал постепенному отмиранию органов коммунального самоуправления, в том числе и подестата [33].

Примечания

1. Подробнее об этом см.: Compagni D. Cronica delle cose occorrenti ne' tempi suoi con prefazione di I. Del Lungo. – Milano, 1913. – Lib. 1. Cap. 11. – P. 10; Della Tosa Simone. Annali // Cronichette antiche di vari scrittori. – Firenze, 1733. – P. 154; Котельникова Л. А. Город и освобождение сервов в Италии XIII в. // Средние века. – Вып. 28. – М., 1965. – С. 72; Рутенбург В.И. Народные движения в городах Италии. – М.-Л., 1958. – С. 134; Larner J. Italy at the Age of Dante and Petrarch, 1216-1380. – L.; N.Y., 1983. – P. 85; Ottokar N. Comune di Firenze alla fine del Duecento. – Torino, 1962. – P. 90-97.

2. Краснова И.А. Должности и потестарные институты во Флоренции // Антонов В.А., Варьяш И.И., Воскобойников О.С., Краснова И.А. и др. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. – М., 2011. – С. 302-332. – С. 306.

3. См., напр.: Magistrorum de ipsorum salario pro laborerio facio pro expugnatione Menzani // Libro di Montaperti. Pubbl. di Cesare Paoli. – Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. – T. IX). – P. 79.

4. Zorzi A. L'amministrazione della giustizia penale nella Repubblica fiorentina: Aspetti e problem. – Firenze, 1988. – P. 72-78.

5. Подробнее об этом см.: Officiales adcommorandum cum familia Potestatis assignandum milites // LM. – P. 76.

6. Gualtieri P. *Il Comune di Firenze tra Due e Trecento. Partecipazione politica e assetto istituzionale.* – Firenze, 2009. – P. 223-232.
7. Баткин Л.М. От консулата к пополанской коммуне // Сказкин С.Д. и др. *История Италии.* – Т.1. – М., 1970. – С. 237.
8. См., напр.: Виллани Дж. *Новая хроника или история Флоренции* / пер. с ит., статья и примечания М.А. Юсима. – М., 1997. – 579 с. – Кн. 5. 32. – С. 127.
9. Grillo P. 'I podestà dell'Italia comunale: Recenti studi e nuovi problemi sulla storia politica e istituzionale dei comuni italiani nel Duecento', *Rivista storica italiana*, 115 (2003). – P. 558.
10. *Capitanei exercitus* // LM. – P. 1.
11. *Statuta et ordinamenta* // LM. – P. 370.
12. *De mutuanda pecunia victuralibus per Camerarios exercitus* // LM. – P. 78.
13. *Cambi de Cuorle, de libris sex sibi dandies per Camerarios exercitus* // LM. – P. 78-79.
14. *De solvendo pavesariis, balistariis, portantibus balistas grossas per Camerarios exercitus* // LM. – P. 94.
15. *De solvendis per Camerarios libris X domino Ranerio Gioie* // LM. – P. 95.
16. См., напр.: Виллани Дж. *Указ. соч.* – Кн. 6.39. – С. 159.
17. Подробнее об этом см.: Виллани Дж. *Указ.соч.* – Кн. 6. 75. – С. 181; *Gonfalonarius et Pedites Carrocii* // LM. – P. 10-15.
18. *Milites Carrocii* // LM. – P. 7-9.
19. См., напр.: *Gonfalonarii Militum* // LM. – P. 2-3; *Gonfalonarii Peditum* // LM. – P. 3-4; *Gonfalonarii Balistariorum* // LM. – P. 4-5; *Bandiferes Arcatorum* // LM. – P. 6-7; *Bandiferes Postarum Campi* // LM. – P. 7; *Gonfalonarii Salmerie* // LM. – P. 28; *Gonfalonarius Militum Carrocii* // LM. – P. 7-8; *Gonfalonarius et pedites Carrocii* // LM. – P. 10.
20. *De mutuanda pecunia victuralibus per camerarios exercitas* // LM. – P. 78.
21. *De solvendo pavesariis, balistariis, portantibus balistas grossas per Camerarios exercitus* // LM. – P. 94-95.
22. *Statuta et ordinamenta* // LM. – P. 369-370.
23. *De solvendo pavesariis...* // LM. – P. 94.
24. *Statutaet...* // LM. – P. 369.
25. *Truffe* // LM. – P. 94.
26. *Pro ferratoribus* // LM. – P. 100.
27. *De solvendo pavesariis, balistariis, portantibus balistas grossas per Camerarios exercitus.* – P. 95.
28. *Truffe* // LM. – P. 94.
29. Villani M. *Cronica* // *Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani.* I-X. Trieste, 1858. – Libro I. Cap. XXIV. – P. 31.
30. Подробнее об этом см.: Тимченко В.В. К вопросу об институте маснадьери (masnadieri) и его роли в войнах на территории Италии в XIII-XV веках // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион*, 2011. – Ростов н. Д., 2011. – С. 53-57.
31. Villani M. *Op. cit.* // *Croniche...* – Libro III. Cap. XXI. – P. 224.
32. Подробнее об этом см.: Palladi Nofri Strozzi. *Diario* // *Archivio Storico Italiano.* Bologna, 1883, XI; 1883, XII; 1884, XIII; 1884, XIV; Villani M. *Op. cit. Lib. IV. Cap. XV.* // *Croniche...* – P. 316-317; Balestracci D. *Le armi, i cavalla, l'oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del'Trecento.* – Roma-Bari, 2003.
33. Подробнее об этом см.: Виллани Дж. *Указ.соч.* – Кн. 12. 1. – С. 397; Макиавелли Н. *Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки* / пер. с ит. А. К. Дживелегова // Макиавелли Н. *Государь: Сочинения.* – М., 2001. – С. 19-46; Addington J. S. *Renaissance in Italy.* – N.Y., 2005.

ЗАГОВОР ПАЦЦИ ПРОТИВ ДОМА МЕДИЧИ

Флорентийский диктатор Лоренцо Великолепный был физически слабым, болезненным и некрасивым, но обладал неиссякаемой энергией, провёл много реформ, которые, к сожалению, не спасли Флоренцию от кризиса. Лоренцо вёл активную внешнюю политику, не чурался наносить визиты властителям других итальянских городов-государств: уговаривал, льстил, угрожал, но сумел ещё какое-то время продержаться Флоренцию на плаву, создать видимость финансового благополучия Флоренции. Такое же нестабильное положение было и внутри города. Производство неуклонно падало, снижался товарооборот. Подвластные Флоренции города пытались отделиться. Лоренцо очень жестоко подавил восстания в Прато и в Волетерре, были сотни убитых [1]. Во Флоренции было явлением обычным, что члены одной и той же семьи в политических вопросах держались одинаковой ориентации на протяжении многих поколений. Объясняется это тем, что в деловой практике – в торговле, промышленности, банковом деле, земельном хозяйстве – из рода в род передавались и капиталы, и связи.

Финансовое состояние папы Сикста IV соперничало даже с капиталом дома Медичи. Особенно широко в XV-XVI вв. был распространён nepотизм: раздача земель и приносящих прибыль должностей, папским родственникам. Это давало возможность папам противостоять светской элите. Сикст IV стремился превратить папскую область в монархическое государство. Для реализации своего плана папе требовался захват новых земель. В этой плоскости столкнулись его интересы с интересами флорентийской верхушки Медичи [2]. Тайный сын папы Сикста IV Джироламо Риарио, который официально приходился Сиксту племянником пытается расширить папскую экспансию, сделав её плацдармом миланский городок Имолу, куда он сам был назначен кардиналом. Медичи естественно оказались против этого назначения и отказали в финансовой поддержке этого плана. Тем самым навлекли на себя необузданный гнев со стороны папского сына – племянника. В 1478 году родился заговор Пацци, одного из влиятельнейших банкирских домов Флоренции XV века, главного соперника Медичи [3]. Дословно имя «Пацци» переводится как «безумец», родоначальник семейства Пацци получил его, проявив безумную отвагу в крестовом походе на Иерусалим. Экономическое положение Флоренции времени правления Лоренцо несомненно подрывало авторитет дома Медичи, поэтому понтифику не составило большого труда спровоцировать мятеж.

Казимо Медичи, в своё время, пытаясь наладить добрые отношения с семейством Пацци, заключил династический брак, выдав замуж за племянника Якопо Гульельмо свою родную внучку Бьянку. Лоренцо и Джулиано знали о негативном отношении к себе со стороны Пацци, но и не предполага-

ли, что те осмелятся на такое злодеяние. Полициано свидетельствует о том, что дом Пацци, мягко говоря, не пользовался популярностью среди флорентинцев. По его словам, Якопо часто вместо того, чтобы расплатиться деньгами с рабочими, расплачивался испорченной свининой или же вовсе не платил. Якопо был равнодушен к делам родного города, «... стремился в одном огне погубить себя и свою родину» [4].

Франческо Пацци и Джован Баттиста из Флоренции отправились в Рим, для обсуждения с понтификом плана ликвидации братьев. В Риме заговор был разработан до мелочей. После убийства Лоренцо и Джулиано, Джироламо Риарио должен был быть провозглашён флорентийским диктатором. Вовлекая в заговор ещё нескольких людей, заговорщики приступили к исполнению своего злого умысла. Для этого был приглашён папский прихвостень кардинал Рафаэло Риарио. Его приезд был очень удобным случаем для того, чтобы вместе с ним прибыли во Флоренцию заговорщики, которые ещё не находились в городе. Медичи пригласили его Высокопреосвященство на виллу в Фьезоле. Убийцы решили напасть на братьев там. Джулиано не участвовал в приёме и тем самым сорвал заговор. Тогда приняли решение устроить приём ещё и во Флоренции, который был намечен на воскресенье 28 апреля 1478 г. На этот день назначили кровавую расправу. Утром намеченного дня заговорщики узнают, что Джулиано Медичи вновь не будет участвовать в приёме. Тогда заговорщики осмелились на святотатство. Дальше медлить не представлялось возможным, слишком много людей уже было втянуто, и кто-нибудь мог рассказать, правда могла быть раскрыта и тогда заговор был бы расстроен.

Месса началась, в храме было полно народа. Джулиано опять не явился. Тогда Франческо и Бернардо отправились к нему домой, для того, чтобы уговорить явиться в храм. Поразительная выдержка и актёрское мастерство сыграли на руку злодеям. Всю дорогу до места убийства заговорщики развлекали ничего не подозревающего Джулиано различными шутками и байками, Франческо даже обнял бедного Медичи, что бы убедиться, что тот не надел кирасы.

Во время службы, по сигналу заговорщики напали на ничего не подозревающих братьев. Лоренцо был легко ранен в горло, но ему удалось укрыться в ризнице. Джулиано умер от первого же удара Бандини, но разъярённый Пацци продолжал наносить удары с такой злобой, что ранил себя в бок [5]. Макиавелли пишет о ранении в ногу. [6]. В храме начался хаос. Попытки заговорщиков поднять в городе восстание не увенчались успехом. Заговорщики были схвачены и повешены в окнах Старого дворца. Сальвиати и Франческо Пацци были повешены рядом. Трупы Антонио и Стефано были проташены по улицам. Похороны Джулиано прошли со всеми почестями. В последний путь этого молодого человека провожала вся Флоренция. Джулиано было всего 25 лет. Это был высокий кареглазый брюнет крепкого телосложения. Через несколько дней после гибели Джулиано, на свет появился его сын.

Бандини удалось скрыться, в 1479 г. он прибыл в Константинополь. Лоренцо обратился к турецкому султану с просьбой выдать преступника. Бандини в цепях был доставлен во Флоренцию и повешен на окнах того же Старого дворца. Заказ на изображение мёртвого Бандини был отдан Леонардо да Винчи. До нас дошёл эскиз работы, где верхнем левом углу листа были записаны цвета, которыми следовало расписать одежду на фреске [7].

Жестокая расправа диктатора над заговорщиками принесла Флоренции покой, и вплоть до 1492 г., когда умер Лоренцо Великолепный, а проповедническая деятельность Джироламо Савонаролы приобрела широкий размах, в городе никаких крупных потрясений не происходило. Папа Сикст IV остался, крайне, недоволен исходом задуманного им предприятия и 1 июня 1478 г. издал буллу об отлучении флорентийской верхушки и угрожал городу, всецело поддерживавшему своего негласного правителя, проклятием церкви. Дипломатический гений Лоренцо Медичи сумел одержать победу над папскими интригами, и после поездки Лоренцо в Неаполь, Сиксту IV пришлось принять поражение. Вышеописанные трагические события окончательно укрепили позиции Лоренцо Медичи во Флорентийской республике.

Примечания

1. Гуковский М.А. Леонардо да Винчи. Творческая биография. – М.-Л., 1958. – С. 28.
2. Лозинский С.Г. История папства. – М., 1986. – С. 207.
3. Китс Дж. История Италии. – М., 2012. – С. 67.
4. Полициано А. О заговоре Пацци // Восточная литература: библиотека текстов [электронный ресурс]. – URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 31.05.2015).
5. Гуковский М.А. Леонардо да Винчи. Творческая биография. – М.-Л., 1958. – С. 41.
6. Макиавелли Н. История Флоренции // Электронная библиотека RoyalLib.com [электронный ресурс]. – URL: <http://royallib.com> (дата обращения: 25.04.2015).
7. Гуковский М.А. Леонардо да Винчи. Творческая биография. – М.-Л., 1958. – С. 41.

И.В. Грицких
(г. Луганск)

ТРАНЗИТНАЯ ТОРГОВЛЯ И ПРЕДТЕЧИ ДЕМОКРАТИИ В ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКЕ. ГОСУДАРСТВО ТЛАШКАЛА

В числе наиболее удивительных и недостаточно исследованных феноменов современного мира остается демократия. Вероятно, будет нелегко собрать в одном издании все существующие определения этого понятия. И еще труднее – добиться консенсуса в его оценках.

Со своей стороны пытаюсь внести скромный вклад в исследование данной проблематики, я в ряде работ пытался обосновать связь истории демократии с историей международных экономических систем [1 – 6; 8]. Представляются очевидными частые совпадения эпизодов «вспыхивания» демо-

кратии с развертыванием торговых и колониальных империй, а также существованием локальных и транзитных экономических систем.

Древние Афины господствовали в Восточном Средиземноморье. Карфаген также выступал центром торговой империи, опосредовавшей международные коммерческие связи. Римская республика процветала в процессе постоянной военно-политической экспансии, оборотной стороной которой была военная добыча. Итальянские города-государства, европейские республики Нового времени, Япония в период модернизации и даже современные США – все они так или иначе были не только демократиями, но, «по совместительству», и центральными сегментами широких экономических пространств, в которых коренилось их экономическое могущество, социальная стабильность и, как следствие, солидарность большинства подданных в вопросах внешней и внутренней политики.

История Старого Света (и, прежде всего, Европы) буквально пестрит случаями, похожими на выше перечисленные. Однако в каждом из них можно усмотреть в качестве главной причины тождества социальных практик простое заимствование, которым в современной политической мысли объясняется очень многое.

Куда проще предположить, что афинские мыслители изобрели демократию, а все последующие ее адепты лишь усвоили основные положения и, воодушевленные красотой идеи, прилежно применили ее на практике.

Оспорить такую контраргументацию также нелегко, как и убедить себя, что Солнце отнюдь не садится каждый вечер за горизонт. Она поразительно глубоко укоренилась в мышлении современного человека.

В идеале, для того, чтобы противопоставить этому стереотипу нечто убедительное, необходимо найти совершенно изолированное общество, демонстрирующее в тех же условиях такие же результаты. И вот, благодаря публикации профессора Киевского национального университета имени Тараса Шевченко Вадима Анатольевича Рубеля по истории Доколумбовой Америки, в мое поле зрения попал именно такой пример [7, с.73-80].

Очевидно, что до появления европейцев на американском континенте, местные цивилизации были предоставлены сами себе, а также тем закономерностям, которые, будучи универсальными для всего человечества, могли определить там ход событий.

Таковой было и государство Тлашкала, которое, несмотря на относительную бедность вариаций типов социоэколандшафтов, явно выделяется на фоне других государственных образований Нового Света. И его уникальность определяется как спецификой экономического облика, так и особенностями политической организации.

Государство Тлашкала располагалось немного западнее современного Мехико, имело столицей город Тепетикпак («На вершине горы») [7, с.73] и было образовано приблизительно в 1328 году индейцами отоми. Автор пособия, хотя и с осторожностью, но вполне определенно заявляет, что политическое устройство тлашкаланского общества можно «отождествить с демокра-

тическими европейскими канонами» [7, с.75]. Оно еще до европейцев вызвало агрессию ацтеков, которым в реализации их планов в отношении Тлашкала помешали высадка конкистадоров и ее последствия, но, тем не менее, существовало и выглядело явно вызывающе на фоне деспотичных реалий Америки.

По свидетельству документов, на которые опирается автор учебника, «во главе Тлашкалы стоял Совет Вождей четырех наикрупнейших городов «Республики Тлашкала»... , которых выбирали общие сборы полноправных мужчин – жителей этих городов» [7, с.75]. В ведении Совета был широкий круг вопросов, в число которых, правда, не попадал вопрос об объявлении войны или заключения мира. Эти функции выполняли «исключительно «большие сборы», которые при этом «взвешивали все обстоятельства» [7, с.75].

Представленных данных, конечно, маловато, чтобы по деталям сравнивать устройства североамериканского государства с Карфагеном, Дубровником, Новгородом или каким-либо иным общественно-политическим организмом, относимым, обычно, к демократическим. Но идентифицировать его плюралистическую природу вполне возможно.

В связи с этим необычайно интересно было бы узнать что-то значительное о социально-экономическом устройстве этого общества, которые и выступали хозяйственной основой «тлашкаланской демократии». В.А. Рубель приводит на этот счет, как по мне, исчерпывающую информацию.

В частности, он отмечает, что «тлашкаланцы, в отличие от соседей, не стали в ведении хозяйства концентрироваться исключительно на земледелии, а превратили свой город в крупный региональный торговый центр посреднического характера» [7, с.74]. Территория, населенная тлашкаланцами была мало приспособлена к ведению сельского хозяйства (!), зато географическое расположение позволяло Тлашкале выступать в качестве естественного (!) надсмотрщика за транзитной торговлей, соединявшей внутренние районы континента с побережьем. В.А. Рубель, на мой взгляд, очень верно отмечает, что, поскольку «спекулятивно-посредническая деятельность стала основным, практически поголовным занятием местного населения, причем торговля эта быстро приобрела признаки транзитной купли-перепродажи» [7, с.74], то вполне можно соотнести данное общество с «аналогичными экономическими комплексами Древней Финикии, средневековыми купеческими городами-государствами...» [7, с.74] и т.д.

Именно данные особенности определили и характерные черты тлашкаланского менталитета. В национальном характере – все те же черты, что можно встретить в древних демократических гражданских коллективах: «инициативность, самоуверенность, чувство собственного достоинства, готовность к принятию самостоятельных решений без оглядок на государственные инструкции..., полусакральное отношение к частной собственности, праву граждан быть частью армейского коллектива и т.д. [7, с.74-76].

Эти моменты вполне вписываются в «принципиальную схему», разработанную мною для объяснения социально-исторических корней феномена демократии [1-6], обобщенные в 2008 году в рамках Научно-исследовательской

работы «Эволюция международных экономических систем и трансформации политических режимов»* [8].

В соответствии с собственным хозяйственным потенциалом, реагируя на вызовы международного социально-экономического (мирохозяйственного) окружения, целевое общество внутренне изменяется. Центральный элемент мира-экономики, в соответствии с принципом хозяйственной целесообразности, постепенно специализируется на функциях обмена, торговли и товарного производства – посреднического обслуживания периферийных фрагментов мира-экономики. Благодаря этому социальная структура на время, в течение которого происходит хозяйственное усвоение в процессе внешней экономической экспансии, унифицируется. Благодаря тому, что открываются возможности для экономической трансценденции социального организма, в процесс усвоения ресурсов мира-экономики становятся привлеченные все новые прослойки граждан центрального фрагмента международной системы. Так постепенно формируется категория приблизительно одинаково состоятельных граждан с большим уровнем социально-экономической (а следовательно – и политической) автономии (свободы), которую можно назвать средним классом. В результате общество оказывается на пороге демократии [8, с.2-3].

Таким образом, экспансия (трансценденция, которую мы понимаем как преодоление и расширение определенных границ) становится одной из ключевых предпосылок превращения бывшей авторитарной системы в демократическую. В соответствии с этим, прекращение экспансии и сокращение «пространства экономического обслуживания» негативно отражается на внутреннем климате целевого общества. Это приводит к сокращению количества субъектов ведения хозяйства, задействованных в усвоении ресурсов мира-экономики, а следовательно – размыванию социальной опоры плюралистического политического пространства, затуханию демократии [8, с.3].

Изложенная в вышеизложенных формулировках концептуальная схема в той же работе иллюстрировалась, среди прочего, путем сравнения обстоятельств социальной модернизации Японии и Великобритании. Полученные результаты, на мой взгляд, в целом вполне рельефно повторяют ситуацию с Глашкалой.

Японские реалии XVI-XVIII веков весьма живо напоминают повседневность Англии, которая активно модернизировалась, по следующим критериям:

- а) темпы урбанизации;
- б) ориентация отдельных сегментов общества (расположенных ближе к международным торговым путям) на товарное производство;
- в) стремление к монополизации международных коммуникаций;
- г) развитие коммунального самоуправления;

* Научно-исследовательская работа выполнена за счет Государственного фонда фундаментальных исследований (Украина) в 2008 году. Номер государственной регистрации – GP/F26/0146.

д) распространение формально неподконтрольных государству коллективов (пиратских и контрабандистских группировок), которые наживаются на «освоении» международных каналов коммуникаций;

е) относительная бедность аграрно-сырьевой базы, что облегчало частным предпринимателям путь к освобождению от диктата традиционной государственности.

Даже географическое расположение Британских островов и Японии дает основание для вывода об их принципиальном сходстве. Подобно тому, как Англия с развитием международных связей поневоле оказалась в центре Трансатлантического мира-экономики, Япония стала одним из центров азиатско-тихоокеанского мира международной торговли. И в Англии, и в Японии как объект торгового, а позже – и политического освоения выступали значительные пространства континентальных государств. Оба государства со временем приходили к осознанию имперских амбиций в рамках мира-экономики, что их создал.

И все же, выделяя из предложенных обстоятельств социальной модернизации Англии и Японии наиболее важные, считаем необходимыми вспомнить о следующих:

1. Включенность сначала некоторых фрагментов, а потом и всего общества в международный обмен с тенденцией к завоеванию доминирующего положения с дальнейшей практикой навязывания своих посреднических функций периферийным секторам мира-экономики;

2. Начальная бедность аграрно-сырьевой базы, ограниченность человеческого ресурса, что облегчало элите, чье материальное благосостояние сложилось международное посредничество, путь к завоеванию политического иммунитета и, в дальнейшем, доминирующих позиций.

Оба этих обстоятельства, хотя, конечно, в разной степени, были свойственны Англии и Японии, но не только им. В данный перечень можно включить Голландию, греческие, итальянские, славянские и немецкие средневековые города-государства и т. д.

Благодаря В.А. Рубелю и исследователям, которые до него приоткрыли завесу тайны над историей Тлашкалы, в этот список мы включаем и мало кому известное государство Доколумбовой Америки.

Примечания

1. Грицьких І. В. Вплив зовнішньоекономічного фактору на розвиток демократії в Німеччині // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історичні науки. – К., 2002. – Випуски 63-64. – С. 129-132.

2. Грицьких І.В. Экспансия и демократия: опыт Великобритании и Японии (теоретический аспект) // Тезисы XXXVII Всемирного конгресса востоковедов. – Т. III. – М., 2004. – С. 799-800.

3. Грицьких І.В. «Умопостигаемое поле исторического исследования» и предпосылки возникновения демократии // Історичні записки: збірник наукових праць. – 2006. – Вип. 9. – С. 54-70.

4. Грицких И.В. Мир-экономика в истории демократической формы социальной организации // Всесвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин: статті і матеріали. – 2006. – Випуск 2. – С. 14-16.

5. Грицких И.В. Дальневосточная мир-экономика в истории модернизации Японии, XV – первая половина XIX в. // Всесвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин: статті і матеріали. – Луганськ: Альма-матер, 2007. – Випуск 3. – С. 36-42.

6. Грицьких І. В. Британська демократія та її соціально-економічний контекст (друга половина XIX – початок XX століття) // Британская политика и мир: контуры исторического взаимодействия: сборник научных статей (к 60-летию профессора Олега Борисовича Демина). – Одесса, 2008.

7. Рубель В. А. Історія цивілізацій Доколумбової Америки: Навч. посібник. – К.: Либідь, 2005. – 504 с.

8. Грицьких І. В. Еволюція міжнародних економічних систем і трансформації політичних режимів (заключний науковий звіт). Рукопис. – Облікова картка УкрІНТЕІ № 0208U004671.

Е.В. Галкина
(г. Ставрополь)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «ВЕЛИКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ» 1720-1760-х гг. В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

«Великое Пробуждение» развернулось в 20-40-е гг. XVIII столетия сначала в Новой Англии (северо-восточных американских колониях), а во второй половине XVIII в. распространилось на запад и юг Америки [1]. Оно, по мнению А.А. Кисловой, было «реакцией на авторитарный режим пуританской олигархии Массачусетса и представляло собой массовое народное движение против английских порядков в колониях и борьбу за демократизацию социально-политических институтов» [2]. Это придавало известную силу и религиозному «оживленческому» движению, которое развивалось в форме волны ривайвелов [3], и поэтому иногда, применительно ко второй половине XVIII столетия называется «Великим ривайвелом» [4]. Постепенно ривайвелы начали принимать массовый характер, а проповедники, «специализировавшиеся» на их проведении, позже стали называть себя евангелистами. Центр идейной борьбы был перенесен из церквей на улицы, под открытое небо, на массовые собрания верующих. Внешне ривайвелы представляли собой собрание (позже своего рода митинги), где местный, а чаще приезжий проповедник произносил эмоциональную проповедь, призывая слушателей покаяться в совершенных грехах, очиститься от них и, переродившись, изменить свою жизнь, стать настоящими христианами [5].

Главный результат «Великого Пробуждения» – обновление церковной элиты, преодоление кризиса духовной власти в колониях. Появились новые священники, которым паства поверила и пошла за ними. При всей несхожести позиций лидеров «Великого Пробуждения» всем им была присуща общая тео-

логическая и моральная умонастроенность, созвучная настроениям большей части прихожан. Церковные организации различных протестантских объединений в колониях заметно укрепились [6].

Сторонники конгрегационализма (одной из протестантских деноминаций), первыми и наиболее остро, ощутили на себе последствия «Великого ривайвела». Размышляя об истоках ривайвелизма, отечественный исследователь Д.Е. Фурман считает, что «Великое Пробуждение» коренилось собственно в логических схемах развития конгрегационализма. Ривайвелизм, по сути, воспринимался как внутренне осознанное «перерождение», или «возрождение» верующего, то есть преодоление им конфликта со своей совестью и верой [7]. Именно этот важнейший элемент был свойственен конгрегационализму. Представляется, что конгрегационализм не мыслим без динамики «перерождений» и «возрождений» религиозных чувств верующих.

Конгрегационализм к началу «Великого Пробуждения» превратился из оппозиционного течения, которым он был в Англии в конце XVI – начале XVII столетий, в доминирующее вероисповедание и церковь, устойчиво удерживающую свои позиции в колониях. В результате тесной связи с социально-политическими структурами Новой Англии и пресвитерианской церковью, превращением в стержневую структуру колониального общества, конгрегационализм стремительно терял живой моральный импульс и начинал вырождаться. Под влиянием изменившегося политического положения, так и секуляризации, конгрегационализм не только утрачивал свое господствующее религиозно-идеологическое положение, но в Северной Америке вообще стали активно действовать многие добровольные вероисповедные организации [8]. Тут и наступает ривайвел («возрожденческая волна»).

Квакеры сначала всячески противопоставляли себя «ривайвелистам». Однако и они не смогли противостоять ожиданиям религиозного «обновления» [9]. С 1756 г. начинается реформирование колониального квакерства [10].

В конце концов, и баптисты, которые были наиболее ревностными сторонниками равноправия среди евангелических церквей, также присоединились к сторонникам «обновления» веры и стали одним из наиболее крупных протестантских религиозных течений в Америке.

Иммиграция английских баптистов в 70-х гг. XVII в. значительно увеличила численность церквей в американских колониях, что обусловило необходимость в создании арбитражных структур для координации связей между конгрегациями и решения общих вопросов. В 1707 г. три церкви в г. Филадельфия и две сельские церкви создали филадельфийскую баптистскую ассоциацию, начавшую проводить активную миссионерскую работу. Сначала новые баптистские общины образовались в Пенсильвании, Делавэре и Нью-Джерси, позже территория, на которую распространила свою деятельность ассоциация, расширилась и стала простираться от Коннектикута до Южной Каролины. Общие баптисты, по утверждению американского исследователя С. Алстрема, предпринимали неоднократные попытки к интеграции, но официально заявили о себе только в 1729 г. созданием Ковенанта в Род-Айленде, ко-

торый представлял 13 церквей из Род-Айленда, Коннектикута и Нью-Йорка. В XVIII в. стали создаваться и другие ассоциации баптистских церквей [11].

Основной вклад баптистов в религиозную ситуацию начала XVIII в. выразился в сопротивлении попыткам унификации со стороны официальных церквей. Усилия баптистов были направлены также на легализацию своего статуса, особенно после введения в 1692 г. в колониях обязательного религиозного налогообложения для поддержки официальной церкви. Наиболее яростно борьба происходила в Массачусетсе, где только в 1739 г. Генеральная Ассамблея признала право баптистов, квакеров и англикан на освобождение от налога [12].

За счет распространения баптизма совершалось, в свою очередь, и «Первое Великое Пробуждение» в XVIII столетии, в ходе которого возникали новые баптистские организации (баптистская церковь Христа – 1709 г., баптисты 7-го дня – 1740 г. и др.).

Самый значительный эффект от «Великого Пробуждения» на развитие американского общества был не во время пика ривайвелизма в 1741-1742 гг., а в последующий период упадка, схизмы и сепаратизма. Представляется, по крайней мере, два принципиальных результата «Великого Пробуждения» в отношении баптистских объединений.

Во-первых, социальный статус этой деноминации чрезвычайно повысился во время следующего поколения после ривайвела. Зачастую целые церкви выходили из статуса сепаратистов или строгих конгрегационалистов, переходя в категорию баптистов.

Во-вторых, большинство баптистов восприняли кальвинистскую доктрину, что изменило их природу и последующее значение для американского общества [13]. Те немногие баптистские церкви, которые уже были кальвинистскими, значительно увеличились в количестве и во время «Великого Пробуждения» по сравнению с баптистскими церквями некальвинистского толка. И «обновленцы» – кальвинисты, которые стали баптистами, способствовали усилению позиций кальвинизма внутри деноминации.

К общим положительным тенденциям «Великого Пробуждения» можно отнести то, что повсеместно возросло количество верующих [14]. Это религиозное движение затронуло все деноминации.

Ривайвелизм привел к укреплению приверженности комплексу морально-этических норм христианской традиции. Проповедники рассматривали нравственные пороки людей (алкоголизм, азартные игры и т.д.) в качестве основных причин социального зла и потому призывали к социально-этическому «обновлению» на основе «религиозного опыта». Те из колонистов, которые вели скандальный образ жизни пьяниц и «гуляк», «почувствовали угрызения совести и печаль за свои прошлые грехи», стали молить «Бога простить им все их грехи во имя Христа... и наделить их Святым Духом, чтобы они могли вести лучшую жизнь» [15]. К 1760-м гг. баптисты укрепились главным образом в Виргинии, и их поведение и убеждения открыто противоречили тому образу жизни, который вели плантаторы. Баптисты отвергали и считали греховными

скачки, азартные игры, танцы. Подобно квакерам, баптисты одевались чрезвычайно просто, в отличие от фешенебельного богатства рабовладельцев.

К сожалению, не все результаты первого евангелического движения в Америке были желательны. Одна из таких отрицательных черт – это то, что «оживленчество» в ходе «Великого Пробуждения» породило стойкую тенденцию к антиинтеллектуализму. Многие ривайвелисты утверждали: чтобы обрести спасение, не надо быть интеллектуалом, и не стоит этого добиваться. «Состояние веры может почти не заключать в себе интеллектуального содержания... Состояние божьего присутствия... может включать в себя лишь примитивные, смутные, полудуховные, полуорганические возбуждения, повышающие темп жизни и порождает уверенность, что вокруг тебя существуют великие и чудесные вещи» [16]. Странствующие священники убеждали своих слушателей, что образованность не являлась необходимым условием для их спасения. Однако многие конгрегации воодушевляли своих священников быть более грамотными и образованными. Америка «не могла искоренить, если бы это было возможно, оценочные суждения, которые легли в основу ее социальной памяти, ее институтов и обычаев. Восхождение к Богу происходило одновременно с пробуждением национального самосознания» [17].

Рост сектантских церквей и факт того, что повсюду в колониях распространилось религиозное «обновленчество», имели важные политические последствия. Поддерживая убеждение о том, что Бог с ними, «обновленцы» начали подвергать сомнению не только религиозную, но и социально-политическую ортодоксальность во взглядах. Ривайвел подразумевал перенос центра тяжести с упорядоченной организации на харизму. Соответственно, ривайвелизм был «чреват» расколами и особенно опасен для «устоявшихся» церковных форм протестантизма. Англиканская церковь в колониях слабела, соответственно, это было принято во внимание и вызывало опасения у английских властей.

«Великое Пробуждение» создавало определенный стиль поведения не только в религиозной области, но и в светской сфере. Действуя в комплексе с многими факторами, изменявшими колониальную действительность, такими, как растущее этническое и расовое разнообразие, набиравшие силу темпы экономического роста, новый образ жизни и мышления переселенцев, «Великое Пробуждение» способствовало крушению традиционных стереотипов в колониальном обществе. С середины XVIII столетия американцы все больше понимали, что их интересы не обязательно должны совпадать с позицией Великобритании, ее правительственными кругами. Колонисты впервые бросили вызов британской власти [18].

«Первое Великое Пробуждение» 1720-60-х гг. можно по праву считать первым общеамериканским кризисом в обществе, охватившим не только духовную, но и институциональную сферу. Впервые духовно объединились все колонии.

Представляется важным отметить то, что «Великое Пробуждение» распространило дух индивидуализма в колониях [19]. Идеологи ривайвелизма

провозгласили, что Иисус Христос своей кровью искупил грехи всего человечества. Его искупление распространялось на весь род людской, а значит, спасение не предопределено, а заслуживалось личной верой. Индивидуальное сознание верующего – было лучшим показателем того, что именно оно являлось неизменным путем к спасению. Ривайвелизм погружал простого человека в эмоционально-религиозный опыт.

Образование в Америке аскетических общин и сект с их радикальным отказом от патриархальных пут, с их толкованием заповеди повиноваться более Богу, чем людям, явилось одной из важнейших предпосылок современного индивидуализма. Со временем этот дух индивидуализма поставил под сомнение политические устои, как таковые.

Опыт Америки вобрал в себя как дух свободы (в том числе, и религиозной), стремление к независимости, так и идеи материального благополучия и индивидуализма. Свобода американцев всегда для них ассоциировалась со свободой личного выбора и деловой активности.

Непосредственно в период «Великого Пробуждения», подъема «возрожденческих» настроений, пересмотра иерархических ценностей в религиозных общинах и замены их индивидуалистическими происходила своеобразная «евангелизация» протестантской культуры Америки. Но ветхозаветные парадигмы пуританской ортодоксии, в том числе, программа Исхода оставались частью обыденного сознания верующего американца [20].

Мнение лидеров пуританизма было особенно значимо для отцов-основателей в связи с тем, что Американская революция совпала по времени с «Великим Пробуждением» – взлетом религиозных настроений в Северной Америке, выразившемся в оживлении и росте популярности всякого рода протестантских движений и сект. В силу повышения безопасности и улучшения уровня жизни простых американцев апокалиптическая программа мессианского радикализма постепенно исчезала из интеллектуального оборота точно так же, как и фанатизм «святых».

Анализ показывает, что «Великое Пробуждение» – это раннее проявление кризиса колониального общества (развитие которого завершится Американской революцией), которое сопровождалось и кризисом традиционного пуританизма. «Великое Пробуждение» обеспечило перемену во взгляде на связь между социальными и религиозными аспектами. Его идеологи и лидеры Дж. Эдвардс, Т. Фрелингюйзен, Дж. Теннент, Дж. Уайтфилд и другие пытались направить это движение в русло критики религиозной идеологии (идеологии консервативного пресвитерианства). «Великим Пробуждением» был нанесен решающий удар по пуританской олигархии. Евангелическое движение значительно ослабило статус авторитета духовенства и побуждало верующих полагаться на свою собственную совесть. Все это явилось одним из результатов данного явления, потрясавшего Англию и все ее колонии на протяжении почти полувека, начиная с 1720-х гг.

«Великий ривайвел» имел далеко идущие последствия и неоднозначные результаты, сказавшиеся на религиозной ситуации в Америке. Активность ри-

вайвелистов обострила противоречия среди духовенства американских церковных объединений. Лагерь пресвитериан и конгрегационалистов разделился на две группы – «старых» и «новых» приверженцев веры. В то время как «старые» верующие были консерваторами, противниками преобразований в теологии и практике богослужения, поддерживали ортодоксальную церковь, то «новые» протестанты были за «возрожденческое» движение, старались придать кальвинистской традиции новый вид.

Как одна из сторон «Великого Пробуждения» – это то, что Америке оно в известных своих направлениях приняло формулу нападок на образование. По своему основному содержанию это движение в интеллектуальном отношении носило вдохновляющий и освободительный характер. «Возрожденческое» движение привело к умножению усилий в области образования, несмотря на известного рода предубеждения против знания, и имело своим результатом основание многих американских высших школ, таких как голландско-реформистского Ратгерзского, пресвитерианского Принстонского, баптистского Браунского и конгрегационалистского Дартмутского университетов.

Примечания

1. Tracy J. A History of Great Awakening. – Boston: Tappan and Donnet, 1842. – P. 81-82.
2. Кислова А.А. Идеология и политика американской баптистской церкви (1900-1917). – М.: Наука, 1969. – С. 47-48.
3. Галкина Е.В. Становление протестантизма в английских колониях Северной Америки (1630-е – 1760-е гг.): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 23.
4. Нитобург Э.Л. Церковь афроамериканцев в США. – М.: Наука, 1995. – С. 18.
5. Parsons J. An Account of the Revival of Religion in the West Parish of Lyme in Connecticut (1744) // Materialism and Morality in the American Past: Themes and Sources, 1600-1860. Ed. by J. O. Appleby. – Addison-Wesley Publishing Company. Copyright, 1974. – P. 66.
6. Goen C.C. Revivalism and Separatism in New England, 1740-1800. – New Haven: Yale University Press, 1962. – P. 92-101.
7. Фурман Д.Е. Религия и социальные конфликты в США. – М.: Наука, 1981. – С. 51-54.
8. Галкина Е.В. Основные тенденции развития протестантских течений в колониальной Америке // Американский Ежегодник, 2000. – М.: Наука, 2002. – С. 98-100.
9. Dudley M. A Letter To John Wesley (1772) // The Life of Mary Dudley, Including An Account of Her Religious Engagement and Extracts From Her Letters. – L.: The Editor (Elizabeth Dudley), 1825. – P. 15-17.
10. The Journal and Major Essays of John Woolman (1744). Ed. by P.D. Moulton. – N.Y.: Oxford University Press, 1971. – P. 58-62.
11. Ahlstrom S.E. A Religious History of the American People. – 2 Vols. – New Haven: Yale University Press, 1972. – 1149 p. – Vol. 1. – P. 170-176.
12. McLoughlin W. G. Isaac Backus and the Separation of Church and State in America // American Historical Review. – 1968. – Vol. 73. – P. 1394.
13. Gaustad E. S. The Great Awakening in New England. – N.Y.: Harper and Brothers, 1957. – P. 120.
14. Rutman D. B. The Great Awakening: Event and Exegesis. – N.Y.: Wiley, 1970. – VIII. – 260 p.

15. Prince Th. An Account of the Revival of Religion in Boston, in the Year 1740 s. (Boston, 1823) // The History of the United States. – Vol. I: 1600–1876. Source Readings. Ed. by. N. Harris, D. J. Rothman, St. Thernstrom. – N.Y.: Bobbs-Merrill, 1969. – P. 117.
16. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. – М.: Наука, 1993. – С. 393.
17. Niebuhr H.R. The Kindom of God in America. – Chicago: H. Regnery Co., 1937. 1st ed. – P. 126.
18. Онаф П.С. Американская революция и национальная идентичность // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западно-европейской и русской общественной мысли. – М.: Наука, 2001. – С. 71-72.
19. Жук С.И. Ранняя Америка: социокультурная преемственность и «прорыв в утопию» // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. – М.: Наука, 1993. – С. 33-34.
20. Сергунин А.А. Британские корни американского президентства // Американский ежегодник, 1997. – М.: Наука, 1997. – С. 65.

А.Р. Геворкян
(г. Армавир)

ДЕТИ, КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ЖЕРТВ ГЕНОЦИДА АРМЯН

Геноцид воплощает идею поголовного уничтожения определенной религиозной или национальной группы и жертвами этого уголовного преступления неизбежно оказываются дети. Обычно, рассматривая Геноцид, как массовое убийство, судьба детей, как отдельной категории, не изучается. Но, можно выявить определенные особенности, которые характерны для геноцидного обращения с детьми, что даёт возможность рассматривать детей как особую категорию среди всего обреченного населения. В отличие от нескольких других случаев геноцида в XX веке, Геноцид армян является кульминацией исторического процесса, в ходе которого в течение десятилетий проводились акты резни. Эти случаи резни не приводили к полному уничтожению армянского населения, поэтому, к моменту начала Геноцида 1915 г., армяне вновь стали жизнеспособной общиной. Этот факт привел к тому, что лидеры младотурок, организовавших геноцид, следовали принципу: «В этот раз мы завершим дело» [1], то есть, ни одна категория армян не будет пощажена, в том числе старики, женщины и дети. Значительная часть армянских детей, наряду с женщинами и стариками, была обречена на депортацию в безлюдные пустыни Месопотамии. Эти переходы под палящим солнцем были организованы так, чтобы увеличить масштабы смертей – удлинение маршрутов, лишение воды и еды, жестокое обращение в пути следования, истощение, голод, болезни и т.д. Немецкий очевидец, например, описывал, как жандармы размозжили головы армянских детей, которые отстали от колонны [2].

Значительная часть детей оказалась жертвой резни в регионах своего проживания. Как указывал посол США Генри Моргантау [3], чтобы сберечь

«порох и патроны» турецкие крестьяне, поддерживавшие банды, созданные для осуществления резни, использовали «дубинки, молотки, топоры, косы, лопаты и пилы. Такие инструменты... вызвали гораздо более мучительную смерть, чем использование огнестрельного оружия...». Об убийствах детей по месту их проживания вспоминает и свидетельница этих события, жительница Сочи Айастан Арутюнова: «...Детей бросали одного на другого и шашкой рубили...» [4].

Дети хоть и составляли часть общего населения, обреченного на уничтожение, во многих случаях они подвергались также отдельным формам массового убийства. Из имеющихся свидетельств вырисовываются контуры трех главных методов убийств – сбрасывание в море и реки, сжигание живьем и массовое изнасилование перед убийством. В докладе американского консула в Харпите Лесли А. Дэвиса, описывается как сиротские дома, в которых собирали детей после уничтожения их семей, служили транзитными лагерями для последующего уничтожения путем сбрасывания в реки и озера. Когда Дэвис обратился к губернатору Харпутской провинции с просьбой открыть приют для детей, ему отказали, и был издан приказ: «Все дети наряду с оставшимися здесь женщинами должны покинуть Харпут». «Затем дети исчезли... всех их увезли к озеру и утопили», – пишет Дэвис. Консул описывает сцену резни в районе озера: «видел останки не менее десяти тысяч армян, которые были убиты в районе озера Гельжюк. Это, конечно, приблизительная цифра... Я уверен, однако, что там скорее было больше десяти тысяч...». После описания обширных ран на большинстве голых тел с признаками «варварского изуверства», нанесенных штыками в живот, грудь или в горло, консул Дэвис писал: «Тысячи и тысячи армян, в большинстве своем невинные и беззащитные женщины и дети, были безжалостно вырезаны и варварски изуродованы» [5].

Трапезунд служил испытательным полигоном, где изобретались и осуществлялись почти все формы геноцидных убийств. Так, руководитель службы здравоохранения Трапезундской провинции Али Салиб, отравлял армянских детей, которых доставляли в городскую больницу и приказывал топить в Черном море тех, кто отказывался принять «лекарство». Он применял и метод, называвшийся «паровой баней» – в помещение, забитое детьми, с помощью вмонтированной установки подавался удушающий горячий пар, который убивал детей. Священник Лоран, настоятель ордена Французских капучинов в Трапезунде, свидетельствовал, что видел на больничном дворе трупы отравленных детей, втиснутых в глубокие корзины, которые затем сбрасывались в море. Были и другие случаи массового отравления детей. В Агне было отравлено около 500 сирот, собранных со всех районов Харпутской провинции, и в этом участвовали местный фармацевт и врач. По завершении умерщвления турецкий врач объявил: «У армян нет мест захоронения, воды Евфрата служат их могилой» [6].

Одним из самых распространенных проявлений во время Геноцида армян были изнасилования, жертвами которых стали тысячи детей. Как при-

знался британцам попавший в плен турецкий лейтенант Хасан Маруф, «случаи изнасилования женщин и девушек, даже на людях, были очень распространены. После надругательства их убивали...». По свидетельству турецкого штабного капитана Небиль Бея, 300 девушек «принадлежавших лучшим армянским семьям Битлиса» были собраны в армянской церкви для нужд армии. Каждый полк, который проходил через город по пути на фронт, оставлял свои «следы» в виде венерических болезней и в результате, девушек просто убили по приказу командующего Третьей армии генерала Махмуда Кемаля «за то, что они обессилили боевые силы оттоманской армии» [7]. Турки не ограничивались изнасилованиями девочек и молодых женщин. Швейцарский фармацевт, который в течение всей войны оставался в Урфе, утверждает, что гомосексуальное изнасилование в широких масштабах происходило как в связи с геноцидными убийствами, так и в турецких домах, где мальчики оказывались в качестве приёмных детей: «турецкие офицеры совершали непостижимые и невыразимые акты по отношению к армянским девушкам, но никто не может представить масштабы преступлений в форме неестественного секса по отношению к сотням, тысячам армянских мальчиков» [8].

В случаях с массовым сожжением детей, срабатывала садистская жестокость. В двух лагерях смерти в Месопотамии – Сувар и Шедадие – был совершен гигантский акт уничтожения около 5000 армянских детей, которых сожгли живьем. Это было 25 августа 1916 г. (или 7 сентября 1916 г. по новому стилю) в день мусульманского праздника Курбан Байрам. Сирот собрали вместе, облили керосином и сожгли [9]. Но самая публичная операция по массовому сожжению детей имела место в Битлисской провинции. Уничтожение было инициировано генерал-губернатором провинции Мустафой Абдулхаликом, который приходился зятем главного архитектора Геноцида армян, министра внутренних дел Талаата паши. По свидетельству католического епископа Трапезунда, «собрав вместе 1000 маленьких детей, генерал-губернатор повел их в место, называемое Ташод, где их сожгли живьем в присутствии именитых людей и толпы. При этом он восклицал «Необходимо искоренить раз и навсегда армянское имя в этих провинциях» [10].

Существует еще один аспект разного по характеру обращения с детьми в связи с Геноцидом армян. Турки ценили значение генетических особенностей армянских детей и в ряде случаев относились к ним как к источнику генетического обогащения турецкой нации. Когда это было возможно, руководителей сиротских домов поощряли воспитывать армянских сирот как турок, после совершения обрядов обращения в ислам и изменения имен. В связи с этим, геноцидная расправа с армянскими детьми примечательна и в плане дальнейшей судьбы тех из них, кто выжил. Тысячи мальчиков стали приемными детьми в турецких семьях и воспитывались как турки. Десятки тысяч девочек рассеялись в турецкой среде в роли служанок, заложниц в гаремах, либо законных жен после обращения их в ислам.

Таким образом, анализируя события 1915-22 гг. и, выделяя детей в качестве одной из групп жертв Геноцида, можно отметить, что организаторами

этого преступления придавалось особое значение истреблению детей, являющихся будущим уничтожаемой нации. Смерть армянских детей, власти Турции считали гарантией того, что армяне навсегда исчезнут с лица своей Родины – Армении, оккупированной турками. Настойчивые усилия для правильной оценки и должного осуждения того, что произошло с армянским народом в начале XX в., необходимы для предотвращения геноцидов в будущем, и в России – стране признавшей и осудившей Геноцид армян в Османской Турции, это понимали всегда. Современник Геноцида, русский писатель Юрий Веселовский, один из первых обратившийся к теме армянских детей в Турции, написал, что их страдания не должны быть забыты «даже тогда, когда Армения дождётся свободы и благосостояния и залечит прежние раны...» [11]. И сегодня, когда современная Турция продолжает проводить политику отрицания преступления, совершенного против армянского народа на его Родине, слова Юрия Веселовского, как никогда актуальны.

Примечания

1. United States Diplomacy on the Bosphorus: The Diaries of Ambassador Morgenthau 1913-1916. – P. 298
2. Heinrich Vierbecher. Armenien 1915. Die Abschachtung eines Kulturvolkes durch die Turken. – Hamburg, 1930. – P. 88.
3. Трагедия армянского народа. История посла Моргантау. – М., 2009.
4. Ак-Даг. Четырехлетняя битва. – Ростов-на-Дону, 2011.
5. Leslie A. Davis. The Slaughterhouse Province. An American Diplomat's Report on the Armenian Genocide, 1915-1917. Susan K. Blair, ed. New Rochelle. – N. Y., 1959. –P. 64, 79, 83, 87.
6. Ваагн Дадрян. Дети как жертвы геноцида: пример армян // Геноцид армян [электронный ресурс]. – URL: <http://genocide.ru> (дата обращения 20.03.13)
7. Там же.
8. См. Jacob Kinzler. im Lande des Blutes und der Trinen. Erlebnisse in Mesopotamien Wehrend des Weltkrieges. – Berlin – Pottsdam 1921. – P. 77, 87.
9. Teotig «Mius Merelotzu» Amenoun Daretzoutzu. – Istanbul, 1921. – P. 318-319.
10. Les Memours de Mgr. Jean Naslian. Eveqae de Trebizonde. –Vienna, 1955. – P. 146.
11. Веселовский Ю. Армянский Вестник. – 1917. – № 39-40.

В.Н. Ерохин
(г. Нижневартовск)

ХОСЕ МАРИЯ ЭСКРИВА ДЕ БАЛАГЕР И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ «OPUS DEI»

По числу последователей христианство к настоящему времени остается крупнейшей религией мира. Имеющиеся статистические данные несколько разноречивы, но позволяют в целом составить достаточно адекватное представление о распространении христианства в мире. В середине 2013 года на планете проживало 2.355 млрд. христиан [1]. Наиболее многочисленны по

количеству верующих в рамках христианской религии три традиционных, давно устоявшихся направления, составляющие тройку лидеров: православие, протестантизм и католицизм. При всех трудностях подсчета есть основания для утверждений, что количество православных в мире составляет около 300 млн. чел. Вторым по численности направлением в христианстве является протестантизм, насчитывающий около 800 млн. сторонников. Наибольшее количество приверженцев христианской религии исповедуют католицизм. К концу 2012 г. католическое население мира достигло 1,228 млрд. человек. Процент католиков по отношению к населению планеты составляет долю в пределах 17,5 % [2].

В течение XX века все направления в христианстве претерпели заметные изменения. На фоне этих изменений впечатляющей динамикой приспособления к меняющемуся миру отличается католицизм, хотя, конечно, и протестанты тоже ввели много новшеств. II Ватиканский собор 1962-1965 годов ввел в практику богослужения кардинальное новшество: было разрешено использование в богослужении национальных языков. В XVI веке из-за стремления использовать национальные языки в богослужении раскололось западное христианство, за это можно было лишиться жизни, а с середины XX века служба на национальных языках стала обыденностью.

Католическая церковь, как видно, активно маневрирует и экспериментирует в области доктрины и обрядности. Одним из наиболее новаторских явлений в современном католицизме стало также появление организации «Opus Dei» («Дело Божье»). В западном мире этой организации уделялось и уделяется значительное внимание, в то время как в нашей стране ее значение, похоже, в полной мере не осознано. «Opus Dei», тем не менее, не оставляет Россию без внимания. В декабре 2007 года в Москве было открыто представительство «Opus Dei». До этого времени Россия оставалась последней из крупных стран, где «Opus Dei» не был официально представлен. И, вместе с тем, как заявил при открытии представитель самой организации А. Хавард, сотрудники «Opus Dei» на тот момент работали на территории России уже в течение 15 лет [3]. Такой подход очень наглядно свидетельствует о характере организации «Opus Dei». Она собирает информацию, вступает в целенаправленные контакты с гражданами разных стран, как правило, стремясь установить связи в среде национальной элиты, стремясь не привлекать при этом к себе лишний раз особое внимание.

История «Opus Dei» при возникновении организации оказалась связанной с деятельностью испанского католического духовенства. «Священническое общество Святого Креста и Дела Господня» (относительно редко употребляемое полное наименование «Opus Dei») было основано в 1928 г. небольшой группой молодых интеллигентов, возглавляемых священником Хосе Марией Эскрива де Балагером (1902-1975). В течение первых 10 лет своего существования «Opus Dei» переживал период совершенной неизвестности; незамеченной осталась и книга Х.М. Эскрива де Балагера «Духовные размышления» – первый вариант впоследствии ставшей знаменитой его кни-

ги «Путь», – изданная в Куэнке в 1934 г. Начавшийся в 1940-е годы процесс официального признания «Опус Деи» растянулся на целое десятилетие. В марте 1941 г. епископ Мадрида дал ему права епархиальной ассоциации. В октябре 1943 г. Ватикан согласился рассматривать его как один из своих институтов. Но только энцикликой папы Пия XII от 2 февраля 1947 г., провозгласившей создание в рамках католической церкви так называемых «мирских институтов», деятельность «опусдеистов» была одобрена во всем ее своеобразии. 24 февраля 1947 г. «Опус Деи» был признан первым «мирским институтом» католической церкви. Резиденция Х.М. Эскрива де Балагера, назначенного папой пожизненным президентом этой организации, переместилась из Испании в Ватикан. 16 июня 1950 г. в особом постановлении об «Опус Деи» Ватикан обратил внимание на вселенские перспективы развития этого нового направления в католицизме, и этот момент отмечается опусдеистами как время «окончательного признания» их организации [4].

В основу деятельности опусдеистов была положена идея «религиозной реконквисты»: возрождение религиозного сознания в обществе, где уже давно шел интенсивный процесс секуляризации. «Опус Деи» отличался от других организаций католической церкви, также преследовавших эту цель, рядом особенностей своего устава и формами деятельности.

«Опус Деи» соединял в себе характеристики «закрытой» и вместе с тем «открытой» организации. Это достигалось путем введения многоступенчатого членства с различным статусом, с разными обязанностями и послаблениями. Высшая категория членов «Опус Деи» – «нумерариос» – приносили три евангельских обета (бедности, целомудрия и повиновения) и при желании могли получить священнический сан. От них требовалось также обладание ученой степенью, специальным философским и теологическим образованием. Следующая категория – «облатос» – объединяла лиц, приносивших обеты, но не получивших требуемого высшего образования; в случае прохождения курса религиозных занятий они тоже могли по желанию получить духовный сан. К «супернумерариос» относились члены общества, дававшие не все обеты. Эта категория включала главным образом женатых и замужних, тоже игравших заметную роль в «Опус Деи». Широтой влияния общество было обязано в первую очередь «кооперадорес» – не принимавших на себя каких-либо обетов, признававших духовное руководство опусдеистского священнослужителя. Эти подразделения касались как мужского, так и женского отделений организации (с тем отличием, что женщины не могли получить сан священнослужителя). Лица духовного звания объединялись в рамках «Опус Деи» в «Священническое общество Святого Креста». Ватиканская классификация «Опус Деи» в качестве католического «мирского института» указывала на специфическую направленность этой организации, поскольку опусдеисты ориентировались на то, чтобы жить в миру, занимаясь каждый своей профессией, сознавая себя частью гражданского общества страны. «Опус Деи» чуждался всякого рода публичных кампаний, не допуская от своего имени никаких деклараций по политическим, социальным или экономическим проблемам. Опусдеистам рекомен-

довалось, в частности, быть образцовыми профессионалами и нести свою «апостольскую миссию» без каких-либо признаков фанатизма.

Не оставляла своих мирских профессий и значительная часть тех лиц, которые достигли духовного сана в «Опус Деи». Это были в основном профессора университетов, институтов, семинарий; кроме того, среди опусдеистов встречались священники-врачи, священники-адвокаты, священники-рабочие и т. п. В «Опус Деи» могли вступать, также сохраняя свой социальный статус, ординарные священнослужители из епархий, но их численность в обществе была невелика. Опусдеисты не призывали к уединению в монастырях. «Опус Деи» имел помещения, где могли жить (по желанию) некоторые категории его членов, однако все его устремления были направлены в мирскую деятельность. Фактически получалось, что главным в служении опусдеистов было не служение мессы, не уединенные молитвы, а как можно более профессиональное исполнение своих служебных и рабочих обязанностей в своей светской профессии [5].

Опусдеисты – «нумерариос» передавали значительную часть своих доходов в «Опус Деи», но их «бедность» не должна была нарушать условия их профессиональной деятельности. Обетом «бедности» опусдеисты давали зарок, касающийся главным образом их внутренней настроенности, обязывались обрести «дух бедности». Христианин не должен сосредоточиваться на внешних условиях своего существования, да и определяют его не столько они, сколько «движения его сердца». Опусдеистская рекомендация для мирян, «обычных христиан», сводилась к пожеланию жизни, подчиненной христианскому осознанию своего места в мире. Для этого требовалось, с одной стороны, умение видеть относительность ценностей земных, с другой – чувствовать себя в человечестве как «один из собратий», «любя мир и все добрые вещи мира, используя их для разрешения, текущих проблем и для создания такой материальной и духовной ситуации, которая способствует развитию личностей и сообществ». «Реальная бедность» мирянина могла, по словам Эскрива, проявляться в его готовности к жертвам, в легком перенесении материальных невзгод, а также в признании того, что все люди, как мужчины, так и женщины, и не только материально бедные, «имеют обязанность трудиться».

В Испании организация стала получать все более заметное признание к концу 1940-х годов. Значение «опусдеизма» определялось тем, что он сумел дать новый волевой импульс традиционной католической мысли, а в политической жизни страны при франкистском режиме стать организующей силой нового процесса правой концентрации, далеко идущие возможности которого, казалось, гарантировал существующий режим. Влияние «Опус Деи» уже просматривалось к началу 1950-х годов во многих секторах: среди профессуры и ученых, в издательском деле, государственном аппарате, в промышленных и банковских кругах. В 1952 г. в городе Памплопе «Опус Деи» открыл «Высшее училище Наварры», дипломы которого были затем уравнены с государственными. Большинство факультетов этого учебного заведения не имели религиозного характера и тем отличались от более канонически замк-

нудой системы обучения в католических университетах, руководимых иезуитами и августинцами. В августе 1960 г. «Высшее училище Наварры» получило от Ватикана права «университета церкви». Созданный в 1947 г. «Испанский народный банк» стал «первой финансовой базой», контролируемой банкирами – членами «Опус Деи» [6].

В 1939 году в своем окончательном виде было опубликовано в Валенсии основное духовное наставление, написанное Х. М. Эскрива де Балагером – книга «Путь». Книга доступна в русском переводе [7]. Она содержит 999 максим («мыслей для размышления») – кратких, в объеме небольшого абзаца рассуждений и наставлений, многие из которых написаны очень проникновенно. Максимы тематически сгруппированы в 46 разделах. Опусдеисты воспитывали себя на этих максимах-поучениях. В католической литературе «Путь» Х.М. Эскриваде Балагера называли «кодексом святости», сравнивали его с книгой Фомы Кемпийского «О подражании Христу» – сочинением, датируемым XIV-XV веками, вопрос об авторстве которого окончательно не решен. Опусдеисты пропагандировали идею о том, что «Путь» является для настоящего времени тем же, чем для более ранних времен был труд Фомы Кемпийского.

Первый раздел «Пути», посвященный становлению характера и волевым качествам личности, начинался словами о том, что жизнь не должна быть бесплодной. Верующий христианин должен быть полезен окружающим, не порождая при этом непослушание и раздоры: «Будь полезен. Оставляй след. Свети светом твоей веры и любви. Зачеркивай своей жизнью апостола те порочные и грязные следы, которые оставили нечистые сеятели ненависти. – Зажги земные пути Христовым пламенем, которое ты носишь в сердце своем» (максима 1). При этом католик, воспитанный на «Пути», должен был соединять в себе сдержанность и деятельность, послушание и амбициозность. «Возмущаясь чьим-то проступком, не спеши с укорами, пока кипишь негодованием. Повремени хотя бы до завтра – и тогда, спокойно, очистив свои намерения, непременно поправь его. – Участливым словом ты добьешься большего, чем тремя часами ссоры. – Умерь свой пыл» (максима 10). «Воля. – Энергия. – Пример. Что надлежит сделать – должно быть сделано... Без колебаний... Безоглядно... Иначе Сиснерос не стал бы Сиснеросом... Тереза де Аумада – святой Терезой... Иньиго де Лойола – святым Игнатием... Бог и отвага! *Regnare Christum volumus!* – «Христу царствовать желаем» (максима 11). «Ты – как все? Как баран из стада?... Ты же родился лидером! Среди нас нет места теплохладным. Будь истинно смиренным, и Христос снова воспламенит тебя огнями Любви» (максима 16).

«Ты сталкиваешься с характером того или другого человека... Это так и должно быть: ты не золотая монета, чтобы всем нравиться.

Как не в таких столкновениях, ты мог бы сточить шипы, отполировать грани своего характера (несовершенства и недостатки), чтобы стать стойким и ровным, милосердным и совершенным?

Если бы твой характер был мягким, словно пирожное, и такими были окружающие тебя люди – ты бы никогда не приобщился святости» (максима 20).

Х.М. Эскрива де Балагер постоянно подчеркивает значение профессиональной деятельности христианина, его культурной эрудированности, образованности, учености. «Учись», «работай» – так начинаются многие изречения книги «Путь». «Мы не будем прощать того, кто мог стать ученым и не стал им», – гласила максима 332. Профессиональный долг и профессиональный престиж оценивались как высокие достоинства человека, избравшего для себя «дорогу апостола». Католики христианско-демократического толка, критикуя опусдеистскую концепцию «труда», находили в ней, в частности, чуждую испанской традиции апологию материального успеха, характерную для кальвинистов.

Католическая мысль традиционно отдавала приоритет вере перед знанием. Активнее эта идея подчеркивалась в средние века. Фома Кемпийский так говорил об учености: «Успокой в себе излишнее желание знаний; от него тебе прибудет великое рассеяние и обольщение. Знающие любят, чтоб их почитали за ученых и называли мудрецами. Много есть такого знания, от которого мало пользы душе или никакой пользы не бывает, и весьма безумен, кто наиболее печется о том, что не служит к его спасению... Чем больше и чем совершеннее знаешь, тем строже судим будешь от знания, если не прибудет тебе от него святости в жизни». У Кемпийца господствовала мысль о том, что «смиранный поселянин» может быть «лучше, по истине», высокомудрствующего мудреца-ученого [8].

Х.М. Эскрива де Балагер расставлял приоритеты в жизни христианина сходным образом, при этом, пожалуй, все же чуть в меньшей степени принося значение знания. В «Пути» формулировалось предостережение ученым и просто «учащимся»: культура «сама по себе не является целью» (максима 345). Знание поощрялось и вместе с тем как бы вовлекалось в «орбиту святости». Эскрива писал, что у «современного апостола» час учения должен быть «часом молитвы» (максима 335). Он предупреждал против преклонения перед всякой книгой: она может быть полна «мусора», быть вещью «бесполезной или опасной» (максима 339), напоминал увлеченному познанием человеку о «становлении его души», призывал оставаться христианином, входя в университет, парламент, собрание ученых и т.п. (максима 347).

Интересна у Х.М. Эскрива де Балагера и типично католическая мысль о том, что каждый человек нуждается в духовном руководстве: «Ты считаешь себя важной птицей. Твои исследования и публикации – твоя работа, положение в обществе – твое имя, дом, состояние, политическая деятельность, высокий пост... Твой солидный возраст, в конце концов! – ведь ты уже не ребенок... Именно поэтому тебе – особенно тебе и особенно теперь, – необходим наставник» (максима 63).

Эскрива не сомневался в возможности и даже необходимости принуждения в духовной и общественной жизни. Очень определенно в этом отношении звучит максима 399: «Если во имя спасения земной жизни мы – с одобрения всех – применяем силу, с тем чтобы помешать человеку покончить с собой... не имеем ли мы власть применить такое же насилие – святое прину-

ждение, – чтобы спасти Жизнь (с большой буквы) тех – многих – упорствующих в глупейшем самоубивании своей души?». Православие и протестантизм всегда критиковали католицизм как более авторитарный, чем этого требовало и внутреннее устройство церкви, и все же сохраняющееся в христианстве, несмотря на все связанные с этим споры, признание свободы воли человека.

Эти рассуждения о насилии воспринимались читателями также и в контексте Гражданской войны 1936-39 годов в Испании. Свои политические симпатии Х.М. Эскриваде Балагер в книге «Путь» достаточно определенно обозначил лишь в максиме 145: «Фронт недалеко от Мадрида. Поют молодые военные, благородные, веселые товарищи». В этих симпатизирующих военным словам вполне ясно видно, что речь идет не о левых, не о республиканцах. В годы Гражданской войны, насколько установлено, левые политики и руководимые ими массы, «rojos» («красные»), убили 13 епископов, 4184 священника, 2648 монахов, всего же порядка 60 тыс. человек. Последовал ответный террор со стороны франкистов, унесший жизни около 120 тыс. человек, и около 200 тыс. чел. подверглись политическим преследованиям, были проговорены к различным срокам лишения свободы. Часть из отбывавших срок республиканцев работала на сооружении огромного мемориального комплекса Долина Павших в 58 километрах от Мадрида в горах Гвадаррамы, который возводился в 1940-50-х годах как памятник испанцам разных политических убеждений, погибшим в годы Гражданской войны. За согласие работать на строительстве этого мемориала заключенным республиканцам сокращались сроки, на которые они были осуждены. Здесь же похоронен каудильо Франсиско Франко Баамонде (1892-1975) – диктатор, правивший страной в 1939-1975 годах [9]. Франко был убежден, что деятельность испанских левых сил времен Гражданской войны вдохновлялась масонами и другими врагами Испании, и должна была быть пресечена в имя сохранения страны, опираясь на идею «двух Испаний», в которой «красные» были носителями чуждого традиционной Испании мировоззрения [10].

Но «святое принуждение» во взглядах Эскрива имело и внутреннее направление, о чем, в частности, свидетельствуют максимы о «войне»: они говорили о «внутренней жизни» и «каждодневных борениях» в ней (максимы 306, 307, 308, 311). В этих максимах о «войне» речь шла об «индивидуальных» проблемах, самовоспитании, борьбе с грехом и т. п.: «О том, что жизнь человеческая на земле – это жизнь воина, Иов сказал много столетий назад.

Но все еще находятся «сластолюбцы», для которых эти слова – звук пустой» (максима 306); «Война! – «Война, – говоришь ты мне, – имеет духовное значение, неизвестное миру. Война была для нас...» Война – наибольшее препятствие на легком пути. – Но все же нам надо любить ее, как любит свои вериги монах» (максима 311).

Важное место в рассуждениях Эскрива занимает и традиционная христианская тема послушания, в католицизме, по сравнению с другими направлениями в христианстве, со времени Контрреформации XVI века, занявшая особое место. Эскрива строит здесь свои наставления в духе самых крайних

форм католической трактовки темы духовного наставничества и роли клира. «Будь инструментом – из золота или стали, платины или железа... Все они полезны, каждый имеет свою собственную миссию, – говорилось в максиме 484, продолжавшей и далее это сравнение. – Так в материале: кто может сказать, что пила плотника менее полезна, чем пинцет хирурга? Твой долг быть инструментом». «Повинуйся так же, как в руках скульптора повинуются инструмент»; «никогда не забывай, что ты только исполнитель», – гласили максимы 617 и 619. Это уже мотивы, впервые подчеркнутые в свое время основателем «Общества Иисуса» Игнатием Лойолой (1491-1556).

Специальное внимание уделялось также добродетели молчания. Оно — важнейшее проявление самообладания, сдержанности, экономии внутренних сил. Максима 647 советовала не смущаться своей непонятностью у людей: «Это непонимание провиденциально и служит тому, чтобы твоя жертва осталась неузнанной». Максима 648 говорила о том, что «молчание» отнюдь не помеха в предприятиях апостолата. Эскрива называл апостолат опусдеистов «скромной, молчаливой и действенной миссией», основанной на «скромности и доверительности».

Роль идеологии «Опус Деи» и сторонников этой организации, как считают исследователи, была очень значительной в том процессе трансформации, который испанское общество претерпело в позднефранкистский период. 1950-60-е годы стали временем создания модернизированной, прагматизированной «испанской идеи», которая впоследствии помогла добиться экономического роста, а далее также и преодолеть последствия франкистской диктатуры [11].

Примечания

1. Википедия – свободная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Древо: открытая православная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: <http://drevo-info.ru/news/17073.html>
3. Единое Отечество [электронный ресурс]. – URL: <http://otechestvoua.org/main/20084/904.htm>
4. Пономарева Л.В. Испанский католицизм XX века. – М.: Наука, 1989. – 288 с. – С. 161-162.
5. Там же. – С. 163-164.
6. Там же. – С. 161, 165.
7. Святой Хосе Мария Эскрива. Путь / пер. с исп. Н. Трауберг. – СПб.: Белый Камень, 2006. – 272 с.
8. Фома Кемпийский. О подражании Христу / пер. К.П. Победоносцева. – Одесса: Философско-эзотерическая школа, 2007. – 154 с. – С. 11.
9. Tremlett G. Ghosts of Spain. Travels through Spain and its Silent Past. – London: Bloomsbury, 2008. – 396 p. – P. 32.
10. Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. – М.: Алгоритм, 2014. – 352 с.
11. Пономарева Л.В. Испанский католицизм XX века. – М.: Наука, 1989. – 288 с. – С. 176-178.

ВЛИЯНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ГЕНДЕРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Вторая мировая война – одна из не проходящих по своей актуальности тем. Перекроив территории, унеся жизни миллионов людей, причинив небывалые раннее разрушения, изменила образ жизни, мораль, представления народов участвующих в этой кровавой «бойне». Казалось бы, что можно ещё написать и сказать о столь изученных событиях. Тем не менее, даже в истории Второй мировой войны найдутся свои «белые пятна». Несомненно, к таким мало изученным темам можно отнести гендерное и женское пространство войны. В последнее время стали появляться труды исследователей, которые опровергли высказывание, что «у войны не женское лицо», так как женщины во всём мире были не просто сторонними наблюдательницами, но и активными участниками тех событий.

Каждая из стран участниц отводила женщинам роль в соответствии с культурными представлениями об их роли в обществе, учитывалось социально-экономическое и политическое положение страны, но было и общее у всех стран – это не возможность игнорирования женского вопроса в условиях военного времени. В связи с выше сказанным, особый интерес представляет влияние милитаризации Японии и Второй мировой войны на положение японских женщин.

Курс на милитаризацию страны был принят уже в период реформ Мэйдзи исин. Прежде всего, стоит упомянуть концепцию паназиатизма, которая идеологически «облагораживала» колониаторскую политику Страны восходящего солнца в отношении своих азиатских соседей [1]. На фундаменте исключительности японской нации выстраивалась и доктрина японизма.

В целом данные системы отводили японским женщинам чёткую роль в обществе – материнство, это не просто счастье, но прежде всего это долг перед Родиной, императором и японской нацией. Всё что нарушало эту роль отвергалось правительством, и не находило поддержку у широких кругов населения. Например, в 1930 году по инициативе Лиги за предоставление женщинам избирательных прав (Фудзин какутоку домэй) состоялся первый всеяпонский съезд женщин, на котором было выдвинуто требование политического равенства. Но в 1931 г. проект о предоставлении женщинам права вступления в политические партии и права избираться в местные органы власти был отвергнут палатой пэров на том основании, что подобные законопроекты разрушают семьи и подрывают государственные устои [2].

Итак, рассмотрение положения японских женщин в период Второй мировой войны можно по трём основным направлениям: дом (семья), работа и патриотическая деятельность.

В обстановке военной мобилизации японское правительство приоритетной задачей выбрало поощрение семейных ценностей и деторождения в стране. В связи с этим, японский женский трудовой резерв изначально не рассматривался как основной. В стране даже действовали ограничения для использования труда замужних японок, так как, по мнению властей это приводило к снижению рождаемости, уменьшению количества здоровых детей - будущих солдат и матерей воинов.

Учитывая снижение коэффициента рождаемости, после начала войны с Китаем [3], правительство Тодзё (Тодзио) Хидэки (с октября 1941 по сентябрь 1945 г.) приняло и продолжило следующие законодательные меры, для повышения рождаемости и сохранения семьи как приоритетной ценности:

1. Оказание финансовой помощи женщинам, которые во время войны родили ребёнка.

2. Предпринять меры по расширению доступа и улучшению медицинской помощи для беременных женщин и матерей, с новорождёнными детьми (ранее в 1938 году правительство приняло Закон о «Матери и ребенке», который помогал защищать бедных матерей-одиночек и их детей, давал им доступ к поликлиникам).

3. В 1940 г. был принят закон, поддержанный в дальнейшем и правительством Тодзё, о евгенике и поощрении рождения, как можно больше, здоровых и чистокровных японцев. Под влиянием нацистских законов, правительство Японии запретило контрацептивы. Обязательной стерилизации подвергались японки и японцы с психическими заболеваниями, наследственными дефектами, чтобы предотвратить рождение детей с умственными или физическими недостатками. Стерилизовали и детей от таких родителей.

В целом, образцовой матерью становится жена премьер-министра Тодзё, мать семерых детей, которая часто принимала участие в пропагандистских акциях, снималась в патриотических «роликах».

Стоит отметить, что даже представители японского суфражизма (Hiratsuka) поддерживали политику евгеники. Они считали, что японской нации нужны лишь здоровые гены [4].

4. Государство создаёт брачные агентства, основная функция которых было сватовство. Брачные консультанты давали напрокат или в кредит свадебные наряды, так как не все могли позволить покупку свадебного платья и костюма.

5. Министерство здравоохранения и социального обеспечения для семей с 10 или более детей обещали бесплатное высшее образование и различные материальные льготы [5].

Особое внимание уделялось пропаганде образа: «хорошая жена, мудрая мать». Японские журналы публиковали статьи на тему материнства. Главными героинями фильмов, литературных произведений становилась мать. Японская женщина – заботится о детях, муж идёт на войну спокойно, так как знает, что она будет держать в порядке домашнее хозяйство, даже если его убьют. Пропагандировался образ японки работающей по дому, например,

женщина может вышивать, шить и т.д., не отлучаясь из дома и не бросая своих детей, тем не менее, зарабатывая деньги домашним промыслом или продуктами подсобного хозяйства. Ассоциация женщин великой Японии (Дайнихон фудзин кай) призывала женщин сделать ремёсла и побочные отрасли дополнительным заработком семьи.

На первый взгляд война никак не отразилась на семейной политике. Гендерное разделение внутрисемейных обязанностей сохранялось. Но данную политику нельзя рассматривать как простое продолжение довоенных норм, это действительно качественно новое отношение к матери и ребёнку. Вряд ли японское правительство пошло бы на такие материально-затратные меры поощрения рождаемости, если бы не военные действия. К тому же вторжение в Китай и Юго-Восточную Азию идеологически обосновывалось, как необходимость обеспечить японцев большей жилой площадью и доступом к ресурсам. Стоит отметить, что данная политика имела свои результаты: за годы войны количество браков увеличилось с 8,1 на 1000 человек, до 10 на 1000.

Вторым аспектом стоит рассмотреть, как изменились виды деятельности японских женщин. Сразу хотелось бы обратить внимание, что японки практически не участвовали в боевых действиях, даже в роли медицинских работников. Как отмечает Рут Бенедикт: «В ходе всех военных действий в японской армии не было специальных команд по спасению из-под огня раненых и оказанию им первой медицинской помощи; в ней не было развитой медицинской службы на передовой и в тылу, как не было и тыловых реабилитационных госпиталей... Иногда, в случае крайней необходимости, госпитализированных просто убивали... Ответственный офицер медицинской службы перед отходом часто расстреливал госпитализированных или они сами подрывали себя ручными гранатами. Наибольшей крайностью, до которой дошли японцы в своём отношении к потерям личного состава, была политика не сдачи в плен... Честь обязывала их сражаться насмерть... В плен попадали тяжелораненые или без сознания» [6]. Возможно поэтому, труд медсестёр не был столь востребован, как в СССР, в период Великой отечественной войны.

Хотя медсёстры всё-таки были, ещё с конца XIX в. Существуют и песни, фильмы, плакаты на эту тему. Профессия военной медсестры была для Японии того времени делом совершенно новым, поскольку в отличие от европейской христианской морали, предписывавшей женщинам заботу о больных и раненых как проявление милосердия, в японском обществе, руководимом конфуцианской моралью, присутствовала сильная сегрегация полов, и женщины не могли оказывать медицинскую помощь мужчинам за пределами своей семьи. В Европе медсёстры-добровольцы воспринимались как самоотверженные и великодушные женщины, следующие высокому призванию; среди них было немало высокородных особ, чья сестринская деятельность только повышала их социальный статус. В Японии же медсестра, вынужденная ежедневно работать среди мужчин и тем самым подвергать своё женское целомудрие сильнейшей опасности, ни на какое уважение рассчитывать не могла. Опасаясь, что при подобных представлениях о женской роли в медсё-

стры пойдут только женщины низших классов, которые и раньше за плату изредка занимались уходом за больными в богатых домах, японцы сочли необходимым переломить культурную традицию и придать новой профессии благопристойный вид. Для этой цели благородные дамы японского императорского двора, курируемые непосредственно императрицей Сёкэн, в 1887 году образовали Общество медсестёр-добровольцев (篤志看護婦人会 Токуси кангофудзин кай), которые занимались тем, что скатывали бинты, посещали солдат в госпиталях и жертвовали деньги благотворительным организациям. Инициатива удалась: на сестринские курсы стали записываться девушки из относительно высоких классов. Другое отличие Японии от Европы состояло в том, что европейские женщины нередко самостоятельно организовывались в общины сестёр милосердия и проявляли инициативу в выборе методов ухода за больными. В Японии же принципы Найтингейл не прижились именно из-за декларируемой независимости среднего медперсонала. Японские медсёстры обучались именно профессии, фактически работая в армии и получая за свою деятельность зарплату, продовольствие и транспорт, в то время как в Европе медсёстры Красного Креста были добровольными работницами и денег не получали. Образ медсестры в японской культуре 1930-х – первой половины 1940-х гг. выполнял множество символических ролей, в частности, роль героини-красавицы, сопровождающей героя-солдата на войне, а изображение медсестёр, оказывающих помощь и своим, и вражеским солдатам, было призвано выразить гуманность японцев. Можно отметить и фильм «Фудзин дзюгунка», снятый в 1939 году режиссёром Сатоси Тагути, посвящённый японским медсёстрам [7].

Японские женщины иначе вносили свой вклад, в надежде на победу и формы этого вклада были разнообразны. Можно вспомнить, что ассоциация гейш отказалась носить одну из нижних юбок, а сэкономленные деньги переправляли на нужды фронта, часто часть заработанных средств направлялась на обеспечение японских военных, многие японки готовы были провести ночь с камикадзе, чтобы он смог оставить после себя потомка.

Что бы понять, на какую жертву готовы были пойти японские женщины, можно привести в пример один из случаев набора камикадзе. Один из самых распространенных домыслов в европейской научной литературе о камикадзе состоит в том, что смертников вербовали чуть ли не насильно. На самом деле, попасть в первые соединения корпуса специальных атак было не так-то просто. Сначала туда брали далеко не всех желающих. В первую очередь, учитывали, конечно, лётный и боевой опыт, однако важное значение придавали и другим моментам, например – семейному положению претендента. Самый трагический тому пример – судьба Хадзимэ Фудзи. Осенью 1944 года, как только военным лётчикам стало известно о наборе добровольцев во вновь формируемый корпус специальных атак, среди прочих туда незамедлительно обратился и лейтенант Хадзимэ Фудзи. Однако молодому лётчику отказали в чести стать камикадзе, потому что он был женат и к тому же имел двух малолетних детей, как правило, в корпус камикадзе не брали лётчиков, имевших

семью, во всяком случае, это ограничение действовало до лета 1945 года. Чтобы устранить препятствие, его жена собственноручно умертвила своих годовалых детей и покончила с собой. В своей предсмертной записке, адресованной командованию корпуса специальных атак, она объясняла мотив своего поступка тем, что совершает это ради своего мужа, и что причин, препятствующих ему в выполнении его долга, больше нет. То есть, теперь он может стать камикадзе [8]. По поводу её трагического решения можно высказывать самые различные точки зрения, зачастую это трудно понять, однако не уважать мужество её выбора нельзя. Военное руководство не стало давать оценок случившемуся, но засекретило этот случай, и о нём стало известно лишь после капитуляции Японии. Мотив военных понятен: получи этот случай огласку, и в стране нашлось бы немало матерей, готовых ценой жизней родных детей и своих собственных оказать подобную «протекцию» своим мужьям.

Но вернёмся к работе японских женщин. Основным воздействием войны на статус японских женщин можно считать расширение рабочих вакансий и вовлечение их в трудовую деятельность вне дома. Женщины начали работать в гражданских и военных отраслях промышленности, сфере услуг. Наибольшая занятость японок приходится на пик мобилизации мужчин (между 1937 и 1945 гг. – 8,4 млн. человек) [9].

Призыв на военную службу японских мужчин привёл к нехватке рабочей силы, следовательно, потребности национальной экономики и нужды военной промышленности привели к необходимости заменить рабочие мужские руки женскими. Прежде всего, Япония рассчитывала на работниц – студенток и не состоящих в браке. Одинокие женщины должны были послужить своей стране на рабочих местах. Этот шаг правительства будет иметь далеко идущие последствия. Японские женщины начали переходить из приватной сферы в публичную, общество становилось более открытым, что приведёт к необратимому процессу эмансипации и расширению общественных ролей [10].

Приведём статистику: последняя довоенная перепись показывает, что примерно 15 миллионов японок работали вне дома, при этом 17,6 млн. были домохозяйками. Из работающих женщин 60 % были заняты в сельском хозяйстве в основном в качестве совмещения домашней работы и работы на семейной земле. Только 3,7 % работали в правительстве или имели профессию, которая давала определённые позиции в обществе [11].

В период войны, женщины в возрасте от 16 до 40 лет должны были зарегистрироваться для возможной трудовой повинности, в целом в период между 1940 и 1944 гг., экономика Японии потеряла 300 000 мужских рабочих рук, и получили 1,4 миллион работающих женщин. Статистика занятости ясно показывает, что в 1930 доля работающих женщин составляло 35 %, в 1935 году – 39 %, а в 1944 году было уже 42 %. Особенно доля женщин увеличилась в отдельных секторах экономики, например, национальные железные дороги увеличили число работниц от 100 000 до 200 000 человек. Женщины заменили мужчин на рабочих местах билетёров, стрелочников. Увеличение произошло в и горном секторе: с 25 000 в 1936 году 120 000 в 1944 году [12].

Поэтому японки вносили посильный вклад в войну, так как снабжали армию топливом, продуктами питания, одеждой и т.д.

Тем не менее, правительство не в полной мере было готово использовать женский трудовой резерв. 87 % замужних женщин были заняты только в сельском хозяйстве, выполняя неквалифицированную работу, помогая своим мужьям и семьям в поле, магазине или выполняли работу по дому [13].

Эта специфика отличает Японию от всех других стран участниц. Даже в Германии, где тоже были сильны консервативные взгляды на роль женщины, немки активно привлекались с середины войны для различных работ, в том числе в военной сфере (радистки, работники гражданских служб, работники военных штабов и т.д.). Немки заменили мужчин и на заводах, производя оружие для армии.

Японские исследователи отмечают, что правительство более охотно привлекало на военные заводы пленных, специалистов и чернорабочих из Китая, Кореи. Японские мужчины переводились на эти заводы из других отраслей. И только потом, в случае острой нехватки, японские власти обращались к женской трудовой силе [14].

Тем не менее, без женских рук страна обойтись не могла. О тяготах тыла свидетельствуют многие документы: песни, стихи, фильмы, воспоминания современников.

Можно привести строчки из знаменитой песни Сёри но хи мадэ (勝利の日まで «Вплоть до дня победы»). В песне говорится о стремлении японцев работать в тылу на благо фронта вплоть до победы японских войск:

Мы все изо всех сил [будем работать]
Вплоть до дня победы, до дня победы.
Руками старцев, машущих топорами в горах,
Руками юношей, гребущих вёслами в море,
Пальцами девушек на заводах в городах
Сегодня мы [трудимся] ради родной страны [15].

В феврале 1942 года, министр благосостояния Японии, Koizuma Chikahiko заявил, что враг использует своих женщин, но Япония не будет разрушать семью. В 1943 году премьер-министр Годзио Хидэки утверждал, что индивидуализация европейских женщин станет горем для мужчин, Япония не должна следовать этому примеру и уничтожать уникальный дух японской семьи. Японка играет важную роль в семейной системе, она защищает семью, берёт на себя ответственность за воспитание детей. Женщины в японском обществе могут лучше служить народу, оставаясь в доме, сохраняя семью счастливой и производить больше граждан, в частности мужчин для войны [16].

Японские женщины в период войны испытали психологические потрясения и физические травмы. Японки страдали от усталости, голода, боли в теле и вообще у женского населения снизился уровень питания, в связи с введением пайков. На заводе, каждый день работа начиналась с 3:00. В 11:00 женщины шли в столовую, Там выдавали одну чашку супа. Это была горячая солёная вода, с 2 или 3 соевыми бобами, на дне могла быть лапша. Но жен-

щины были очень голодны. Работать нужно было 8 часов, что бы получить небольшие съестные припасы. Женщины чаще всего спали на заводе. Сну мешал холод (так как топливо отправлялось на фронт, поэтому отопление отсутствовало), шум машин и воздушных налётов к концу войны. Работницы дышали загрязнённым воздухом, дымом, что приводило к различным респираторным заболеваниям, таким как астма, эмфизема лёгких и др. Психологический стресс, беспокойство и депрессия сопровождали многих японок. Стоит отметить, что на заводах из-за неопытности работниц, часто происходили травмы и даже гибель [17].

Не в лучшем положении были и женщины домохозяйки. По воспоминаниям М. Иванова, который был с семьёй в Японии в период войны, мы находим следующие сведения: «Первые месяцы после приезда в Токио моей семье пришлось жить на частной квартире у японцев Судзуки...Старик Судзуки прожил тяжёлую трудовую жизнь транспортного рикши...Всё хозяйство вела его жена, маленькая и подвижная женщина. Вставала она обычно в 5 утра и за час успевала на велосипеде объехать весь район Адзабу, чтобы купить самые дешёвые продукты, которые она покупала микроскопическими дозами. Время от времени хозяйка старалась убедить нас, что много кушать страшно вредно для здоровья. К завтраку, например, она подавала яйцо и маленькую чашечку кофе. После такой скудной трапезы моя семья обычно отправлялась в посольство и там дополняла японский завтрак чем-нибудь существенным» [18].

К 1943 г. этот автор отмечает ещё более страшную картину японской действительности: «Мне довелось наблюдать, как в Японии в годы войны велась настоящая борьба за жизнь. Можно было видеть домохозяек и детей, сгребавших во дворах и на улице мусор, чтобы сжечь его и получить небольшую горстку золы для удобрения. По пути из дома в посольство я ежедневно проходил мимо продовольственной лавки, возле которой обычно выстраивалась очередь, часами ожидавшая выдачи продовольственного пайка. Распределение по карточкам (хайкю) – главная тема разговоров японских домохозяек военных лет...» [19].

Таким образом, война стала серьёзным катализатором изменения ролей японской женщины. Она рушила не только судьбы людей, но и в мучениях «рождала» новую Японию и обновлённых её людей. Менялись нравы, убеждения, ценности. Поэтому неслучайно большинство исследователей считают Вторую мировую войну гендерным «эпохоразделом» не только европейской цивилизации, но и Востока.

Примечания

1. См.: Бугаева Д.А. Японские публицисты конца XIX века. – М., 1978; Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. – М., 1994.

2. Христофорова М.Е. Современные тенденции в женском движении Японии: Дисс... канд. ист. наук. – М., 1989. – С. 31.

3. До войны на 1000 человек приходилось 13 новорожденных (1930 г.), к 1937 г. на 1000 – 10 человек. Для демографической ситуации этот коэффициент считается очень низ-

- ким. См.: Havens Thomas R.H. Women and War in Japan, 1937-45 // The American Historical Review. – 1975. – Vol. 80. – № 4. – P. 928.
4. Ueno Chizuko, Beverley Yamamoto Nationalism and gender. – Melbourne, Vic: Trans-Pacific, 2004. – P. 44.
 5. Там же. – P. 45.
 6. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. – СПб.: Наука, 2004. – С.76-82.
 7. Фудзин дзюгунка (婦人従軍歌, «Песня о женщинах в армии») [электронный ресурс]. – URL: http://www.nihongunka.com/songs/fujin_juugunka
 8. Божественный ветер [электронный ресурс]. – URL: <http://damned09.livejournal.com/>
 9. Ellis John World War II – A statistical survey // Facts on File. – 1993. – P. 254.
 10. Tipton Elise K. Modern Japan a social and political history. – London: Routledge, 2002. – P. 139; Ueno Chizuko, Beverley Yamamoto Nationalism and gender. – Melbourne, Vic: Trans-Pacific, 2004. – P. 38.
 11. Havens Thomas R. H. Women and War in Japan, 1937-45 // The American Historical Review. – 1975. – Vol 80. – № 4. – P. 917.
 12. Bernstein Gail Lee Recreating Japanese women, 1600-1945. – Berkeley: University of California Press, 1991. – P. 285, 298.
 13. Irene B. Taeuber 1958. The Population of Japan. – Princeton, 1958. – P.115–116.
 14. Bernstein Gail Lee Recreating Japanese women, 1600-1945. – Berkeley: University of California Press, 1991. – P. 281–284.
 15. Сёри но хи мадэ // Японская военная музыка [электронный ресурс]. – URL: http://www.nihongunka.com/songs/shouri_no_hi_made
 16. Sayoko Yoneda History of Modern Japanese Women. – Tokyo, 1972. – P. 66.
 17. См.: Bernstein Gail Lee Recreating Japanese women, 1600-1945. – Berkeley: University of California Press, 1991.
 18. Иванов М. Япония в годы войны (Из записок очевидца) // Советские писатели о Японии / сост. В.Н. Горегляд. – Л.: Лениздат, 1987. – С.84-86.
 19. Там же. – С. 112.

М.Ю. Кравцова
(г. Архангельск)

БЕГ НА МЕСТЕ: ИТОГИ 40-ЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ ПОД ЭГИДОЙ ООН

Одной из наиболее опасных угроз миру и безопасности сегодня выступает международный терроризм. Разнообразный в своих источниках и проявлениях, получая все большее распространение, он отражает растущую напряженность в отношениях между разными сегментами мирового сообщества, нерешенность целого ряда важных проблем, которые характеризуются, к тому же, почти полным отсутствием ясных и реалистичных перспектив для их разрешения.

При этом, невзирая на растущую значимость данной проблематики, степень осведомленности гражданского общества и даже академических кругов о самом феномене международного терроризма и истории борьбы за его иско-

речения остается очень низкой. Сжатой, и, по большей части, противоречивой оценки событий, произошедших в США 11 сентября 2001 года, с определенными усилиями можно добиться от многих. Но лишь в крайне узком кругу известно, что в 2013 году началось пятое десятилетие в истории попыток международного сообщества прийти к общему видению как сути названного явления, так и средств его искоренения. Больше 40 лет ушло со дня событий, которые послужили основанием для учреждения в рамках Генеральной Ассамблеи ООН Специального комитета по международному терроризму. Но об этом сегодня известно очень немногим. Не менее пессимистически можно оценивать и распространенность достоверных сведений относительно современного состояния обсуждения данной проблематики на платформе ООН.

Учитывая вышесказанное, по нашему мнению, необходимо наращивать усилия для ликвидации многочисленных «белых пятен» в освещении истории противодействия международному терроризму. А значит, тема, избранная для исследования, является актуальной.

Официальный сайт ООН, который уделяет большое внимание информированию мирового сообщества об основных достижениях на этом пути, демонстрирует, что с 2001 года в структуре Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и, даже в рамках Секретариата ООН происходит значительное увеличение количества специальных контртеррористических учреждений. Вследствие этого, на первый взгляд, достаточно активно совершенствуется и международно-правовая база противодействия международному терроризму. После принятых в конце XX века международных конвенций о борьбе с актами бомбового терроризма и финансированием международного терроризма, в 2005 году, в рамках всемирного саммита была принята Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма и, как венец творения – Глобальная контртеррористическая стратегия ООН (2006). Продолжается работа над Всеобъемлющей контртеррористической конвенцией, начатая по инициативе Индии, выдвинутой еще в конце XX века.

Но, невзирая на оптимистичную картину, которая может сформироваться в результате поверхностного изучения официального сайта ООН, фактические результаты работы в этом направлении выглядят не очень убедительно. Заставляет задуматься уже сам факт «долгостроя», если можно так выразиться о неутешительных результатах больше чем 15-летней работы над вышеназванным «индийским» проектом.

Таким образом, внимание следует уделять, возможно, не столько успехам, сколько тем проблемам, которые возникли на пути укрепления международной контртеррористической коалиции.

В качестве ближайшей цели в рамках очерченного направления работы, можно взять сопоставление основных проблемных точек в двух повестках дня: современной, определяющей актуальные проблемы работы ООН относительно борьбы с международным терроризмом, и той, которая существовала в начале 70-х годов XX века. Для этого, как кажется, следует начать с решения ряда задач: провести последовательный анализ главных элементов со-

держания контртеррористической дискуссии; обнаружить воспроизводимые сюжеты; зафиксировать принадлежность конкурирующих проектов тем или другим игрокам.

В итоге, на основе реализации сравнительного метода исследования можно получить сжатую характеристику основных результатов работы ООН по проблеме противодействия международному терроризму, и, в том числе, по тем вопросам, которые остались без решения до сих пор. Именно это, в сущности, выступает предметом данного исследования.

Относительно документального и историографического обеспечения очерченной программы исследования, здесь не ожидается существенных осложнений. В научном обращении существуют достаточно трудов по данной проблематике, которые охватывают, хотя и достаточно фрагментарно, период с 1972 по 2008 годы [1-4; 8 и др.]. Существующие пробелы помогут заполнить доступные документальные материалы, и, прежде всего те, которые содержатся в Системе Официальной Документации ООН. Образование в структуре ГА ООН Специального комитета по международному терроризму (1972) оказалось очень плодотворной идеей, по крайней мере, в связи с тем, что открытое обсуждение названных проблем сопровождалось тщательной фиксацией содержания заседаний [См. напр: 5-7]. Это дает исследователю в руки бесценный источник достоверной информации по теме, избранной для исследования.

Анализ существующей литературы и документальных материалов позволяет утверждать, что с самого начала работы Специального комитета в обсуждении доминировали те же темы, которые составляют и современную повестку дня работы ООН.

В первую очередь, острые противоречия возникли «в момент попытки дать толкование отличиям между действиями, направленными на реализацию прав народов на самоопределение, свободу и независимость, закрепленных в Уставе ООН, и террористическими актами, которые угрожают международной безопасности» [8, С.42-43]. Социалистический лагерь и в многочисленных вопросах близкий к нему лагерь, который составляли страны движения неприсоединения, призывали «не квалифицировать как подрывные те национальные движения, деятельность которых была направлена на свержение иностранного господства» [8, С. 42]. Ведь угроза со стороны намного более сильного противника, по их точке зрения, давала возможность потенциальным жертвам использовать все доступные средства для спасения.

Страны Запада, со своей стороны, основываясь на принципах защиты прав человека, отмечали, что «даже в том случае, когда применение силы представляется юридически и морально оправданным, есть такие средства, которые, как и в любого рода человеческом конфликте, не должны быть использованы; законность того или другого дела сама по себе не делает законным применения некоторых форм насилия, особенно против невинных» [Цит по: 8, С. 43].

По этому пункту стороны не могли достичь согласия до момента распада СССР. Лишь в 1994 году, в атмосфере эйфории по поводу окончания «холодной войны», была, наконец принята (без голосования) «Декларация о мерах по

ликвидации международного терроризма», в которой, как тогда казалось, в данном сюжете была поставлена конечная точка. Отдельным пунктом в ней отмечалось, что террористические акты «не могут быть оправданы... рассуждениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера» [8, с.63]. И хотя вопрос о необходимости разграничения явлений «национально-освободительная война» и «международный терроризм» и возникал в последующем (в рамках других предметных кругов), названную декларацию уже нельзя поддавать какому-то сомнению. Она есть и останется примером дипломатической победы США и их союзников в борьбе за определение магистральных направлений противодействия международному терроризму в последнем десятилетии XX века.

Следующий «подводный камень» проявил себя, когда речь зашла о квалификации некоторых действий государств как актов международного терроризма.

Страны «капиталистического» блока по разным поводам предлагали ограничиться в контртеррористической борьбе кругом вопросов, связанных с преступной деятельностью отдельных личностей или групп, которые не имеют связей с тем или другим государством. Как метко отмечает М. И. Шлеймович, «государство, как субъект международных отношений, предлагалось не включать в понятие «международный терроризм»» [8, с.43].

Но полномочные представители стран «восточного блока» и «движения неприсоединения» по большей части считали, что рассматривать нужно в первую очередь именно вопрос о государственном терроризме как наиболее опасной форме этого феномена.

Дипломаты, которые придерживались антиимпериалистической доктрины, указывали на многочисленные факты применения развитыми государствами силового давления для принуждения других государств к изменению политической стратегии на мировой политической арене и во внутренней политике. Речь шла о нарушении суверенитета и целостности государств, которые развиваются, о проникновении террористических групп или агентов на территорию других государств с целью давления на действующие режимы или, даже, их свержения.

Данное противоречие, которое возникло еще в 70-х годах XX века, не преодолено и до сих пор, включено в текущую «повестку дня» работы специальных контртеррористических органов ГА ООН. Сам вопрос о квалификации действий государств (и, в том числе, военных и спецслужб) как террористических актов блокировало конструктивную работу Шестого комитета по разработке Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму [5]. Еще в 2007 году было выдвинуто предложение, согласно которому действие данного документа не должно было распространяться на функционирование вооруженных сил государств, в связи с тем, что эти вопросы «регулируются нормативными документами за рамками данной Конвенции» [6, с.9]. Как здесь не вспомнить дипломатическую формулу, которую применяли западные дипломаты для обоснования своей позиции в 70-х годах XX века. В ча-

стности, в одном из выступлений отмечалось: «Если концепция международного терроризма будет включать любую форму применения или угрозы применения силы государствами, то будет превышен мандат Комитета», то есть будут затронуты вопросы, которые входят в ведение других органов ООН и, в частности, Совета Безопасности [36, с.11]» [Цит по: 8, С.49]. Исходя из этого, даже мероприятия по предотвращению и противодействию организации банд для вторжения на территорию других стран находились, по их мнению, за пределами мандата Комитета – эти действия «должны были быть рассмотрены на любом другом форуме, если такой будет создан» [Цит по: 8, С.49].

Вновь (после периода ослабления России) проблема квалификации действий военных сил государств возникла во время разработки Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, когда страны Запада исключили из содержания конвенции квалификацию применения ядерного оружия военными как акта международного терроризма. Согласие стран движения неприсоединения на такой шаг было дано лишь в свете того, что окончательное решение этого вопроса было отложено до принятия Всеобъемлющей контртеррористической конвенции.

Кстати, если уже речь зашла о Всеобъемлющей конвенции, то следует также вспомнить о ее главном назначении, которое заключается в выработке универсального определения понятия «международный терроризм».

На сессии 1979 года Специального комитета по международному терроризму представитель Чехословакии непосредственно отметил, что, государства, которые уклоняются от точного определения международного терроризма, пытаются, в сущности, под видом противодействия терроризму отстоять колониальные интересы, в том числе – путем негласной поддержки террористических организаций фашистского, неофашистского и реваншистского толка [7]. Следовательно, бывшие метрополии пытались избежать четкого определения данного феномена с самого начала работы ООН по этому направлению.

В том же ключе, но уже в XXI веке, в своей обстоятельной монографии высказывается А. П. Барышев. Он отмечает: «США не делают никаких заявлений, которые бы ограничивали основания, при которых они будут применять ядерное оружие. В свете этого все более четко вырисовывается действительная причина противодействия США принятию ООН Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме: США не желают связывать себя любыми «определениями» международного терроризма, разработка которого положена в основу Конвенции [1].

Фактически, работа над конвенцией длится свыше 15 лет (!), что говорит о наличии реальных проблем с ее принятием. Для сравнения, инициированная США конвенция о борьбе с актами бомбового терроризма была принята в течение 1 года. Такая же судьба ожидала французский проект конвенции о борьбе с финансированием терроризма. Оба документа имели определенные изъяны, но были приняты в результате компромиссов со стороны широкого круга государств, в том числе и России. В то же время, российская инициатива по разработке и принятию Конвенции о борьбе с актами ядерного терро-

ризма «прорабатывалась» почти 10 лет. Дело осложнялось с одной стороны, попытками США исключить невыгодные позиции из текста документа, а с другой стороны – стремлением многочисленных стран ограничить ядерно-террористический потенциал великих держав процедурами ООН.

Таким образом, в течение четырех десятилетий ключевые вопросы, возникшие уже в первые дни работы ООН над проблемой противодействия международному терроризму, не нашли не только окончательного, но и сколь-нибудь удовлетворительного решения. Среди них центральное место занимает проблема поиска универсального определения международного терроризма, а также другие, производные от нее проблемы. В частности – это вопрос квалификации в качестве террористических актов действий отдельных государств, и, в особенности – их военных сил и спецслужб (включая применение ими ядерного оружия и других высокотехнологических инструментов военного назначения).

Казалось бы, окончательное решение приобрела лишь проблема разграничения борьбы за национальное самоопределение и террористических актов. Но и здесь, исходя из содержания документов ООН, решения оказалось прозрачным. Без универсального определения международного терроризма любые действия, которые сопровождаются силовыми столкновениями, могут быть квалифицированы как несущие угрозу мирному населению и «некомбатантам». Следовательно, при необходимости, любую попытку силового противостояния несправедливости можно квалифицировать как «терроризм».

Исходя из сказанного, невзирая на очевидные усилия и оптимизм, присущий энтузиастам дела укрепления ООН, результативность работы над рядом важных вопросов в области противодействия международному терроризму выглядит очень низкой. В первую очередь это связано с неготовностью мирового сообщества выработать согласованное определение феномена. Это может свидетельствовать как о кризисе доверия между государствами, которое все более углубляется в течение «постбиполярного» периода, так и о том, что международный терроризм является инструментом борьбы на «великой шахматной доске» и поэтому его оценка сторонами делается исключительно в контексте их стратегических целей, а не с учетом интересов мира и международной безопасности.

Примечания

1. Барышев А.П. Организация Объединенных Наций и мировая политика. 1945-2005 [электронный ресурс]. – URL: <http://www.barichev.ru/public/oon3.htm>.

2. Боголій Ю.М. Політика США в Організації Об'єднаних Націй щодо боротьби з міжнародним тероризмом (початок 2000-х рр.) // Вісник Дипломатичної академії України. – К., 2005. – Вип. 12. – С. 261-272.

3. Бруз В.С. Роль ООН у врегулюванні міжнародних конфліктів і боротьбі проти тероризму. – К.: ВПК «Експрес-Поліграф», 2010. – 223 с.

4. Гуцман М.Я. Роль ООН у боротьбі проти міжнародного тероризму.: Дис. ... кандидата. політ. наук: 23.00.04. – К., 2008. – 212 с.

5. Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года (A/66/37). – ООН. Нью-Йорк, 2011 г. – 20 с.
6. Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года (A/62/37). – ООН. Нью-Йорк, 2007 г. – 18 с.
7. Содержание кратких отчетов 1-го – 10-го заседаний Специального комитета, состоявшихся в 1977 году (A/AC.160/SR.6) // Доклад Специального комитета по международному терроризму (A/32/37). – 26 с.
8. Шлеймович М.И. Діяльність Росії в ООН з проблем протидії міжнародному тероризму, 2000 – 2008 рр. : дис. ... кандидата. істор. наук: 07.00.02. – Луганськ, 2012. – 205 с.

С.В. Назаров
(г. Армавир)

ПРОБЛЕМЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ И ФОРМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЕГО В ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблема домашнего насилия перед современным обществом встаёт очень остро. Существующий стереотип о семейном бесправии женщин прошлого, когда, поговорка «бьёт, значит, любит» являлась «идеологией» семейной жизни, на самом деле в реальной жизни не была столь распространённым принципом. В высших слоях общества, распространившийся культ прекрасной дамы, рыцарские идеалы, а затем и джентельменские, не способствовали распространению случаев домашнего насилия. В крестьянских, патриархальных семьях, где сферы жизнедеятельности были чётко разграничены на женскую и мужскую, гендерная сегрегация ролей была естественной и взаимодополняющей, обеспечивая не простое функционирование семьи, и возможность её выживания. В Новое время, особенно начиная с промышленной революции, когда мужчины не всегда могли выполнить традиционно предназначенные им роли – добытчика и защитника, – домашнее насилие как общественный порок, особенно в кругах малообеспеченных (рабочий пролетариат), стал более распространённым явлением. Как не парадоксально, а может и закономерно, распространение эмансипации женщин, сексуальных меньшинств, приводило не только к кризису семейных отношений, но и к увеличению случаев домашнего насилия. Жёсткий темп жизни больших мегаполисов, погоня за карьерой и деньгами, не всегда способствуют к взаимному стремлению самых близких людей. Поэтому в современном обществе проблема домашнего насилия не просто увеличилась, но и расширила границы своего проявления.

С научной точки зрения особый интерес представляют именно цивилизованные страны, с экономическим благополучием и хорошо развитой системой гендерного равноправия (в теории в этих странах задействованы все механизмы предотвращения домашнего насилия). В этом аспекте интересен опыт современной Германии, государства толерантного к сексуальным меньшинствам и их союзам, государства всеобщего социального благополу-

чия, гарантирующего равноправие мужчин и женщин с широкой системой сексуального просвещения.

Рассматривая проблему домашнего насилия в современном германском обществе можно очертить круг основных проблем:

- статистические показатели (рост или снижение, село и город) домашнего насилия;
- гендерное равноправие и проблема замалчивания на всех уровнях, в том числе и в политике защиты жертв домашнего насилия, насилия в отношении мужчин;
- домашнее насилие в межпоколенном разрезе (восходящая линия – насилие в отношении детей и нисходящей линии, когда жертвами становятся старики);
- домашнее насилие в однополых браках;
- государственная политика (защита, уголовное наказание, кризисные центры и т.д.) в отношении проблемы домашнего насилия.

Совершенно отдельной темой исследования может послужить домашнее насилие в семьях иммигрантов, особенно приверженцев ислама.

Итак, это самый малый и общий круг вопросов, в срезе которых можно рассматривать домашнее насилие. Но, как и любое явление, необходимо начать с дефиниции самого понятия.

Домашнее насилие (семейное, бытовое насилие) чаще всего трактуется, как повторяющееся насилие одного партнёра или родственника по отношению к другому, в первую очередь внутри семьи. Такое насилие может выражаться в различных формах: физического, психологического, сексуального и экономического. Некоторые формы не осознаются в полной мере обществом и не учитываются статистически (прежде всего речь идёт о психологическом насилии). В статистику попадают жертвы физического и сексуального насилия [1].

В науке не существует однозначного подхода и к выявлению групп риска. Например, на одном из феминистских сайтов была высказана следующая точка зрения: «Интимные отношения с мужчинами представляют собой наиболее серьёзный риск для здоровья и жизни женщины, независимо от страны проживания и социального положения, культуры, уровня образования и вероисповедания. В интимных гетеросексуальных отношениях риск физической и сексуальной агрессии в отношении женщины чрезвычайно повышается [2].

В тоже время, существуют исследования, которые показывают, что домашнее насилие не зависит от гомосексуальности: и в мужских, и в женских однополых отношениях оно встречается так же часто, как и в разнополых [3].

Итак, почему же для современного цивилизованного общества характерна агрессия и насилие? И кто эти потенциальные жертвы?

Если брать физическое насилие, ту крайнюю форму, которой она может закончиться, то С. Токарев, опираясь на официальную немецкую статистику, приводит следующие данные: «Федеральное управление уголовной полиции ФРГ впервые обнародовало цифры криминальной статистики, составленной с учётом взаимоотношений жертвы и главного подозреваемого. Оказалось, что из 313 женщин, убитых в Германии в 2011 году, 100 женщин погибли от

руки мужа, 27 – от руки любовника и ещё 27 стали жертвой бывшего партнёра. Чаще всего это происходило, когда пара находилась на грани разрыва отношений. В связи с публикацией пугающей статистики эксперты сразу вспомнили о недавно проведённом по заказу Министерства по делам семьи исследовании, в ходе которого из 10 тысяч опрошенных женщин каждая четвертая призналась, что была жертвой домашнего насилия. Руководитель исследования социолог Моника Шрёттле (Monika Schröttle) заявила, что с домашним насилием сталкиваются женщины всех социальных слоёв и возрастных групп. Но риск стать жертвой у молодых женщин с низким уровнем образования всё же чуть выше. Стоит отметить, что не только женщины страдают от насилия в семье, но и мужчины. По статистике Федерального управления уголовной полиции ФРГ, из 349 мужчин, убитых в 2011 году, 16 были убиты собственной женой, 6 мужчин были убиты любовницами и 2 – любовниками. В целом подобная статистика в Германии мало чем отличается от статистики по другим западным странам [4].

Данные тенденции подтверждают и последние данные полиции Германии о домашнем насилии. Женщины в 8 раз становятся чаще жертвами физической расправы и объектами сексуального насилия. При этом официальная статистика не может включить все случаи избиения мужчинами своих партнёров или жён [5].

Статистика по странам за июнь 2013 г. даёт следующие данные: в странах с высоким доходом на душу населения 23 % (почти каждая четвертая) опрошенных женщин заявили, что они подвергались насилию. Это жительницы Израиля, Соединенных Штатов, Австралии, Южной Кореи, Германии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Франции и Италии. Случаи насилия в Италии (12,2 %) близки к статистике в Швеции (11 %). При этом в Германии уровень насилия достиг 27,9 % [6].

Несмотря на эти показатели, в научной литературе существуют две противоположные точки зрения: первая, как обычно готова сгущать краски, выставляя потенциальной жертвой женщину, находящуюся в гетеросексуальных отношениях. Исходя из этого, получается каждый мужчина, проживающий в Германии, уже является потенциальным насильником (конечно, если он не принадлежит к сексуальным меньшинствам). Конечно, существующую проблему замалчивать нельзя, но и трактовать её так прямолинейно тоже нельзя. Вторая точка зрения, сводит рост случаев домашнего насилия к увеличению численности иммигрантов. Особенно популярны в германских СМИ случаи домашнего насилия среди приезжих мусульман, так называемые «суды чести» [7]. Под этой маркой цивилизованное толерантное общество готово записать любые случаи домашнего, бытового насилия, которое не исключены и в германских семьях. Последние случаи, сторонниками данной точки зрения, либо вообще игнорируют, либо рассматривают, как исключение из правил.

Не стоит забывать, что современная немецкая женщина является довольно образованной, материально независимой, что способствует снижению риска домашней тираннии. Она не готова мириться с домашним насилием и

знает, в какие органы обратиться для защиты своих прав. В целом и семьи в современной Германии построены на партнёрских принципах. Поздние браки, тоже говорят о том, что выбор чаще всего уже осознанный, тем более что, скорее всего партнёры до официальных отношений уже проживали долгое время совместно [8].

Современная Германия – эта страна, которая реализует комплексные подходы для становления общества гендерного равноправия, равных возможностей, не зависимо от пола. С июня 1999 г. вступает в действие резолюция Gender Mainstreaming, предполагающая интеграцию гендерного подхода во все области политики. Подписав данную резолюцию, Федеральное правительство взяло на себя обязательство руководствоваться принципом равенства мужчин и женщин, правда, на практике, это иногда стало приводить к позитивной дискриминации мужчин [9]. Одним из шуточных проявлений, было предложение обращаться к юношам как к девушкам, то есть они должны были стать «она» - студентка. Профессора, должны были называть профессорша, ректора - ректорша и т.д. [10]. Приведённый шуточный пример, показывает, что германское общество активно проводит обучение в русле «гендерной чувствительности». Данная политика в последнее время направлена не только на поддержание женщин, но и гомосексуалов. Уже образовательная система с садика и школы, должна приучать детей к тому, что мир он разнообразен, и если папа живёт с папой, или у Вас две мамы, то это тоже норма [11].

Гендерный подход стал неотъемлемым компонентом всех властных структур, с июля 2000 г. он вошёл в программу «Современное Государство – Современная Администрация» (правительственная программа). Курировать внедрение принципа гендерного равенства стало Федеральное министерство по делам семьи, пожилых лиц, женщин и молодежи. Благодаря этим мероприятиям расширились возможности и ресурсы борьбы с домашним насилием. Ежегодно Федеральное Правительство готовит отчёт по проблеме гендерного насилия, где отдельными пунктами приводятся цифры и факты реализованных программ, выделенных денег, созданных убежищ и т.д., что должно способствовать улучшению механизмов противодействия домашнему насилию. В частности государство выделяет финансы на многочисленные службы социальной помощи женщинам и детей, пострадавших от насилия [12].

В 2002 г. в Германии стал действовать Закон о защите от насилия. Признание того, что психологическое насилие имеет не менее негативные последствия, чем физическое, привело к тому, что в 2006 г. вступил в силу Закон о защите от психологического террора. В федеральном земельном управлении уголовной полиции действует Центральное отделение по профилактике домашнего насилия. В современной Германии созданы отделы по защите детей от насилия, также действуют координаторы по вопросам домашнего насилия в районных отделениях полиции и т.д.

Таким образом, при поддержке властей, благотворительных фондов, общественных организаций, прежде всего женских, в Германии заработала разветвлённая система помощи жертвам домашнего насилия. Отметим самые существенные её компоненты:

Frauenhaeuser (автономные женские дома) – это бесплатное жильё на определённый срок (так как женский дом не является полным решением проблемы), которое предоставляется женщине и её детям, пострадавшим от домашнего насилия. В таких организациях женщины получают разнообразную помощь, но самое главное оказываются в безопасности, что позволяет им обдумать своё положение, принять решения и планировать дальнейшие действия без угрозы насилия от своего партнёра, отца или других членов семьи. Такие дома образуются по разнообразным признакам: этническим, профессиональным и т.д. После улучшения ситуации, женщина-жертва насилия может переехать в дом-убежище или вернуться в свой дом. Стоит отметить, что первый женский дом в Берлине стал функционировать ещё с 1976 г. В 1979 г. открылся второй женский дом. Финансируется деятельность автономных женских домов, прежде всего за счёт муниципалитетов, церкви и благотворительных организаций.

В 2007 году около 40.000 женщин и детей нашли убежище в одном из 360 «Домов для женщин» в Германии. Эти дома затеряны в больших мегаполисах или в маленьких городках и деревнях. Адрес таких домов нигде не указывается (в целях безопасности, мужчинам в эти дома вход запрещён), связаться можно только по телефону, после чего жертву насилия примут в любое время суток, причём без всяких бюрократических проволочек. Данные дома занимаются и пропагандой, печатают информационные брошюры, плакаты и т.д. дающие информацию о помощи жертвам насилия [13].

Maedchenhaus (автономный дом для девушек) – эти дома для девушек в возрасте от 12-21 года, которые испытали домашнее насилие или находятся в конфликтной ситуации со своими родителями или членами семьи. В этих домах можно найти временный приют и помощь специалистов: педагогов и психологов. Первый дом начал свою деятельность в Германии в 1989 г. [14]

Kriseneinrichtung (кризисные центры) – это организации, которые оказывают экстренную помощь девушкам и женщинам, оказавшимся в кризисной ситуации. Цель таких центров предотвратить угрозу домашнего насилия. В кризисных центрах работают психотерапевты, социальные работники, адвокаты, психологи и т.д. [15]

Zufluchtswohnung (дома убежища) – представляют собой безопасное жильё, для женщин и их детей. Ограничения проживания по времени в таких домах не существует. Скорее всего, данная система возможна потому, что проживание здесь платное. Когда женщина не может оплатить аренду помещения, тогда социальные службы вносят за неё эту плату. В таких убежищах предоставляются ряд бесплатных и доступных услуг [16].

Beratungsstellen und Treffpunkte (консультационные пункты и места встречи). Цель данных организаций предоставление профессиональных консультаций по социально-правовым вопросам. Данные консультации анонимны и за них не надо платить. Работники данных организаций проводят консультации на языке жертвы насилия. Цель – помочь женщинам в кризисных ситуациях выйти с наименьшими потерями. Места встречи – это группы

взаимопомощи, организованные самими женщинами. Главный их принцип: «Помогая себе, помоги другим».

Стоит отметить, что уже в 1982 г. в Германии была создана Организация самопомощи «Wildwasser» (Бурный поток), которая объединяла женщин, стремящихся не только преодолеть собственный кризис, но и помочь другим жертвам домашнего насилия. Когда женщины сообща переживают опыт других пострадавших, они могут делиться советами, помогать друг другу материально и психологически [17].

Notunterkuenfte (временное жильё, ночлег) - это центры для краткосрочного проживания женщин и мужчин, которые оказались в бедственном положении или ситуации угрожавшей их жизни и здоровью.

Телефон доверия BIG (горячие линии) и **Notruf-Hotlines** (сигнал тревоги). В современной Германии служба довольно развитая самостоятельная сеть телефонов доверия. Первые такие линии появились в Берлине в 1999 г. Действовали они при организации BIG. BIG 030 611 03 00 - телефон доверия для женщин при угрозе насилия и/или пострадавших от насилия, в том числе и домашнего. Работают телефоны ежедневно круглосуточно. Горячая линия BIG предоставляет консультации в тесном сотрудничестве с женскими консультациями Bora, Frauentreffpunkt, Frauenraum, Tara и Interkulturelle Initiative и др. Телефон доверия предлагает консультации по телефону и, при необходимости, помощь на месте. Работники разъясняют текущую ситуацию, помогают успокоиться и сориентироваться; информируют о возможностях получения помощи и защиты со стороны полиции и судебных инстанций; помогают в поиске безопасного убежища и иных вариантов проживания; информируют о других предложениях по предоставлению консультаций и выступают в роли посредника [18].

Итак, в современной Германии существует разветвлённая сеть служб и учреждений, которые стремятся предотвратить домашнее насилие, либо помочь жертве. Но обращает на себя внимание тот факт, что основной целевой группой являются семейные женщины с детьми, молодые девушки, женщины-иммигрантки, а так же пожилые женщины – как видим пол очевиден. Появились даже центры для женщин-лесбиянок, пострадавших от своих партнёров.

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом, система защиты женщин, детей и стариков в современной Германии довольно развита, но что касается мужского насилия, то эта проблема остаётся за пределами интереса общественности. Поэтому в данном вопросе гендерное равенство, предполагает, прежде всего, равенство женщин и расширение их прав. Мужской вопрос пока остаётся открытым и требует своего решения.

Примечания

1. Назаров С.В., Назарова В.В. Домашнее насилие – исследование в рамках проекта «Включить в сферу внимания» // Включить в сферу внимания / под ред. В.И. Череватенко, Е.М. Надтока. – Новочеркасск: Лик, 2010. – С. 78-90.

2. Главная опасность // Accion Positiva [Электронный ресурс]. URL: <http://accion-positiva.livejournal.com>
3. Joanna Bunker Rohrbaugh Domestic Violence in Same-Gender Relationships // Family Court Review. – April 2006. – Vol. 44. – №. 2. – P. 287-299.
4. Токарев С. Мужья-убийцы. Каждая вторая убитая женщина в Германии – жертва своего мужа или бывшего партнёра // Русская Германия: русскоязычная газета Германии [электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg-rb.de>
5. Kriminalität in Deutschland – Statista-Dossier // Statista: Das Statistik-Portal [электронный ресурс]. – URL: <http://de.statista.com>
6. Айвар Л. Транснациональные проблемы семейного насилия причины, методы борьбы // Politwomen.ru: Общероссийское общественное движение [электронный ресурс]. – URL: <http://politwomen.ru>
7. См.: Слободенюк В.В. Турецкая диаспора в Германии: социально-экономическое, политическое и культурное положение во второй половине XX – начале XXI вв.: Дис... к.и.н. – Краснодар, 2011; Назаров С.В. К проблеме гендерной интеграции мусульманок в европейское общество на примере Германии // Проблемы всеобщей истории: Международный сборник научных трудов. Вып. 11 / отв. ред. С.Л. Дударев. – Армавир, 2013. – С. 122-130.
8. См.: Шипуло Т.И. Политика гендерного равенства в ФРГ // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. – М.: МАКС Пресс, 2008; Назаров С.В. К вопросу о семейных ценностях современной Германии // Актуальные проблемы современной гендерологии. – Москва-Ставрополь, 2014. – Вып 9. – С. 112-115.
9. См.: Шипуло Т.И. Политика гендерного равенства в ФРГ // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. – М.: МАКС Пресс, 2008.
10. В Германском университете победили дискриминацию: мужчины станут «профессорами» и «студентками» // Сегодня [электронный ресурс]. – URL: <http://www.segodnya.ua>
11. Sexualerziehung im Grundschulunterricht // Lehrer-online: Unterrichten mit digitalen Medien [электронный ресурс]. – URL: <http://www.lehrer-online.de>; Sexualerziehung Methoden für die Unterrichtsgestaltung // LI – Hamburg [электронный ресурс]. – URL: <http://li.hamburg.de>
12. См.: Иудин А.А., Шпилев Д.А. Германия: гендерная политика как основа гендерной культуры // Национальный университет «Высшая школа экономики» [электронный ресурс]. – URL: <http://www.hse.ru>
13. FrauenHäuser in Deutschland // Frauenhaus – koordinierung e. V. [электронный ресурс]. – URL: <http://www.frauenhauskoordinierung.de>
14. Die Angebote der Zuflucht // FeM Mädchenhaus Frankfurt [электронный ресурс]. – URL: <http://www.fem-maedchenhaus.de>
15. Чиркина Р.В., Шевцова Н.А., Ерастова А.С., Темежникова О.Б. Организация правовой и психологической помощи жертвам насилия и других противоправных действий на примере психологических служб Германии // Портал психологических изданий PsyJournals.ru [электронный ресурс]. – URL: <http://psyjournals.ru>
16. Ein Zimmer für mich allein – das Leben in den Wohnungen // ZUFF e.V. Zufluchtswohnungen für Frauen, Berlin [электронный ресурс]. – URL: <http://zufluchtswohnungen.de>
17. Касымова С. Проблема гендерного насилия в контексте гендерной политики в Германии (интервью) // Наша Учеба: учебные материалы [электронный ресурс]. – URL: <http://rpp.nashaucheba.ru>
18. BIG Hotline [электронный ресурс]. – URL: <http://www.big-hotline.de>

В.В. Назарова, Е.С. Сильченко
(г. Армавир)

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИММИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

Русская иммиграция в Испанию является наименее изученной темой, по сравнению с такими странами, как США, Германия, Великобритания и Франция. До сегодняшнего дня не существует не одной обобщающей, комплексной работы, да и с научными статьями дело обстоит не на много лучше. Зато в сети интернет, существует огромное количество блогов, результатов социологических опросов, статистического материала, который нуждается ещё в обработке и введения в научный оборот.

Итак, Испания – рай на земле, где море, солнце, пляж, огромное разнообразие морепродуктов, богатая история и т.д. Или всё таки реальная страна, со своей спецификой, ментальностью, проблемами и простыми буднями.

Понятно, что иностранное государство будет иначе восприниматься туристами или людьми, которые решили связать свою жизнь с другой страной. Очень часто, побывав в Испании, полюбив её туристический облик, человек просто влюбляется в эту гостеприимную страну, но если он решит связать с ней судьбу навсегда, то он может столкнуться с рядом проблем, которые приведут к культурному «шоку», «ностальгии по Родине» и даже к чувствам сожаления о своём выборе. Чаще всего это происходит тогда, когда выбор был основан на чувствах, а не продуманных решениях. Тем более, сколько людей, столько и опытов адаптации в Испании, которая зависит от многих факторов: возраста, пола, здоровья, материального достатка, знания культуры, языка, профессии, конкретных запросов и уровня жизни к которому привык человек и т.п.

Проблема адаптации русских иммигрантов в связи с этим довольно многообразна. С одной стороны в современной Испании к русским иммигрантам довольно доброжелательное отношение, не смотря на европейские санкции по отношению к России. При этом лояльное отношение проявляется как к легальным, так и нелегальным иммигрантам (имеется бытовой уровень, а не властный). Любое государство в лице своих чиновников, полиции и других должностных лиц будет проявлять определённое рвение по борьбе с нелегальной миграцией и Испания не является исключением). Многие русские иммигранты отмечают эту доброжелательность, даже соучастие местных в их жизни [1].

«Один из первых вопросов, интересующих потенциальных эмигрантов – отношение к ним местного населения страны. И неудивительно, ведь спокойное, доброжелательное отношение, как государства в целом, что проявляется на уровне иммиграционной политики, так и отдельных жителей – залог успешной адаптации к новым, непривычным условиям. Отношение к иммигрантам в Испании неоднозначное и во многом зависит от национальности

приезжих. Негативное отношение отмечается только к мусульманам и латиноамериканцам. Отношение к русским эмигрантам ровное, несмотря на разницу наших менталитетов. Большинство местных жителей не испытывают к выходцам из России негативных эмоций и даже приветствуют переезд наших соотечественников. Положительное отношение к Россиянам испанцы объясняют трудолюбием, интеллигентностью, высоким уровнем образования наших сограждан. А женщин родом из России и Украины, с их белоснежной кожей и светлыми волосами, испанцы просто боготворят. Девушку, незаметную в своей стране, в Испании сочтут первой красавицей только за льняные локоны и небесно-голубые глаза. И все же, небольшие трудности в общении с жителями Испании могут возникнуть. Объясняется это разницей в темпераментах, в восприятии действительности» [2].

Первая волна русской эмиграции (период революции 1917 года и Второй мировой войной), практически не затронула Испанию.

Первые массовые русские иммиграции в эту страну начинаются только с конца 1970-х гг., когда были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Испанией. В основном это были русские члены семей испанских репатриантов, которые в годы Гражданской войны иммигрировали из Испании в СССР. Чаще всего это были русские супруги, их дети и даже внуки. Данные иммигранты рассматривали переезд в Испанию, как возвращение на Родину, поэтому многих не пугало, что они теряли гражданство СССР.

Вторая волна «возвращенцев» на Родину прошла в начале 1990-х гг. В отличие от первой волны они: во-первых, не относились к переезду, как окончательному решению, что привело к некоторому проценту возврата в Россию; во-вторых, они сохраняли гражданство двух стран и часто посещали (и посещают) Россию; в-третьих, они ощущают себя русскими и только потом испанцами. Их дети которые адаптировались к новой стране, тем не менее знают русские обычаи, язык и т.д.

И наконец, самая мощная волна иммиграции – современная (рубеж XX и XXI вв.), продолжается до настоящего времени [3].

Эмиграция в Испанию формально начинается с визита в испанское консульство за резидентской визой. И там вы должны предоставить один из аргументов, почему, собственно, вам эту визу должны выдать. Основания для миграции могут быть следующие (мы имеем ввиду легальные способы переезда):

- учеба в испанском вузе;
- открытие своего бизнеса;
- покупка недвижимости;
- брак с испанцем;
- воссоединение с родственником, постоянно проживающим в Испании;
- работа по контракту [4].

Основываясь на этих условиях, одна из иммигрантов (ФИО не известны) предложила следующую квалификацию своих соотечественников в Испании. «Я могла бы условно разделить русских эмигрантов в Испании на следующие 8 групп:

1. Русские в поисках любви. Есть довольно много русских, которые едут в Испанию по любви, обзаводятся здесь семьями, и таким образом убивают двух зайцев сразу. Но, как повелось, любовь может быть как искренней, так и по расчету. Сказка о том, чтобы выйти замуж за испанца, жить в Испании и при этом не работать, в реальной жизни имеет малые шансы на существование. Менталитет испанских мужчин несколько отличается от российского: здесь не существует понятия жены-домохозяйки в традиционном понимании этого слова. Женщина здесь работать скорее должна, чем не должна. А если и не работать, то чем-то заниматься: к примеру, уделять время собственному хобби или увлечениям;

2. Русские в поисках лучшей жизни. Такой мотив для эмиграции в Испании был актуальным именно в 1990-е годы. Испания переживала экономический подъём и расцвет туризма. Те, кто перевёз себя любимого в эту страну в те годы, вряд ли об этом пожалели - по крайней мере, тогда. Тем не менее, и по сей день многие едут в Испанию за лучшей жизнью, хотя отчасти этот мотив является несколько абсурдным. Лучшую жизнь, если расценивать её как понятие абстрактное, можно найти в любом месте на Земле, включая собственную Родину, приложив для этого определенные усилия и придерживаясь установленных целей.

3. Русские с испанскими корнями. Это категория крайне малочисленна и их причины переезда вполне понятны.

4. Русские бизнесмены. Следует отметить, что стать владельцем среднего бизнеса в Испании вовсе нетрудно. Поэтому как испанцы, так и эмигранты, у которых имеется необходимая стартовая сумма, доводят бизнес-идею до ума и успешно занимаются собственным делом в этой стране. Что касается русских, то в Испании много русских агентств недвижимости; в каждом более-менее крупном городе есть свой русский магазин с русскими владельцами. Некоторые держат туристические агентства, адвокатские конторы, транспортные компании и отели разных категорий.

5. Русские профессионалы. Для эмиграции в Испанию специалистам определенных востребованных и редких профессий дают поблажки и льготы. Таких людей немного, потому что, как правило, хорошие специалисты хорошо зарабатывают и у себя в стране. К самым востребованным ныне профессиям в Испании относятся врачи, программисты, специалисты рабочих профессий и т.д. Существует также крупный сегмент эмигрантов, занимающихся неквалифицированным трудом: разнорабочие, сиделки, няни и пр.

6. Русские жёны. Немало в Испании и эмигранток, которые живут на средства своих мужей, пока последние трудятся на Родине. Многие переезжают в Испанию, имея уже купленные здесь дома, чтобы сопровождать детей во время их обучения, а также, чтобы просто проводить так называемые «зимовки» в стране с приятным климатом на морском побережье.

7. Русские воссоединенные. Сюда относятся члены семьи русских эмигрантов, которые переехали жить в Испанию по любым другим соображениям. Эмигрант, имеющий испанскую резиденцию или гражданство, име-

ет право перевезти в эту страну своих ближайших родственников: родителей, детей, бабушек и дедушек, родных братьев и сестёр, мужа или жену.

8. Русские с доходами извне. К этой категории относятся люди, которые имеют дистанционную работу, доходы от сдачи недвижимости в аренду (как правило, в Москве или в Санкт-Петербурге), просто обеспеченные люди, а также пенсионеры. На мой взгляд, это один из самых приятных способов эмиграции в Испанию, потому как представители этой категории никогда не будут зависеть финансово от испанского бюджета, и при сохранении своего финансового благосостояния и платежеспособности могут жить припеваючи» [5].

По статистическим данным испанского Национального института статистики (INE) в конце 1996 года в стране проживало всего 820 россиян. В 2006 г. их было уже 24.497, а в марте 2008 года – 30.149. При этом данная статистика не учитывает нелегальных иммигрантов из России, а так же тех, кто имеет Российское и Испанское гражданства [6].

Проанализировав различные документы, мы пришли к выводу, что с позиции адаптации можно выделить следующие группы иммигрантов:

Первая группа, которая не проживает постоянно в Испании. Они не стремятся к адаптации в испанское общество, как и не интегрируются в русскоязычную диаспору;

Вторая группа, так же испытывает трудности с адаптацией, поэтому предпочитает селиться компактно с другими русскими иммигрантами. Свои виды деятельности и образ жизни связывают с русской диаспорой. Поддерживают национальные праздники, традиции, русскую речь.

Третья группа, стремится продемонстрировать свою включённость в испанское общество. Изучают активно язык, культуру, историю, стараются не контактировать с русской диаспорой и селиться подальше от своих соотечественников. Большинство из них не очень охотно общаются между собой, как бы в подтверждение того, что они, полностью растворились в местном населении. Лучшее всего происходит ассимиляция в смешанных браках, причём дети, рожденные в них, становятся двуязычными.

Четвёртая группа, стремится к адаптации, но при этом не хотела бы потерять свои исторические корни, именно для них, выходят газеты и журналы на русском языке, но с новостями не только о России, но и Испании, а так же всего мира. Для их детей создаются курсы русского языка, русскоязычные каналы и т.д.

И, наконец, **пятая группа**, маргинальные слои, приехавшие в Испанию нелегально и нередко занимающиеся противозаконной деятельностью. Чаще всего они выполняют низкоквалифицированную работу. Девушки занимаются проституцией, работают в стриптиз-клубах или «шатаются» по Испании в поисках мужа, желательно богатого.

Итак, как мы видим, у каждой группы будет своя «Испания», свой опыт проживания и свои впечатления. Наиболее успешны те, кто был успешен и на Родине, то есть люди высокой квалификацией или иммигранты независи-

мые материально, как говорится, что если у тебя есть деньги, то тебе везде рады, вплоть до упрощения приобретения гражданства.

Примечания

1. Интервью с жителями Испании или Как переехать в Испанию на ПМЖ [электронный ресурс]. – URL: <http://pora-valit.livejournal.com/3018067.html>; Катерина Г. Моя иммиграция в Испанию [электронный ресурс]. – URL: <http://nesiditsa.ru/emigration/moya-emigratsiya-v-ispaniyu>; Иммиграция в Испанию [электронный ресурс]. – URL: <http://www.nasluhu.es/blog-rina-kapustina/categories/listings/immigratsiya-v-ispaniyu.html>.

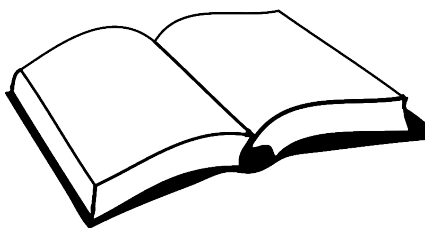
2. Отношение к иммигрантам в Испании [электронный ресурс]. – URL: <http://emigration.ru/ispaniya/otnoshenie-k-immigrantam-v-ispanii.html>.

3. «Русская Испания» в цифрах [электронный ресурс]. – URL: <http://www.russianspain.com/blog/diaspora/5853.html>.

4. На каких основаниях можно иммигрировать в Испанию [электронный ресурс]. – URL: <http://v-ispanii.com/pro-ispaniyu/emigraciya/immigraciya-v-ispaniyu.html>.

5. Как живут русские в Испании [электронный ресурс]. – URL: <http://tourina.ru/kak-zhivyotsya-russkim-v-ispanii>.

6.«Русская Испания» в цифрах [электронный ресурс]. – URL: <http://www.russianspain.com/blog/diaspora/5853.html>.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Е.А. Соснина
(г. Пятигорск)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛЕДА В ФОРМЕ КРУГА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕАРХЫЗСКОГО ГОРОДИЩА

След в форме круга на территории Нижнеархызского городища интерпретировался по-разному различными исследователями от астрономической обсерватории (У.Ю. Эльканов) [1] до «открытого языческого храма» (В.А. Чудинов) [2]. С аналогичной ситуацией мы сталкиваемся на примере смоленской ротонды. Памятник этот был раскопан в 1958 г. Д.А. Авдусиным [3]. Необычность плана заставила исследователя увидеть в ней не храм, а оборонительную башню. Ошибочность этой интерпретации была аргументированно доказана П.А. Раппопортом, указавшим на то обстоятельство, что остатки смоленской ротонды обнаружены на том месте, где в древнем Смолене находился «немецкий двор» – фактория купцов из Северной Германии и Скандинавии, ведущих в то время торговлю «Готского берега» с Византией [4].

Ошибочность первоначальной интерпретации можно отметить и в отношении Киевской ротонды. Раскрытая в ходе раскопок 1975-1976 гг. Я.Е. Боровским и П.П. Толочко, она представляет собой довольно внушительных размеров сооружение, возведенное в традиционно киевской строительной технике из плинфы [5]. Формат плинфы и строительные особенности позволяют датировать её второй половиной XII в. Необычность памятника заставила исследователей интерпретировать его не как культовое, а как светское здание-дворец. Истинное же назначение постройки раскрывается из анализа плана Киева конца XVII в., составленного в 1695 г. полковником Иваном Ушаковым. Там, где впоследствии были раскопаны остатки ротонды, на плане Ушакова значится католическая церковь св. Екатерины [6]. Даже если у Ушакова речь идет о какой-то другой церкви, возведенной на этом месте позднее, вряд ли приходится сомневаться, что традиция в принадлежности этого участка земли и в назначении храма была сохранена. В Киеве уже к XIII в. существовала миссия монахов-доминиканцев, однако не исключено, что первые католические миссионеры могли появиться там и ранее, ещё в XII столетии. Именно это столетие ознаменовалось активизацией католического миссионерства на Руси, о чем свидетельствует письмо Матвея епископа Краковского Бернару Клервоскому [7]. В таком случае киевская ро-

тонда является каменным свидетельством деятельности католических миссионеров на Руси.

При интерпретации нижнеархызского Круга исследователями допущен ряд вопиющих противоречий. Во-первых, общепризнанным является факт длительных и тесных связей Западной Алании с Византией. Так, В.А. Кузнецов, длительное время изучавший памятники Нижнеархызского городища, отмечает, что они (включая монументальную постройку в форме круга) создавались либо византийцами, либо под руководством византийских мастеров [8]. Но тот же В.А. Кузнецов выдвинул гипотезу о том, что Круг являлся огромным языческим святилищем аланского культа огня и Солнца [9]. Напрашивается вопрос: зачем выходцам из Византии, являющейся в рассматриваемый временной период оплотом христианства, приезжать на Северный Кавказ для того, чтобы руководить строительством монументального сооружения, связанного не с идеей распространения христианства, а с древними языческими культами?!

Во-вторых, если принять за основу одну из гипотез об астрономической обсерватории, или об «открытом языческом храме», как тогда возможно объяснить, почему Круг территориально привязан к христианским храмам, более того, он абсолютно «вписан» в территорию христианского комплекса? Это стало особенно очевидно после открытия в 2000 году наскального изображения «Лика Христа»: и Лик, и Средний храм, и Круг находятся на одной прямой!

В-третьих, конечно, можно проводить весьма эффектные параллели со Стоунхенджем, но и территориально, и по времени – Стоунхендж и памятники Нижнего Архыза – это, как говорится, две большие разницы. В этой ситуации просто поражает мысль о том, почему современные учёные не озадачились, казалось бы, первоочередным вопросом: «Есть ли подобные Кругу археологические артефакты в других районах того же временного периода, и как они изучены?». Подобных «Кругов» ранневизантийского периода оказалось достаточно много: есть они и в Киеве, и в Смоленске, и в Армении, и в Моравии, и в средневековой Европе. Множество серьёзных статей написано на этот счёт (примечательно, что одна из них, а именно статья Иоаннесян О. М. «Храмы-ротонды в Древней Руси» опубликована в сборнике «Иерусалим в русской культуре») [10]. Отметим мнение ещё одного специалиста по данной проблеме (Гольдштейн А.Ф.), который подчеркнул факт строительства на Кавказе круглых в плане храмов, «принцип которых заимствован из Византии» [11]. Таким образом, речь идёт о давно решённой в археологии проблеме, ничего «загадочного» в подобных «Кругах» нет, все они интерпретируются как христианские храмы-ротонды. Чем же отличается «Круг» в Нижнем Архызе от других этого же периода? Не менее удивительно, что ни одна из научных статей на этот счёт не попала в поле зрения исследователей памятников Нижнего Архыза! Интересно, что даже тогда, когда археологи вынуждены были признать, что в южной части раскопа «Круга» имеется полукруглая пристройка к наружной части основной стены, близкая по своей кон-

струкции к малым христианским церквям, они вновь сбились на зороастризм, язычество и «солнечный календарь».

Мы считаем необходимым обратить внимание на очевидную ландшафтную связь нижнеархызского Круга с храмовым комплексом и на совпадение формы его планировки с Ротондой Анастасиса. Возможно, на территории Нижнего Архыза находилась культовая постройка, моделирующая храм Воскресения (или Вознесения) Христова в Иерусалиме.

Интересно отметить, что «Ок. 670 г. паломник епископ из Галлии Аркульф описал Анастасис как круглую церковь с 3 стенами; на средневековых картах их изображают именно как 3 концентрические окружности» [12].

Интересно также изображение Анастасиса на римском плане эпохи античности: огромный внешний круг на массивном основании, заключающий, согласно описаниям, колонны и 3 пары пилонов, в центре – купол, причём размер купола был гораздо меньше размера круга. Впрочем, единое мнение учёных существует только относительно плана ротонды, но в вопросе о реконструкции её верхней части в IV в. мнения ученых расходятся. Куаснон [13], например, выделял 2 строительных этапа: на 1-й стадии гробница была мавзолеем посреди открытого двора, окруженного колоннами, работы по сооружению ротонды были завершены только к сер. IV в.

Приведём в этой связи пример безкупольного культового христианского сооружения в форме круга: в совершенно гениальном архитектурном решении великого Бернини. Речь идёт о площади Святого Петра в Риме. Поразительны размеры площади (огромный эллипс, наибольший диаметр которого равен 240 м.) и её планировка, осуществленная по проекту Лоренцо Бернини, придавшему площади с помощью монументальных боковых колоннад особое символическое значение. В эпоху античного Рима на территории, расположенной между двумя холмами – Яникул и Ватикан и ограниченной рекой Тибр был разбит цирк Нерона. Здесь по преданию принял мученическую смерть и был похоронен Святой Пётр.

Вообще у покрытий над Гробом Господним своя особая судьба. Выше мы упомянули мнение, что в историческом Иерусалиме при Константине Великом (в IV веке) Гроб стоял во дворе базилики Воскресения под открытым небом, окруженный колоннадой (Куаснон). Затем, при преемниках Константина окружность колоннады сначала обнесли стеной, затем построили над ней большой купол по образцу римских мавзолеев. В дальнейшем купол обветшал и был разобран; Гроб Господень снова остался под открытым небом. Затем базилика Константина была заменена новым храмом на месте Голгофы и Гроба Господня, но шатёр из кипарисовых балок над ротондой вокруг Гроба не был закрыт наглухо вверху; в центре, над Гробом, оставили круг непокрытого пространства. Игумен Даниил в своем «Хождении» (XII век) пишет, что через это отверстие дождем основательно намочило тех, кто стоял близ Гроба в праздник Пасхи. Таким же, не закрытым полностью, с отверстием в центре, видел шатер над Гробом и Арсений Суханов в XVII веке. Только при большом ремонте в начале XIX века «ротонда» вокруг Гроба Господня была

наглухо перекрыта сферическим покрытием. В Новом Иерусалиме после осуждения патриарха Никона в 1666-1667 годах Гроб Господень долгое время стоял под открытым небом. В 1685 году над ним построили глухой каменный шатер, который довольно скоро рухнул, и Гроб снова оказался под открытым небом. В середине XVIII века по проекту Растрелли-Бланка над ротондой возвели новый деревянный шатер с множеством окон. Он простоял долго, до 1941 года, когда во время фашистского нашествия был уничтожен взрывом внутри собора. И вновь образ Гроба Господня остался под открытым небом. В 1970-х годах пытались построить новый шатер, но научные споры о нем продолжаются до сегодняшнего дня. Мы провели эту параллель в связи с тем, что первым же вопросом наших оппонентов, попытавшихся опровергнуть наше утверждение о том, что «загадочный» круг в Архызе – скорее всего основание некогда стоявшей здесь Ротонды Воскресения (или Вознесения), был вопрос о невозможности постройки купола диаметром 88 м. 50 см. Но, как мы показали, этот вопрос можно снять двумя путями:

а) Предположив, что купол не равнялся основанию, был гораздо меньше (именно такой Анастасис мы видим на римском плане-реконструкции Храма Гроба Господня VI века);

б) Предположив, что речь в данном случае идёт о сооружении без купола. Интересно также, что на схематичном пояснении мозаичной карты из Мадабы указана ещё одна, отдельно стоящая от ротонды Храма Гроба Господня, ротонда, обозначенная как Ротонда Вознесения. На схематичном плане-пояснении Мадабской карты она, так же, как и на плане Нижнеархызского городища, имеет форму огромного круга.

Говоря о ротондах в раннехристианской и византийской архитектуре вспомним построенную в Константинополе Церковь Сергия и Вакха (около 527 г.). В VII в. центрические храмы появляются в архитектуре Армении. Общеизвестно, что впоследствии данная ранневизантийская архитектурная традиция уступает крестово-купольному храму.

Впечатляют размеры круга в Нижнеархызском городище - 88 м. 50 см., что соответствует 300 римским футам, безусловно, они имеют определённое значение. Это не только означает, что строитель был знаком с европейскими мерами и прибыл на Кавказ, скорее всего, из Византии. Эта цифра знаковая. В начале эпохи царей (VII-VI вв. до н.э.), когда в Риме сохранялись черты родового строя, 300 родов, разделенных на 30 курий, составляли «римский народ» (*populus romanus*). Позднее в христианском Втором Риме – Константинополе, в храме св. Софии оказалось 300 столпов-гробниц (Антоний Новгородец). Таким образом, сами размеры сооружения указывают на его связь с христианской традицией «империи ромеев».

В заключение обратим также внимание на мнение специалиста, детально изучавшего тип ротондального храма и посвятившего данному вопросу серьёзную научную статью: «Сам по себе тип ротондального центрического храма нельзя считать чуждым восточно-христианской традиции. Возникнув ещё в

эпоху раннего христианства, такие храмы были довольно широко распространены в архитектуре ранневизантийского периода» (О.М. Иоаннесян) [14].

Примечания

1. Эльканов У.Ю. Отчёт археологической экспедиции областного музея по археологическим раскопкам в 1982 г. // Научный архив Карачаево-Черкесского музея. – НМД 149, 1983; Эльканов У.Ю. Раскопки древнего «Круга» на Нижне-Архызском городище // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск, 1988.
2. Институт древнеславянской и древнеевразийской цивилизации [Электронный ресурс]. URL: runitsa.ru/publications/168/ (дата обращения 20.05. 2015).
3. Авдусин Д.А. Смоленская ротонда // Историко-археологический сборник в честь 60-летия А.В. Арциховского. – М., 1962. – С. 243-253.
4. Раппопорт П.А. «Латинская церковь» в древнем Смоленске // Новое в археологии. – М., 1972. – С. 283-289; Воронин Н. Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. – Л., 1979. – С. 140-150.
5. Боровський Я.С., Толочко П.П. Київська ротонда // Археологія Києва. Дослідження матеріали. – Київ, 1979. – С. 90-103.
6. Алферова Г.В., Харламов В.А. Киев во второй половине XVII века. – Киев, 1982. – С. 39.
7. Щавелева Н.И. Послание епископа краковского Матвея Бернару Клервоскому об обращении русских // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. – М., 1976. – С. 113-121.
8. Кузнецов В.А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1985.
9. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X-XII веках. – Ставрополь, 1993.
10. История Украинской ССР. – Т. 1–2. – Киев, 1969.
11. Гольдштейн А.Ф. Зодчество. Кавказ. – М.: «Просвещение», 1979. – 418 с.
12. Гроба Господня (Воскресения Христова) храм в Иерусалиме // Православная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravenc.ru> (дата обращения 21.05.15).
13. Corbo V. La Basilica del S. Sepolcro. – Jerusalem, 1969.
14. Иоаннесян О.М. Храмы-ротонды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре. История Украинской ССР. – Т. 1–2. – Киев, 1969. – С. 100.

Н.Б. Гришокина
(г. Краснодар)

РЫБОЛОВСТВО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ

Заметную роль в хозяйственной деятельности линейных казаков занимало рыболовство. Документы XVIII века пестрели сообщениями о том, что казаки меняли хлеб на рыбу и икру у своих соседей [1]. Существовал как разрешенный, так и запрещенный правительством («корчемный») обмен. Первоначально линейные казаки имели привилегию свободной рыбной ловли на Кубани, Тереке, Черном и Каспийском морях. Это обеспечивало их пищей, а продаваемая рыба давала деньги на покупку хлеба. В конце XVIII века Тер-

ско-Семейное войско лишилось права пользоваться побережьем Каспийского моря от Черного рынка до реки Койсу, поскольку селение Черный рынок принадлежало помещику Всевожскому, и «все пространство моря» объявлялось в его владении [2]. Аналогичные запреты касались и казенных дач (под угрозой конфискации снастей и каюков казаков).

О давних «водных» традициях линейных казаков свидетельствуют их фольклор и обряды. В частности, ежегодно на Троицу совершалось «пускание кораблей» по Тереку. Почитанием у линейных казаков пользовался Николай Чудотворец (во многих станицах в его честь были построены церкви). Николай Угодник, как известно, рассматривался как покровитель водной стихии, хранитель и помощник «на водах».

По-видимому, занятия рыболовством определили особенности расселения казаков вдоль рек. Природная среда оказывала влияние на выбор места жительства опосредованно, через хозяйство. Там, где привычные занятия были невозможны, казаки предпочитали не селиться. О линейных казаках в середине XIX века Л.Н.Толстой писал так: «казак большую часть времени проводит на кордонах, в походах, на охоте или рыбной ловле» [3].

Рыболовство давало высокие доходы. В реках водилось большое количество сомов, сазанов, севрюги, осетров, лососей, белуги и пр. Рыбу ловили неводами, сетками, сежами, крыгами с сентября по апрель. Временами реки перегораживали и таким образом за один день вылавливали до 100 тыс. рыб. Например, за сезон в одной только станице Бороздинской отлавливали до 2 тыс. пудов рыбы, часть которой отправлялась в свежем и копченом виде в Москву и другие города [4].

Согласно публикациям исследователей дореволюционного периода, побережья Азовского моря, Кубань, некоторые степные речки, лиманы и плавни, были превосходными рассадниками рыбы, плодившейся здесь миллиардами. «Весною, когда белая рыба-сула (судак), «тарань» (волба), «чабак» (лещ), карп и пр. шла из моря метать икру в плавни, лиманы и реки, то собиралась в столь огромные стада, что ночью у берегов слышался бесконечный шум и гул, производившийся рыбою в воде. Вода выходила из берегов от столпившейся рыбы и местами «буквально запружала речное русло так, что по рыбе, как по плотине, можно было переходить с берега на берег. В Сладких лиманах белая рыба метала в таких количествах икру, что нельзя было зачерпнуть в ковш воды без того, чтобы не захватить в него мелкой рыбешки; в некоторых речках после того, как спадала вешняя вода, в заводях оставалась «заблудившаяся рыба» и ее здесь просто руками брали, не исключая даже красных пород – осетра и севрюги... местное население не только в избытке довольствовалось рыбой, но и сбывало ее в большом количестве во внутренние части России» [5].

Рыбы ловили много. В 1843 г. было добыто 17 тыс. пудов красной рыбы (в основном севрюги), более 125,5 млн. штук белой (судак, тарань, сом, лещ, карп, сазан, сельдь, шемай). Общий доход составил 284,5 тыс. руб.; при этом

72 % на рыбных промыслах составляли «посторонние», а казаки незначительную часть [6].

Рыболовство подразделялось на войсковое (моря, лиманы) и общинное (станичное). Генералу предоставлялось право, согласно указу от 22 июля 1854 г., иметь пять неводных заводов, штаб-офицеру – четыре, обер-офицеру – три, казаку – два.

В промыслах казаков рыболовство «служило источником богатства», от него казаки себя обували, одевали и оружие добывали. Для ловли рыбы использовали неводы, косяки, большие и мелкие рыболовные сети. «Косяками назывались большие, вязанные из тонких веревочек сети, длиной около сорока, шириной около трех сажен, «с ячейками по квадратному полуаршину». Косяк был рассчитан для рыбы, плававшей на глубине лимана. Косяк оставляли опущенным в воду на сутки, затем вынимали из воды и забирали запутавшуюся между ячейками рыбу. Извлеченную из ячей рыбу убивали долбнями» [7]. Затем ее потрошили, жир, икру, клей и тушу складывали отдельно. Мочили в холодной воде зимой в течение суток, летом в теплой воде в течение нескольких часов. Отделенную от рыбы икру оставляли впрок или для продажи, ее очищали от перепонки, протирая сквозь проволочную решетку (для себя). На продажу приготавливали только паюсную икру. Вынув икру из рыбы, даже не очистив, обсыпали солью и складывали в кадку отдельными слоями, на верхний слой наворачивали тяжелый гнет. После того как икра «просолеет», ее «банили» в воде, провяливали на солнце до тех пор, пока она делалась твердой, потом продавали на месте или отправляли на продажу. Наличие больших запасов рыбы позволяло засаливать, коптить и солить ее впрок. Несмотря на освоение рыбных запасов, их оскудение не чувствовалось еще очень долго. Даже в 1917 г., когда в Кубанской области проживало около 3 млн. человек, давние ее кормильцы – реки и лиманы все еще давали много рыбной продукции [8].

Терские казаки активно занимались рыболовством не только на Тереке, но и на Каспийском море. Обилие рыбы позволяло применять самую простую технику лова. Помимо различных сетей, неводов, крыг, сежей, вентерей, пригодных для мелкой рыбы, крупную рыбу били прямо с каюков (лодок) острогой. К промысловым видам рыбы на Тереке и Каспии относились: севрюга, осетр, белуга, стерлядь, лосось, шамая, сазан, сом и др. [9].

В целом сложная военная обстановка первой половины XIX века, политика правительства (с которой было связано введение откупной системы, «размежевание», многочисленные, не всегда оправданные, запреты) выступали главными препятствиями для развития рыболовства в линейных станицах. Серьезные ограничения казачьему рыболовству положила введенная государством система откупов и сдача в аренду рыбных промыслов. Отдавая на откуп промысловые воды в дельте Кубани и Терека, ведомство практически не наблюдало за порядком. Пришлые рыбопромышленники преграждали запертыми снастями свободный вход рыбы в рукава рек [10]. Казаки были вынуждены платить откупщикам за право ловить рыбу. Кроме того, цены на

выловленную продукцию диктовала Астраханская рыбная контора, и основная масса казаков лишалась возможности получать высокие доходы с продажи рыбы [11].

Хотя рыболовство и в пореформенный период считалось занятием, достойным мужчины, но оно уже не давало ни дохода, ни еды. К началу XX века природные ресурсы были истощены, и лишь небольшое количество казаков продолжало заниматься этим промыслом.

Примечания

1. Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ, 1991. – С. 172.
2. АКАК. – Тифлис, 1873. – Т. 5. – С. 895.
3. Толстой Л.Н. Казаки (Кавказская повесть 1852 года) // Собр. соч. в 20 т. – Т. 3. – М., 1961. – С. 177-178.
4. Бутова Е. Станица Бороздинская. – С. 33-36.
5. Щербина Ф.А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска. – Воронеж, 1888. – С. 103.
6. Шевченко Г.Н. Хозяйственное освоение Кубани в первой половине XIX в. // История Кубани с древнейших времен до конца XX в. – Краснодар, 2002. – С. 90.
7. Матвеев О.В. Рыболовство// Очерки традиционной культуры казачеств России. – Т.1. – Москва-Краснодар, 2002. – С. 378, 379.
8. Там же. – С. 379, 382.
9. Великая Н.Н., Емельянов О.Б. О причинах упадка рыболовства в казачьих станицах Терского левобережья в первой половине XIX в. // История и культура народов Северного Кавказа. – Вып. 3 – Пятигорск, 2005. – С. 69-76.
10. АКАК. – Тифлис, 1875. – Т. 6. – Ч. 2. – С. 640.
11. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 503: Лл. 25 об., 27, 27 об., 36, 40.

Е.В. Крылова
(г. Армавир)

О ПЕРВЫХ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Процесс заселения немецкими колонистами территории Северного Кавказа был длительным. Первые группы немцев стали появляться здесь в конце XVIII века. После окончания российско-османской войны 1768-1774 годов к Российской империи перешли новые территории. Граница вышла на р. Кубань, происходило сооружение Кавказской оборонительной линии. Российскому правительству были необходимы люди для освоения этого региона. Особым указом от 27 октября 1778 года Екатерина II разрешила переселиться на новые территории немцам из Поволжья [1]. Последующими указами определялся их статус как колонистов, прописывались их права и обязанности. В этот период колонизации заселение происходило на государственных землях.

В конце XVIII и первой половине XIX века процесс переселения проходил довольно медленно. Это было связано, в первую очередь, с военными дей-

ствиями в регионе, желанием правительства четко регулировать процессы миграции, а так же с тем, что колонистам отводились под селения смежные земли с уже существующими колониями, что ставило только что переселившихся немцев в невыгодное природное и социально-экономическое положение.

Начальный этап заселения изучен недостаточно полно. Известно, что в 1789 году при Можарах проживало 347 немцев [2]. Но, не сумев закрепиться и обустроиться на этой территории, они стали переселяться в города Кавказской губернии, некоторые вернулись на прежнее место проживания, в Саратовскую губернию. В районе горы Бештау, в начале XIX века возникла шотландская колония Каррас (см. с. 168-171). Переселенцы стали приглашать своих единоверцев, немцев проживающих на территории Российской империи. Из Поволжья сюда стали прибывать большие группы немцев, но из-за перенаселения и противоречий между представителями разных религиозных конфессий были образованы смежные колонии Николаевская и Константиновская.

«К концу 1840-х гг. на территории Северного Кавказа существовало лишь пять немецких колоний, а на территории, в последующее время ставшей Кубанской областью, их вообще не было» [3]. На данной территории немецкие колонии стали появляться в середине XIX века. В частности, в пределах Ейского отдела возникают колонии Александрфельд и Михельсталь [4]. Причинами переселения немцев послужило убеждение властей в том, что они могут способствовать развитию сельского хозяйства и промышленности этого региона. Колонисты были как с территории Российской империи, так и из германоязычных государств [5]. В большинстве своем по вероисповеданию они относились к лютеранам, так же встречались католики, менониты.

Таким образом, немецкие колонисты появились на территории Северного Кавказа в конце XVIII века. Заселение рассматриваемой территории в первый период происходило довольно медленно, прежде всего, из-за продолжавшихся военных действий. Переселенцами были как немцы-россияне, так и выходцы из других государств. Можно сказать, что это был один из важных этапов заселения и освоения региона.

Примечания

1. Шнайдер В.Г., Ктиторов С.Н. Немцы Армавира. – Армавир, 2012. – С. 38-40.
2. Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX вв.). – Ставрополь, 1996. – С. 34.
3. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. – Краснодар, 2003. – С. 58.
4. Сборник сведений о Кавказе. – Т. 1. Тифлис, 1868. – С.288-289.
5. Королева Е.А. К оценке феномена колонизации немцами-лютеранами Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX века // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПА, 11 апреля 2015 г.). – Армавир: Дизайн-студия Б, 2015. – С. 90-91.

СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ КОЛОНИИ КАРРАС В XIX ВЕКЕ

Тема немецких переселенцев-лютеран, которую один из авторов затрагивал в русле своих лермонтоведческих интересов, а другой занимается в рамках сначала курсовой, а затем и выпускной квалификационной работы, интересна не только тем, что освещает влияние этой этнической группы на население Северного Кавказа (как русское, так и автохтонное) в плане экономического и культурного развития. Судьбы переселенцев порой удивительным образом переплетались с жизненным путем признанных российских гениев, имена которых знает каждый культурный человек. В своей небольшой статье мы хотели бы рассказать о том, как судьба великого русского поэта М.Ю. Лермонтова, точнее, последние часы его жизни, оказалась связана с известной колонией Каррас, переселенцы из которой потом основали множество дочерних поселений на Северном Кавказе [1]. Здесь, поэт провел последние часы своей жизни, сохраненные в памяти не только его современников, но и нескольких поколений одной немецкой семьи.

В 1802 г. шотландские миссионеры-члены Эдинбургского Библейского общества с разрешения российских властей поселились недалеко от Горячеводска (с 1830 – Пятигорск) в ауле Каррас, с целью распространения протестантизма среди горцев Кавказа. Но в 1809 г. в Каррас прибыли первые поселенцы из Поволжья, которые довольно скоро вытеснили шотландцев. К 1821 г. миссионерская деятельность шотландцев прекратилась, исчез и аул, как и многие другие близлежащие из-за чумы, обрушившейся на эти места. Горцы переселились в другие места. В поэме «Аул Бастунджи» Лермонтов писал:

*Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрыт от бурь и вольностью богат.
Его уж нет...*

Аул Каррас исчез, но его имя сохранилось за небольшим населенным пунктом Шотландка. Так он и носил два названия [2]. Колония развивалась быстро, и если в 1813 г. в Каррасе насчитывалось 166 жителей, в том числе 26 британцев, 17 обращенных в христианство горцев и 123 немца, то в 1856 г. жителей уже было 307 [3].

К 30-м годам XIX века в колонии жило уже больше половины немецких переселенцев. Нас интересует история одного из них, Иоганна Рошке. По найденным Е.Ю. Васильевой документам Виктор Иоганн Рошке, 1786 г.р., прибыл в Россию в ремесле повара по паспорту графа Румянцева от 12.VII-1810 г. Из Сарепты, как член Евангелического братства, по паспорту от 24 июня 1813 г. за № 67 прибыл в колонию Каррас в 1818 г. [4] Его семья состояла из жены и пятерых детей. В Каррасе Рошке стал старшиной немецких колонистов и благодаря умению готовить устроил небольшую кофейню, ко-

торая, благодаря его кулинарному мастерству вскоре завоевала славу во всех окрестных населенных пунктах. Потребность в ней оказалась велика особенно в весенне-осеннее время, когда в соседние с Каррасом Горячеводск, Железноводск и др. наезжало на лечение так называемое «водяное общество». В кофейне Рошке бывали Пушкин, Глинка, Толстой, Белинский, но в первую очередь нас интересует Лермонтов.

В современной научной литературе, а также в воспоминаниях современников М.Ю. Лермонтова, об Иоганне Рошке нет ни слова, но существуют указания и на то, что небольшая ресторация в «Шотландке» принадлежала *мадам* Рошке, а конкретно, «услужливой немке Анне Ивановне Рошке» [5]. Скорее всего, глава семейства занимался приготовлением блюд, а его супруга с дочерьми, занимались обслуживанием гостей, которые были здесь постоянно. В 1841 г. здесь часто бывал Лермонтов и его друзья. Как вспоминал Н.П. Раевский, бывший участником многочисленных офицерских увеселений на Водах: «Часто устраивались у нас кавалькады, и генеральша Катерина Ивановна <Мерлини> почти всегда езжала с нами верхом по-мужски, на казацкой лошади... Обыкновенно мы езжали в Шотландку, немецкую колонию в 7-ми верстах от Пятигорска, по дороге в Железноводск. Там нас с распростертыми объятиями встречала немка Анна Ивановна, у которой было нечто вроде ресторана и которой мильх* и бутерброды, наравне с двумя миленькими прислужницами Милле и Гретхен, составляли погибель для l'armie russe**» [6].

В тот злополучный день, приехавшие из Пятигорска друзья Лермонтова, выпив кофе у Рошке и заказав на вечер ящик шампанского, решили, как потом вспоминали сами, что дуэль закончится выстрелами в воздух, и отправились в Железноводск, где должны были встретиться с поэтом. Впрочем, как рассказывал Филиппову через много лет К.И. Карпов, Мартынов якобы хотел примириться с Лермонтовым в кафе у Рошке: «...подкатили к крыльцу беговые дрожки и с них сошли Мартынов вдвоём с Дороховым, – рассказывал Карпов. «Они направились в комнату для посетителей свидеться с Лермонтовым, который в этот момент любезничал с фрау Элизабет», но Мартынов, вместо примирения, стал требовать удовлетворения [7]. В какое же время дня состоялся этот разговор?

Лермонтов в первой половине дня 15 июля 1841 г. у Рошке не был, а находился в Железноводске, где встретился со своей дальней родственницей Екатериной Быховец, случайно оказавшейся в городке. Согласно исследованиям одного из авторов данной статьи, Екатерина Быховец в сопровождении своей тетки Обыденной, а также М.В. Дмитриевского, А.П. Бенкендорфа и Л.С. Пушкина, брата другого великого поэта России, отправились в Железноводск (по пути в который они останавливались пить кофе у Рошке), а затем продолжили свой путь и прибыли в пункт назначения, где и встретились с Лермонтовым. Именно там Е. Быховец и поэт какое-то время гуляли вместе [8,

* Молоко. – *нем.*

** Русской армии. – *франц.*

с.161]. Как она писала об этом через несколько дней после дуэли в своем письме: «Как приехали на Железные, Лермонтов сейчас прибежал; мы пошли в рошу и все там гуляли. Я все с ним ходила под руку. На мне было бандо. Уж не знаю, какими судьбами коса моя распустилась и бандо свалилось, которое он взял и спрятал в карман. Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоем, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все так же; уговаривала его, утешала, как могла, и с полными глазами слез (он меня) благодарил, что я приехала, умаливал, чтоб я прошла к нему на квартиру закусить, но я не согласилась; поехали назад, он поехал тоже с нами...

Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит (по-французски): «Кузина, душенька, счастливей этого часа не будет больше в моей жизни». Я еще над ним смеялась. Так мы и отправились. Это было в пять часов. А в восемь пришли сказать, что он убит» [9, с.157-175]. Золотой ободок для волос, который Лермонтов обещал вернуть Екатерине Быховец на следующий день, нашли поврежденным, облитым кровью в боковом кармане убитого.

Итак, получается, что Лермонтов встретился с кузиной не в Каррасе у Рошке, как ранее полагали некоторые. Так, когда же был и был ли Лермонтов в день дуэли в ресторации Рошке?

Как отмечает В.А. Захаров, опираясь на свидетельства А.И. Арнольди и Э.А. Шан-Гирей, участники дуэли, порознь направляясь к месту будущей гибели М. Ю. Лермонтова, попали в сильную бурю, какой не помнили и старожилы и для того, чтобы переждать ее, заехали в Шотландку на обед к Рошке. Именно в этот момент, видимо, случилась упомянутая выше встреча Лермонтова и Мартынова, которая не привела к примирению, а напротив, еще больше подтолкнула к дуэли.

Существует одно любопытное свидетельство о пребывании поэта в день дуэли в кофейне у Рошке. Оно принадлежит Евграфу Чалову, бывшему крепостному родственника Лермонтова А.А. Хастатова. В 1881 г. Чалов дал показания комиссии по установлению места дуэли Лермонтова, которые были записаны в протоколе. В частности он показал, что в день дуэли «два офицера, кажется Столыпин и князь Васильчиков, наняли у него, Чалого, двух верховых лошадей для поездки в колонию Каррас (она же Шотландка), а Чалов сам поехал сопровождать их. В колонии Каррас офицеры эти вошли в дом колониста Рошке, где встретили Лермонтова и еще одного или двух офицеров; и после некоторого пребывания в доме Рошке, все вместе поехали из колонии по дороге в Пятигорск» [10].

В любом случае, Каррас стал последним местом, которое посетил поэт. На здании той самой ресторации Рошке висит мемориальная табличка о том, что в ней останавливался на отдых М.Ю. Лермонтов...

Во время Великой Отечественной войны немцев из этой колонии переселили на Урал по приказу Сталина, опасаясь предательства с их стороны, но, несмотря на это, потомки Иоганна Рошке сохранили предание о связи их семьи с судьбой М.Ю. Лермонтова. В дальнейшем все вещи, вывезенные с

собой с Кавказа и являвшиеся, возможно, немymi свидетелями той встречи, Рошке передали на хранение одному из музеев на Алтае [11].

Примечания

1. История немцев в России. Информационный портал // RusDeutsch: информационный портал российских немцев [электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusdeutsch.ru>.
2. Вейденбаум Е. К истории Шотландской колонии около Пятигорска // Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества. 1881. – Т. 6. – № 1. – С. 170-174; Фракман Р.О. О так называемой Шотландской колонии (Каррас) // Там же. – С. 167-169, 170-174; Симанская В.Я. Шотландка – селение Каррас (Лермонтовские места Пятигорья) // Михаил Юрьевич Лермонтов. Сб. статей и материалов. – Ставрополь, 1960. – С. 200-211; Краснокутская Л.И. История Шотландской миссии на Северном Кавказе, 1802-1835 годы: Автореф. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2000.
3. Апухтин И. Колония Каррас. – Пятигорск, 1903.
4. Васильева Е.Ю. Протестанты на Кавказе в XIX в.: Дисс ... канд. ист. наук. – Владикавказ, 2002.
5. Краснокутская Л.И. Иноземцево (колония Каррас) // КМВ Лайн [электронный ресурс]. – URL: <http://www.kmvline.ru>.
6. Захаров В.А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова. Последний год поэта. – СПб.: Вита Нова, 2014. – С. 243.
7. Там же. – С. 309-310.
8. Захаров В.А. Письмо Катеньки Быховец // «Как сладкую песню Отчизны моей, Люблю я Кавказ». – Ставрополь, 2014. – С. 161.
9. Там же. – С. 157-175.
10. Чалов Е., Чухнин И. Показания, данные 11 сентября 1881 года в Комиссию по определению места дуэли // Русская старина. 1882. – Т. 33. – Кн. 1. – С. 216-262.
11. Муравлев А. Палас из колонии Каррас // Алтайская правда [электронный ресурс]. – URL: <http://www.ap.altairegion.ru>.

Н.С. Степаненко

(г. Армавир)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КУНАЧЕСТВА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В 40-50-е гг. XIX в. (по воспоминаниям А. Шпаковского)

Своеобразие межкультурного диалога, происходившего между россиянами и горцами Северного Кавказа в период «Кавказской войны», давно привлекает внимание исследователей. Важную роль в изучении темы могут сыграть мемуары очевидцев и участников событий. Таковыми являются воспоминания Аполлона Шпаковского [1] – казака, прослужившего в Кавказском линейном казачьем войске около 20-ти лет. Конечно, степень объективности такого исторического источника как мемуары, не очень велика. Какие-то факты могли забыться, на что сетует сам автор, о каких-то он мог умолчать. Ценность данных воспоминаний заключается в том, что они ярко показывают мирную сферу межличностных контактов.

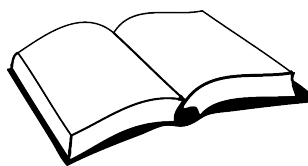
Одним из обычаев, укреплявших отношения казаков и горцев, являлось куначество. Как объясняет Шпаковский: «Кунак – друг, на жизнь и смерть. Кунаки менялись между собою оружием и связь между ними была так крепка, что один из них часто платил своею жизнью за жизнь кунака». Причем эта дружба в условиях военного времени иногда приобретала весьма специфический характер. Часто казак-пластун (разведчик), находясь на территории мирных горцев, скрытно пробравшись к своему кунаку, мог найти у него не только кров и еду, но и выведать тайные сведения, что неоднократно проделывал и сам А. Шпаковский, будучи пластуном. Однако если кунаки, находящиеся в противоборствующих лагерях, встречались в открытом бою, то они не щадили друг друга. «Дружески расставаясь, мы обещали друг другу, при первой открытой встрече, всадить ловко пулю, или померяться шашкой, но, тем не менее, всегда оставаться, как были, друзьями...», – пишет А. Шпаковский.

Обычай куначества имел еще одну, практически никем не отмечавшуюся, сторону. По словам А. Шпаковского, «если кунаку что-либо понравится, то непременно должно ему подарить, и он взаимно обязан отдарить на тех же основаниях. Вот тут-то и начинается изнанка в сущности весьма почтенного и благородного обычая. Кто был менее совестлив, тот оставался всегда в барышах, и для некоторых личностей куначество было просто промыслом, средством приобретать хорошие вещи взамен дурных и жить на чужой счет». А. Шпаковский сам столкнулся с этой проблемой, когда его кунак стал претендовать на принадлежавшую ему ценную винтовку – подарок начальника Лабинской линии. После того, как казак предложил своему другу ее купить, тем самым намереваясь избавиться от навязчивых просьб, кунак, в отместку, даже попытался убить А. Шпаковского.

Горцы и российские подданные в рассматриваемый период не только воевали друг с другом, но и имели тесные межличностные контакты. В этих взаимоотношениях преобладали мускулинные ценности. Джигиты, удальцы с той и другой стороны пользовались непререкаемым авторитетом. Они формировали своеобразное, скрепленное узами куначества, братство, для которого политическая, этническая и религиозная принадлежность в межличностных отношениях играли второстепенную роль.

Примечания

1. Шпаковский А. Записки старого казака // Библиотека TWIRPX [электронный ресурс]. – URL: <http://www.twirpx.com> (дата обращения: 07.01.2015).

О.Б. Емельянов
(г. Георгиевск)

ЗАЩИТА ЛЕВОБЕРЕЖНЫМ КАЗАЧЕСТВОМ ТЕРЕКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ НА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ В 1841 ГОДУ

Российские колонизаторы врывались в горские аулы, а уходя, оставляли школы и библиотеки, театры и музеи

Всеобщее выступление Малой Чечни и уход большинства населения в труднодоступные районы под власть горного правителя имама Шамиля в 1840 году [См.:1], поставили перед командованием Отдельного Кавказского корпуса целый ряд сложнейших задач, в первую очередь, защиту российских рубежей от систематических вторжений хорошо организованных отрядов абреков. С этим хорошо справлялся недавно назначенный командир Гребенского казачьего полка, терский уроженец, кавалерийский майор Л.А. Венеровский*, особенно отличившийся 9 января в отражении массивного набега горцев в щедринском лесу и уже 2 февраля произведенный в следующий воинский чин [2]. Готовились новые битвы и уже ранней весной 1841 года было решено сформировать два самостоятельных отряда для действий на левом фланге Кавказской линии, а пока что казахи разъезды производили усиленную рекогносцировку ближайших и дальних окрестностей. Одним из таких летучих отрядов, состоящий из 60 отборных казаков Моздокского полка командовал молодой юнкер князь М.Б. Лобанов-Ростовский, который «делал разведки в разные стороны Чечни» [3]. Между тем 6-7 апреля имам Шамиль во главе отряда из 15000 горцев совершил неожиданное нападение на равнинные ингушские селения у укрепления Назран, но был отбит отрядом полковника П.П. Нестерова, после чего отошел в дремучие ичкеринские леса. А в конце месяца конные чеченцы, тайно переправились через реку Сунжу у аула Самашки и стремительно пройдя территорию Малой Кабарды, произвели успешную вылазку на Военно-Грузинскую дорогу для пресечения которой были срочно задействованы резервные казачьи сотни с Терского левобережья [4].

Однако основные события 1841 года, к которым готовились противостоящие стороны, развернулись в непосредственной близости от границ воинственного имамата. Определелись армейские подразделения, вошедшие в «Дагестанский отряд» под командованием главнокомандующего Е.А. Головина, стянутые к крепости Темир-Хан-Шуре, в состав которых вошли 5 сотен

* Лев Антонович Венеровский был ранее приставом закубанских мирных черкесов, который непосредственно командовал, по поручению генерал-майора Г. Х. Засса, переселением черкесо-гаев в район крепости Прочно-Окопской в апреле 1839 г. Они стали первопоселенцами тогда еще безымянного аула, получившего позднее имя Армавир (см.: Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918). – Армавир, 2002. – С. 48-51). – Ред.

линейных, донских и уральских казаков. В крепости Грозной собрался «Чеченский отряд» под начальством генерала П.Х. Граббе, куда 12 мая прибыли еще 3 линейные сотни с Терского левобережья. Выдвинувшись в сторону аула Черкей, считавшегося ключом к выходу из горных ущелий на плоскость, оба отряда соединились на левом берегу реки Сулак у аула Инчхе в 12 верстах от селения Миатлы, после чего 15 мая правительственные войска выдвинулись на стратегически важные Хубарские высоты, занятые главными силами мюридов [5]. В «Полных послужных списках о службе» офицеров Моздокского казачьего полка, в то время урядников И.П. и В.С. Золотарёвых, сделаны краткие записи об участии в боевых действиях: «В «Чеченском отряде» с 12 мая по 12 ноября под начальством генерал-адъютанта П.Х. Граббе, через крепость Внезапную к миатлинской переправе и в движении к деревне Инчхе, продолжительный упорный бой при овладении берегами реки Татли-Су» и «с 12 по 26 мая под начальством генерал-адъютанта П.Х. Граббе в «Чеченском отряде» на Ярык-Су...». Причем, для Василия Степановича боевой поход в дагестанские горы продолжался всего две недели, но он успел отличиться и приказом по Отдельному Кавказскому корпусу от 11 августа 1841 года за № 105 был произведен в зауряд-хорунжий [6], в первый офицерский чин по иррегулярным войскам, присваиваемый только во время боевых действий.

В биографических записях заслуженного кавказского генерала, в то время штабс-капитана Н.С. Кишинского, зимовавшего со своей пехотной ротой в гребенских станицах, сохранилась запись о совместных действиях с линейными сотнями следующего содержания: «...9 мая... следовал с частью на сборный пункт при Амир-Аджи-Юрте, а потом вместе с отрядом генерал-адъютанта П.Х. Граббе участвовал: 12 в движении через крепость Внезапную к миатлинской переправе и в перестрелке..., 13 в движении к деревне Инчхе и в продолжительном упорном бое, происходившем при овладении берега рек Ачи-Су и Татли-Су и окрестными их высотами, 14 в усиленной фуражировке по реке Татли-Су и в перестрелке с горцами. Здесь соединились оба отряда и двинулись к Черкею, на селение Хубары. 13 участвовали во взятии с рукопашного боя неприятельской позиции на Хубарских высотах, сильных от природы, укрепленной завалами и занимаемой многочисленным скопищем Шамиля, в победе, которая имела самые решительные и важные последствия. Черкей был занят в тот же вечер генерал-лейтенантом К.К. Фезе. 20 мая П.Х. Граббе оставил лагерь соединенных отрядов и двинулся за скопищем Шамиля в землю Ауховскую... участвовал в перестрелке с толпами горцев при деревне Гунне, 21 в совершенном истреблении деревни Дылым и Юрта-Ауха, а при последней и в жарком деле с горцами, 22 в овладении Акташ-Аухом и окрестными высотами и в перестрелках с неприятелем, потом в перестрелках, 24 во время движения через Герзель-Аул к Умахан-Юрту, и 26, 27 на левом берегу Терека, Сунжи» [7]. Постепенно театром самых ожесточенных военных действий становились хорошо укрепленные каменные аварские аулы, в захвате которых неоднократно отличались терские казачьи сотни. Так, при осаде селения Кишен получил ранение драгунский капитан А. А.

Суслов (в скором времени командир Гребенского казачьего полка), действовавший в конном строю совместно с линейцами, а командир одной из моздокских сотен отважный поручик барон Д.П. Фредерикс, несмотря на сильный огонь неприятеля, в полный рост продолжал руководить кровопролитным боем, что и привело к полному успеху. Как правило, аулы оказавшие упорное сопротивление, подвергались безжалостному разорению. В захваченных селениях повсеместно уничтожались запасы продовольствия и фуража, что еще более ожесточало горцев, а когда позволяло время, вырубались «многовековые гигантские орешники, из которых каждый кормил целый год многолюдное семейство. Орехов на них бывает такое множество изобилия, что вывозимые на базары, они доставляли хлеб и все нужное» [8].

Не особенно заботясь о методах умиротворения части горских обществ, генерал П.Х. Граббе принял несколько присяг на верность России, в первую очередь от ауховских аулов и в начале месяца прибыл в крепость Грозную. Самостоятельно прекратив военные действия, он, не предупредив главнокомандующего Е.А. Головина, отправился в Ставрополь, поручив своему отряду заготавливать сено на зиму. По возвращении на левый фланг Кавказской линии, 22 июня генерал П.Х. Граббе предпринял поспешную экспедицию в Аргунское ущелье к селению Чах-Кери, которая 27 июня закончилась ожесточенной перестрелкой с мюридами под начальством наиба Ахверды-Магомы у чеченского аула Алды. В результате малопродуктивных действий царского любимца, в очередной раз была доказана невозможность укрепиться в лесистых предгорьях Ичкерии, «не обозначив прежде Сунженскую линию». По этой причине, подразделения «Чеченского отряда» приступили к заложению укреплений Казах-Кичу и Закан-Юрт, после чего началось наступление вглубь вражеской территории по уже ранее пройденным маршрутам. Так, с 12 по 16 августа, войска в авангарде которых продвигались линейные казачьи сотни действовали в районе селений Тепли-Юрт и Ачхой. Затем, 26 числа конные части отражали нападение горцев на мирную деревню Акбулат-Юрт, расположенную на правом берегу Терека, а еще через два дня началась широкомаштабная экспедиция к галашевцам, сопровождавшаяся упорным лесным боем «у аула Чимулго и во взятии с боя аулов Верхние, Нижние и Средние Чурти-Аршты, 29 в перестрелке и схватке с горцами при взятии аула Берешни и его каменной башни, которая была взорвана, а вслед за тем и частых схватках при обратном движении вниз по рекеASSE» [9].

Вместе с тем, главнокомандующий Е.А. Головин заложил новое укрепление Евгеньевское в Дагестане, которое было окончено и освящено 28 сентября. Генерал П.Х. Граббе во главе «Чеченского отряда», отбив массированное нападение горцев на укрепление Казах-Кичу, отправился в новую экспедицию вверх по течению реки Асса. 16 октября передовые разъезды достигли аула Гехи, куда вскоре прибыл отряд полковника Р. К. Фрейтага, а 20 числа вышли к реке Гойта, где в течение нескольких дней происходили сильные перестрелки при истреблении отдаленных лесных хуторов, иногда переходившие в рукопашные схватки с чеченцами, руководимые наибом Ах-

верды-Магомой. 24-26 октября развернулись ожесточенные сражения при следовании к деревням Большой Чечен, Белтухай, Шали и др. Во время уничтожения «хлеба и проса, сокрытых в неприятельских лесах» 27-29 октября завязывалась долгая и упорная перестрелка у аулов Гельдыген, Автуры, Майртуп и Аку-Юрт, продолжившаяся у деревни Бата-Юрт, пока правительственные войска не достигли укрепления Герзель-Аул и 1 ноября не были распущены на зимние квартиры [10]. Необходимой передышкой, а также отъездом главнокомандующего Е.А. Головина в Тифлис сразу же воспользовался имам Шамиль. Отступив к аулу Гергебиль, он направил сильный отряд под командованием наиба Шуаиб-муллы к Кизляру и уже 11 ноября горцы захватили, помимо огромной добычи, включая скот, еще артиллерийское орудие и выдержав несколько горячих стычек с правительственными частями, поспешно отошли в малодоступные горы через Качкалыковский хребет. Нужно полагать, что последствия набега на промышленный центр региона могли быть еще более плачевными, не сумей правительственные войска, в числе которых находились и казачьи подразделения, быстро отогнать неприятеля. Так, моздокский урядник Иван Петрович Золотарёв, принимавший непосредственное участие «в отражении сильной партии напавшей на город Кизляр», оказал отличие в бою и был вскоре произведен в зауряд-хорунжий, о чем объявили в приказе по Отдельному Кавказскому корпусу 13 мая следующего года за № 37 [11].

На этом активные военные действия на левом фланге Кавказской линии не закончились, так как всевозможные партии вооруженных горцев переправлялись через сильно обмелевший Терек. Незирая на пол и возраст, людей захватывали в плен, за которых набегчики требовали немислимый выкуп (пятая часть которого предназначалась высшему духовному начальству, то есть лично имаму Шамилю). Систематически происходили вооруженные столкновения на проезжей дороге Кизляр-Моздок, убийства, кражи домашнего скота в станицах и т.п. Все это, по мнению одного из дудаевских бригадных генералов, награжденных, в числе таких лиц как Басаев, Гелаев и др. высшей наградой боевиков, были всего лишь обычные «диверсии». В одной из них осенью 1841 года (или 1842 года) был уничтожен выходец из Притеречья, хорошо знавший местность, наиб Хамзат. Однако это не останавливало предприимчивую часть мюридов и 2 декабря известный наиб Ахверды-Магома во главе 4000 отряда напал на приграничные станицы Стодеревскую и Галюгаевскую, но был встречен казаками, отброшен от крепости Моздок и преследуем линейцами далеко за Терек [12]. По этой причине правительственным войскам, оказавшимся в роли оборонявшихся, приходилось быть в постоянной боевой готовности. К тому же генерал П.Х. Граббе считал, что если постоянно беспокоить горцев из притеречных станиц, то возможно склонить их к безусловной покорности, поэтому отправляясь в очередной раз в Ставрополь, распорядился всем подразделениям как можно чаще отправляться в скоротечные экспедиции за реку Сунжу. Однако мюриды набрали уже такую военную мощь, что зачастую сами переходили в открытое наступ-

ление и пользуясь отсутствием совместных и продуманных действий российского командования, повсеместно теснили малочисленные российские гарнизоны во многих укреплениях Чечни и Дагестана [13].

Таким образом, после присоединения плоскостных чеченцев к имаму Шамиллю в 1840 году, положение дел на левом фланге Кавказской линии претерпело катастрофические изменения. В ближайшие месяцы действия специально собранных отрядов правительственных войск, в состав которых непременно включались казачьи сотни с Терского левобережья, не смогли изменить военно-стратегическую ситуацию к лучшему. Более того, в начале 40-х годов XIX века, крайне агрессивная идеология мюридизма достигла своего наивысшего могущества в Северо-Восточном Кавказе. Непонимание происходивших глубинных процессов в горских обществах, неразбериха среди высшего генералитета, нерешительность российского командования, противоречивые и зачастую ошибочные решения, обрекли казачьи общины на многолетнее противостояние с частью соседних народов. Вместе с тем, участвуя во всех значимых событиях военного лихолетья, казаки Кизлярского, Гребенского и Моздокского полков, отличившиеся во многих сражениях, постоянно награждались высокими государственными наградами и производились в следующие воинские звания, что на долгие годы выработывало в порубежном казачестве особое мировоззрение, направленное на защиту интересов России на взрывоопасной окраине. Своеобразное отношение к тягостям военного лихолетья, многолетней службе в строевых сотнях, на круглосуточных постах, ночных секретях, пикетах, рекогносцировках и т.п. становилось неотъемлемой принадлежностью ежедневной линейной жизни, что позволило порубежным казачьим общинам не только выжить и выстоять в один из самых напряженных моментов продолжительной войны с агрессивным мюридизмом, но и не позволить хорошо организованным и вооруженным неприятельским отрядам вырваться за ближайшие пределы горных отрогов.

Примечания

1. Клычников Ю.Ю. «Нам был обещан бой жестокий...»: военно-политическая обстановка в Чечне и Дагестане в 1840 году // Лермонтов, Россия, Кавказ: движение во времени. Материалы международной научной лермонтовской конференции (г. Грозный, 28-30 мая 2014 г.). – Нальчик, 2014. – С.134-143; Емельянов О.Б. Об участии казаков Терского левобережья в военных действиях до и после битвы на речке Валерик в 1840 году // Там же. – С. 144-153; Остахов А.А., Барнаш А.В. Валерикский бой 1840 года как документальная основа лермонтовского стихотворения // Там же. – С. 153-160 и др.

2. Эсадзе Б.С. Памятка гребенца. Очерк многовековой доблестной службы престолу и Отечеству. – Петроград, 1916. – С. 90; Ктиторов С.Н. «Известный на Кавказе по отличной храбрости...» (штрихи биографии Льва Антоновича Венеровского) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Краснодар-Армавир, 2004. – С. 67.

3. Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережитом с 1803 года // Русская старина (далее РС). – СПб., 1881. – Т. XXXII. – Вып.10. – С. 284; Михаил Борисович Лобанов-Ростовский. Военная и гражданская миссии на Кавказе [электронный ресурс]. – URL: <http://genichesk.priazovka.com>.

4. Жизнеописание генерала от инфантерии Евгения Александровича Головина // Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц действовавших на Кавказе (далее КИПИЖЗЛ). – СПб., 1859. – Вып. 37-47. – С. 118; Лацинский А.С. Хронология русской военной истории. Хронологический указатель войн, сражений и дел, в которых участвовали русские войска от Петра I до новейшего времени. – СПб., 1891. – С. 95.

5. Хронологический указатель военных действий Русской армии и флота. 1825-1854. В 5 томах. – СПб., 1911. – Т. III. – С. 21; Толстой Ю.В. Очерк жизни и службы Е.А.Головина // Исторический сборник. Десятинадцатый век. – М., 1872. – Кн. I. – С. 55; Гржегоржевский И.А. Генерал-лейтенант Ф.К. Клюки-фон-Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе (1836-1850) // РС. – СПб., 1876. – Т. XVI. – Вып. 5. – С. 358.

6. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А). Ф.53. Оп.1. Д.2039. ЛЛ.33, 49 об., 52.

7. Жизнеописание генерал-майора Николая Семёновича Кишинского // КИПИЖЗЛ. – СПб., 1859. – Вып.52-53. – С. 8-9.

8. Потто В.А. Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии. – Тифлис, 1888. – С.16; Беляев А.П. Указ. соч. – С. 261-262, 279-280.

9. Жизнеописание генерал-лейтенанта Роберта Карловича Фрейтага // КИПИЖЗЛ. – СПб., 1857. – Вып.5-6. – С. 6; Хронологический указатель военных... – С. 22; Жизнеописание генерала от инфантерии Евгения Александровича Головина... – С. 120, 121; Жизнеописание генерал-майора Николая Семёновича Кишинского. – С. 9.

10. Хронологический указатель военных. – С. 22; Жизнеописание генерал-майора Диомида Васильевича Пассека // КИПИЖЗЛ. – СПб., 1857. – Вып. 3-4. – С. 2; Жизнеописание генерал-майора Николая Семёновича Кишинского. – С. 8-9; Жизнеописание генерал-лейтенанта Роберта Карловича Фрейтага. – С. 6-7.

11. Толстой Ю.В. Указ. соч. с. 55; Лацинский А.С. Указ. соч. – С. 95; Хронологический указатель военных... – С. 21-22; ЦГА РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.2039. Л.29 об.

12. Шабанов Д.Ф. Краткая историческая записка о службе 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Императорского Величества полка. – Тифлис, 1875. – С. 54; Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. – Грозный, 1998. – С. 175; Хронологический указатель военных. – С. 22.

13. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726-1880). В 3 томах. – СПб., 1881. – Т. II. – С. 199; Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. – М., 1884. – № 1-2. – С. 332; Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерк из истории и стародавнего казачьего быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе. – СПб., 1899. – С. 322.

Л.А. Емельянова, Н.О. Емельянов
(г. Георгиевск, г. Санкт-Петербург)

КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР О ГРАФЕ НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МУРАВЬЁВЕ

Плодотворная деятельность Николая Николаевича Муравьёва в различные периоды его военной службы, биографические аспекты его личности не подвергались отдельному научному исследованию, несмотря на достаточно обширный эпистолярный, архивный материал, мемуары и др. В дореволюционный период в популярных журналах «Русская старина», «Русский архив», «Кавказский вестник» были опубликованы многочисленные воспоминания и

письма современников, многие из которых вызвали бурную полемику в отечественной печати: статьи М.П. Щербинина, А.П. Берже, И.И. Европеуса, Д. Остен-Сакена и др. [1]. Оценки деятельности и личностные характеристики Н.Н. Муравьева указанными авторами выносились совершенно противоположные, что только подстегивало интерес к его многогранной личности.

Особый интерес вызывают личные письма, записки самого графа Н.Н. Муравьева, содержащие описание событий, оценки положения дел на Кавказе и сопредельных территориях [2], заметки по различным вопросам управления регионом, личностные характеристики участников событий, переписка с генералом А.П. Ермоловым, дипломатом А.С. Грибоедовым. Многие письма часто печатались в «Русском Архиве» с 1885 год по 1894 год, куда их предоставила дочь бывшего Кавказского наместника – А.Н. Соколова [3]. Николай Николаевич издал в свое время «Курс фортификации», подробную книгу «Путешествие в Туркмению и Хиву» (1822 год), которые получили широкую известность, как в России, так и в Западной Европе [4]. Его «Записки», «Турция и Египет в 1832 и 1833 годах», «Русские на Босфоре в 1833 году» представляют целый пласт материалов, как для историков, так и для литераторов.

Изучить деятельность Н.Н. Муравьева на Кавказе без обращения к трудам дореволюционных историков невозможно, так как они насыщены богатым фактическим материалом из различных архивов, что помогает нам при изучении данного вопроса. Проблеме Крымской (Восточной) войны и т.н. Кавказской войны посвящены многотомные труды историков М.И. Богдановича, А.М. Зайончковского, подробно, в деталях, осветивших ход боевых действий, в том числе и на Кавказском театре военных действий [5].

Советскими исследователями деятельность графа Н.Н. Муравьева практически не затрагивалась, а лишь служила фоном для изучения других ярких исторических личностей, оставивших заметный след в региональной истории, таких как генерал А.П. Ермолов, князь М.С. Воронцов и др. Шаблонное восприятие его личности как реакционной не давало возможности посмотреть на его личностные, профессиональные качества по-иному, дать более глубокую оценку его деятельности. Значительным вкладом в советскую историографию Крымской войны 1853-1856 годов явилось серьезное исследование историка Е. В. Тарле. Его работа «Крымская война» – важнейший источник по дипломатической истории войны и международным отношениям того периода [6].

В исследовании представлены противоречия между промышленно развитыми западноевропейскими державами и царской Россией в борьбе за господство на Балканском полуострове, Ближнем и Среднем Востоке в середине XIX века. Не оставил Е.В. Тарле без внимания и роль отдельных исторических деятелей указанного периода. Но вместе с тем, давая довольно низкую оценку Николаю Николаевичу как военно-политическому деятелю, автор явно встал на позиции, принятые в советской историографии, – явная недооценка роли графа Н.Н. Муравьева и Крымской войне и т.н. Кавказской войне.

Выдающаяся общественно-политическая и военная деятельность Кавказского наместника долгое время оставалась вне интересов отечественных исследователей. Вывести из забвения военно-политическую и административную деятельность графа Н.Н. Муравьева попытался Н.А. Задонский, создав документальную хронику жизни Николая Николаевича. Однако, несмотря на включение большого количества архивного материала, его книга о Н.Н. Муравьеве – это литературное произведение, а не историческое исследование [7].

В начале 1990-х годов, после отказа от идеологических установок, возобновился интерес к исследованию жизни государственных деятелей, сыгравших значительную роль в истории Кавказского региона. Но и авторы новейших работ к личности Н.Н. Муравьева обращаются только для иллюстрации отдельных исторических моментов и оценки его деятельности однобоки, либо вообще замалчиваются [8].

В настоящее время история Кавказа, особенно период военного противостояния с частью горских народов, выходит на новый этап изучения, а история персоналий выходит на первый план. Но вновь особый интерес представляют генерал А.П. Ермолов, князь С.М. Воронцов, князь А.И. Барятинский [9]. История т.н. Кавказской и Крымской войны, история Кавказского наместничества изучаются без должного внимания к личности Николая Николаевича Муравьева, что, на наш взгляд, не может отразить всю полноту, историзм исследуемых событий.

Сегодня невозможно представить научно-исследовательскую работу без привлечения Интернет-ресурсов. Безусловно, наличие обширного Интернет-материала не отменяет работу в библиотеках, архивах, тем более, что не весь материал находится в свободном доступе, но пренебрегать такими возможностями нельзя [10]. Сайты электронной библиотеки «Веда», «Военной библиотеки», «Российской Государственной библиотеки» и др. содержат обширные библиографические данные о генерале Н.Н. Муравьеве. Самым информативным, на наш взгляд, оказался сайт «Руниверс», содержащий основной материал по Н.Н. Муравьеву-Карскому в семи номерах отсканированного журнала «Русская старина»: статьи А.П. Берже, М.П. Щербинина и т.д. Интернет-ресурсы сайта «Хронос» содержат обширную переписку генерала Н.Н. Муравьева, что позволяет значительно расширить информационную базу [11].

На основании вышеизложенного можно прийти к заключению, что несмотря на то, что изучение деятельности графа Н.Н. Муравьева началось еще при его жизни, многое осталось за пределами исследовательской работы. Неоднозначные оценки современников, их диаметрально противоположные суждения о многогранной личности Николая Николаевича значительно затруднили поиск истины. Подобная тенденция продолжилась и в дальнейшем, что вырывает целый пласт региональной истории, связанной с ведением военных действий на двух театрах военных действий на Кавказе во время Крымской войны.

Примечания

1. Щербинин М.П. Князь Воронцов М.С. и Муравьев Н.Н. (Из служебных воспо-

минаний М.П. Щербинина) // Русская старина (далее РС). – Т. XI. – СПб., 1874; Европеус И.И. Николай Николаевич Муравьев // РС. – СПб., 1874. – Т. XI. – № 9; Ореус И.И. Штурм, блокада и взятие Карса в 1855 году // РС. – СПб., 1877. – Т. XIX. – № 8; Остен-Сакен Д. Николай Николаевич Муравьев в 1828 - 1856 гг. // РС. – СПб., 1874. – № 11; Любитель Кавказа и Закавказья. Николай Николаевич Муравьев, 1854-1856 // РС. – СПб., 1874. – Т. XI. – № 5; Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники. Н.Н. Муравьев, князь А.И. Барятинский и граф Н.И. Евдокимов // РС. – СПб., 1886. – Т. L-LI. – № 6; Тимирязев Ф. По поводу статьи Берже о Н.Н. Муравьеве-Карском // Русский архив (далее РА). – СПб., 1873. – № 12; Зиссерман А. По поводу воспоминаний о Н.Н. Муравьеве // РА. – СПб., 1892. – № 4.

2. Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 году. В 2-х томах. – СПб., 1877.

3. РА. - СПб., 1886. – № 12. – С.433-434; РА. – СПб., 1888. – № 5. – С. 10 –108; РА. – СПб., 1889. – № 4. – С.594-595; РА. – СПб., 1889. – № 9. – С. 60-62.

4. Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX века. – М., 1997. – С. 302.

5. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856. – СПб., 2002; Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 гг. В 4-х томах. – СПб., 1876. – Т. IV. – С. 229-241.

6. Тарле Е.В. Крымская война. В 2-х томах. – М., 1985. – Т. II. – С. 485.

7. Задонский Н.А. Жизнь Муравьева. Документальная хроника. – М., 1985. – С. 62.

8. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М., 2004. – С. 586-587.

9. Кондрашева А.С. Кавказское наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. – Ставрополь, 2003. – С. 12.

10. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramotey.com>; <http://lib.aldebaran.ru>; <http://www.lib.ua-ru.net>; <http://militera.lib.ru>; <http://militera.lib.ru>.

11. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.runivers.ru>; <http://www.hrono.ru>.

Д.С. Дударев
(г. Армавир)

РОССИЙСКИЙ АВТОР О СОБЫТИЯХ НАЧАЛА 1860-х гг. НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Одним из авторов, оставивших свои воспоминания о пребывании на Северо-Западном Кавказе в начале 1860-х гг., т.е. в период завершения здесь военных действий, был Михаил Иванович Венюков, российский офицер, военный писатель, географ и путешественник, побывавший во многих районах Сибири и на Кавказе, а впоследствии в ряде стран Азии, Северной Африки и Латинской Америки [1]. Свидетельства М.И. Венюкова, служившего с самого начала 1862 г. по сентябрь 1863 г. командиром 4-го батальона Севастопольского полка, находившегося под командованием известного русского военного деятеля В.А. Геймана, и дислоцировавшегося в окрестностях современного поселка Псебай (нынешний Мостовской район Краснодарского края), весьма интересны для понимания отношений российских властей с горцами в тот поворотный для судеб этого края момент [2]. К его работам, содержащим интересные сведения по данному вопросу, уже обращались те

или иные авторы [3], разносторонне анализируя содержащиеся в них ценные сведения, что особенно относится к монографии З.Б. Кипкеевой [4]. В нашей небольшой статье мы, прежде всего, остановимся на некоторых оценках М.И. Венюкова, которые имеют отношение к демографической политике российского правительства в тот период.

Как известно, в сентябре 1861 г. император Александр II прибыл в Кубанскую область, где встретился на р. Фарс с представителями адыгских племен (абадзехов). Когда абадзехи, как пишет З.Б. Кипкеева, обратились к царю с просьбой остановить колонизацию в обмен на покорность, то он выдвинул ультиматум: «Я даю месячный срок – абадзехи должны решить: желают ли они переселиться на Кубань, где получают землю в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд, или же пусть переселяются в Турцию». Как отмечает исследовательница, «это было официальное разрешение на массовую миграцию, что должно было уменьшить жертвы Кавказской войны и ускорить ее конец» [5]. По М.И. Венюкову, опирающемуся на официальный «Обзор царствования императора Александра II», изданного в 1871 г., самодержец, «принимая горских депутатов, предложил им сохранение их обычаев и имущества, льготу от повинностей, щедрый обмен тех земель, которые отошли бы под наши военные линии, и требовал только выдачи всех русских пленных и беглых». Горские же старшины на другой день «представили челобитную, в которой требовали немедленно вывести русские войска за Кубань и Лабу и срыть наши крепости» [6].

Таким образом, становится, как будто, понятно, чем объясняется жесткое итоговое, но не безальтернативное притом, решение императора. М.И. Венюков, что крайне интересно, приоткрывает нам причины, по которым горские представители, совершили, казалось бы, опрометчивый шаг, потребовав невозможного в условиях вполне шадящих изначальных предложений Александр II. Он сообщает о том, что Н.И. Евдокимов, начальник Кубанской области, сильно опасался, что горцы примут императорское предложение и останутся на своих землях под «покровительством» России. Это не входило в планы Н. И. Евдокимова, который был сторонником последовательного устрания горцев, «порешив в своем уме выгнать их из гор всех до последнего». Он заслал к ним своего приближенного полковника Абдеррахмана и дал ему задание внушить горцам те требования [7], которые были названы выше. При этом М.И. Венюков ссылается на то, что эта история была рассказана ему начальником штаба войск Кубанской области Н.И. Забудским. Таким образом, провокация Н.И. Евдокимова удалась вполне. При этом М.И. Венюков саркастически пишет о том, что если когда-нибудь будет поставлен памятник графу Евдокимову на Кавказе, то нельзя будет найти лучшего места, чем те высоты, где случилось это событие (т.е. встреча царя и горцев) [8].

Деятельность и методы Н.И. Евдокимова по перемещению горцев за пределы Кубанской области, и вообще за пределы Кавказа, и в других местах «Кавказских воспоминаний» М.И. Венюкова встречают сдержанно отрицательное отношение. Так, характерен еще один эпизод, приводящийся также в

современных адыгейских электронных средствах, в котором Н.И. Евдокимов упрекает М.И. Венюкова в том, что на этнографической карте Закубанья тот в 1862 г. изобразил отдельной краской бжедухов, рекомендуя стереть их с карты, с жестким комментарием: «Я под гуманностью разумею любовь к своей родине, избавление ее от врагов; а в таком случае на что же нам бжедухи? Я их выгоню, как и всех остальных горцев, в Турцию». М.И. Венюков не выполнил «рекомендации» Н.И. Евдокимова, написав с удовлетворением: «и хорошо сделал: бжедухи остались на своей земле, Евдокимову не удалось выгнать их за море» [9]. В другом месте своего мемуарного труда автор вновь не преминул указать на то, что «его (т.е. Евдокимова. – Авт.) твердым убеждением было, что самое наилучшее последствие многолетней, дорого стоившей России войны есть изгнание всех горцев за море» [10].

Впрочем, не следует думать, что М.И. Венюков вообще отрицательно относился к переселенческой политике самодержавия на Северном Кавказе. Описывая процесс заселения горной части бассейнов рек Лабы и Белой казачьими станицами, М.И. Венюков комментирует одновременное водворение на Прикубанской низменности горских народов, занявших длинную полосу земель вдоль левого берега Кубани, состав которых был репрезентативен по составу. К ним относились горцы, которые прекращали сопротивление и изъявляли покорность российским властям, беглые горские ясыри (рабы), а также «почетные горцы», служившие России [11]. Очень важно, как автор именует такое совместное размещение горцев и казаков: «шло «процеживание» одного населения другим, русским черкесского: первое шло в горы, второе спускалось в равнины». Но еще важнее, какие сравнения делает М.И. Венюков, анализируя политику российских властей, и к какому выводу приходит: «Факта, подобного этому, я не знаю в истории никакого государства, кроме России. Янки Соединенных Штатов выгоняют индейцев из гор, но лишь затем, чтобы их истреблять. Англичане в Австралии, в Новой Зеландии истребляют туземцев и в горах, и на равнинах, иногда с ружьем и собакой, как зверей. *Мы же долго боролись с черкесами, как с равными противниками, и когда одолели их, то честно уступили им земли, которые могут служить предметом зависти для самых цивилизованных племен* (курсив наш. – Авт.). Немецкие колонисты, водворившиеся позднее в той же Прикубанской низменности, могут это засвидетельствовать в качестве третьих лиц» [12]. Эти утверждения М.И. Венюков делал со знанием предмета в 1880 г., когда уже немало попутешествовал по миру. Насильственность и недостаточную продуманность действий российской администрации по переселению кавказских этносов подчеркивают и современные исследователи [13], но при этом наиболее объективные из них, говоря о рассматриваемых выше событиях, указывают на то, что горцам был предоставлен выбор: «переселение на указанные места между реками Лаба и Белая или эмиграция в Турцию» [14]. При этом даже те историки, которые определяют завоевательный характер действий России на Северном Кавказе, отмечают, что практика насильственных переселений имела место далеко не только у российских администраторов.

Они указывают на то, что имам Шамиль насильно переселял сельские общины, оказавшие сопротивление имамату [15], о чем говорится в сочинениях историков самого имама [16]. Примечательно и то, что эти же авторы справедливо напоминают о насильственных действиях самодержавных властей в отношении казачества, переселявшегося на новые территории нередко вопреки его желанию [17]. Есть и работы зарубежных черкесских авторов, в которых резко осуждается переселенческая политика России по отношению к их соплеменникам, но одновременно подчеркивается помощь Российского государства в обеспечении эмигрантов в Турцию торговыми судами и военными кораблями, материальной помощью, обеспечением их безопасности и дисциплины [18].

Возвращаясь же к анализируемой работе, нельзя не подчеркнуть, что критически относясь к действиям Н.И. Евдокимова, М.И. Венюков, в то же время, уважительно оценивает последовательность его действий по заселению «завоеванных пространств» русскими, как на единственный верный, хотя и медленный путь присоединения Кавказа к России, в ходе которого лопаты, мотыги и топоры (служившие для вырубki лесов и прокладки дорог) сыграли едва ли не большую роль, чем оружие [19]. И реалии российских военных действий в Причерноморье и Северном Кавказе подтверждают обоснованность этой стратегии. Достаточно обратиться к истории продвижения Российского государства к берегам Черного моря, чтобы увидеть, что оно совершалось очень медленно и постепенно. Некоторые важнейшие стратегические объекты на побережье Восточного Причерноморья, например, крепость Анапа, долгое время переходили из рук в руки [20]. И причинами этого были не только внешнеполитические факторы, с которыми руководители империи не могли не считаться (противодействие Османской империи, западных держав и т.п.), но и тот факт, что большие пространства Предкавказья долгое время были слабо заселены выходцами из России. Недаром один из аргентинских президентов XIX в. Хуан Баутиста Альберди утверждал: «Править значит заселять». Приобретение Восточного Причерноморья, как и всего Северо-Западного Кавказа, а затем и удержание этих территорий под контролем Российского государства виду сложившейся тогда международной обстановки [21] было одной из приоритетных задач российских властей второй четверти – середины XIX в. и остается таковым сегодня.

Подводя итоги нашего разбора «Кавказских воспоминаний» М.И. Венюкова в части его мнений о политике России по заселению вновь присоединяемых территорий, необходимо заметить, что автор, не принимая крайности таковой, олицетворявшиеся, прежде всего, подходами и действиями Н.И. Евдокимова, понимает необходимость неуклонного заселения Северо-Западного Кавказа русским населением и перемещения горцев на те территории, на которых они находились бы под контролем российской администрации.

Примечания

1. Академик – Большой энциклопедический словарь [электронный ресурс]. – URL:

<http://dic.academic.ru>.

2. Венюков М.И. Кавказские воспоминания (1861-1863). – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. – 64 с.

3. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь: СГУ, 2008; Голос адыга [электронный ресурс]. – URL: <http://www.adygvoice.ru>.

4. Кипкеева З.Б. Указ. соч. – С. 350 сл.

5. Там же. – С. 352.

6. Венюков М.И. Кавказские воспоминания. – С. 23.

7. Там же.

8. Истории было угодно, чтобы на указанном месте (у станицы Новосвободной, до революции – Царской (sic!) была сооружена часовня в честь Александра II с его бюстом (<http://rg.ru/2008/12/04/reg-kuban/chasovnyu.html>). Что же касается памятника Н.И. Евдокимову, то его бюст был сооружен в 1878 г. на могиле полковника, у Спасского собора г. Пятигорска (ныне в экспозиции Пятигорского краеведческого музея) (ru.m.wikipedia.org).

9. Венюков М.И. Указ. соч. – С. 45 // Голос адыга [электронный ресурс]. – URL: <http://www.adygvoice.ru>.

10. Там же. – С. 48.

11. Там же. – С. 47-48.

12. Там же. – С. 48.

13. Малахова Г.Н. К вопросу о характере имперской административной политики на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX в. // Проблемы этнополитических отношений на Северном Кавказе. Сборник научных статей. – Ростов н/Д – Пятигорск: СКАГС, 2001. – С. 114.

14. Кипкеева З.Б. Указ. соч. – С. 367.

15. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С.158.

16. Мухаммед Тахир ал-Карахи. Три имама. – Махачкала, 1990. – С. 70-71.

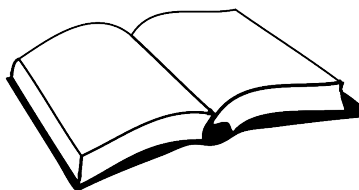
17. Северный Кавказ в составе Российской империи. – С. 156.

18. Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – С. 238.

19. Венюков М.И. Указ. соч. – С. 50, 63. М.И. Венюков оценил и некоторые административные методы Н.И. Евдокимова, применявшиеся в управлении покорившимися народами. Последний пользовался влиянием некоторых «почетных черкесов» на своих «соотечественников» в горах, но никогда не ставил их начальниками над покорившимися горцами, хорошо зная, что эти руководители не добьются подчинения своих соплеменников (Там же. – С. 62-63). Опыта взаимоотношений с горцами и знания их менталитета Н.И. Евдокимову было не занимать. Многими годами ранее он был приставом в Койсубулинском обществе, родном для имама Шамиля, где блестяще проявил себя (ru.m.wikipedia.org).

20. См. например: Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). – Армавир: Полипринт, 2011; Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). – М., 2013.

21. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829-1864. Политика, война, дипломатия. – М.: Рубежи, 2009.

Н.Н. Гарунова
(г. Махачкала)

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ И МЕЦЕНАТСТВО КИЗЛЯРСКОГО КУПЕЧЕСТВА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)*

Меценатство, спонсорство, благотворительность – что это сегодня такое? В любом естественно развивающемся обществе, т.е. основанном на частной собственности и демократии, благотворительность, меценатство, филантропия вообще существует с древнейших времен. История свидетельствует, что были люди, ставившие бескорыстное служение общественным интересам, своему Отечеству превыше стремления к известности. Жизнь их является нравственным подвигом, именно этих людей надо называть благотворителями и меценатами. Первым видом благотворительности была помощь нуждающемуся человеку. Христианство ввело в обязательную норму жизни реальную материальную и трудовую помощь бедствующим людям, которая составляла важнейшую часть всех моральных и религиозных систем. Нищенство рассматривалось как богоугодный институт, а сама помощь нищим, сирым, убогим одобрялась духовной и светской властью. Появление сегодня, спустя сто лет в нашей стране большого числа предпринимателей, активное развитие рыночных отношений обусловило рост интереса к традиционным носителям подобного вида деятельности – представителям купеческого сословия, чья профессиональная ориентация на Кизлярщине в XVIII-XIX вв. была связана, прежде всего, с торгово-промышленным развитием конкретного города Кизляра. Сильное в экономическом отношении и наиболее привилегированное (после дворянства и духовенства) купечество занимало значимое место в хозяйственной и общественной жизни [1]. Большую роль в развитии благотворительности в регионе имело развитие здесь не только винодельческой продукции, так как только в одном городе Кизляре в 1880 году действовало до 30 винокурительных и спиртокурительных заводов, но и торговли [2]. Купеческое сословие в Кизляре было одно из самых многочисленных. Здесь сформировалась большая купеческая прослойка, людей самых разных конфессий и национальностей [3].

Кизлярское купечество, как и во многих губерниях Российской империи, входило в верхние слои местного общества и во многом определяло культурный облик всего городского населения в целом. Какими идеями и духовными интересами жили купцы, насколько они были образованными и эрудированными, можно отчасти судить по дошедшим до нашего времени архивным документам, рассмотрев такие аспекты культурного развития купечества, как уровень грамотности входивших в него людей, а также вклад купцов в развитие культурно-просветительных учреждений на протяжении первой полови-

*Работа выполнена в рамках госзадания № 2014/33 Министерства образования и науки России в сфере научной деятельности.

ны XIX в. О степени грамотности купцов можно судить по их росписям в различных ведомостях, коллективных прошениях и, конечно, переписке. И хотя это весьма условный показатель, не позволяющий установить подлинность некоторых подписей, можно с уверенностью говорить, что к середине XIX в. больше половины проживавших в городе владельцев капиталов были грамотными.

Среди местных купцов появились люди с высшим образованием только к концу XIX в. Это было связано как с ростом интереса к природным богатствам края, так и с тем, что для успешного ведения дела стали требоваться более широкие, нежели в прежние годы, естественнонаучные и экономические познания. Некоторые местные богачи стали посылать своих детей за знаниями в видные столичные вузы и даже за границу. Но это было характерно для очень малого количества купцов [4]. Для большего количества купцов в городе еще долгое время сохранялась ведущая роль домашнего образования.

Все же некоторые представители кизлярского купечества, понимая важность общественных образовательных институтов, не только стремились дать достойное образование своим детям, но и не оставались в стороне от посильного вклада в устройство и функционирование различных культурно-просветительных учреждений в своем городе.

Для большинства представителей купеческого сословия было характерно участие в благотворительной деятельности. Меценатство не было эпизодом, деятельностью немногих образованных капиталистов, оно охватывало самые разные сферы и было весьма велико по сути, по масштабам сделанного, что позволяет говорить о том, что отечественная буржуазия действительно оказывала заметное влияние на культуру России, ее духовную жизнь. В Кизляре эти факты были не столь крупными, но тем ценнее для нас эти сведения.

На территории Кизлярщины одним из тех, кто занимался широкой благотворительной деятельностью, был владелец первых коньячных заводов в Кизляре Д.З. Сараджев. Став пионером в деле возникновения самостоятельного русского коньяка, он открыл коньячные заводы в Кизляре, Ереване и Тифлисе, а также магазины в Москве и С.-Петербурге. Был известен как крупнейший на Кавказе благотворитель, на его средства десятки молодых людей получили образование в высших и средних учебных заведениях в России и за границей, также он профинансировал сооружение Хашвецкого храма в центре Тбилиси [5].

В 1817-1818 годах в Кизляре была открыта первая армянская школа (в некоторых источниках упоминается как духовное училище), в которой преподавал армянский просветитель Г. Хубов. Содержание этого учебного заведения взяли на себя состоятельные кизлярские купцы и армяне-винопромышленники. В 1820 г. по ходатайству попечителя Казанского учебного округа М. Магницкого в Кизляре было открыто училище для армянских юношей, которое в течение длительного времени оставалось одним из важнейших центров образования на Северо-Восточном Кавказе [6].

В Кизляре открывались частные школы, содержащиеся за счет средств местных купцов. 14 декабря 1826 года Яков и Давид Арзановы обратились к Кавказскому начальству с предложением организовать в Кизляре частную школу-пансион. Это предложение было с восторгом принято кизлярцами, которые поспешили собрать 7100 рублей на содержание 21 человека мужского пола. Представленный Арзановыми проект состоял из 14 пунктов, в которых оговаривались условия их работы. Они предполагали дать детям разностороннее образование в течение 4-5 лет, при этом цена года обучения при полном пансионе достигала 300 рублей, и была достаточно высокой. Часть родителей обратились к местным купцам для спонсирования недостающих средств [7]. Тогда же, при школе была организована недолго функционировавшая библиотека, значительную часть книг которой составили частные пожертвования, в том числе и местных купцов.

2 июня 1837 года по ходатайству Эчмиадзинского Синода и с разрешения предводителя Астраханской епархии в Кизляре была открыта школа для обучения детей армянских духовных лиц города и его окрестностей. Деньги за оплату труда учителей и на другие расходы выделялись меценатами и горожанами в качестве частных пожертвований [8].

Среди наиболее важных составляющих социально-экономического развития какого-либо территориального образования, наряду с санитарией, жилищным строительством, народным образованием, культурным строительством находится сфера народного здравоохранения. До второй половины XIX столетия народное здравоохранение в России было совершенно неразвито и находилось в зачаточном состоянии. Открытие больниц было актом доброй воли крупных филантропов (обычно представителей царствующего дома, аристократии, верхов купечества) или результатом деятельности правительственных учреждений [9]. В 1835 году из благотворительных заведений в Кизляре была только городская больница устроенная обществом города для 12 самых бедных граждан. содержалась за счет пожертвований, в том числе кизлярских купцов [10]. Несмотря на неблагоприятные для здоровья климатические условия, антисанитарию, эпидемии холеры и малярии, по документам, спустя 80 лет, в Кизляре к началу XXв «имелась лишь одна больница на 5 коек, содержащаяся на средства благотворительного общества, а при ней 1 врач и 1 фельдшер» [11]. Следует отметить, что в области действовало «Общество Красного креста, состоящее под Высочайшем покровительстве его императорского величества государя-императора». В общество входили знатные и обеспеченные люди Кизляра, они в качестве помощи в мае 1889 г. снарядил санитарный отряд из 4-х санитаров, 5 однокошек для перевозки больных и 2 фургона для доставки продовольствия, перевозки и других вещей [12].

Таким образом, можно утверждать, что купцы могли не только написать свое имя, но и достаточно неплохо владели навыком письма. К середине XIX в. наметилось две тенденции: с одной стороны, рост престижа высшего образования по европейскому образцу; с другой стороны, сохранение в системе обучения основного места за домашним воспитанием. Некоторые купцы стре-

мились обучить своих детей в первоклассных учебных заведениях, а также жертвовали значительные денежные средства на создание и поддержание различных общественных образовательно-воспитательных учреждений. Тем не менее, еще долгое время в образовании нового поколения купцов основную роль продолжало играть домашнее воспитание. Высокий уровень образования среди купечества активизировал их благотворительную деятельность.

Новый XX век привнес элементы индустриализации в регион, это был принципиально новый способ экономической деятельности, приносивший в местную жизнь иной тип социальных отношений [13].

Формирующийся сегодня у нас в стране обширный пласт собственников не является пока тем социальным слоем, для которого умение и желание жертвовать является нормальным качеством, свойственным образованному и культурному человеку. Главный стимул меценатства находится внутри самого мецената – желание добровольно способствовать развитию общества, науки, высшей школы, культуры и искусства.

Примечания

1. Османов Г. Из истории дореволюционного предпринимательства. Провинциальный город в 18-21 вв.: история, экономика, культура. Материалы Международной научно-практической конференции. Кизляр, 2008. – С. 78.

2. ГАРД .Ф.379. Д.468. Л.98-99.

3. Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX века.: Сб. док-тов / под ред. профессора В.Г. Гаджиева. – М.: Наука, 1988, М., 1988. – С. 92-93.

4. Комлева Е.В. Культурно-образовательный уровень красноярского купечества // Алтайский региональный исторический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://new.hist.asu.ru> (дата обращения: 18.01.2015).

5. Русский торгово-промышленный мир. – М., 1993. – С. 22.

6. Савинский И. Астраханская епархия (1602-1902 г). – Астрахань, 1905. – Вып. 2. – С. 183.

7. Государственный Архив Ставропольского Края. (ГАСК) Ф. 79. Оп.1.Д. 340. Л. 6-7.3

8. Гарунова Н.Н. Кизляр в 18-1 половине 19 в.: проблемы политического, экономического и культурного развития. – Махачкала, 2004. – С. 97.

9. Клычников Ю.Ю., Яновский В.С. Народное здравоохранение в городах Кавказских Минеральных Вод в конце XIX – начале XX // Эколого-экономические проблемы общества в системе ценностей молодежи. – Кизляр, 2009. – С. 34.

10. ГУ «ЦГА РД» Ф.379. Оп.5. Д.39. Л.31.

11. Кавказский календарь, 1882. Л. 321.

12. Гарунова Н.Н. Организация здравоохранения на Кизлярщине // Эколого-экономические проблемы общества в системе ценностей молодежи. – Кизляр, 2009. – С. 67.

13. Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта / под ред. С.Н. Ктиторова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – С. 20.

Е.В. Дьякова
(г. Харьков)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ ХАРЬКОВСКОГО ПАРОВОЗОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В конце XIX – начале XX вв. в мире стремительно развивается промышленность, что приводит к появлению значительного слоя рабочих. Не остается в стороне и Украина. Известно, что индустриализация Восточной и Южной Украины происходит очень быстрыми темпами. Увеличение рабочего класса уже в конце XIX в. приводит к активной борьбе пролетариев за улучшение условий жизни и труда.

В советской историографии условия жизни и труда рабочих, их социальное положение освещались односторонне. Главный упор делался на беспощадную эксплуатацию людей, низкую заработную плату, существовавшую грабительскую систему штрафов и постоянное возрастание увечий и гибели людей на производстве из-за аварий [1]. Социальная инфраструктура вообще не рассматривалась, так как противоречила концепции тяжелого социально-экономического состояния рабочих в условиях господства царизма. В современной украинской историографии эта тема еще не нашла должного освещения. Некоторая информация представления в коллективной работе, посвященной истории Харькова в XX в., и истории самого завода [2].

Цель данной статьи – осветить социальные и экономические условия жизни рабочих Харьковского паровозостроительного завода (ХПЗ).

Это предприятие выбрано неслучайно – оно с первых дней своего существования является одним из важнейших предприятий Украины. Сегодня оно известно как Харьковский завод транспортного машиностроения имени В.А. Малышева, выпускающий танки. На рубеже XIX-XX вв. его рабочие составляли передовой отряд местных революционеров, борцов за советскую власть. До революционных событий 1917 года на заводе в разное время работали такие известные украинские большевики, как Артем (Ф.А. Сергеев), Ю.Д. Тяняков, И.Ф. Котлов и другие. И в советской историографии харьковских паровозостроителей часто отмечали как участников или инициаторов забастовок, демонстраций и митингов не только в Харькове, но и в других городах Российской империи.

Основанное в 1895 году «Российское Паровозостроительное и Механическое акционерное общество» в этом же году решило построить в Харькове свой завод по выпуску необходимых тогда паровозов для перевозки пассажиров и грузов.

Условия работы на нем были довольно жесткими. Ведь завод стал конкурентом не только российским, но и зарубежным предприятиям такого типа.

Рабочие делились на две категории: чернорабочие и мастеровые. Мастеровые владели какой-то специальностью, а чернорабочих использовали на

подсобных работах. Кроме указных категорий пролетариев на заводе работало много учеников.

Рабочий день паровозостроителей составлял 10 часов в день. Вроде бы много, но из них 2 часа отводилось на обеденный перерыв. Были выходные дни – в воскресенье и церковные праздники.

Заработная плата рабочих разных категорий сильно отличалась и зависела от многих факторов (специальность, опасность, цех и т.п.). Оплата начислялась ежедневно – поденно.

Как уже отмечалось выше, мастеровые, чернорабочие и ученики получали разные зарплаты в зависимости от того, в каком цеху они работают. Так, среди мастеровых самыми высокооплачиваемыми были заготовщики в кузнечном цеху (5 руб. 47 коп.), а наименее оплачиваемыми – шишельники в меднолитейном (80 коп.) [3]; среди чернорабочих – самая большая плата была в инструментальном (95 коп.), а самая низкая – в кузнечном цехе (66 коп.) [4]; среди учеников – самая большая в инструментальном (1 руб.), самая маленькая – в кузнечном цехе (34 коп.) [5]. Наиболее контрастной была зарплата в кузнечном цехе. Например, в 1904 году тут зарплата заготовщика составляла 5 руб. 47 коп., а чернорабочего – только 66 коп. [6]. Еще меньше получали ученики – 34 коп. [7].

Чтоб понять много это или мало, приведем цены на товары потребительского корзины того времени: в 1904 году фунт хлеба в Харькове стоил: житного 2 – 4 коп., пшеничного – 4 – 6 коп. (цена зависела от времени года); мясо первого сорта – 11 – 14 коп., третьего – 8,5 коп.; сливочного масла – 50 коп., соль – 0,6 коп.; сахар – 13 – 14 коп.; 10 яиц – 20 – 30 коп.; пуд картофеля – 30 – 40 коп. зимой и 20 коп. летом [8].

Высокооплачиваемый рабочий на свою зарплату мог содержать семью из четырех человек (он, жена и двое детей). При этом семья могла снимать небольшую квартиру. В такой семье жена обычно была домохозяйкой. Дети могли получить среднее образование (правда, в тех гимназиях, где оплата была невысокой).

Таким образом, как и сегодня зарплата влияла на благосостояние и социальные возможности рабочих и их семьи.

Известно, что в дореволюционной России существовала система штрафов за нарушение дисциплины на работе. На ХПЗ штрафовали за такие провинности: если видно, что рабочий часто отлучается со своего рабочего места для бесед с другими рабочими (штраф составлял от 30 коп. до 1 руб.); за пронос на завод алкогольных напитков (1 руб.); за беспорядок на рабочем месте, лень, обман, непослушание, несвоевременное исполнение поручения, самовольный уход с дежурства, невнимательность, следствием чего могла стать пропажа заводского имущества, небрежное или вообще халатное отношение к работе (от 30 коп. до 1 руб.); за испорченную/бракованную работу (от 50 коп. до 1/3 зарплаты); за неподдержание чистоты в помещениях и во дворе завода (от 15 до 50 коп.); за опоздание на полдня (до 1 руб.). За курение возле складов с легковоспламеняющимися веществами рабочие тут же увольнялись

с работы [9]. Из штрафных расценок видно, что в основном штрафы не превышали среднюю зарплату мастеровых ХПЗ, составлявшую в конце XIX – начале XX вв. 1 руб. 62 коп. [2, с. 40], однако превышала заработки чернорабочих и учеников. Таким образом, выходило, что чем чаще человек нарушал трудовую дисциплину, тем меньше денег он получал на руки, а, значит, и благосостояние его было хуже, чем у прилежных рабочих.

На паровозостроительном заводе часто использовалась сверхурочная работа. Как видно из документов, вначале она оплачивалась в таком же размере, как и обычный рабочий день. Но в результате требований сотрудников завода, выражавшееся в забастовках, демонстрациях, митингах, администрации приходилось увеличивать не только основную плату, но и за сверхурочную работу. Так, средняя поденная плата мастеровых увеличилась с 1 руб. 62 коп. (в 1899 году) до 2 руб. 62 коп. (в 1915 году); чернорабочим соответственно от 60 коп. до 2 руб. [10]. В 1916 году администрация завода обязана была платить за сверхурочную работу в полтора раза больше основного заработка [11].

Таким образом, благосостояние рабочих паровозостроительного завода было не на столько тяжелым, как об этом утверждалось в советской историографии, и зависело от места работы рабочего, его квалификации и отношения к работе.

Также в советской исторической литературе акцентировалось внимание на том, что рабочие жили в бараках, антисанитарных условиях и главными развлечениями для них были пьянство и пьяные драки. Однако и это не отвечает действительности. Конечно же, было много рабочих, именно так проводивших свой досуг. В то же время с самого начала строительства предприятия «Российское Паровозостроительное и Механическое акционерное общество», администрация завода, а позже и сами рабочие, местная интеллигенция заботились о культурном развитии пролетариата.

Параллельно со строительством производственных помещений в конце XIX в. сооружались и жилые дома: для директора завода, несколько 24-квартирных домов для мастеров, руководителей отделов и цехов, два трехэтажных дома для приглашенных инженеров, техников и старших конторщиков, общежитие на 100 мест для неженатых рабочих [12], столовая, больница [13].

Строительство жилья велось и в последующие годы (в некоторых домах люди живут и сегодня).

Первый директор завода П.П. Риццони в конце XIX в. обратился к руководителям цехов и отделов с письмом, в котором отмечал: «Так как общественные квартиры в колонии предназначаются исключительно для работников [завода], которые своей работой и поведением заслуживают уважения и удержать коих на работе в интересах завода, покорно прошу Начальников цехов иметь в виду это мнение при назначении в дальнейшем работникам квартир в колонии, а также сообщать в контору завода о тех работниках, кои занимают общественные квартиры и своим поведением (пьянство, манкирование работой и т.д.) должны быть посбавлены этих квартир» [14].

Окончанием строительства завода считается 1 ноября 1897 года. А 23 декабря этого же года торжественно был отмечен выпуск первого паровоза. В этот день рабочие от завода получили «полштофа (~ 0,75 л) водки, 2 бутылки пива, 2 пирога и полфунта (~ 200 г) колбасы» [15]. В 1903 году, когда завод выпустил тысячный паровоз, все рабочие, принимавшие участие в его создании, получили по серебряной медали, часы фирмы Павла Буре и денежное вознаграждение.

Относительно социальной инфраструктуры завода, то она была разнообразной. Каждый работник завода был застрахован на случай увечья или гибели на производстве. В случае смерти кормильца семья получала 1000 поденных заработков, при инвалидности паровозостроителю выплачивали 1500 поденных заработков, а при временной нетрудоспособности – 50 % поденного заработка [16]. Но следует отметить, что получить пособие было очень тяжело. В архиве музея хранится множество жалоб, прошений, заявлений в адрес заводского руководства о невозможности получить причитающуюся страховку.

Условия работы были довольно тяжелыми и аварии происходили часто. Например, в 1902 году из 614 аварий с жертвами, произошедшими в Харькове 337 произошли на ХПЗ [17]. Поэтому, чтобы помочь своим товарищам, в начале XX в. паровозостроители организовывали различные кассы взаимопомощи, больничные, на время забастовки и т.п.

При заводе общество потребителей открыло магазин, где можно было купить товары в кредит (помещение этого магазина сохранилось до сегодняшнего дня и многие местные жители его до сих пор называют «Жевержевским» – по фамилии владельца магазина).

С 1897 года существовала заводская больница, в которой служащие и рабочие обслуживались бесплатно. В то время в Харькове паровозостроительный завод был единственным, который имел свою лечебницу. В 1897 году здесь работали один врач и два фельдшера. В 1898 – 1913 годах главным врачом в ней был Иван Васильевич Кудинцев – очень отзывчивый человек и прекрасный специалист. Администрация завода стремилась уменьшить средства на содержание больницы. Но И. В. Кудинцев всегда домогался, чтобы бюджет не урезали. Более того, он добился расширения медучреждения. Если при открытии здесь было 4 койки и амбулатория, то через два года больницу расширили до 30 коек [18].

Старожилы рассказывали, что Иван Васильевич оказывал медпомощь рабочим в любое время суток. А в период революции 1905-1907 гг., рискуя свободой, бесплатно помогал раненым повстанцам. Когда И. В. Кудинцев уволился с работы, рабочие завода от себя лично подарили ему поздравительный адрес с теплыми словами благодарности: «Мы, рабочие паровозостроительного завода, в течение 15 лет Вашей деятельности видели в Вас друга, который отдает нам свои силы, свои знания. Ваше доброе к нам отношение заставило полюбить Вас всей душою» [19]. И даже в 1929 году, когда общественность Харькова отмечала 35-летний юбилей профессора, делега-

ция от ХПЗ подарила ему бронзовые макеты паровоза и трактора, напомнив И.В. Кудинцеву о его связи с предприятием.

Большое внимание администрация завода уделяли просвещению рядовых рабочих. Ведь работа на предприятии требовала определенных знаний. В 1859 году в Харькове известной просветительницей Х.Д. Алчевской была открыта воскресная школа. Среди ее учеников были и паровозостроители. В 1905 году по требованию рабочих при заводе также была открыта школа, которая параллельно с общим образованием давала и профессиональное. Учеба в ней была платной, но лучшие ученики обучались за счет завода. Если человек был талантлив и администрация была заинтересована в нем, то такому рабочему предоставлялась возможность даже учиться в технологическом институте. Но таких счастливиц единицы.

Чувствуя потребность в своем культурном развитии, в 1909 году рабочие завода на собранные средства (собственные, купцов, меценатов, администрации города) соорудили Рабочий дом (сегодня Дом культуры «Металлист»). Проектировал здание Народного дома известный харьковский архитектор А.Н. Бекетов. В Народном доме работало много кружков по интересам, актерская студия, спортивные секции, работала профессиональная школа. На сцене Народного дома выступали выдающиеся певцы и актеры. Так, 27 мая 1905 года тут давал концерт Ф.И. Шаляпин.

В то же время, несмотря на такую «радужную картину», паровозостроители всегда стремились улучшить производственные и бытовые условия своей жизни. Они часто обращались к администрации с требованиями увеличить зарплаты, улучшить условия работы, увольнения мастеров, бригадиров, которые плохо относились к рядовым рабочим, а также улучшить качество образования, медицинского и санитарного обслуживания. И часто из требования удовлетворялись.

Таким образом, на рубеже XIX-XX в. положение рабочих Харьковского паровозостроительного завода было более-менее пристойным и в определенной степени зависело от личности: хотел или не хотел человек хорошо работать, заниматься повышением своего культурного и интеллектуального уровня, бороться за свои права и улучшение социального положения.

Примечания

1. История Украинской ССР: в 10-ти т. Т. 5. – К.: Наук. думка, 1983. – С. 24-27, 232-233.
2. Історія міста Харкова ХХ ст. – Харків: Фоліо, Золоті сторінки, 2004; ХПЗ – завод ім. Малышева. 1985-1995: краткая история развития. – Харьков: Прапор, 1995.
3. История Харьковского паровозостроительного завода. 1895-1917 гг.: Сб. документов и материалов. – Харьков, 1956. – С. 109.
4. Там же. – С. 108-109.
5. История Украинской ССР. – Т. 5. – С. 108-109.
6. История Харьковского паровозостроительного завода. – С. 108.
7. Там же.
8. Історія міста Харкова ХХ ст. – С. 32.
9. Информация со стенда народного музея заводу имени Малышева.
10. ХПЗ – завод им. Малышева. 1985 – 1995: краткая история развития. – С. 40.

11. История Харьковского паровозостроительного завода. 1895 – 1917 гг. – С. 297.
12. ХПЗ – завод им. Малышева. 1985 – 1995. – С. 25.
13. Архив музея завода им. Малышева. Папка «Дореволюционные документы». – Л. 150.
14. Там же. – Л. 161.
15. ХПЗ – завод им. Малышева. 1985-1995. – С. 39.
16. Там же. – С. 43.
17. Історія міста Харкова ХХ ст. – С. 23.
18. Вечерний Харьков. – 1979. – 2 августа.
19. Там же.

К.Н. Анбиндер
(г. Краснодар)

КУБАНСКАЯ РЕКЛАМА НАЧАЛА ХХ ВЕКА, КАК ОТРАЖЕНИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ЕВРОПЫ

С начала ХХ века наблюдается неуклонный рост численности иностранных компаний. Если в период с 1869-го по 1896 год в России было зарегистрировано 71 иностранное предприятие, то к началу ХХ века, по официальным данным, в стране насчитывалось 136 предприятий, созданных иностранными предпринимателями. К 1914 году в Российской империи их действовало свыше 300 [1]. Активную роль иностранные инвесторы играли в деятельности 1 232 совместных предприятий.

Внутренняя и ввозная торговля была почти полностью сосредоточена в руках кубанских предпринимателей. Купцы с удовольствием предлагали местной публике импортные товары. Например, Макар Андреевич Купцов в Екатеринодаре и его окрестностях рекламировал усовершенствованные безопасные велосипеды первоклассной английской фабрики компании Рудж в Ковентри. А Антон Николаевич Миндрено на ул. Красной в доме Новиковой, 43 оптом и в розницу реализовывал горожанам масло: парижское, гольштинское; сыр: швейцарский, голландский, литовский [2]. Магазин Н. Богарсукова рекламировал французские летние ткани, лондонские суконные трико, холстинки и китайскую че-су-чу [3].

Но в торговле группой товаров (керосин, оборудование маслодельных заводов, вентиляционное и отопительное оборудование, телефонные аппараты, земледельческие машины, электрооборудование, швейные машины и так далее), которые появились на кубанском рынке только в конце XIX века, ведущие позиции были заняты фирмами Европейской России и иностранными компаниями. Так К. Зигель, чья контора находилась в Ростове-на-Дону, рекламировал немецкие «газовые, бензиновые и керосиновые «двигатели Отто» Дейц, близ Кельна. В ходу более 38 000 двигателей. Электрическое освещение, телефонное сообщение, электрические звонки, механические прачечные,

вентиляции» [4]. Однако, не ограничиваясь ими, действовал в сфере машиностроения, угольной и сталелитейной промышленности. Были представлены немецкие компании-производители автомобилей, мотоциклов, велосипедов. Так в аптекарском магазине (в отличие от «нормальных» аптек, такие магазины не имели лаборатории и не производили лекарства по рецептам, торговали только готовыми лекарствами, товарами медицинского назначения и многим другим) Моисея Каплана в Екатеринодаре на ул. Гоголя находилось представительство немецких велосипедных заводов «Бреннабор» и «Вандерер». Здесь же предлагались лечебные средства, средства для скота, мастика для полов [5].

Большое значение в развитии производительных сил кубанского земледелия, в развитии аграрного капитализма в области сыграло все расширяющееся употребление сельскохозяйственных машин и усовершенствованных земледельческих орудий. В то время как крестьяне среднерусских губерний продолжали обрабатывать свои земли устарелыми орудиями производства, для земледелия Кубани было характерно использование новейшего сельскохозяйственного оборудования и машин. Газета «Привольный край» писала: «искусственные наждачные жернова Е. Геллера в Сандау (Австрия) продаются только на складе единственного представителя «Кернер и Бегар» в Екатеринодаре на улице Екатерининской. А так же можно приобрести паровые машины, локомобили завода Рустон Проктор и Ко» (компания была создана в Линкольне, Англия в 1857 году, и была производителем паровых тракторов и двигателей) [6]. К 1911 году ассортимент технической конторы и склада торгового дома «Кернер и Бегар» в Екатеринодаре и Армавире (на улице Почтовой) был расширен. Клиентам предлагали: новейшие газонефтяные и газогенераторные двигатели, полное оборудование мукомольных мельниц машинами Ветциг в Виттенберге, маслобойных заводов машинами Кебер и Ко, лесопильных заводов машинами «Стелла» (Рига), устройства электрического освещения» [7].

Развитие капитализма вширь в пореформенной России способствовало не только росту товарного обращения в Кубанской области, но и усиливало экономические связи этих районов с другими губерниями страны. Поэтому в кубанской прессе можно было увидеть рекламные объявления предпринимателей из разных регионов. Например, механический и машиностроительный завод Гулье-Бланшар, учредителями которого выступали французские подданные купец Ипполит Гулье, инженер Аристид Пру, Оскар Гоалу и одесский купец Соломон Берг представляли машины Вальтера А. Вуда, которые показали успех в самой строгой конкурентной жатве, происходившей в Дании в августе 1892 года под наблюдением королевского датского сельскохозяйственного общества. Сноповязалка получила 1 приз – 300 крон. Легкая жатка – большую серебряную медаль. Единственным агентом для всего юга России, Дона и Кавказа был торговый дом Гулье-Бланшар [8].

Как нечто единое иностранный капитал в России никогда не фигурировал. Были отдельные группы инвесторов, интересы которых довольно редко совпадали. Следовательно, инвестировались разные отрасли промышленности. Так еще в 1860-е годы на российский рынок компания Singer вышла через

генерального европейского дистрибьютора немца Георга Нейдлингера – с головным складом в Гамбурге и 65 «дилерскими» центрами в России. И. Зингер первый, кто начал выпускать машины, ориентированные не на промышленное производство, а на обычных домохозяек. Ради того чтобы сделать свою продукцию доступной миллионам семей, Зингер ввел тогда еще непривычную схему продажи в кредит (hire-purchase). Кроме того, он применил конвейерную систему производства (впоследствии этот прием был заимствован у Зингера Генри Фордом и назван именем последнего).

Успехи российских продаж побудили руководство Singer задуматься над созданием в нашей стране собственного производства. В 1902 году в Подольске заработал завод, выпускавший машины с русифицированным логотипом «Зингеръ» (к которому прибавился тогдашний «знак качества» – надпись «Поставщик Двора Его Императорского Величества»). К началу Первой мировой войны завод ежегодно выпускал 600 млн. машинок. Их продавали напрямую в 3000 фирменных магазинов, а также по системе «товар почтой». Екатерिनодарцам компания Зингер предлагала приобрести ручные швейные машины по 25 рублей на ул. Красной в доме купца Богарсукова. Купить их можно было и в рассрочку от 1 рубля в неделю [9].

С 1880-х годов на российские просторы все более энергично начинает проникать французский и бельгийский капитал. Французские инвесторы занимали лидирующие позиции в производстве цемента, добыче и выплавке меди, в предприятиях водоснабжения и канализации. Всплеск бельгийского предпринимательства – важный элемент промышленного подъема 90-х годов XIX века. К 1896 году в России начали функционировать семь вновь основанных бельгийских компаний по строительству и эксплуатации городских конно-железных дорог (впоследствии электрических трамвайных линий). Так Городская управа Екатеринодара заключила с французской «Генеральной компанией тяги» договор на устройство и эксплуатацию электрического трамвая, по которому предоставлялась концессия на строительство двух линий в центре города. В 1898 году «Генеральная компания тяги» уступила концессию бельгийскому акционерному обществу «Компания тяги и электричества», которому было высочайше разрешено производить операции на территории Российской Империи. И в декабре 1900 года в Екатеринодаре были торжественно открыты первые линии [10].

К началу XX века торгово-хозяйственные связи Кубани с другими регионами России и странами Европы существенно расширились. Кубань получала главным образом продукцию промышленного производства. Например, С. Кипман представитель товарищества Блок рекламировал английские и американские велосипеды, весы Фербэнкс (Fairbanks Morse and Company - американская производственная компания), пишущие машинки и мимеографы. А так же предлагались все настольные машины Ремингтон - американская пишущая машинка. Не самая ранняя из аналогичных механизмов, но первая, чье промышленное производство было налажено и поставлено на широкую ногу. Реклама гласила, что только на настоящие машины Реминг-

тон снабжены фабричным клеймом и надписью «Ж. Блок» [11]. Или, как писала газета «Кубань» «всемирно известный завод американских жатвенных машин «Диринг», идя навстречу покупателям, открыл с 6 апреля сего года склад и контору в Ростове-на-Дону по Большой Садовой, 132, о чем и доводит сведения всех агентов и клиентов ближних районов и Кавказа, прося их личного посещения [12].

Таким образом, иностранный капитал охотно присутствовал во всех основных отраслях промышленности России. Широкое проникновение зарубежных компаний в российскую экономику сопровождалось внедрением передовых технологий, машин и оборудования. Начало XX века явилось завершающим этапом не только в формировании отраслевой, но и региональной структуры отечественной промышленности, что очень хорошо прослеживается посредством анализа рекламы.

Примечания

1. Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. – Т. 2. – М., 1996. – С. 356.
2. «Кубанский календарь». 1910.
3. Кубанские областные ведомости. – № 143. – 1900.
4. КОВ. – 1893. – № 20.
5. Кубанский календарь. 1910.
6. Привольный край. – 1906. – 16 апреля.
7. Отклики Кавказа. – 1911. – Январь.
8. Кубанские областные ведомости. – 1893. – № 33.
9. Новая заря. – 1907. – № 239. – 15 июля.
10. Трамваи Краснодара – история // Общественный транспорт Кубани и Адыгеи [электронный ресурс]. – URL: <http://www.kubtransport.info>.
11. Кубанские областные ведомости. – 1900. – № 71.
12. Кубань. – 1906. – 14 апреля.

В.А. Захаров
(г. Москва)

КАК АРМАВИР СТАЛ ГОРОДОМ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОЖИЛОВ. 1.

Я родился в городе Армавире Краснодарского края. В 1954 году наши второй «Б» повели в городской музей на экскурсию. Первобытные орудия, кости древних животных, найденные в окрестностях города... Восьмилетнего ребенка легко увлечь этим. Я начал приходить в музей почти ежедневно и вскоре стал там совершенно своим. В 1957 году в музее появился Борис Львович Выродов, который освободился из ГУЛАГа. Он стал моим настоящим учителем по краеведению. Беседы с ним о прошлом Армавира заставили меня быть очень внимательным к рассказам жителей нашего города, которых мои родители называли «стариками».

Меня давно просят записать то, что я помню. Этой небольшой заметкой я начну страницы своих воспоминаний.

Я рос «музейным мальчиком», поэтому мой интерес к истории родного города, «к старине» был постоянен. Довольно быстро я сошелся с жившими в городе местными «стариками». Тем более это было сделать очень просто. С внуками армавирских армян – черкесо-гаев я учился в школе (Каспаровы, Чубаровы, Шахбазовы, Твеловы, Аваловы, Хачатуровы). Такими же были и соседи по дому, по двору. Поэтому свободно приходил в дом своих одноклассников, где меня знали их бабушки и дедушки, или чаще бывал у бабушки Кати – дочери купца-миллионщика Феофана Мареева. К сожалению, их внуки не интересовались историей ни своего рода, ни своего города, поэтому во мне пожилые люди всегда находили внимательного слушателя. И уходя от них, прощаясь, я слышал: Володя, приходи еще. Их рассказы были необычайно интересными, это были не только повествования о прошлом Армавира, но и события из их жизни.

С одной стороны все они были простыми жителями города, все уже давно находились на пенсии, их возраст перевалил за 60-70 лет, поэтому общение у них было в основном с людьми их возраста, и оно носило, чаще всего, бытовой характер. Многие из моих знакомых в прошлом принадлежали к дворянскому или купеческому сословию. Как тогда о них говорили: они были «из бывших». Мое появление всегда встречалось радостно, потому, что давало возможность вспомнить то, о чем с другими не говорили. Обязательно ставили чай и несколько часов пролетали незаметно. Передо мной выкладывали старинные газеты и журналы, фотографии и открытки, документы, старинные деньги и многое другое, что хранилось в их сундуках, шкафчиках, ящичках. И если я спрашивал, а я это делал постоянно, о чем-то конкретном, то следовал длинный и подробный рассказ.

В Армавирский музей пришли фотокопии постановления Совета министров Российской империи 1914 года о преобразовании Армавира в город. Маргарита Федоровна Данилькевич – директор музея – показала мне их и сказала, что эти документы они получили с большим трудом. Естественно я рассказал об этом и в одном и в другом доме. И вдруг Аркадий Михайлович Веснин, к кому я часто навещался, потому что к нему со всякими мелкими поручениями меня посылала Екатерина Феофановна Силкина (Мареева), стал мне рассказывать о том, как было принято это решение.

Дело в том, что просьбу о преобразовании села Армавир в город направили в Петербург за несколько лет до этого. Но закон так и не принимался. Прошло пять лет, а может и чуть-чуть больше, но вопрос по-прежнему не решался. И тогда богатые армавирские армяне собрали несколько тысяч рублей и оправили двух или трех человек в столицу для встречи с Григорием Ефимовичем Распутиным. Все знали, что он может решить любые вопросы, если его за это хорошо отблагодарить. Было это в 1913 году. Встреча состоялась. Армавирцы передали ему пакет с деньгами. Он сел за стол, взял бумажку (мой

рассказчик даже повторил, не лист бумаги, а именно кусок бумажки) и написал всего несколько строк. И армавирцы запомнили этот текст наизусть:

**«ДАРАГОЙ ЗДЕЛАЙ АРМАВИР ГОРОД
ЗДЕЛАЙ И УСПОКОЙ
ТВОЙ ГРИГОРИЙ»**

Эту бумажку он сложил пополам и передал ходокам, сказав, чтобы ее они передали Председателю Совета министров, что и было сделано [1]. И вот на следующий год долгожданное решение о превращении села Армавир в город состоялось. Рассказать это в музее в то время, т.е. в 1955-1956 гг., было невозможно. На меня все время смотрела косо Александра Васильевна Немцова, обвиняя меня в каких-то не советских взглядах. Как потом по секрету мне сказал известный армавирский краевед Н.И. Навротский, он тоже с ней общался очень тяжело («Володя, это старая стукачка. Она ворохами носила в НКВД доносы на всех. И здесь в музее сидит, чтобы за всеми следить»). Поэтому всякое упоминание таких лиц, как Распутин или кто-то еще из времен царской России, всегда встречалось в штыки.

Я не думаю, что мне передали какой-то местный анекдот. Человек, рассказавший мне об этом, был далек от фантазерства. Он знал столько всего, что я до сих пор удивляюсь, как он мне рассказывал такое, за что могли его спокойно посадить. Но Аркадий Михайлович мне мальчишке доверял, и я это доверие выполнял честно, не рассказывал даже родителям. Кстати и все другие мои «старики» рассказывали много закрытой информации.

Мне хочется привести цитату из книги прекрасного историка Армавира С.Н. Ктиторова. Его книга, посвященная досоветской истории Армавира, по достоинству заменила труд великого кубанского историка Ф.А. Щербины [2]. С.Н. Ктиторов пишет: «12 января 1908 г. законопроект о преобразовании Армавира в город был впервые внесен в Государственную думу. Начинается последний в истории села подпериод организационного оформления городского статуса, продолжавшийся до 1914 г. В это время наболевший вопрос о городе получает общегосударственное значение и проходит длительное обсуждение в Государственной думе и Госсовете. В самом Армавире борьба сторонников и противников городской реформы резко обостряется... Наконец, 23 марта 1914 г. император Николай II Высочайше утвердил положение Совета министров о преобразовании Армавира в город...» [3].

Примечания

1. Им был Владимир Николаевич Коковцов (1853-1943) – русский государственный деятель, министр финансов в 1904-1905 и 1906-1914 гг., председатель Совета министров Российской империи в 1911-1914 гг. Граф.

2. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. – Екатеринодар, 1916.

2. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918). – Армавир, 2002. – С. 127.

Г.В. Лобачева
(г. Саратов)

**ОТ «ВОСТОРЖЕННОГО» МОНАРХИЗМА
К РЕВОЛЮЦИОННОМУ НИГИЛИЗМУ: ДИНАМИКА
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ РОССИЯН
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Небывалый, искренний всплеск монархических настроений в России, не подогреваемый искусственно официозными мероприятиями и не приуроченный к какому-либо юбилею, а продиктованный искренней любовью к родине и обеспокоенностью за ее судьбу, имел место в 1914 году, в начале первой мировой войны. Грандиозное впечатление на очевидцев произвела манифестация 20 июля в Петербурге. М. Лемке записал в дневнике: «Царь с членами своей фамилии прибыл из Нового Петергофа на яхте к Николаевскому мосту, пересел там на катер и подъехал к дворцу. Толпа забывшего все его зло народа кричала «Ура!». При прохождении царя к Иорданскому подъезду густые толпы стали на колени, крича «ура» и пели «Боже, царя храни!»» [1]. «Море голов собравшегося народа» врезалось в память и В. Воейкову [2], и А. Гану: десяти тысячная толпа, в которой, по его наблюдению, были и фабричные рабочие, и интеллигенция, демонстрировала «свои верноподданнические чувства и свою готовность умереть за царя и за Россию» [3]. «Громадная площадь живет, толпы сменяются, – народ считает долгом побыть на ней хоть несколько минут, – писал М. Лемке. – Кто был на Дворцовой площади 9 января 1905 года, тот поймет глубокое значение этой манифестации. Тогда простодушные люди шли молить царя об обуздании произвола возглавляемого им правительства. Сегодня они все еще верили в своего так долго обманывавшего всех царя; тогда думали, что, нарушая полицейское запрещение о сборищах и став рядом с царем, услышат от него слово освобождения... сегодня, забыв тогдашний гром пушек и свист картечи, преисполненный веры в лучшее будущее, надеявшийся на немедленные реформы, которым не помешала бы свора придворных немцев, гордый сознанием своего единения, – народ опять шел туда же...» [4].

В порыве патриотического энтузиазма образ родины и образ царя вновь слились: «По улицам Петрограда ходили толпы манифестантов с иконами и портретами Его и Ея Величеств, певшие «Спаси, господи...», «Боже, царя храни»... Военных всюду встречали криками радости, а вновь произведенных офицеров качали и целовали им погоны» [5]. «В день объявления войны тысячи рабочих, которые еще накануне вечером участвовали в революционных забастовках, направились в знак солидарности к посольствам союзных государств... русский рабочий, так же как французский и германский, проявил себя в той же степени патриотом, как и его классовый враг» [6]. Манифест об объявлении войны сопровождался патриотическим подъемом по всей стране.

Конечно, можно было отчасти объяснить это какой-то обыденной причиной («Рабочие, – писал В. Бабушкин, – участвовали больше потому, что демонстрации устраивались за полдня до окончания работ, а значит можно было улизнуть домой на полдня раньше» [7]) или подметить, что «ядром этих манифестаций были дворники, торговые служащие, интеллигенты, дамы «общества» и ученики средних учебных заведений, «стихийно» выносились заранее спрятанные флаги, плакаты, портреты царя, и под охраной усиленного наряда конной полиции совершали хождение...» [8].

Но большинство современников свидетельствовали, что «взрыв патриотического энтузиазма, любовь к отечеству и любовь к своему законному монарху» были единодушны и неразделимы в этом эмоциональном всплеске [9]. Неподдельный энтузиазм вспыхнул в сердцах и простых людей [10], и сановников [11]. Патриотизм не отделялся от верноподданничества. С.П. Мельгунов, с удивлением отмечая в дневнике, что его знакомые, либералы по убеждениям, были столь же монархично настроены, как и закоренелые консерваторы, назвал это «полной путаницей в представлениях» – «вся Россия превратилась в черносотенную» [12]. «И в момент, – писал А.Ф. Керенский, – когда на карту была поставлена судьба России, даже сторонники республиканского строя, к коим относился и я, готовы были предать забвению прошлое во имя единения нации» [13]. А.Ф. Кони же квалифицировал это как «трогательное доверие» народа к царю [14].

Ю.Н. Данилов, бывший генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего, описывая моральный дух армии в начале войны, подчеркнул: «Были еще очень сильны самодержавные настроения, выражавшиеся в необыкновенной, доходившей до самозабвения любви к монарху, как помазаннику божью и лицу, воплощавшему в себе мощь и величие Родины. Любить Родину, это значило любить ее монарха, такова была упрощенная форма патриотизма большинства русских людей того времени» [15]. Эти чувства довольно долго вдохновляли солдат. «Для пользы нашего общего дела и для защиты Царя и Отечества мы все перенесли», – писали раненые воины [16]; к «верховному Вождю любезному Государю Императору» со словами благодарности из действующей армии обращались воины-баптисты [17]. Несколько арестованных солдат, содержащихся на гауптвахте, предложили «...сформировать (из заключенных – Г.Л.) отдельные полки, которые... будут драться с врагами с наибольшей энергией, сознавая свою особую обязанность перед Родиной и Престолом, и постараются доказать свою верность Царю-Батюшке и Родине» [18].

В мемуарах встречаются теплые воспоминания о свиданиях с царствующими особами во время войны: «Семинаристы отправились на вокзал видеть царя (императорский поезд проезжал Тверь – Г.Л.), – писал митрополит Вениамин. – Он вышел на площадь важно, с улыбкой. Мы прокричали ему «Ура!»» [19]. «Каждому раненому при выписке императрица давала образок, молитвенник, поясок из ленты с молитвами и сверток с различными предметами, главным образом собственной работы» [20], – вспоминал К. Попов,

штабс-капитан 13 Лейб-гренадерского полка, лечившийся после ранения в Царскосельском лазарете. Но иногда царские подарки, вопреки ожиданиям, вызывали гнев солдат, рассчитывавших получить в благодарность за службу не иконку или кисет, а землю. «Наши Романовы по кресту да по образку, который стоит 7 копеек <дают>, даже земли немецкие, которые по военным соображениям и законам отчуждены, и то не хотят дать крестьянам за то, что они кровь свою за нее проливают» [21]. «Толпа, – замечали современники, – часто меняет свои устремления, с тем же увлечением поет «Боже, царя храни», как и орет «Долой самодержавие», но в ненависти к имущим классам эта толпа крепка и постоянна, она вправе рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства» [22].

Нестабильность общественного настроения объяснялась тяготами войны. «В начале цель войны была понятна: защитить православных сербов от немцев, которых русский народ искони недолюбливал, – писал Н. Епанчин, – но война затянулась, требовала необыкновенных жертв, и настроение народа мало-помалу изменилось; этим воспользовалась пропаганда, и началось разложение армии, причем на этот раз разложение пошло сверху, от самых старших начальников, и в том числе и со стороны великого князя Николая Николаевича, и было направлено против царя» [23]. «Фронт еще стойко держался..., там кровь еще лилась «за Царя и Отечество»» [24], – писал Н. Карабчевский, подчеркивая, что в тылу оппозиционные настроения довольно быстро вытеснили восторженный монархизм. М. Палеолог в феврале 1917 г. выяснял у одного из своих знакомых настроение крестьян Костромской губернии, считая, что «это – одна из тех губерний империи, где династический лоялизм наиболее живуч». «Плохо, – отвечал на расспросы знакомый. – Устали от войны; ничего больше в ней не понимают, кроме того, что победа невозможна» [25].

Война, столь тяжелая для России, усугубила острейшие противоречия и конфликты. Наконец и на фронте проявились симптомы девальвации монархического идеала: «Лозунг «вера, царь и отечество» стал постепенно терять свое значение» [26], – вспоминал А.А. Брусилов. Усталость, тоска по дому сквозит в письме солдата с фронта: «... а сейчас бы надо замирился и это было бы очень благоразумное дело и великая радость, и все бы солдаты, и такие же отцы, матери, жены, дети благодарили бы государя и правительство..., <если мира не будет> нашего государя будут проклинать те вдовы и сироты, и <на> управителей его советчиков народ уже смотрит с презрением <и> на царя, и подозревают в нем, что он тоже своих людей не жалеет» [27].

Укор, увещевания, просьбы в солдатских письмах перемежаются порой с откровенными угрозами. В апреле 1915 года цензура задержала письмо, написанное солдатом из действующей армии другу в город Пермь. Солдат писал: «...мы с тобой нисколько не видели хорошего житья..., мы были под игом нашего кровожадного правительства... А теперь нас обратно забрали под те же самые кровожадные лапы и посылают куда-то неизвестно и натравляют, как собак, чтобы мы били тех людей, которых мы еще не знаем, и так что они нам вреда никакого не причинили. Так за что же его бить-то, а не лучше ли

заставить того же самого Николашку, пускай бы он со своими кровожадными ангелами расправлялся, чтобы даром наша кровь не пропадала, которую они до сих пор пили. Товарищ, долой Николку со своими тиграми...» [28].

Причины народного недовольства были понятны. Н. Добрынин, один из постоянных корреспондентов Николая II, писал: «Вас систематически обманывают, представляя, что внутри государства все благополучно... внутри России власть имущие грабят, разоряют и доводят до нищеты и голода. Так что у людей, умеющих распознавать действительное настроение общества, составилось убеждение, что после окончания внешней войны, если все будет продолжаться как теперь, начнется внутренняя война, в виде самой страшной революции» [29].

Возложение в августе 1915 года государем на себя обязанностей верховного главнокомандующего не способствовало укреплению престижа монархии. «Этот значительный по существу акт не произвел в армии большого впечатления, – отмечал А.И. Деникин. – Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее...» [30]. Генерал-майор А.А. Самойло констатировал, что: «Не только в кругу офицеров Ставки, но и повсюду эти перемены сопровождались самыми разнообразными слухами и пересудами. Одни говорили, что со стороны царя это акт высшего самопожертвования, самоотречения, благородства чувств, другие видели в этом слепое упрямство, неожиданно и необъяснимо утвердившееся в голове человека, боявшегося соперника, третьи считали, что царь сделал этот шаг по настоянию своей «царственной» супруги» [31]. Сам же А.А. Самойло считал царя «ничтожеством, неспособным на более или менее толковое руководство армией... в соединении с его упрямством, неумелым подбором советчиков, вредным влиянием жены и разных проходимцев верховное командование неминуемо должно было стать источником еще более тяжелых несчастий для страны» [32].

Столь же негативно оценил ситуацию А.А. Игнатьев: «До какого безумия мог дойти царь, этот полковник с кругозором командира батальона, неспособный навести порядок даже в собственной семье, чтобы возомнить себя полководцем, принять ответственность за ведение военных операций миллионов армий, внести в работу ставки зловредную атмосферу придворных интриг!» [33]. «Царь, – считал и М.Д. Бонч-Бруевич, – явно не годился для взятой им роли русских армий, и это понимали даже те, кто по привычке считал себя до конца преданным монархии» [34]. «Перемена главного командующего тяжело подействовала на население...» [35], – подчеркивалось в одном из писем из действующей армии П.Н. Милюкову. Хотя в большинстве своем, как считал А.И. Деникин, солдатская масса «...не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии, и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив» [36].

Настроение масс даже в глубоком тылу, по свидетельству полиции, было «чрезвычайно чутким и нервным... сельское население: старики – в большин-

стве монархисты; средний возраст – оппозиционные; молодежь – хулиганствующий элемент; городская интеллигенция в подавляющем большинстве левая» [37]. Вина за военные неудачи, неурядицы в тылу возлагалась на императорскую чету. «Тяжелое испытание, имевшее место летом (1915 год – Г.Л.), потрясло веру в правителей, пробудив критическое отношение, как к ним, так и к принципу «царизма»» [38]– писал неизвестный автор А.И. Гучкову.

Народная вера в монарха тоже стремительно уступала место ненависти. «О том, что Николай II и его приближенные ведут Россию к неминуемой гибели, уже не было разногласий между правыми и левыми, между солдатами и офицерами, между простонародьем и интеллигенцией...» [39] – вспоминал об осени 1916 года В.А. Оболенский. «Власть, как в свистопляске, издевалась над страной», – считал К. Оберучев [40]. «Пропасть сама подвигалась к несчастному Николаю II-му. Какие люди окружали его! И сам он с преступной безвольностью взирал на все окружающее и шел к катастрофе», – считал еще один современник [41]. «В России сейчас все делается, чтобы погубить Россию. Каждый шаг правительства направлен к этому. Кажется, еще никогда не было такого развала внутри страны, как сейчас. Наверное, это все разрешится в ближайшем будущем, и разрешится, конечно, катастрофой», – записала в дневнике княгиня Е.Н. Сайн-Витгенштейн [42]. Тяжелое предчувствие сквозило и в письме такой же далекой от политики женщины – Э. Берви-Флеровской: «До тяжелых времен мы дожили, есть ли у кого радость на сердце. Думаю, что у немногих»[43]. «Последующие события ясно показали, что в ноябре 1916 г. бывший император даже для простодушных людей уже не мог быть символом единства и величия России», – писала учительница Е. Лопатина из Ростова [44].

Анализируя солдатскую корреспонденцию, военная цезура в отчете указывала: «Настроение на фронте в ноябре и начале декабря (1916 год – Г.Л.) выражалось цифрами: 84 % бодрых, хороших писем и 16 % угнетенных и с разными жалобами,... к концу января процент недовольных все же несколько увеличился, а именно: с 11 % в декабре повысился до 19 % в январе. Участились жалобы на плохую пищу, на тяжелую обстановку жизни домашних. При этом жалобы эти выражаются более нервно, более раздраженно, чем было прежде» [45]. Откровенно в разговоре с императором, состоявшемся в ноябре 1916 года, выразил свое мнение о сложившейся ситуации отец Г. Шавельский, протопресвитер русской армии и флота: «Если начнутся народные волнения, кто поможет вам подавить их? Армия? На армию не надейтесь! Я знаю ее настроения – она может не поддержать вас» [46]. «Чаще и чаще зубовный скрип, – характеризовал настрой солдат рядовой З. Чаган. – Чаще и чаще угрозы начальству»[47].

М. Вишняк образно сформулировал: «Не потому русские солдаты «сделали» революцию, что не хотели больше воевать, а потому и не хотели больше воевать, что нечто подобное «революции» уже «сделалось» в их головах, умах и чувствах.... На тьму и несправие, в котором держала историческая власть «свой» народ, на гнет и отстранение от государственного сотрудниче-

ства народы России ответили революцией» [48]. «Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и политическую, и военную, и власть самоуправлений. Неизвестное, таинственное и иррациональное, коренящееся в скованном виде в народных глубинах, вдруг засверкало штыками, загремело выстрелами, загудело, заволновалось серыми толпами на улицах» [49].

Не верилось, что всего лишь три года назад, в начале мировой войны отмечался всплеск монархических настроений. Источники свидетельствуют, что верноподданнические чувства постепенно теряли личную мотивацию. Разрыв между традицией и настоящим породил ценностно-идеологический дефицит, возникла потребность в новом идеале, более адекватном конкретным историческим условиям.

Примечания

1. Лемке М. Дневник. Запись 20 июля. // Первая мировая. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 608 с. – С. 388.
2. Воейков В.Н. С царем и без царя. – М.: «Терра», 1995. – 480 с. – С. 78.
3. Ган А. (А. Гутман). Россия и большевизм. Материалы по истории революции и борьбы с большевизмом. – Шанхай. 1921. – Ч. 1. 1914-1920. – 356 с. – С. 110.
4. Лемке М. Указ. соч. – С. 389.
5. Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. – Белград, 1921. – 83 с. – С. 16.
6. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары / пер. с англ. – М.: Республика, 1993. – 384 с. – С. 89.
7. Бабушкин В. «Маяк» 1915-1916 гг. // Февраль. Сб. воспоминаний о 1917 г. – Саратов, 1922. – Книга первая. – Госиздат, 1922. – 68 с. – С. 13.
8. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. – М.: Республика, 1992. – Т. 1. – 496 с. – С. 48.
9. Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV Государственной думы. – Париж: Склады и изд-во Е. Сигельской, 1927. – 264 с. – С. 206.
10. См.: События идут своим чередом. Дневник простого человека // Источник. – 1993. – № 2. – С. 45-54. – С. 54.
11. См.: Записная книжка графа Сергея Дмитриевича Шереметева // РГИА. – Ф. 1088. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 31-62.
12. Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Записи от 23 августа и 5 сентября 1914 г. – Париж, 1964. – Вып. I (Ч. 1 и 2). – 246 с. – С. 183, 185-186.
13. Керенский А.Ф. Указ. соч. – С. 93.
14. Кони А.Ф. Николай II (Воспоминания) // Собр. соч. в 8 томах. – М.: Изд-во «Юридич. лит.», 1966. – Т. 2. – 382 с. – С. 348.
15. Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. – Париж: Imprimerie de Navarre, 1930. – 300 с. – С. 17.
16. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 6375. – Л. 46.
17. Там же. – Л. 41 об.
18. Там же. – Л. 83-83 об.
19. Митрополит Вениамин. (Федченков). На рубеже двух эпох. – М.: Изд-во «Отчий дом», 1994. – 448 с. – С. 144.
20. Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914-1920. – Белград: Русская типография, 1925. – 282 с. – С. 164.

21. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 6367. – Л. 59-59 об.
22. Объяснительная записка к проекту II Записки, составленной в кружке Римского-Корсакова и переданной Николаю II князем Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. – Т. 5. – С. 88.
23. Епанчин Н. На службе трех императоров. Воспоминания. – М.: Издание журнала «Наше наследие», 1996. – 576 с. – С. 368.
24. Карабчевский Н. Что глаза мои видели. Берлин: изд-ние О. Дьяковой и К°. – 1921. – 168 с. – С. 56.
25. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М.: Политиздат, 1991. – 493 с. – С. 225.
26. Брусиллов А.А. Мои воспоминания. – М., Воениздат НКО, 1943. – 264 с. – С. 233.
27. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 6375. – Л. 99.
28. Письмо неизвестного солдата из действующей армии в Пермь. Апрель 1915 г. // Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – февр. 1917 года. Сборник документов. – М.: Наука, 1966. – 468 с. – С. 89.
29. Н. Добрынин Николаю II. 5 мая 1915 г. // РГИА. – Ф. 472. – Оп. 40. 194/2682. – Д. 90. – Л. 276.
30. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. – М.: Наука, 1991. – 520 с. – С. 104.
31. Самойло А.А. В ставке Верховного главнокомандующего // Первая мировая. – С. 423.
32. Там же. – С. 426.
33. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. – М.: Худож. лит., 1955. – Т. 2. – 452 с. – С. 208-209.
34. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. – М.: Изд-во Министерства обороны СССР, 1964. – 360 с. – С. 113.
35. ГАРФ. – Ф. 555. – Оп. 1. – Д. 6375. – Л. 79.
36. Деникин А.И. Указ. соч. – С. 104.
37. Донесение начальника Саратовского губернского жандармского управления департаменту полиции от 01. 06. 1915 г. за № 40660 // ГАСО. – Ф. 53. – Оп. 8. 1915 г. – Д. 21. – Л. 22, 23об, 24об.
38. ГАРФ. – Ф. 555. – Оп. 1. – Д. 608. – Л. 1об.
39. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники.– Париж: Умса-press, – 1988. – 754 с. – С. 502.
40. Оберучев К. В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. – NewYork: «Народоправие», 1919. – 144 с. – С. 17.
41. Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915-1922 гг. // Русское прошлое. – 1991. – № 2. – С. 97-199. – С. 141.
42. Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник. – Paris: Умса-press, 1986. – 302 с. – С. 77.
43. Э. Берви-Флеровская А.Н. и В.А. Велтистовым. 16 января 1917 г. // РГАЛИ. – Ф. 1348. – Оп. 4. – Д. 51. – Л. 2 об.
44. Лопатина Е., Родзянко М.В. 26 марта 1917 г. // РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 5. – Д. 1360. – Л. 29 об.
45. Отчет по военно-полевой цензурной части штаба 42-го армейского корпуса о настроении в воинских частях с 15 декабря 1916 г. по 1 февраля 1917 г. // Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – февр. 1917 года. – С. 296-297.
46. Шавельский Г. Воспоминания протопресвитера русской армии и флота. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – 415 с. – С. 220.
47. Чаган З. В царских окопах. // Февраль. Сб. воспоминаний о 1917 г. – С. 61.
48. Вишняк М. Дань прошлому. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – 414 с. – С. 386.
49. Станкевич В. Б. Революция. // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. – М.: Книга, 1991. – 480 с. – С. 239.

А.П. Скорик
(г. Новочеркасск)

**ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ДОНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОД КОМАНДОВАНИЕМ Ф.Г. ПОДТЕЛКОВА
В МАЕ 1918 ГОДА КАК АПОГЕЙ СОЦИАЛЬНОГО
РАСКОЛА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

История трагической казни донского казака из хутора Крутовской Усть-Хоперской станицы Федора Григорьевича Подтелкова в хуторе Пономарев многократно описана, в том числе великим писателем М.А. Шолоховым. Тем не менее, сегодня кое-что видится иначе, целый ряд исторических деталей долго оставались в тени, сам Подтелков рисовался положительным красным героем, практически большевиком, акцентировалось внимание на жестокости казни, вот-де он подло «захвачен белоказаками и повешен», и т.д. Шолохов весьма метко подчеркнул важнейшую характеристику этого исторического события, прежде всего, как гражданского противостояния: «...вешенские, каргинские, боковские, краснокутские, милютинские казаки расстреливали казанских, мигулинских, раздорских, кумшатских, баклановских казаков...» [1].

Возникает вопрос, а за что казаки погибли?! Да, известен факт резкой личной неприязни из-за первенства в получении чина подхорунжего между бывшими сослуживцами по 6-й Лейб-гвардии Донской казачьей Его Величества батареи Лейб-Гвардии Конной Артиллерии подхорунжим Подтелковым и подхорунжим Спиридоновым, который, по господствующей версии, со своим отрядом собственно и пленил всю подтелковскую экспедицию, официально называвшуюся «Отрядом Защиты Прав Трудового Казачества» [2]. Безусловно, личная неприязнь – великая движущая сила в человеческих поступках, но она объясняет далеко не все. Разговор с глазу на глаз двух казачьих командиров Подтелкова и Спиридонова ранним утром на вершине степного кургана «о прошлом» до развертывания трагических событий казни тоже исторический факт. Важно подчеркнуть, что эта казнь произошла по приговору суда с соблюдением юридически значимых традиционных судебных процедур. Вот это иногда остается в некоторой тени в повествованиях о гибели Подтелкова. Для казаков такой суд и есть высшая мера справедливости, чтобы и кто бы по этому поводу не говорил.

В качестве основания обвинения обычно указывается личная причастность Подтелкова к самовольному расстрелу плененного есаула В.М. Чернецова, командира и организатора первого белого партизанского отряда. Вот здесь следует сделать существенное уточнение. Командира белого партизанского отряда, есаула В.М. Чернецова за умелое и успешное взятие узловых станций Лихой в середине января 1918 года в первых сражениях Гражданской войны Войсковой Атаман А.М. Каледин произвел «через чин» в казачьи

полковники. Самочинная казнь казачьего офицера, конечно же, веский аргумент и исторический факт. Это деяние Подтелкова оправдать не возможно.

Нельзя не признать и того достоверного факта, что «красный подхорунжий» представлял элиту Донских казачьих частей, ведь он служил в 6-й Лейб-гвардии Донской казачьей Его Величества батарее Лейб-Гвардии Конной Артиллерии, куда годами мечтали и не могли попасть многие донские казаки. Батарейцы из единственной гвардейской артиллерийской казачьей части всегда находились в исключительном почете среди донцов. Особый и многоступенчатый порядок отбора, престижная служба в Павловске под Санкт-Петербургом, военная выучка, личное шефство российского императора Николая II и многое другое обеспечивали высокий и непререкаемый социальный статус этой группы казаков.

После событий Февральской революции в России Подтелков довольно часто и ярко выступал на политических митингах в своей родной 6-й Лейб-гвардии Донской казачьей батарее. Причем, даже если он говорил полную чепуху («обычный социализм это что, вот утопизм – это наипервейший социализм»), то все равно производил впечатление на собравшуюся толпу. Большую роль в воздействии на людей играла внушительная внешность Подтелкова. Крепко сложенный, высокого роста, по крайней мере, выше среднего, широкоплечий брюнет, черноглазый, смуглый, с мощным запоминающимся раскатистым голосом, который зачастую буквально гремел искренним возмущением, и одновременно блестящий службист-батареец. За эту внешность казаки всегда сразу признавали в нем типичного казака, и это подкупало многих, ибо Подтелкова нельзя было слушать безразлично.

Был ли Федор Григорьевич Подтелков большевиком?! Его партийная принадлежность как бы логически предопределялась занимаемой должностью. Он являлся председателем Донского Военно-революционного комитета и председателем Совета народных комиссаров (СНК) Донской советской республики. Но Подтелков был членом партии левых эсеров: «На первом Донском съезде советов он определенно стал в ряды левых с.-р.» [3].

Партийная принадлежность отчасти отражала его внутренние личные политические метания, и он оказывался не в силах «усидеть на двух стульях». Чтобы не говорили, он оставался казачьим унтер-офицером, донским казаком, и не мог и не видеть, а тем более безоглядно одобрять политику большевиков, особенно в части изъятия казачьих земель и передачи их иногородним. Но Подтелков встал на сторону красных, пошел против своего земляка, Донского атамана А.М. Каледина как генерала, олицетворявшего для него монархию, приобрел авторитет у части казачества, и ему казалось, если сагитировать казаков, то все получится, но они-то, казаки, наоборот, уже почувствовали первую волну красного террора и социально-экономических притеснений, и вот этого самого ему и не простили, ибо он олицетворял для них всю безбожную советскую власть, не поддержанную основной массой донского казачества. Авторитет Подтелкова, приобретенный в широких казачьих кругах в январе – феврале 1918 года, увы, растаял также как весенний снег,

особенно после кровавых бесчинств и внесудебных расправ в Новочеркасске, поэтому предпринятая в условиях взятия объединенными белыми отрядами 5 мая 1918 года Новочеркаска экспедиция в северные районы Области Войска Донского практически сразу столкнулась с трудностями продвижения и рядом поражений отряда Подтелкова.

События развивались очень быстро, как гласит исторический источник, следующим образом: «Уехав с отрядом из Ростова в северные округа и области, чтобы поднять там восстания, т. Подтелков, разбитый после нескольких боев, с небольшими отрядами пробирался к себе на родину в станицу Усть-Хоперскую. Но оказалось, что было уже поздно, потому, что с одной стороны его теснили немецкие отряды, отрезывая его с запада, с других сторон все теснее сжимало кольцо казачьих добровольческих станичных сотен. 26 апреля, окруженный со всех сторон, недалеко от хутора Полякова, Милютинской станицы, Подтелков решил сдаться. Казаки обещали дать ему свободу. Но в это время подошли новые дружины, которые, не решаясь отправлять Подтелкова на суд в Новочеркасск, опасаясь его побега с пути, постановили судить его на месте судом из представителей всех дружин» [4].

Информация о том, что изложенные события разворачивались у большого казачьего хутора Поляков Милютинской станицы (а в 1922 году в нем проживало 1029 казаков), противоречит существующей точке зрения о захвате отряда красных казаков возле хутора Калашников [5] (ныне в Кашарском районе Ростовской области) и о казни Подтелкова и Кривошлыкова в районе хутора Пономарев Краснокутской станицы (ныне же хутор Пономарев находится в Кашарском районе Ростовской области, где ежегодно устраиваются дни памяти трагической гибели экспедиции Подтелкова). На арест подтелковской экспедиции именно в хуторе Поляков Милютинской станицы указывают сводки Краснокутского военного отдела (белых) [6].

Окружение спланировали и арест отряда Подтелкова осуществили, прежде всего, милютинские и краснокутские казаки. Это сомнения не вызывает. Они явно отслеживали движение экспедиции. Она стартовала 1 мая 1918 года (по новому стилю – А.С.) из Ростова н/Д по заданию ЦИК Донской Советской республики в районы Верхнего Дона (прежде всего, Усть-Медведицкий и Хоперский округа) для проведения мобилизации в Красную Армию. На Нижнем Дону красные не получили должной поддержки от низовых казаков, поэтому расчет Подтелковым делался на верховых казаков, где «очаги революции» были помощнее и казаки-фронтовики поддерживали красных. Главное, надо прорваться на Верхний Дон, и тогда удастся сформировать три-четыре полка, а с этой силой уже можно действовать более целенаправленно и успешно против контрреволюционных сил.

Экспедиция состояла из членов специальной комиссии (5 человек) и охраны численностью 120 человек, ведь для организации дела везли с собой немалые денежные средства. По железной дороге отряд добрался 5 мая до станции Белая Калитва. Здесь эшелон обстреляли белогвардейцы, а, кроме того, оказались ими повреждены железнодорожные пути. Ждать завершения

ремонта красные казаки не стали, и экспедиция Подтелкова продолжила свой неблизкий путь уже на подводах. Вот тут-то ее обнаружили и ждали удобного момента. Поскольку белые казаки хорошо знали местность, подтелковцы сами не заметили, как попали в расставленный милютинцами и другими казаками капкан. В этой связи любопытно два донесения председателя Каргинского военного отдела командиру войсками Верхне-Донского округа, направленные из станицы Каргинской 26 и 27 апреля 1918 года. И хотя, естественно, они акцентируют внимание на действиях каргинцев, но одновременно свидетельствуют об участии в «поимке бунтовщика Подтелкова» казаков из разных станиц и желании ранее не отличившихся, образно говоря, теперь уж точно поймать удачу за хвост, равно как и нежелании части казаков подключиться к действиям остальных.

В донесении № 123 военного отдела Каргинской группы командиру войсками Верхне-Донского округа от 26 апреля 1918 года говорилось:

«Отсутствие вооруженной помощи Милютинцам от станиц Вешенской, Еланской, Казанской и др[угих] произвело настолько скверное впечатление на казаков Мигулинского отряда, что Мигулинцы заявили о своем нежелании идти дальше. После долгих разговоров Мигулинцы согласились подчиниться требованию Каргинского Отдела выступить вместе с Каргинцами в поход против шайки Подтелкова, оперирующего в районе Милютинской станицы.

Поручиться за то, что Мигулинцы в дороге снова не проявят колебаний, – нельзя. Да и на Каргинцев отсутствие сил других станиц производит не лучшее впечатление, чем на Мигулинцев.

Ваше присутствие [,] как командиру Войсками Округа, очень и очень желательно. Отряд отправляется из Каргинской станицы в Милютинскую через ст[аницу] Боковскую в 12 часов ночи». Подписано: председатель военного отдела Ф. Лиховидов, секретарь С. Ушаков [7].

Донесение № 123 от 26 апреля 1918 года свидетельствует, что отряд Подтелкова находился в Милютинском юрту, и это не могло не вызывать беспокойности милютинских казаков, которые рассчитывали в своих действиях на поддержку других станиц. Каргинцы не случайно отправляются через Милютинскую, чтобы не только поддержать милютинцев, но и далее направиться вместе с ними против «оперирующего в районе Милютинской станицы» отряда Подтелкова.

В донесении от 27 апреля 1918 года видно стремление белых казаков объединиться против красных и пресечь дальнейшее продвижение отряда Подтелкова. Процитируем дословно:

«По сообщению Боковского военного отдела, военного отдела Краснокутской станицы и жителей хутора Пономарева Подтелков с отрядом Красной Гвардии силою приблизительно 300-400 человек, посаженных на 37-ми обывательских подводах[,] 26 апреля в 4 часа дня появился в х[уторе] Алексеевском, перейдя х[утора] Шишкин и Рубашкин, направляясь по[-]видимому в слоб[оду] Чистякову. Узнав, что около Чистяковой находятся казачьи силы, Подтелков с хут[ора] Алексеевский вернулся через Рубашкин в

Свечников. Разведовательные силы казаков хут[ора] Пономарева и Краснокутской станицы вошли в соприкосновение с бандой Подтелкова и ни на минуту не выпускают его из наблюдения. В вышеупомянутых донесениях указывается, что Подтелков держа путь в хут[ор] Алексеевский по направлению к Чистяковке вел свой отряд (размещенный на подводах) на рысях. Станицей Каргинской для преследования Подтелкова отправлен отряд казаков, состоящий из Каргинцев и Мигулинцев. Силы отряда: 225 (двести двадцать пять) конных, вооруженных винтовками, 3 пулемета, 2 полевых орудия с 300-(трех стами) снарядов. Казаки Каргинской станицы настроены бодро, а Мигулинцы, за исключением казаков хуторов Наполова, Верхне-Чирского, особенно артиллеристы очень и очень ненадежны. Ожидается немедленно вооруженная поддержка от станиц Верхне-Донского округа, не принявших до сих пор никакого участия в выступлении против Подтелкова с его красной гвардией. Отряд Подтелкова в 300-400 чел[овек] с тремя пулеметами, о котором упоминалось в настоящем донесении, является авангардом главных сил численность которых неизвестна» [8].

С другой стороны в донесении 27 апреля переоцениваются наличные силы отряда Подтелкова, чувствуется некоторая неуверенность в способности части белых казаков к разгрому экспедиции красных. Однако, равно как Подтелков понимал, что его отряд преследуют, так и белые казаки двигались буквально по пятам экспедиции и готовились пленить противника.

Профессор А.В. Венков считает, что арест экспедиции Подтелкова следует отнести к результатам деятельности Сводного отряда Верхне-Донского округа (отряд 8-ми станиц) под командованием подьесаула Василия Степановича Попова при начальнике штаба, прапорщике Афанасии Степановиче Попове [9].

Итак, были повешены два главных участника экспедиции: Подтелков и Кривошлыков. Здесь в существующих исторических источниках никакого разногласия нет. Сомнений ни у кого не возникает: факт казни двух красных казаков подтверждается многократно. Сложнее с количеством расстрелянных других членов экспедиции: цифры колеблются от 75 [10] до 128 [11] человек, причем М. А. Шолохов намекает на более многочисленный изначальный состав отряда [12]. Как бы там ни было, сколько бы там не погибло, но очевиден факт преднамеренного массового убийства одних казаков другими казаками.

Еще один вопрос, который непременно возникает, что предшествовало трагической гибели казаков, кто именно осудил их к расстрелу. В советские времена распространенное объяснение «схвачены белоказаками и расстреляны» особых комментариев не требовало. Доминирующая логика осуждения белых не предполагала никаких сомнений. Сейчас отмахиваться от такого вопроса неприемлемо, равно как и от выяснения причастности тех или казаков к гибели экспедиции Подтелкова. Но сразу же подчеркнем: уже шла Гражданская война, поэтому искать правых и виноватых в этой ситуации будет не правомерно.

Общая фабула дела такова: «Всю ночь заседал военный суд, который постановил: конвой, состоящий из 75 человек, расстрелять, а Подтелкова и Кривошлыкова, областного комиссара вн.[утренних] дел, – повесить» [13]. Осудили подтелковцев за грабежи (а точки зрения красных – обоснованные реквизиции), обман и измену как врагов казачества.

Для осуществления суда казаки собрали выборных представителей от целого ряда хуторов и станиц, поэтому назвать спонтанной акцией осуждение участников экспедиции Подтелкова категорически нельзя. Недовольство советской властью и ее политикой в отношении казачества очевидно назрело, поэтому когда милютинские и другие казаки столкнулись с большим отрядом красных, вынужденных сдаться, то слишком велик оказался соблазн расправиться с противником в расчете на то, что удастся положить конец враждебному давлению извне, но Гражданская война как лоскутное одеяло уже плотно накрыла донские земли. Акт жестокой социальной мести одних казаков другим казакам уже ничего не решал, ибо местное сообщество все сильнее раскалывалось, и понять, где свой, а где чужой, становилось с каждым днем сложнее, что великолепно показал М.А. Шолохов.

Однако, после поимки, для казаков с обеих сторон оказалось тяжело преодолеть моральный выбор: нашлись знакомые, родственники, односумы и однополчане. Нелегко далось принятие решения о вынесении наказания, было понимание необходимости осуждающего приговора, а вот степень жесткости вызывала сомнения, но «партия войны» победила, и приговор получился суровым. К числу заметных лидеров «партии войны» относился милютинский казак Максим Февралев.

В расстреле членов отряда Подтелкова также соблюдалось представительство от казачьих хуторов. Под контролем всего состава суда по пять казаков от жителей хуторов, которые принимали участие в поимке экспедиции «бунтовщика Подтелкова», привели приговор в исполнение в присутствии многочисленных местных жителей: стариков, женщин, детей. Охотники участвовать в расстреле нашлись быстро, особо уговаривать не приходилось, хотя далеко не всем казакам по душе пришлась состоявшаяся расправа. С началом процедуры расстрела большая часть присутствовавших разбрелась, не выдержав ужаса происходящего. Даже часть суровых фронтовиков покинула место казни. Сегодня по-разному оценивают эти трагические для казаков события, но нельзя не отметить удивительную веру в силу советской власти, поразительную стойкость и мужество Подтелкова. Он не только попросил стариков подождать с его личной казнью вместе с Кривошлыковым, но и стремился приободрить своих товарищей по отряду, многих из которых хорошо знал. Ему дали последнее слово, и Подтелков обратился с революционными призывами к присутствовавшим казакам, да так, что некоторых его речь явно проняла до глубины души.

Всего казнили 80 человек. Очевидно, часть казаков покинула отряд еще до ареста, а другие сумели его избежать, ибо слишком уж много связей с двух сторон обнаружилось, и это не могло сказаться на численности дошед-

ших до расстрельной ямы. Небольшая часть из казненных по своему социальному происхождению к казакам не относилась. Однако, повторимся, сколько бы тогда не погибло, дело не в этом. Важно другое: кровавое колесо Гражданской войны завертелось с ужасающей скоростью, поглощая все новых и новых сынов Дона!..

Для партийно-советских структур гибель экспедиции Подтелкова стала тяжелой утратой. Журнал «Трудовое казачество» поместил на своей первой странице в черной жирной траурной рамке под набранным крупным шрифтом заголовком «Вечная память борцам за свободу!» публичную поминальную эпитафию (занявшую, кроме собственного заголовка журнала, всю его первую страницу) со следующим красноречивым текстом: «Павшим при исполнении священного революционного долга от изменнических рук предателей контр-революционеров казаку Подтелкову, и его товарищам-казакам из «Отряда Защиты Прав Трудового Казачества» (во второй половине мая на территории Донской Советской Республики в Донецком Округе)» [14].

Таким образом, военно-революционная экспедиция Донской советской республики под личным командованием председателя Донского Военно-революционного комитета и председателя Совета народных комиссаров (СНК) Донской советской республики, казака Ф.Г. Подтелкова окончилась полным провалом и была разгромлена отрядами белых казаков. Ни одна, ни другая сторона по большому счету при этом не достигла своих целей. Подтелков не смог пробиться на свою малую родину в станицу Усть-Хоперскую, где рассчитывал собрать три-четыре красных полка, чтобы повести непримиримую борьбу с контрреволюцией. Белые казаки, организовавшие инициативным порядком по существу партизанские отряды и жестоко уничтожив экспедицию Подтелкова, выплеснули свое социальное недовольство советской властью, но долгожданного мира так и не получили. Казачий Дон все сильнее и сильнее втягивался в Гражданскую войну.

Примечания

1. Шолохов М.А. Тихий Дон // Собр. соч. в 8-ми т. – Т. 2. – М.: Правда, 1975. – 376 с. – С. 370.

2. Трудовое казачество. Орган Казачьего комитета при Центральном исполнительном комитете советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов. Ежедельный журнал. – 1918. – 9 июня (воскресенье). – № 5. – С. 1.

3. З.Т. Подробности гибели Подтелкова и Кривошлыкова // Трудовое казачество. – 1918. – 9 июня (воскресенье). – № 5. – С. 14.

4. Гибель Подтелкова // Трудовое казачество. – 1918. – 9 июня. – № 5. – С. 14-15. При этом делается ссылка на недавно полученный номер газеты «Рабочее дело», издающейся в городе Ростове-на-Дону, которая, в свою очередь получила информацию от офицера-очевидца казни «нашего товарища левого с.-р. [эсера] Подтелкова».

5. На это место указывает непосредственный участник подтелковской экспедиции А.А. Френкель: «В хутор Калашников Поляково-Наголинской волости мы прибыли поздно ночью». – См.: Пролетарская революция на Дону. Сб. док. – Вып. I. – Ростов н/Д., 1922. – 224 с. – С. 61. Собственно его информацию, вероятно, и использует М.А. Шолохов в своем романе «Тихий Дон».

6. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 40118. Оп. 1. Д. 2. Л. 16, 26, 26 об.
7. РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 4. Л. 36-36 об.
8. РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 4. Л. 17-17 об.
9. Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917-1920 гг. Приложение-справочник к монографии «Г.Г. Матишов. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII-XX вв.). Заметки на полях истории». – Вып. 1. Донские партизанские отряды. Командование Донской армии. Молодая армия. Военно-учебные заведения / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 422 с. – С. 85, 86.
10. Гибель Подтелкова // Трудовое казачество. – 1918. – 9 июня. – № 5. – С. 15.
11. Шолохов М.А. Тихий Дон // Шолохов М.А. Собр. соч. в 8-ми т. – Т. 2. – С. 354.
12. К тому же 27 человек сбежали. – См.: РГВА. Ф. 40118. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.
13. Гибель Подтелкова // Трудовое казачество. – 1918. – 9 июня. – № 5. – С. 15.
14. Трудовое казачество. – 1918. – 9 июня. – № 5. – С. 1.

В.А. Захаров
(г. Москва)

АРМАВИРСКИЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ 1918–1920 гг.

*Памяти
Ивана Георгиевича Спасского*

Основа этой статьи, инициатором которой был главный хранитель отдела нумизматики Государственного Эрмитажа Иван Георгиевич Спасский, была написана давно, в 1963 г. Я начал с ним переписываться еще с 1962 г., в это время я учился в 9 классе, и у нас завязалась длительная и очень интересная переписка.

Шедшая Первая мировая война требовала огромных денежных средств. Денежные знаки печатались все больше и больше практически во всех странах, которые, так или иначе, принимали в ней участие.

14 декабря 1917 г. после вооруженного захвата зданий петроградских банков Декретом ВЦИК «О национализации банков» в стране была введена государственная монополия на банковское дело. Однако внутренняя ситуация привела к появлению на территории страны различных правительств, большинство из которых выпускало свои собственные денежные знаки. Единая государственная система денежного обращения распалась. Всего на территории России в те годы насчитывалось до 5000 видов денежных знаков различных происхождений и наименований. Как правило, со сменой власти или правительства на той или иной территории менялись и денежные знаки. Это было вызвано тем, что существовали большие трудности с доставкой денежных знаков в различные районы страны в условиях ведущихся военных действий, из центра. Да и там не успевали печатать нужное количество дензнаков. Право на местную эмиссию получили почти все губернские города и многие не-

большие города и области. Так, например, 1 октября 1918 г. был подписан Декрет Совнаркома, разрешающий выпуск в Пятигорске временных боннов [1].

В стране появились в огромном количестве местные денежные знаки различных видов: кооперативные боны, разменные знаки при пользовании городским транспортом, расчетные знаки, выпускаемые как муниципальными властями, так и отдельными учреждениями, фабриками, заводами, магазинами, столовыми, театрами, различными обществами и пр.

В ночь с 6 (19) на 7 (20) января 1918 г. отряды Красной гвардии, под руководством большевиков захватили государственные учреждения в городе Армавире и такие важные объекты, как почта, телеграф, оба вокзала, казначейство и банки [2].

Но уже весной 1918 г. в Армавире сложилось тяжёлое политическое и экономическое положение. Местная власть окончательно убедилась в невозможности получения из центра значительных денежных подкреплений. Поэтому было принято решение облегчить положение в городе путем выпуска местных денег. В Армавире не пошли по пути Минераловодской группы (выпуска городских денег), а остановились на выпуске твердых гарантированных чеков частных банков, акцептованных Государственным банком и обеспеченных условными текущими счетами этих банков в Госбанке, при чем предел выпуска дензнаков от имени каждого банка был ограничен суммой имевшегося текущего счета [3].

Банковский акцепт – согласие банка на оплату платежных документов, форма гарантии их оплаты; оформляется в виде соответствующей надписи банка акцептанта. Должник обычно переводит сумму долга при наступлении его срока в банк, который производит платеж. В случае неплатежеспособности должника платеж осуществляется за счет банка акцептанта. Акцептованный чек был действителен 10 дней с момента его выписки; мог быть оплачен только в полной сумме; обмен акцептованного чека на наличные деньги не допускался [4].

Первый выпуск чеков был произведен в феврале 1918 г. купюрами в 50, 100, 200 и 500 рублей. В выпуске чеков приняли участие в лице их Армавирских отделений банки: Азовско-Донской, Волжско-Камский, Русско-Азиатский, Русский для внешней торговли, Северо-Кавказский и Торгово-Промышленный, а так же второе Армавирское Общество Взаимного Кредита.

Чеки печатались одинакового размера, на хорошей немецкой бумаге с водяным знаком в виде волнистых линий, в типографии Нестерова. Купюры различались лишь по цвету, текст на всех, за исключением стоимости, был одинаков.

На лицевой стороне было напечатано:

*«Твердый гарантированный чекъ Армавирскаго Отделенія Государственнаго Банка на рублей". "...."1918 г. Прошу заплатить предъ-
явителю сего рублей и таковую же сумму списать с моего текущего*

счета №». (текст занимал 6 строчек, в отточие ставилось от руки красными чернилами дата и номер счета).

Под текстом стоял штамп банка, две подписи от руки и печать банка; с левой стороны чека снизу вверх серия и № чека.

На оборотной стороне был размещен следующий текст:

«Настоящій чекъ акцептованъ Армавирскимъ Отделеніемъ Государственнаго банка и имеет хожденіе наравне съ государственными кредитными билетами до 1918 г. Чекъ съ исправленіями оплате не подлежитъ.

Управляющій В. Долиновъ.

Контролеръ Н. Соболевъ».

На бланк после его заполнения ставилась печать банка. Все тексты напечатаны по правилам старой орфографии.

Как писал первый исследователь армавирских денежных знаков В. М. Соколов, две статьи которого все, кто пишет об армавирских дензнаках, бессовестно копируют, но редко кто на них ссылается, так вот, чеки имели незатейливую виньетку из комбинации фигурок, по форме напоминающих грушу. Вследствие чего среди населения все чеки 1-го выпуска получили название «груши». Всего «груш» было выпущено на сумму до 4.000.000 р.

Чеки эти быстро проложили себе дорогу, и в пределах города обращались свободно, наравне с николаевскими деньгами, но в станицах встречали противодействие и размещались с трудом [5].

Прошел месяц и стало ясно, что в сельской местности и, особенно, в станице Прочноокопской, которую с полным правом называли центром антибольшевистских сил, чеки практически не принимаются населением. И уже 23 марта 1918 г. финансовый отдел Исполнительного комитета Совета народных депутатов Лабинского отдела, который располагался в городе Армавире, за № 65 отправил циркуляр исполнительным комитетам Совета народных депутатов, во все населенные пункты отдела, для объявления жителям. В нем, в частности, говорилось: «Лабинский отдел доводит до всеобщего сведения населения Лабинского отдела, что в следствии недостачи денежных знаков Государственный Банк вынужден был выпустить чеки, которые временно (до 1 июля) должны быть в обращении наравне с кредитными билетами... поэтому кто будет отказываться принимать эти чеки в уплату за труд, продукты и товары, тот должен быть немедленно подвергнут аресту и передачи Революционному Трибуналу» [6].

Но это все будет уже в конце года. Тем временем ситуация вокруг города стала предметом постоянных обострений. Уже в феврале обстановка вокруг Армавира снова обостряется. 16 февраля произошло столкновение отрядов Красной гвардии с казаками ст. Прочноокопской. 17 февраля перестрелка продолжалась. В последующие дни, до 20 февраля, бои шли с переменным успехом. 22 февраля выступление казаков было подавлено [7].

В марте Армавир начал ощущать катастрофический недостаток денежной массы. А поскольку город практически находился в кольце, то надеяться на получение дензнаков из центра, не приходилось. Тогда было принято ре-

шение о продолжении выпуска акцептованных чеков достоинством в 5, 10, 25, 50, 100, 200, 300 и 500 рублей.

На деле оказалось, что далеко не все можно было восстановить в прежнем виде. Полная неразбериха в городе, практически военная обстановка, привели к тому, что типография переходила от одного собственника к другому, и новый хозяин вовсе не думал о сохранении наборных литер. Виньетки «груш» были утеряны или спрятаны. Имевшиеся запасы специальной бумаги исчезли. Властям пришлось пойти по самому простому пути – эмиссии чеков на простой бумаге. Для этого использовали то, что удалось найти. Но ее качество было вовсе не предназначено для длительного использования, а уж тем более, чтобы лист переходил из рук в руки не одну сотню раз. Новые чеки ветшали, рвались и быстро выходили из обращения. Выпуск, произведенный на обыкновенной бумаге, был начат с апреля 1918 г.

Как писал В.М. Соколов, мелкие купюры были выпущены на замену исчезнувших николаевских, 40 р. – для замены керенок, а выпуск 150 р. и 300 р. был продиктован установлением для Армавира прожиточного минимума в 600 руб. в месяц, а большею частью 150 руб. в неделю. Эти купюры служили для облегчения кассового оборота. Выпущены сроком на 1 июля и 1 декабря 1918 г.

Вначале эмиссия чеков была ограничена постановлением Совета Рабочих Депутатов суммой в 10.000.000 р., но затем огромные расходы, приближение фронта и обесценение рубля заставили отказаться от твердой суммы выпуска и продолжать выпуск в соответствии с требованиями на дензнаки. Вся работа Госбанка и бывших частных банков свелась к подписи чеков, их штемпелеванию и учету. Население ко 2-му выпуску чеков отнеслось с еще меньшим доверием, чему способствовала неограниченность эмиссии и трудность размена 150 и 300 р. чеков (чеки в 150 р., благодаря окраске, получили даже кличку «траурные»).

Операция по выпуску чеков закончилась в сентябре 1918 г., – как писал В.М. Соколов, – когда из-за нового приближения фронта гражданской войны к Армавиру неоднократного перехода его из рук в руки, в нем надолго установилась власть Добровольческой Армии. Всего чеков было выпущено на сумму в 48.000.000 р. Летом 1918 г. случайно было получено из Москвы через Царицын 5.000.000 руб. общегосударственных денег, и этими деньгами, для поднятия престижа чеков была обменена часть их. Окончательное погашение чеков, начавшись при владычестве белых, окончилось при Советской власти летом 1920 г. и совпало с аннулированием донских и деникинских денег. Всего в кассы Госбанка и Финотдела вернулось чеков на сумму до 42.000.000 руб. При обмене обнаружена массовая подделка чеков, особенно 150 и 300 р. достоинства. Общая сумма фальшивых чеков, по некоторым данным, достигала 5.000.000 р. [8].

Однако, из-за быстрого изнашивания чеков мелких купюр и отсутствия необходимой бумаги, выпуск мелких купюр явился недостаточным, и летом 1918 г. в Армавире возник острый разменный голод, вследствие чего обратились к мысли чеканить мелкую разменную монету (при власти белых) [9].

Было решено чеканить серебряные монеты, достоинством в 10, 15 и 20 рублей. В армавирском отделении Государственного Банка находилось 110 пудов мелкого разменного серебра. Банк не успел отослать серебро еще в 1916–1917 гг. Решено было чеканить и золотую монету 50 и 100-рублевого достоинства. Золота было конфисковано больше пуда, и в банке находилось еще 570 рублей золотом. Но от идеи выпуска монет из золота и серебра монеты выпустить не удалось из-за спекулятивных цен на драгметаллы [10].

Сейчас трудно сказать определенно, что послужило причиной чеканки монет, кто подал эту идею. Но, вполне возможно, что А.И. Деникин и его окружение думало, что Юг России уже никогда не вернется большевикам и здесь они создадут ту «Единую, Великую и Неделимую Россию», о которой мечтали, вернут Москву и Петроград. Думаю, что руководству белой Армии был известен и тот факт, что у них находится в Армавире высококачественный гравер, в качестве пленного австрийского солдата. Это был Иосиф Задлер. О нем практически ничего не известно, но я помню из рассказа Марии Аполлоновны (фамилию не помню) – матери моей учительницы по математике, с которой я неоднократно встречался. Она жила в своем домике, рядом со школой № 49, в которой я учился. Мария Аполлоновна сама была художником и затем с начала 1920-х годов, до начала 1950-х, преподавала рисование в школе № 1. Она, кстати, подарила мне хранившиеся у нее 7 армавирских монет. Мария Аполлоновна рассказала, что встречалась с человеком, который сделал эти монеты, и даже назвало его – Иосиф Задлер, их связывало творческое начало. Он очень хорошо рисовал и даже резал небольшие гравюрки, которые у нее были, но во время Великой Отечественной войны все это пропало. Так вот Мария Аполлоновна, как-то между прочим обронила такую фразу: – знаешь Володя, Иосиф до того, как его забрали на фронт, работал в Вене гравером на монетном дворе. Думаю, что именно по этой причине именно ему было поручено изготовление монетных штампов. Для него это была знакомая работа.

Он сделал первые штампы, которыми были отчеканены первые образцы. Они стали считаться пробным выпуском. На аверсе вверху стояла полукругом надпись «РАЗМѢННЫЙ ЗНАКЪ», по центру стояла цифра 1 или 3 или 5, под ними надпись «РУБЛЬ» (или соответственно «РУБЛЯ», «РУБЛЕЙ»). Вокруг цифры и под словом «рубль» стояли незатейливые виньетки. Внизу в полукруге надпись «1918 ГОДА». По кругу, как аверса, так и реверса был ободок из точек, он был выполнен четко и ровно. Сейчас имеются фальшивые монеты первого выпуска, которых выдает неровное расположение точек по кругу монеты, разная величина букв, которые в некоторых случаях расположены то ниже, то выше общей надписи. Предполагалось чеканить монеты из серебра, но его в необходимом весовом количестве не оказалось. Пробные экземпляры единичны, едва превышают 2–4 штуки. Но кроме серебряных существуют еще несколько штук из алюминия и меди.

В.М. Соколов сообщал, что первоначально были сделаны на заводе «Армалит» монеты путем отливки, но они были грубые и некачественные.

Мне, правда, не встречались подобные экземпляры. Возможно это легенда, но, тем не менее, ее надо проверять.

Реверс монеты имел в центре изображение двуглавого орла – герба Временного правительства и содержал текст: «АРМАВИРСКОЕ ОТД. ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА», между ними внизу стояла маленькая шестиконечная звездочка. В центре под хвостом орла стояли миниатюрные две буквы: инициалы гравера – «I.З». Существует и вариант, когда инициалы гравера стояли под правой лапой орла.

Однако первый вариант чем-то не устроил заказчиков, и Иосиф Задлер изготовил штампы второго варианта, который и был утвержден. На аверсе в верхней части монеты в две строки, а не в одну, как на первом варианте, стояла надпись: «РАЗМЕННЫЙ ЗНАКЪ». Реверс был сохранен в том же виде. Правда, на части монет трехрублевого достоинства стоит одна шестиконечная звездочка, а на части – три, расположенные верхним углом треугольника вниз.

За основу рисунка лавровых ветвей на лицевой стороне армавирской монеты Задлер взял известный ему рисунок, помещенный на серебряной монете в 1 крону, которую чеканили в Австрии при Франце Иосифе I в XX веке.

Итак, были отчеканены образцы из меди, алюминия и, из белого металла, возможно, из серебра или алюминия. Я это пишу с уверенностью потому, что И.Г. Спасский, присылая мне протирки армавирских монет из собрания Эрмитажа, специально отметил 5 рублевую монету, которая была изготовлена из «белого металла». Он как опытный ученый-нумизмат, не имея химического анализа металла из которого была отчеканена монета, всегда писал весьма осторожно, даже серебро иногда называл – «белым металлом». В Армавире об этом никто не знал, такого экземпляра не было не только в собрании городского краеведческого музея, но ни у кого из коллекционеров, которых я в то время всех знал.

Первая проблема, которая встала перед властью – из какого металла все-таки чеканить монету. И тут им сообщили, что в имении «Хуторок», принадлежавшему барону Владимиру Рудольфовичу Штейнгелю и расположенному в 16 верстах от Армавира, имеется винный завод, на котором практически все оборудование сделано из меди. Члену Лабинского отдельского исполкома И. Остроушко была поручена доставка меди в Армавир. Листы меди прокатывались на заводе «Армалит». Разделка на пластины определённой величины производилась на небольшом гвоздильно-проволочном заводе, ранее принадлежавшем заводчику Бахчисарайцеву. Оттуда необходимое для чеканки количество медных пластин поступало на монетный двор, где на трёх станках изготовлялись монеты [11].

Было два варианта изготовления монет. По одной стальные штампы были установлены на вальцах, через которые пропускали лист меди, но более удачным и экономным был вариант, когда круглые монетные заготовки укладывались под пресс и штамповались. Тот же Задлер, который хорошо знал технику монетного дела, сконструировал и машину для нанесения рубчатого гурта на монетах.

В доме купца Баронова (ныне дом № 47 по улице Кирова) летом 1918 г. был организован «монетный двор» где рабочие завода «Армалит» (бывший завод Мисожникова) начали чеканку монет достоинством в 1, 3, и 5 руб. Монетная эмиссия была принята населением очень хорошо, но вот постоянному его выпуску мешала частая смена власти в городе. Монетный двор Армавира постоянно оказывался то в руках красных, то в руках белых, отступая то с одними, то с другими. Весь июль месяц город неоднократно переходил из рук в руки.

Нехватка денежных знаков была просто катастрофической. Помощь пришла неожиданно, что свидетельствует из найденного мною документа:

«АКТ

На основании постановления Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Республики от 20 августа 1918 года привезенные из г. Екатеринодара разного рода ценности и денежные знаки Екатеринодарского Отделения Народного (Государственного) Банка были вскрыты комиссией, состоящей из следующих лиц: Члены Ц.И.К. Дунаевский и Бакулин, Военный Комиссар Республики Турецкий, Член Ц.И.К и общепартийного Ком. Берзон, представитель 3 колонны Ширяев, представитель Доно-Кубанск. фронта Макарьянц, представитель 6 колонны Куликов, Комиссар Армавирского Отд. Народного Банка – Донсков, Комиссар Армавирского Совдепа Трифонов и Председатель общепартийного съезда Подвойский и теми же лицами подсчитаны и проверены денежные знаки: марки, кредитные билеты, обязательство государственного К-ва, чеки, купоны, бонны и проч. при чем всего знаков оказалось на общую сумму ДЕВЯТЬ МИЛЛИОНОВ ПЯТЬСОТ ШЕТЬДЕСЯТ ДВЕ ТЫСЯЧИ СТО ДЕВЯНОСТО ОДИН руб. 39 коп. (9.562.191 руб. 39 коп.). Комиссия свидетельствует, что других бумажных денежных знаков не было обнаружено, кроме поименованных и подсчитанных.

г. Армавир 1918 г. 21 августа

Подписи (всего 7 подписей)» [12].

А тем временем борьба за овладение Армавира продолжалась с необыкновенной жестокостью, которой неизвестно у кого было больше. Каждый раз, захватывая город, расстрелу и публичным казням подвергались простые мирные жители. И белый террор мало чем отличался от красного. В сентябре-октябре 1918 г. город не раз на короткое время переходил из рук в руки.

Как отметил Р.В. Засухин, за два года гражданской войны Армавир 12 раз переходил из рук в руки. В ходе ожесточённых боёв самой бессмысленной и беспощадной из всех войн, власть в городе переходила от белых к красным и обратно. Причём и те и другие, заняв город, первым делом расправлялись со своими настоящими и мнимыми противниками. В ходе этих расправ чаще всего страдали ни в чём не повинные люди. Так заняв город в июле 1918 г. войска под командованием генерала В.Л. Покровского, прозванного «вешателем Кубани», учинили кровавый террор, расстреляв всех, кто подозревался в сочувствии к большевикам. После того как город заняли большевики, начались массовые казни. «Прежде всего, изрублено было более 400 армян-беженцев из Персии и Турции, ютившихся у полотна железной

дороги, изрублены были тут женщины и дети. Затем казни перенеслись в город. Заколото штыками, изрублено шашками и расстреляно из ружей и пулемётов более 500 мирных армавирских жителей на улицах, в домах, на площадях, выводя смертников партиями» [13].

Наконец, 28 октября Армавир оказался в руках белых, которые продержали город в своих руках до 1920 г.

Считается, что монетный двор окончил свое существование в сентябре 1918 г. в станице Григориполисской, отступив туда с отрядами белых [14]. Я ездил в Григорополиску в 1963 и в 1966 гг. Там жили мои родственники, поэтому мне легко было выйти на местных старожилов, еще живых участников Гражданской войны. Но ничего об армавирском монетном дворе они не сообщили, больше того, почти все даже не знали о его существовании.

За время своей работы монетный двор монет отчеканил медных монет на сумму 60 тыс. рублей. И эта существенная сумма так и осталась на руках жителей города.

Итак, первый пробный выпуск монет из меди и белого металла был отчеканен в конце июля, и ограничен всего несколькими десятками штук его можно представить в следующей таблице:

1 рубль из меди	диаметр – 27 мм
3 рубля из меди	диаметр – 30 мм
5 рублей из белого металла	диаметр – 31 мм

Второй выпуск был представлен только медными монетами:

1 рубль	диаметр – 25 мм
3 рубля	диаметр – 28 мм
5 рублей	диаметр – 31 мм

Ситуация с денежным обращением в Армавире пока продолжала находиться без изменений. Да, большевики вывезли деньги и другие ценности из армавирских банков по подложным документам. Ведь были вскрыты все частные сейфы и конфискованы все находившиеся в них деньги, ценные бумаги, золото и серебро, драгоценные камни, которые армавирские богачи для большей сохранности не держали дома, а сдавали на хранение в свои личные сейфы. Куда это все подевалось? Новая власть стала «искать концы». Нашли документы, что все это якобы было сдано на хранение в Пятигорский банк. 12 января 1919 г. управляющий Армавирским Банком обратился с письмом за № 601 в Пятигорское отделение Государственного Банка с просьбой: «сообщить, какие ценности сохранились в Пятигорском Отделении из числа увезенных большевиками из Армавирского Отделения Государственного банка 13/26 августа минувшего года» [15].

10 февраля 1919 г. из Пятигорска был отправлен ответ: «...что в отделение большевики никаких ценностей, принадлежавших Армавирскому Отделению не хранили и об участии таковых ничего не известно» [16].

В конце 1918-1919 гг. в городе Армавире и его окрестностях имели хождение донские и добровольческие деньги, но к началу 1920 г., в связи с новым приближением фронта, опять создался денежный голод, тем более что население к этому времени ясно увидело, что власть добровольческой армии приходит к концу, и близок приход советских войск. Появившиеся, как раз в это время, добровольческие билеты в 10.000 р. совершенно не принимались населением, официально – в виду невозможности размена, а фактически из-за недоверия к ним [17].

В январе-феврале 1920 г., когда Армавир находился во власти частей Добровольческой Армии, Городское Самоуправление, созданное белыми, решило выпустить свои квитанции, которые должны были выдаваться каждому, представившему билет в 10.000 р. Были выпущены квитанции в 25, 50, 100 и 250 рублей. Печатались они на тонкой полупрозрачной цветной бумаге на одной стороне, со следующим текстом: 1-я строчка сверху – «Армавирское Городское самоуправление»; 2-я – Серия (А, Б, В или Г) и четырехзначный номер; 3-я строка: «Квитанция на рублей»; 4-я – сумма прописью; 5–8 строчки:

«1. Настоящая квитанция принимается в уплату всяких городск. налог. а равно и в уплату за товары в городских лавках и складах.

2. Квитанция оплачивается городской кассой денежными знаками, имевшими хождение при предъявлении их полными тысячами».

Ниже подпись члена управы (или городского головы – Мих. Закладного) и бухгалтера Погребняка.

Однако, выпуск заготовленных Городским Самоуправлением квитанций им самим осуществлен так и не был, поскольку добровольцы отступили. Город был занят красными войсками. Городская Управа оказалась ликвидирована и образовался Ревком, последний и выпустил в обращение уже заготовленные квитанции, поставив на них свою печать. А затем, по израсходованию готовых квитанций, выпустил свои тех же купюр, изменив несколько текст. В 1-й строке значилось: «Армавирский городской Муниципалитет». Из §1 были выпущены слова «в городских лавках и складах»; благодаря чему квитанции становились обязательными к приему во всех лавках и на базаре; В § 2 слова «городской кассой» заменены словами «кассой Народного Банка» и подписи Завед. Городск. Муниципал. и Бухгалтера (фактически те же Мих. Закладный и Погребняк). Всего, таким образом, квитанций было три выпуска.

В начале 1920 года под натиском Красной Армии белые начали отступать на юг. В результате успешных действий 16 марта 1920 г. в городе была установлена Советская власть [18].

Однако ситуация с денежным обращением разрешилась не сразу. Как видно, последняя денежная эмиссия, если ее такой можно назвать, заключа-

лась в трех выпусках квитанций на сумму более 12 миллионов рублей. Ввиду их большого количества, особенно 3-го выпуска, население принимало их неохотно, а за пределами города они вообще никакой цены не имели, отчего их называли «деньгами до семафора». Население всеми силами их избегало и предпочитало расплачиваться другими денежными знаками, а их, как оказалось, было немало. К 15 июля 1920 г. большая часть этих квитанций была обменена в кассе финотдела [19].

Хотя после окончательного установления советской власти, в Армавир были доставлены новые советские денежные знаки, но их было недостаточно и в городе продолжали, как мы видим из приведенных выше архивных документов, ходить и другие денежные знаки. Боны были обменены на новые советские рубли, монеты, к сожалению, к обмену не принимались. Поэтому вся масса монет осталась на руках у жителей города.

В июне-июле 1920 г. происходило погашение чеков, выпущенных в феврале-марте 1918 г., совместно с аннулированием донских и добровольческих денег. Всего в кассы Госбанка и финотдела вернулось чеков на сумму 42.000.000 рублей. При обмене была обнаружена массовая подделка чеков, особенно 150 и 300 руб. достоинства (см. выше).

Большая часть оставшихся на руках у населения денежных знаков погибла как от изношенности (из-за плохого качества бумаги), так и в результате уничтожения, при смене властей в Армави́ре.

Многие из армавирских старожилов, свидетелей тех далеких событий, дарили мне армавирские монеты, но в моей коллекции уже было уже больше 30 монет, и я просто отказывался от новых подарков, к сожалению, не сохранилось не одной. Нумизматы всего мира знают об армавирских монетах, выпущенных в 1918 г. Каждая из них является сейчас величайшей редкостью и высоко ценится коллекционерами.

Мне встречались монеты Армави́ра номиналом в 3 рубля второго выпуска, на котором инициалы гравера были выполнены латинскими буквами – «I.S.» и стояли в первом варианте под правой лапой орла, во втором варианте под хвостом орла. Как сообщается на сайте аукциона монет, именно такие монеты крайне редки. Ориентировочная цена – несколько тысяч долларов [20].

Примечания

1. Опубликовано в № 219 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 9 октября 1918 г.

2. Засухин Р.В. Город Армавир в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) // Новая локальная история: Сборник науч. статей. – Вып. 4. – Ставрополь-Москва, 2009. – С. 113.

3. Вл. Соколов. Армавирские денежные знаки // Сов. коллекционер. – 1924. – № 4. – С. 14. У А.Г. Баранова неверно назван журнал: «Советский филателист».

4. Финансово-кредитный словарь. – Т.1. – М., 1994. – С. 28, 112.

5. Вл. Соколов Армавирские денежные знаки // Сов. коллекционер. – 1924. – № 4 – С. 14.

6. Архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир (далее – АООА). Ф. Р-315. Д. 1. Л. 8. Подчеркнуто при составлении циркуляра.

7. Засухин Р.В. Город Армавир в годы Гражданской войны. – С. 114.

8. Вл. Соколов Армавирские денежные знаки // Сов. коллекционер. – 1924. – № 4. – С. 14.

9. Там же. – С. 14-15.
10. Официальная стоимость золота по оценке 1918 г.: за золотник чистого золота 96 пробы – 32 руб., серебро по 30 руб. за золотник, платина 83 %-я по 80 рублей за золотник. 1 золотник – 4,266 грамма. См.: ГАСК. Ф. Р-2564. Д. 16. Л. 104.
11. Веровенко О. Боны Армавира // Сов. коллекционер. – 1965(3). – С.93–94; Рахилин В.К. К истории чеканки монет г. Армавира // Bonistikaweb.ru [электронный ресурс]. – URL: <http://www.bonistikaweb.ru> (дата обращения 10.02.2015).
12. АОАА. Ф. Р-118. Д. 1. Л. 47.
13. Цит.: Засухин Р.В. Город Армавир в годы Гражданской войны. – С. 120. См.: Дело № 43-44 из Акта расследования по делу о злодеяниях большевиков в станицах Лабинского Отдела и в гор. Армавире // Родина. – 1990. – № 10. – С. 46.
14. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. – Ереван, 1981. – С. 152; Засухин Р.В. Город Армавир в годы Гражданской войны. – С. 120.
15. АОАА. Ф. Р-118. Д. 1. Л. 67.
16. Там же. Л. 66.
17. Вл. Соколов. Армавирские денежные знаки // Сов. коллекционер. – 1924. – № 6. – С. 15.
18. Засухин Р.В. Город Армавир в годы Гражданской войны. – С. 120.
19. АОАА. Ф. Р-475. Оп. 2. Д. 12. Л. 52.
20. Стоимость армавирских монет 1918 года. // piastri21.ru [электронный ресурс]. – URL: <http://piastri21.ru> (дата обращения 10.02.2015). Приведенная таблица была актуальна на 19 ноября 2011 г. Но, к 2015 г. цены на армавирские монеты значительно повысились. Так 5-рублевая монеты была продана на аукционе за 72 тыс. рублей.

А.А. Панарин
(г. Армавир)

ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ НА КУБАНИ В НАЧАЛЕ 1920-Х гг.

Состояние потребительской кооперации после окончания Гражданской войны было связано с непосредственным воздействием общей экономической и политической обстановки в стране. Определяющим фактором при этом являлась деятельность правящей большевистской партии, обладающей монопольным правом выбора приоритетов политического курса. Одним из кардинальных изменений кооперативной политики большевистской партии стал отход от прежней концепции «единого всенародного кооператива» и признание необходимости всего многообразия форм кооперативного движения. В то же время, дальнейшее развитие идеологии и практики НЭПа неминуемо влекло за собой расширение возможностей деятельности кооперации в формирующемся рыночном механизме.

В связи с этим, происходит активный процесс конструирования новой кооперативной системы. Его основой являлись правительственные декреты, посвященные как общим вопросам кооперативного строительства, так и организации отдельных видов кооперации. Главное внимание уделялось потре-

бительской кооперации, которая в предшествующие годы зарекомендовала себя в качестве важнейшего элемента советской экономики. В условиях НЭПа функции потребительской кооперации изменялись. В соответствии с декретом СНК от 7 апреля 1921 г. она перестала быть простым распределительным механизмом в системе Наркомпрода, получив возможность самостоятельного «обмена и скупки излишков сельскохозяйственного производства, а равно и кустарных и ремесленных изделий и сбыта их» [1].

В обстановке разрухи и необходимости нормированного снабжения сохранялась обязательная приписка населения к единым потребительским обществам. Вместе с тем, принципиально новым явлением в организации потребкооперации становились добровольные потребительские общества (ДПО). Действуя в составе единых потребительских обществ (ЕПО), они объединяли группы рабочих и служащих, которые с помощью ДПО осуществляли организованный обмен собранных средств, а также фондов натурального премиривания на необходимые им сельхозпродукты.

Формирование организационных основ потребительской кооперации на Кубани было сопряжено с рядом сложных проблем. После возникновения Юго-Восточного отделения Крайсоюза в июне 1921 г. встал вопрос о создании губернских и областных союзов потребкооперации. Однако, несмотря на решение первой сессии Совета Центросоюза в ноябре 1920 г. о немедленной передаче заготовительных контор Центросоюза губсоюзам, его выполнение на Кубани задерживалось, ввиду неподготовленности аппарата Кубсоюза [2].

Наиболее острой являлась кадровая проблема. В период жестоких боев на юге страны летом 1919 г. многие сотрудники кооперации были эвакуированы или переселились далеко за пределы Кубани. Часть оставшихся сотрудников стала работать в других учреждениях. В связи с этим, штаты губернских и областных союзов были заполнены менее чем на половину и работающие в них сотрудники физически не могли выполнять возложенные на них обязанности.

Возвращение сотрудников кооперации на прежнее место работы решалось в духе традиций «военного коммунизма», т.е. силовым путем. Так, в январе 1921 г. казачий отдел ЦИКа принял решение о розыске и возвращении в свои учреждения сотрудников Кубсоюза, эвакуированных в августе 1919 г. на север [3]. Депортированные подобным образом на место прежней работы сотрудники кооперативных учреждений не проявляли должной ответственности и дисциплины.

В тоже время, привлечение кадров в кооперацию решалось и путем предоставления определенных льгот ее сотрудникам. Так, при введении в Краснодаре в мае 1922 г. квартирной платы работники кооперативных учреждениях были отнесены, наряду с государственными служащими, к первой категории населения, для которой устанавливался минимальный уровень квартплаты [4].

Помимо кадровой проблемы, приходилось решать вопросы создания элементарных условий для работы губернских и областных союзов. В связи с этим, местные власти принимали меры по возвращению союзам национализи-

рованных зданий и материальных средств. Постановление об этом было принято СНК 20 октября 1921 г. Процесс возвращения имущества проходил крайне медленно, ввиду его значительной утраты в годы Гражданской войны, а также нежелания захвативших его учреждений, признавать законные права союзов. Так, вплоть до конца 1923 г. Армавирское отделение Полиграфтреста отказывалось возвращать, принадлежащее Армавирскому отделению Кубсоюзу типографию, в связи с чем, руководство Кубсоюза было вынуждено обратиться с жалобой к Кубано-Черноморскому областному прокурору [5].

Определенное решение кадровой проблемы, а также частичное возвращение союзам национализированного имущества позволили ускорить процесс организации областного центра потребкооперации Кубани. Основное содержание этого процесса было связано с укрупнением союзов за счет как бывших отделений Центросоюза, так и районных союзов потребкооперации. В Кубано-Черноморской области, началом укрупнения Кубсоюза стало распоряжение Особоуполномоченного Центросоюза М.И. Фрумкина в январе 1921 г. о ликвидации Екатеринодарской конторы Центросоюза и ее слиянии с Кубсоюзом. При этом, имущество конторы передавалось Кубсоюзу [6].

Формирование организационной структуры Кубсоюза в основном завершилось к осени 1921 г, что позволило приступить к задачам управления потребительской кооперацией в масштабах области. Об этом свидетельствовало наличие разветвленного аппарата главной конторы Кубсоюза, включающего такие подразделения, как управление делами, организационную часть, финансово-счетную часть, распределительную часть, заготовительную часть, техническое бюро, а также отделы: транспортный, юридический, личного состава, контрольный и хозяйственный [7].

Наряду с исполнительными органами союза, проходило формирование его выборных органов. В августе-сентябре 1921 г. на Кубани повсеместно прошли собрания пайщиков потребительских обществ, на которых были избраны уполномоченные на областной съезд. Одновременно в ходе собраний рассматривались актуальные вопросы кооперативного движения. Так, в повестке дня общего собрания Михайловского ЕПО были поставлены такие вопросы, как «НЭП и декрет 7 апреля о кооперации», «Финансово-экономическое положение кооперации и увеличение паевых взносов» [8]. На многих собраниях присутствовали и выступали с докладами инструктора Кубсоюза.

Свою активность в деле организации потребительских обществ проявляли в это время различные общественные организации: профсоюзы, комсомол, женотделы и другие. Например, на областном совещании женотделов Кубани в июле 1921 г. была поставлена задача вовлечения женщин в кооперацию, путем организации на кооперативных началах детских столовых, прачечных и т.п. [9]. Активисток женотделов предлагалось направлять в качестве практиканток в кооперативы для обучения инструктажу, счетоводству, умению вести хозяйство.

После избрания руководящих органов Кубсоюза, конструирование организационной системы потребкооперации, распространилось на первичную

сеть ЕПО. В связи с этим, на заседании пленума правления Кубсоюза в ноябре 1921 г. было принято положение о районных совещаниях и районных союзах. Районные совещания уполномоченных образовывались в целях установления единства деятельности обществ потребителей данного района [10]. В их задачи входило рассмотрение вопросов, связанных с выработкой общей хозяйственной политики, в том числе с учетом особенностей своего района, обсуждение докладов совета и правления районного союза, выборы районного совета.

Осенью 1921 г. на Кубани была в основном сформирована организационная структура потребительской кооперации. Первичными ее ячейками стали городские и сельские потребительские общества. При этом, последние преобладали количественно, что объяснялось аграрным характером Кубани. Общее их количество составляло 496 обществ, в то время как городские насчитывали только 22 общества [11].

Несмотря на провозглашенные в условиях НЭПа принципы свободного развития кооперации, руководство РКП (б) стремилось к ее подчинению, путем обеспечения преобладания представителей компартии в органах управления кооперативными организациями. Первым шагом в этом направлении являлось решение об обязательном участии сельских коммунистов в кооперации по месту жительства. Так, уже в июне 1921 г. III Кубано-Черноморская областная конференция РКП (б) своим постановлением обязала коммунистов, живущих в станице, стать членами кооперации [12]. Данные коммунисты, чаще всего, являясь бывшими батраками или красноармейцами, не могли показать пример умелого хозяйствования и не пользовались авторитетом среди крестьян.

Следует отметить, что численный состав сельских коммунистов не позволял охватить партийным влиянием большую часть потребительских обществ, а во многих селах и станицах члены РКП(б) вообще отсутствовали. Поэтому с осени 1921 г. начинают осуществляться партийные мобилизации с максимальным использованием потенциала партийной организации Юго-Восточного края, насчитывающей в начале 1922 г. около 44 тыс. чел. [13].

В ходе мобилизаций многие работающие на городских предприятиях и в учреждениях коммунисты по распоряжению партийных органов назначались на различные должности в сельские организации, в том числе и в кооперацию. Однако все попытки внедрения «коммунистов-назначенцев», как правило, заканчивались неудачей в силу неспособности последних овладеть кооперативным делом.

Убедившись в том, что методами «кавалерийской атаки» задачи не решить, руководство РКП (б) приступило к более планомерным и систематическим мерам по овладению кооперацией. В том числе на XI съезде РКП (б), состоявшемся в марте-апреле 1922 г., было принято решение об организации при губернских комитетах партии постоянных кооперативных совещаний. В выборных органах кооперации учреждались коммунистические фракции, а в кооперативных предприятиях и учреждениях, а также в первичных объединениях производственной кооперации - партийные ячейки. Задачей этих яче-

ек становилась постановка партийной работы как среди членов, так и среди объединенных в кооперации масс [14].

После организационной подготовки руководство большевистской партии приступило к планомерному завоеванию органов кооперации. Главную роль в осуществлении партийного руководства кооперацией на Северном Кавказе играло Юго-Восточное бюро ЦК РКП (б), которое осуществляло жесткий контроль за ходом выборов в руководящие органы кооперации. Так, в феврале 1922 г. бюро своим постановлением отложило созыв краевого съезда потребительской кооперации, предложив Центросоюзу усилить работу по проведению перевыборов губернских союзов на местах [15].

С использованием таких административных мер в ходе выборов коммунисты получили большинство во всех руководящих органах кооперации. В Кубано-Черноморской области коммунисты сумели добиться перевеса в один голос в правлении Кубанского союза потребительских обществ, при этом один из коммунистов стал председателем Кубсоюза. Руководящие органы в райотделах были также охвачены коммунистическим влиянием [16]. В низовой потребкооперации Кубани коммунисты составляли 21% членов правлений ЕПО, 29,5 % ревизионных комиссий [17].

К началу 1923 г. большевистской партии удалось обеспечить руководящие позиции в органах управления потребительской кооперации на Кубани. Добиться этого удалось путем использования административных методов, хотя и при внешнем соблюдении законности. Вытеснение из руководящего состава кооперации авторитетных и опытных специалистов кооперативного дела отрицательным образом отразилось на ее дальнейшем развитии.

Примечания

1. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: – Т.1. – М., 1957. – С. 219-220.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф.263. Оп.1. Д.406. Л.197.
3. ГАКК. Ф.263. Оп.1. Д.406. Л.2.
4. Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. – Краснодар, 1993. – С. 477.
5. ГАКК. Ф.157. Оп.1. Д.127. Л.161.
6. ГАКК. Ф.263. Оп.1. Д.406. Л.9.
7. Там же. Л.8.
8. ГАКК. Ф.263. Оп.1. Д.403. Л.25.
9. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф.1. Оп.1. Д.185. Л.9.
10. ГАКК. Ф.263. Оп.1. Д. 406. Л.219.
11. Кооперация о самой себе. Предварительные итоги анкеты органов управления к IV сессии Совета Центросоюза. – М., 1921. – С. 29.
12. Коллективизация сельского хозяйства на Кубани (1918-1927 гг.). Сборник документов и материалов. – Краснодар, 1959. – С. 68.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф.17. Оп.14. Д.1001. Л.5.

14. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. – Т.2. – С. 516-517.
15. РГАСПИ. Ф.65. Оп.1. Д.67. Л.164.
16. РГАСПИ. Ф.17. Оп.14. Д.1001. Л.87.
17. ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.202. Л.268.

Е.В. Панарина
(г. Армавир)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Приближение празднования 70-летнего юбилея Великой Победы способствовало активизации исследований по различным проблемам Великой Отечественной войны. В многочисленных публикациях с использованием современных подходов и методологических позиций рассматриваются боевые подвиги советских воинов и деятельность тыла по оказанию помощи фронту, анализируются малоизученные страницы военной истории. Как известно, в годы войны, наряду с государственными органами, большую роль в победе над агрессором сыграли общественные организации. В предшествующей и современной литературе детально рассмотрена деятельность партийных и комсомольских организаций.

Вместе с тем, по-прежнему в историографии Великой Отечественной войны неоправданно мало места занимает деятельность профессиональных союзов, которые являлись самой массовой общественной организацией страны. Изучение деятельности северокавказских профсоюзов в годы войны показывает активное участие этой организации в выполнении напряженных производственных заданий военного времени, в движении по оказанию помощи фронту и в решении проблем жизнеобеспечения мирного населения.

Важнейшим направлением деятельности северокавказских профсоюзов являлась производственно-массовая работа. Будучи непосредственно связанными с трудовыми коллективами, профсоюзные организации играли серьезную роль в деле повышения производительности труда, эффективного использования материальных и трудовых ресурсов. Организация производственно-массовой работы проводилась на основе довоенного опыта, использования таких форм самодеятельности трудовых коллективов, как стахановское движение, соревнование по профессиям, движение многостаночников, внутриотраслевое соревнование и другие. В связи с этим, считаем неверным утверждение О.К. Синдянкиной о том, что «годы войны – единственный период, когда социалистическое соревнование оправдало возложенные на него ожидания – способствовало повышению производительности труда и росту

промышленных показателей...» [1]. На наш взгляд, социалистическое соревнование в годы войны по всем составляющим сохранило преемственность с довоенным периодом, но содержание его организации приобрело военно-патриотическую направленность.

Профсоюзные организации Северного Кавказа приняли активное участие в решении проблемы нехватки трудовых ресурсов, провели комплекс мероприятий по вовлечению на производство женщин, молодежи и ветеранов труда, создали условия для подготовки новых рабочих кадров. В результате принятых мер в Ставропольском крае удельный вес женщин в общей численности рабочих и служащих к концу войны составлял 58 % [2]. В первые месяцы войны на Кубани было трудоустроено 556 инвалидов войны [3]. С каждым годом войны их число увеличивалось. На производство также пришли десятки тысяч молодых людей. Профсоюзные комитеты оказывали им необходимую помощь в овладении рабочими профессиями путем наставничества, организации стахановских школ.

Большое значение в деятельности северокавказских профсоюзов приобрела популяризация починов, направленных на экономию трудовых ресурсов, таких как лунинский, агарковский и другие. Проводимые профсоюзными комитетами производственные совещания реально способствовали развитию рационализаторства, внедрению многих ценных предложений в производство. К примеру, на краснодарском комбинате «Главжирмасло» в начале 1944 г. поступило 129 предложений, что дало экономический эффект - 134 тыс. руб. и выполнение производственной программы на 197,6 % [4].

Повышенное внимание в профсоюзной работе уделялось вопросам восстановления сил и здоровья раненых и больных воинов. Северный Кавказ являлся крупнейшей госпитальной базой страны, где одновременно могли лечиться свыше 93 тыс. воинов [5]. Профсоюзные организации Северного Кавказа добивались повышения качества медицинского обслуживания, внедрения передовых методов диагностики и лечения, обеспечения должного уровня материальных и бытовых условий деятельности госпиталей. Широкое развитие в годы войны получила шефская помощь, которую оказывали госпиталям трудовые коллективы предприятий и учреждений. При непосредственном участии профсоюзных организаций на Кубани после оккупации было оснащено необходимым оборудованием свыше 20 госпиталей [6]. В Ставропольском крае за период войны для раненых бойцов профсоюзы организовали 3293 шефских концерта [7]. Основными результатами работы стало восстановление здоровья раненых бойцов, из которых около 80% возвращались затем в действующую армию [8].

Северокавказские профсоюзы приняли активное участие в создании фонда обороны, сборе средств на строительство военной техники, проведении подписки на военные государственные займы. Фабрично-заводские и местные комитеты проводили в трудовых коллективах необходимую разъяснительную работу. Большинство рабочих и служащих перечисляли в фонд обороны свои

сбережения, средства, заработанные в сверхурочное время, за счет экономии ресурсов, от внедрения рационализаторских предложений и т.п. При проведении подписки на военные государственные займы трудящиеся и население Северного Кавказа значительно превышали задания. К примеру, в Ставропольском крае сумма подписки на второй государственный заем составила 133 746 тыс. руб. вместо 70 млн. руб. по плану [9]. В Краснодарском крае было получено 273 115 тыс. руб. [10].

Большое внимание уделялось профсоюзами работе по организации сбора подарков и теплых вещей, которые затем отправлялись на фронт. Трудовые коллективы Кубани осуществляли шефство над 4-м Гвардейским кавалерийским корпусом, Ставрополя – над 2-м Гвардейским кавалерийским корпусом и 30 Гвардейской кавалерийской дивизией. Так, весной 1942 г. трудящиеся Ставрополя направили в действующую армию 41 вагон с подарками [11], а трудящиеся Кубани - 69 вагонов [12].

Одним из основных направлений в деятельности профсоюзных организаций в годы войны было участие в решении социальных проблем населения. Северокавказские профсоюзы осуществляли комплекс мер по обеспечению принципа социальной справедливости при распределении продуктов питания и промышленных изделий, контролировали деятельность карточных бюро, отделов по рабочему снабжению, торговых точек и предприятий общественного питания. Большую работу при этом проделали общественные контролеры, которые избирались из числа профсоюзных активистов. К примеру, в профсоюзных организациях работников государственных учреждений Краснодарского края к концу войны действовало 111 общественных контролеров, работа которых способствовала обеспечению прав служащих [13].

Профсоюзные организации участвовали в создании дополнительных источников питания, развивая подсобные хозяйства, индивидуальное и коллективное огородничество, добивались от администрации предприятий и учреждений создания нормальных условий для их деятельности, непосредственно занимались распределением участков, оказанием помощи работникам, занятым в подсобных хозяйствах и огородникам. Результатом этой работы стало улучшение продовольственного обеспечения трудящихся. К примеру, коллектив санатория №7 Кавминвод сумел собрать в своем подсобном хозяйстве до 10 т различной продукции, что дало возможность улучшить рацион питания персонала и больных [14].

Значительные усилия предприняли профсоюзы в решении вопросов охраны здоровья и создании нормальных жилищно-бытовых условий для трудящихся. Жилищно-бытовые комиссии профсоюзных комитетов проводили работу по наделению нуждающихся рабочих и служащих жильем. Профсоюзные организации из средств социального страхования оказывали трудящимся необходимую помощь в случае болезни и производственного травматизма, организовывали на предприятиях здравпункты и ночные профилактории. Осуществление этих мер способствовало улучшению здоровья населения.

Профсоюзные организации уделяли серьезное внимание оказанию помощи наименее защищенным слоям населения. Особой заботой пользовались семьи военнослужащих, на поддержку которых выделялись значительные в условиях военного времени средства. В своей практической работе фабрично-заводские и местные комитеты занимались вопросами учета семей военнослужащих, выявляли больных и особо нуждающихся, выделяя им материальную помощь, помогая в трудоустройстве, обеспечении индивидуальными огородами, жильем и топливом. К примеру, в феврале 1944 г. практически все семьи военнослужащих г. Краснодара получили талоны на приобретение одежды и обуви [15], а работниками местной промышленности Ставрополя было для них изготовлено 270 пар обуви и отремонтировано 357 пар [16].

Северокавказские профсоюзы приняли участие в решении проблемы материнства и детства. При профсоюзных комитетах были созданы женские советы, которые непосредственно занимались вопросами оказания помощи беременным, кормящим и многодетным женщинам. Члены женсоветов устанавливали систематическую связь с нуждающимися женщинами, посещали их квартиры, принимали меры по улучшению жилищно-бытовых условий, участвовали в воспитании детей. На предприятиях профсоюзные комитеты контролировали выполнение законов о рабочем дне и предоставлении льгот беременным и кормящим женщинам, создавали им соответствующие условия для работы. В Краснодаре в 1944 г. были открыты две женские консультации, два акушерских пункта, на крупных предприятиях гинекологические кабинеты [17].

Профсоюзы осуществляли заботу о детях-сиротах, организовывали шефство над детскими домами. В 1944 г. только со стороны профсоюзных организаций медицинских работников Кубани было направлено в фонд помощи детям-сиротам 5 тыс. руб. [18]. Большие средства выделялись из профбюджета на оздоровление детей и подростков. Важным направлением в работе профсоюзов являлось устройство детей в ясли и детсады. Поиск и оборудование помещений, обеспечение воспитателями, снабжение топливом – все эти вопросы решались профсоюзами [19]. Во многом благодаря этим усилиям профсоюзов, население Северного Кавказа сумело выстоять в период тяжелейших испытаний.

Таким образом, профсоюзы Северного Кавказа внесли весомый вклад в победу над врагом. Значительные масштабы работы, проделанной профсоюзными организациями в производственной и социальной сферах, активное участие в патриотических движениях по оказанию помощи фронту, демонстрируют высокие результаты их деятельности в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

1. Синдянкина О.К. Профсоюзные организации Мордовии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2011. – № 2. – С. 72.

2. Ставрополье за 50 лет. Сборник статистических материалов. – Ставрополь, 1968. – С. 156.
3. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. Хроника событий. – Кн. 1. – Краснодар, 2000. – С. 206.
4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф. 1072. Оп. 1. Д. 2368. Л. 45.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 603. Оп.1. Д. 1. Л. 8.
6. РГАСПИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 60.
7. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 864. Л. 50.
8. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. 2570. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.
9. Селюнин В.А. Юг России в войне. 1941-1945 гг. – Ростов н/Д, 1995. – С. 115.
10. Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне. 1941–1945: Сборник документов и материалов. Краснодар, 1965. – С. 223.
11. Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. – М., 1985. – С. 196-197.
12. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. Хроника событий. Кн.1. – Краснодар, 2000. – С. 249.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 1444. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.
14. ГАСК. Ф. 2570. Оп. 1. Д. 15. Л. 55 об.
15. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 2398. Л. 5.
16. ГАСК. Ф. 2771. Оп. 1. Д. 13. Л. 42.
17. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 2560. Л. 4.
18. ГАКК. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.
19. Власова П.А., Панина Г.А. Профсоюзные организации Челябинской области и проблемы социальной защиты женщин в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 34. – С. 92.

А.А. Боташ
(г. Армавир)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ ПОСЁЛКА МОСТОВСКОГО

Вероломное нападение фашистской Германии на СССР являлось во многом неожиданным для простых людей. Ведь советская пропаганда активно внушала им мысль о силе и мощи Красной Армии, о быстром разгроме любого агрессора. К тому же войне предшествовало два года дружеских отношений с Германией. Поэтому впервые дни и недели наблюдались проявления растерянности и даже паники. Сложившаяся ситуация требовала усиления разъяснительной работы с населением, объяснения целей и задач, стоящих перед страной в условиях войны. Уже 23 июня 1941 г. перед зданием Сельсовета в п. Мостовском, состоялся массовый митинг. Несокрушимая воля к победе, уверенность в ней прозвучала во всех выступлениях жителей села.

В условиях начавшейся войны необходимо было разработать про-

грамму первоочередных мер по отпору агрессии, по перестройке всей жизни страны на военный лад. Ведущая роль в этом процессе в годы войны принадлежала Коммунистической партии, в руках которой сконцентрировались все нити руководства обществом.

В основу перестройки была положена директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 года «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» [1]. Уже 22 июня 1941 года бюро Краснодарского горкома партии разработало первоочередные меры, связанные с мобилизацией и обеспечением бесперебойной работы жизненно важных служб.

В крае была объявлена массовая мобилизация в армию. Одновременно быстро росло число заявлений в военкоматы от добровольцев. В условиях начавшейся войны необходимо было разработать программу первоочередных мер по отпору агрессии, по перестройке всей жизни страны на военный лад. Уже 22 июня 1941 года бюро Краснодарского горкома партии разработало первоочередные меры, связанные с мобилизацией и обеспечением бесперебойной работы жизненно важных служб [2].

За годы войны из Мостовского было призвано в армию около 600 человек, в том числе добровольцев 275 человек. Особое место в мобилизации играли партийные и комсомольские мобилизации на фронт, например к февралю 1942 г. из числа мобилизованных сельчан коммунисты составляли 41,1 % от общей численности мобилизованных [3].

Осенью 1941 г. по приказу Ставки ВГК в СКВО в Краснодарском крае начинают формироваться добровольные казачьи соединения. Каждый район создавал свою сотню. Колхозы обеспечивали казачьи сотни продовольствием, обмундированием, отборным конским составом и холодным оружием. 1 января 1942 по приказу Ставки ВГК из казачьих подразделений был образован 17-й казачий кавалерийский корпус. В составе корпуса воевали такие казаки села Мостовского: М.Г. Ростовцев, М.М. Милованов, В.М. Пензев, А.И. Колпаков, П.В. Говоров, И.П. Королев, А.А. Гладков и др. [4].

23 июня 1941 г. приказом командующего Северо-Кавказским военным округом Краснодарский край был переведён на военное положение. На следующий день, то есть 24 июня, военное положение было объявлено в Мостовском. Война потребовала резкого усиления военно-организационной работы.

В августе 1941 г. среди колхозного крестьянства Мостовского широко развернулось движение за отчисление в народный фонд обороны трудодней. Колхозники ежемесячно отчисляли на оборону по одному, два и более трудодней. Однако колхозное крестьянство, так же как и рабочие, для усиления помощи фронту стремилось использовать все возможности, все имеющиеся резервы.

Война потребовала коренной перестройки работы народного хозяйства. 29 июня 1941 г. была принята директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б). Красной нитью в ней проходило требование к партийным, советским и хозяйственным руководителям: «Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу

всех предприятий...» [5]. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» с первых дней войны стал определять жизнь и труд колхозников Мостовского, как и всего советского народа. Требовалось обеспечить бесперебойное снабжение фронта необходимой сельскохозяйственной продукцией. В условиях нехватки рабочих рук из-за массовых мобилизаций на фронт к уборке урожая 1941 г. были привлечены не только женщины, но и дети и пенсионеры. От них требовалось работать не только за себя, но и за ушедших на фронт, и они проявляли подлинный патриотизм и массовый героизм, ломая привычные представления о возможностях человека.

8 августа 1942 года немцы ворвались в село. Многие жители ушли в лес в партизанские отряды и находились там до освобождения села. Партизанские отряды Мостовского района принимали активное участие в боях [6].

Узнав о разгроме армии Паулюса под Сталинградом, фашисты оставили село и горные станицы. Их отход напоминал бегство. Уходя, они уничтожали все постройки, питание и т.д. Село горело, рвались снаряды, мины и бомбы. Взорваны были мастерские МТС, где был склад боеприпасов.

Фашисты взорвали и сожгли больницу, здание почты, райисполком, склады «Заготзерно», выломали пол и стены в Раймаге, «загадили» кинотеатр, сожгли внутренние части двух кирпичных школ, одну двухэтажную школу разрушили полностью. Стоит сказать, что в школах был размещён немецкий госпиталь.

Была уничтожена изгородь парка, а сам парк превращён в кладбище немецких солдат. Железнодорожный мост через реку Лабу, строительство которого только что закончили перед оккупацией, был взорван.

Немцы расстреляли более 120 человек (эвакуированные еврейские семьи), заставили их самих рыть себе могилу. Погибло много и жителей села. Козьякова Мария и Валя Вербина, были схвачены при выполнении задания партизан. Был расстрелян и Георг Пахло. Самые страшные пытки перенесла Валя Вербина, которой немцы загоняли иголки под ногти, рвали волосы, избивали и насиловали. Она ни слова не сказала о своих товарищах [7].

Были подготовлены списки активистов, коммунистов, комсомольцев и членов их семей к расстрелу. В составлении списков принимали участие местные жители, которые перешли на сторону фашистов. Среди коллаборационистов были пострадавшие от советской власти жители села, вынужденные отдать своё имущество колхозам. Но была и другая групп предателей, которые действовали не в силу своих убеждений и ненависти к Советам, а стремящихся хорошо устроиться при новом режиме, получить должности, богатство, а так же сохранить свою жизнь.

Успехи советских войск, изменили планы фашистов, по спискам не все были расстреляны, предатели покидали село вместе со своими хозяевами.

После освобождения от захватчиков, в селе начались строительные и восстановительные работы. Село переходило в положение тыла, а, следовательно, оставшиеся жители должны были трудиться для достижения победы, обеспечивая фронт продуктами питания, укрепляли обороноспособность страны.

Исключительно трудная обстановка сложилась в освобождённых районах Кубани, в том числе и в Мостовском, с семенами зерновых. В период оккупации ценный сортовой материал был вывезен, расхищен или смешан с рядовым зерном. Сортового хозяйства практически не стало. Колхозы освобождённого Мостовского совсем не имели семенных фондов. Чтобы не сорвать сев, был организован сбор зерна у населения.

Но, несмотря на все тяготы восстановительного периода, буквально с первых дней освобождения Мостовского, на его территории восстанавливали работу комиссии фонда обороны. Краевая газета «Большевик» в мае 1943 г. писала: «Помощь фронту в дни Отечественной войны занимает первое место во всей жизненной деятельности Кубани. Под лозунгом «Больше хлеба фронту» был успешно проведён весенний сев. Несмотря на тяжёлые условия этой весны в результате немецкой оккупации, колхозы, выполнили правительственный план сева на 103 % [8].

Успехи Красной Армии зимой-весной 1943 г. вызвали новый подъём патриотизма у советских граждан, по всему Советскому Союзу с новой силой развернулось патриотическое движение по сбору средств на построение танковых колонн и эскадрилий для Красной Армии. В справке Крайисполкома о помощи трудящихся Кубани Красной Армии от 20 августа 1943 г. отмечалось, что «несмотря на разорение, нанесенное городам и сёлам Кубани, колоссальный личный ущерб, причинённый гражданам Краснодарского края, рабочие, крестьяне, служащие и советская интеллигенция приняли самое активное участие в этом движении. Было собрано на танковые колонны и эскадрильи 36 790 тыс. руб. деньгами, на 22 833 тыс. руб. облигациями. Кроме того, было еще собрано 9441 тыс. руб. в фонд обороны страны» [9]. Свою лепту внесли и жители Мостовского.

Восстанавливать хозяйство было очень трудно. Приходилось пахать и возить грузы на коровах. У школ не было летних каникул, вместо них – пятая трудовая четверть. Уже к концу войны колхозы станицы достаточно окрепли, хотя по-прежнему ощущалась нехватка техники. Но, несмотря на это годовые планы по сбору урожая постоянно перевыполнялись на 15-20 %.

Таким образом, развитие Мостовского в годы Великой Отечественной войны было подчиненно «законам военного времени». Население села приняло активное участие в борьбе с фашизмом, много мостовчан погибло на фронтах войны.

Тяжким временем для жителей стали месяцы оккупации, в течение которых от рук фашистов погибло более 200 человек (Мостовское и его округа), были разрушены многие хозяйственные, общественные и жилые помещения. Однако уже впервые дни после освобождения села, в тяжёлых условиях, началось восстановление колхозов, которые внесли свой вклад в Победу над фашизмом.

Примечания

1. Директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 года «Партийным и со-

ветским организациям прифронтовых областей» // Великая Отечественная война 1941-1945. – М., 1985. – С. 63.

2. Новейшая история Кубани XX века // И.И. Алексеенко, О.И. Алексеенко, В.В. Латкин, Б.С. Сармабехьян. – Краснодар, 2011. – С. 146.

3. Семёнов М. Наша малая родина и её история // Предгорье. – 2004. – 10 августа. – С. 3.

4. Войцеховский Р. В памяти народной // Предгорье. – 1985. – 16 февраля. – С. 3.

5. Вклад кубанцев в победу над фашистами. – Краснодар, 1996. – С. 24.

6. Евсина Н.С. Подвиг мостовичан в годы ВОВ // Предгорье. – 2012. – 9 мая. – С. 3.

7. Там же.

8. История Кубани XX век: Очерки // А.М. Авраменко, А.В. Баранов, Ю.А. Болдырев, и др. – Краснодар, 1998. – С. 173.

9. Справка Крайисполкома о помощи трудящихся Кубани Красной Армии от 20 августа 1943 г // Кубань-фронту. 1941-1945: документальный альбом. – Краснодар, 2009. – С. 222-223.

С.А. Поротова

(г. Армавир)

**ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ВЫЖИВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
(на примере советских женщин периода
Великой Отечественной войны)**

Мировые войны XX века внесли свои коррективы в жизненное пространство населения земного шара. Многие вещи, казавшиеся до этого невозможными, стали вполне реальными. В условиях военного времени руководство европейских государств всё больше стало рассчитывать на женский ресурс, призванный ликвидировать дефицит рабочей силы в условиях массовой мобилизации мужчин в армию: миллионы женщин осваивали «мужские» профессии, стояли у станков на заводах, жили по расписанию гудка, сигнала о начавшейся бомбардировке [1]. Вторая Мировая война в истории гендерных отношений стала своего рода пограничным пунктом, едва ли не перевернувшим с ног на голову представления о положении и роли женщины не только в российском, но и европейском обществе.

С началом войны сотни тысяч советских женщин стали записываться в действующие армии, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное – утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества. Учитывая стремление женщин принимать непосредственное участие в вооруженной борьбе, и для того, чтобы придать их патриотическому движению более планомерный и организованный характер, ГКО принял ряд постановлений о мобилизации женщин и девушек для несения военной службы в таких родах войск, как противовоздушная оборона, военно-автомобильные дороги, связь, войска внутренней охраны. Большую мобилизационную работу провёл ВЛКСМ.

Красная Армия стала первой армией Европы XX века, включавшей в себя отдельные женские боевые подразделения на регулярной основе. Официальная российская историография предполагает, что общая численность женщин, вовлеченных в боевые действия на стороне СССР, составляет 800 000 человек [2].

Многие тысячи советских женщин и девушек отважно сражались в Военно-Воздушных Силах. В 1942 г. из женщин-добровольцев было сформировано три авиационных полка, прошедших славный боевой путь. Немало женщин служило и в других частях советской авиации. В 1944 г., например, в 13-й Воздушной армии Забайкальского фронта служили 1 749 женщин и девушек [3].

Советской армии оказывали огромную помощь народные мстители-партизаны и подпольщики. Пример самоотверженной борьбы с оккупантами показали партизанки Подмосковья. Известно, что в партизанском движении Московской области было 150 женщин. Большой вклад в борьбу с оккупантами внесли женщины и девушки, работавшие в разведке партизанских формирований. Эта работа была связана с невероятными трудностями и повседневным риском для жизни. Символом бесстрашия и отваги партизанских разведчиков стало имя московской комсомолки Зои Космодемьянской.

В Москве начал работать ряд школ по обучению женщин, девушек военным специальностям. Центральная женская школа снайперской подготовки дала фронту 1061 снайпера и 407 инструкторов снайперского дела. Московский центр ПВО подготовил сотни разведчиц, связисток, артиллеристок, прибористок, дальномерщиц, шоферов, трактористок, радисток, прожектористок. На примере Москвы подобные школы стали открывать во всех регионах Союза. Показательно в этом плане Постановление крайкома ВКП (б), принятое 6 марта 1942 года, «О подготовке кадров массовых профессий железнодорожного транспорта из женщин по Тихорецкому и Краснодарскому ж. д. отделениям». В нём отмечалось: «Организовать социалистическое соревнование между предприятиями, отдельными учащимися... за успешную подготовку кадров из женщин для железнодорожного транспорта. Поставить перед коммунистами, комсомольцами Краснодарского края обучить в 1942 году своей профессии одного из членов семьи – жену, дочь, сестру»[4].

Самым тяжелым испытанием для советских женщин стала оккупация, во время которой женщина становилась потенциальной жертвой насилия. Во избежание насилия многие советские женщины и девушки сознательно уродовали себя. Одна из девушек, которой довелось жить в оккупированной деревне, вспоминала: «Когда мы узнали, что полностью окружены немцами, мы с сестрами в первый же вечер обрезали свои косы. Жалко было, но жизнь дороже. Девочки каждый вечер мазали лицо сажей, а я в некоторых местах поцарапала лицо, чтобы сочли некрасивой. Только благодаря этому нас не трогали – брезговали, благодаря этому мы остались живы» [5].

К сожалению, не всем девушкам так «повезло». Из-за возникших трудностей, катастрофической нехваткой продовольствия, многие из них были вынуждены продавать себя, чтобы хоть как-то прокормить семью; другие,

перешагнув через себя, сожительствовавали с оккупантами, ночами тайно передавая продукты родным, что чаще всего заканчивалось самоубийством.

На основе вышеизложенного материала можно выделить следующие варианты выживания женщин в условия военного времени:

1. борьба: в первую очередь, это, конечно же, участницы самих военных действий – летчицы, зенитчицы, снайперы и т.д.;

2. смирение: здесь основополагающей становится деятельность тружениц тыла – работа на заводе, замена мужчин в сельском хозяйстве, освоение «мужских профессий», то есть не открытая война, а помощь фронту;

3. приспособление: «насаженное» смирение, обусловленное невозможностью использования других форм выживания – продажа себя, деятельность в концлагерях.

Итак, Вторая Мировая война – это переломный момент в истории женщин и женского движения, время выхода «слабого пола» на мировую арену, когда девушки, женщины порой становятся с мужчинами в один ряд, а порой и немного впереди. Это время изменения исторического мировоззрения на сложившиеся стереотипы и правила поведения, как в странах Европы, так и на территории Советского Союза.

Примечания

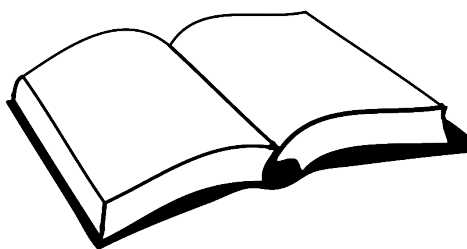
1. Назаров С.В. Мировые войны XX века и проблема изменения временных категорий // Темпоральность исторического пространства / отв. ред. М.С. Бобкова. – М.: ИВИ РАН, 2009. – С. 97.

2. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: женщины России в войнах. – М., 2002. – С. 256.

3. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне // Видео-портал www.a-z.ru [электронный ресурс]. – URL: <http://www.a-z.ru>.

4. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. / сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Советская Кубань, 2000. – Кн. 1: Хроника событий 1941-1942 гг. – С. 61.

5. Российские женщины во Второй Мировой Войне // Acción Positiva [электронный ресурс]. – URL: <http://accion-positiva.ucoz.es>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абушаев Игорь Игорьевич – аспирант кафедры Истории Отечества и культуры, СГФ, СГТУ им. Гагарина Ю.А., г. Саратов.

E-mail: art-abu@mail.ru

Абушаева Ольга Вячеславовна – аспирант кафедры Истории Отечества и культуры, СГФ, СГТУ им. Гагарина Ю.А., г. Саратов.

E-mail: art-abu@mail.ru

Агеева Полина Владимировна – магистрантка 2 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета по программе «Историко-регионоведческое образование».

E-mail: polina.ageeva1991@yandex.ru

Анбиндер Каролина Николаевна – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.

E-mail: anbinder71@mail.ru

Арутюнян Акон Жораевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета.

E-mail: hakobinna@rambler.ru

Беликов Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории факультета истории, философии и искусств Гуманитарного Института Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: abelikov@rambler.ru

Болгов Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Болгова Анна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Боташ Александр Андреевич – магистрант 2 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета по программе «Историко-регионоведческое образование».

E-mail: botash-a@mail.ru

Волошин Дмитрий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.

E-mail: voloschindim@mail.ru

Галкина Елена Вячеславовна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и теологии Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: galkina_e@rambler.ru

Геворкян Артур – магистрант 2 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета по программе «Историко-регионоведческое образование».

E-mail: ak-dag@mail.ru

Гришюкина Наталья Борисовна – соискатель Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета.

Грицких Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры криминологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел им. Э.А. Дидоренко.

E-mail: i.v.gritskih@mail.ru

Гуроклян Сергей Юрьевич – учитель истории МОУ-СОШ № 15 г. Армавира.

Денисова Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, заведующая музеем истории НИУ «БелГУ».

E-mail: eivv@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа.

E-mail: dudarev51@mail.ru

Дударев Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.

E-mail: dudarev324@gmail.com

Дьякова Елена Васильевна – доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды.

E-mail: elena_djakova@mail.ru

Емельянов Олег Борисович – кандидат исторических наук, Ессентукский филиал Ставропольского педагогического института.

E-mail: layla-em@yandex.ru

Емельянова Лайла Алимовна – кандидат исторических наук, учитель истории МОУ СОШ № 6 г. Георгиевска.

E-mail: layla-em@yandex.ru

Емельянов Никита Олегович – студент 4-го курса Санкт-Петербургского государственного университета.

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета.

E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Захаров Владимир Александрович – кандидат исторических наук, директор Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, г. Москва.

E-mail: lerma05@list.ru

Казаров Саркис Суренович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Южного Федерального университета.

E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Кравцова Марина Юрьевна – аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.

E-mail: i.v.gritskih@mail.ru

Королева Ирина Андреевна – выпускница исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета.

E-mail: korolevairina2013@yandex.ru

Краснова Ирина Александровна – д.и.н., профессор кафедры археологии и всеобщей истории факультета истории, философии и искусств Гуманитарного Института Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: gorward@mail.ru

Крылова Елена Валерьевна – студентка 2 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета.

Лобачева Галина Викторовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., проректор по учебной работе СГТУ.

E-mail: lgy@sstu.ru

Лобова Елена Сергеевна – магистрантка 2 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета по программе «Историко-регионоведческое образование».

E-mail: krasnov.sil4enko@yandex.ru

Лопатина Марина Юрьевна – лаборант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения, студентка 3 курса отделения «История» историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: 820301@bsu.edu.ru

Назарова Вероника Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.

E-mail: senaza@yandex.ru

Назаров Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.

E-mail: senaza@yandex.ru

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.

E-mail: panarin.arm@mail.ru

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.

E-mail: panarin.arm@mail.ru

Парфенов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина.

E-mail: vparfenov@list.ru

Поротова Светлана Александровна – магистрантка 1 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета по программе «Историко-регионоведческое образование».

E-mail: porotova.swet@yandex.ru

Синица Марина Михайловна – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: sinitsam@mail.ru

Сморчков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: smorchkovtuber@yandex.ru

Степаненко Никита Сергеевич – студент 4 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета.

Тимченко Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела духовно-нравственного развития и здоровьесбережения Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования.

E-mail: DOOMer10@yandex.ru

Чередниченко Андрей Геннадьевич – кандидат философских наук, ответственный секретарь Болгарского информационного культурно-просветительского центра Местной национально-культурной автономии болгар городского округа Феодосия Республики Крым (ОО «МНКАБ ГО Феодосия РК»); докторант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»).

E-mail: tcherednitchenkoag@mail.ru

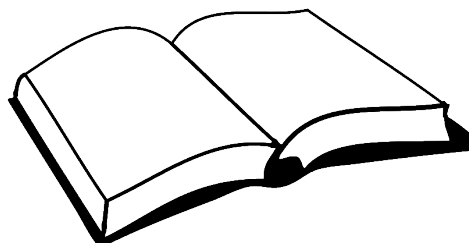
Энзельдт Ольга Станиславовна – магистрант 2 курса исторического факультета Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

E-mail: kuznesova.olia@mail.ru

Summary

The proceedings of the international scientific conference «Third Sirotenskies reading» dedicated to the memory of the outstanding Russian historian, Professor Vasiliy Trofimovich Sirotenko include the articles written by teachers, graduate students, undergraduates from a number of Russian (Armavir, Moscow, Moscow region, St. Petersburg, Krasnodar, Theodosia, Stavropol, Pyatigorsk, Georgievsk, Makhachkala, Rostov-on-Don, Novochoerkassk, Belgorod, Yaroslavl, Saratov, Arkhangelsk, Nizhnevartovsk) and foreign universities (France, Armenia, Belarus, Ukraine). These articles reflect the theme of universal, national and regional history, i.e, those disciplines that were within the scope of scientific and teaching interests of the scientists. They covered topical issues of historical research in a wide territorial and chronological range.

The volume is intended for scientists, university professors, teachers, students and anyone interested in universal and national history.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

III
СИРОТЕНКОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

На обложке: профессор В.Т. Сиротенко

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.И. Грибкова
Компьютерная вёрстка: М.В. Лазарева
Печать и послепечатная обработка: Н.О. Дейко, Э.Э. Хакиев

Подписано к печати 04.09.2015. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 15,31. Уч. изд. л. 15,5. Тираж 300 экз.
Заказ № 79/15.

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35

☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: www.agpu.net

**к 100-летию со дня рождения
В. Т. Сиротенко**

